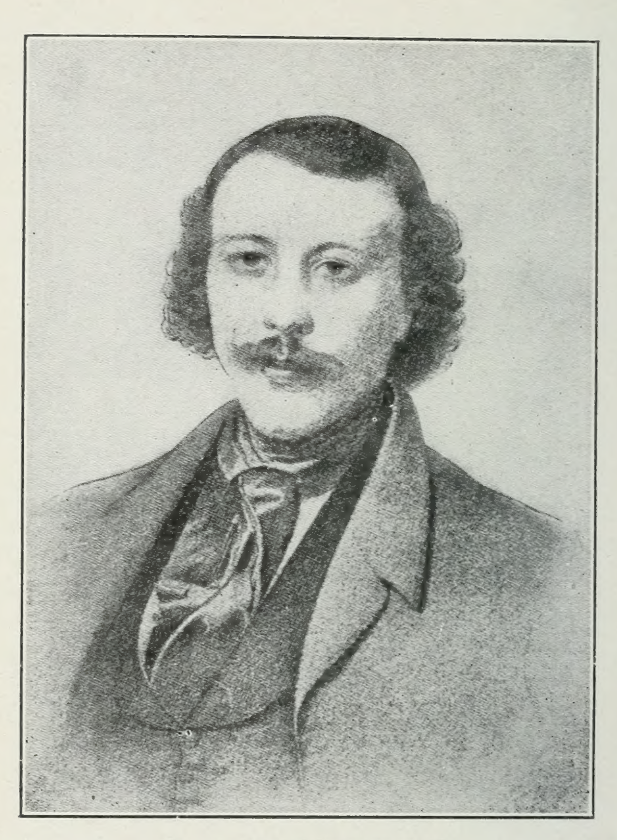

3 1761 05728177 6

М. А. БАКУНИНЪ
въ 1847—48 гг.

М. А. БАКУНИНЪ.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

Томъ первый.

Bakunin, Mikhail Aleksandrovich

М. А. БАКУНИНЪ.

Избранныя Сочиненія

Izbrannuiya sochineniya
(v. 1)

ТОМЪ ПЕРВЫЙ:

Славянскій вопросъ. — Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ. — Политика Интернаціонала. — Письма къ товарищамъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ. — Богъ и Государство. — Народное Дѣло.

СЪ ДВУМЯ ПОРТРЕТАМИ
И БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ В. ЧЕРКЕЗОВА.

487086
3.3.49

Изданіе: Ф. А. К. Г.
1920.

Значеніе Бакунина

ВЪ ИНТЕРНАЦІОНАЛЬНОМЪ РЕВОЛЮЦІОННОМЪ ДВИЖЕНІИ.

»Друзья и враги признають, что онъ былъ великъ мыслями, волею, неизмѣнной энергіею.«

Элизе Реклю. Карло Кафіеро.

Настоящій первый томъ сочиненій М. А. Бакунина составленъ изъ рѣчей, докладовъ и журнальныхъ статей различныхъ періодовъ революціонной дѣятельности великаго борца и мученика за соціальное и политическое освобожденіе трудящихся классовъ и угнетенныхъ національностей.

Политически и философски прекрасно образованный, обладая въ высшей степени яснымъ и увлекательнымъ изложеніемъ, Бакунинъ оставилъ по смерти такое количество рукописей по вопросамъ соціальнымъ, политическимъ и философскимъ, что полное собраніе его сочиненій на французскомъ языкѣ, издаваемое подъ редакціей Джемса Гильома, уже составляютъ шесть томовъ, хотя его знаменитыя пись-

ма къ испанской, итальянской и другимъ федерацiямъ и къ дѣятелямъ Интернацiонала еще не изданы.

Несмотря на такое обилiе произведенiй Бакунина, писательство въ его жизни было дѣломъ второстепеннымъ. Прежде всего Бакунинъ былъ ораторъ, агитаторъ, восторженый инициаторъ революцiонныхъ движенiй, заражавшiй своимъ энтузiазмомъ всѣхъ окружающихъ. Не какъ спокойный ученый философъ Анархiи Бакунинъ увлекалъ рядъ замѣчательныхъ людей различныхъ нацiональностей, а увлекала его обоятельная личность, »его готовность первому идти на исполненiе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствiя« (А. Герценъ, Посмертныя сочиненiя).

Вотъ этого самоотверженнаго и героическаго мыслителя-революцiонера Бакунина намъ и желательно представить русскому читателю въ рѣчахъ, воззванiяхъ и въ краткихъ статьяхъ самаго автора. Его большiя и лучшiя произведенiя: »Государственность и Анархiя«, »Кнуто-Германская Имперiя«, »Политическая Теологiя Мадзини« и другiя составятъ содержанiе трехъ послѣдующихъ томовъ. При самомъ бѣгломъ просмотрѣ этихъ рѣчей и статей, читателю станетъ ясно почему Бакунинъ такъ высоко цѣнимъ эксплуатируемыми и угнетенными и такъ ненавидимъ угнетателями и власть имущими или стремящимися къ власти, включительно до главарей нѣмецкой соцiаль-демократiи, не остановившимися передъ самой черной клеветой на отважнаго революцiоннаго борца въ цѣпяхъ, прикованнаго къ стѣнѣ нѣмецкаго каземата . . .

Для болѣе полнаго выясненiя нашимъ читателямъ значенiя дѣятельности Бакунина для развитiя со-

ціально-революціонныхъ идей вообще, а федеративно-коммунальнаго и коллективизма анархическаго въ особенности, мы приведемъ здѣсь оцѣнку его дѣятельности людьми, посвятившими жизнь, знанія и таланты великому дѣлу соціальнаго и умственнаго освобожденія страждущаго человѣчества.

Вотъ какъ оцѣниваетъ дѣятельность и литературную манеру Бакунина П. А. Кропоткинъ:

»Говоря о Бакунинѣ, слѣдуетъ оцѣнивать его значеніе не по тому, что онъ сдѣлалъ лично, сколько по вліянію, которое онъ оказывалъ на окружавшихъ его людей—на ихъ мысли и на ихъ дѣятельность . . .

»Бакунинъ садился съ цѣлью написатъ брошюру въ отвѣтъ на запросъ дня. Но его брошюра разросталась въ книгу, потому что при его глубокомъ пониманіи философіи исторіи, и съ его громаднымъ запасомъ знанія современныхъ событій, ему приходилось столько сказать, что страницы быстро покрывались одна за другою.

»Если вспомнить все то, что онъ и его друзья—а его друзья были Герценъ, Огаревъ, Мадзини, Ледрю-Ролленъ и всѣ лучшіе люди и дѣятели революціоннаго періода сороковыхъ годовъ въ Европѣ—передумали объ этихъ, пережитыхъ ими драмахъ, надеждахъ, разочарованіяхъ; если вспомнить все, что они пережили во время полныхъ надеждъ 1848-го года и послѣдовавшей- за тѣмъ реакціи,—легко понять, какъ мысли, образы, доводы, почерпнутые изъ знанія **жизни**, должны были роиться въ головѣ Бакунина, и почему его философско-историческія воззрѣнія такъ щедро пересыпаны фактами и сужденіями изъ современной дѣйствительности.

»Любопытно однако, что каждая брошюра Бакунина отмѣчала поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ. Его рѣчь на конгрессѣ »Мира и Свободы« была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма сороковыхъ годовъ закончена, и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни—эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи. Его брошюра, обращенная къ мадзиніанцамъ, возвѣщаетъ конецъ чисто-политической революціонной конспираціи ради національнаго освобожденія и начало соціалистической революціи, а также конецъ сентиментальнаго соціалистическаго христіанства и начало атеистическаго коммунистическаго реализма въ исторіи. Письмо Герцену, объ Интернаціоналѣ и базаровскомъ реализмѣ, имѣетъ тотъ-же смыслъ для Россіи.

»Бернскіе медвѣди«—прощальное слово швейцарскому буржуазному демократизму, и »Письма Французу«, написанныя во время войны 1870—71 года, составляютъ отходную Гамбеттовскому радикализму и возвѣщаніе той новой эры, которую вскорѣ открыла собою Парижская Коммуна, отбросившая идею Луиблановскаго государственнаго соціализма и возвѣстившая новую идею, городского, коммунальнаго коммунизма. Коммуна, встающая на защиту своей территоріи, и начинающая у себя соціальную революцію—вотъ что рекомендовалъ онъ въ этихъ »Письмахъ« противъ Нѣмецкаго вторженія.

»Кнуто-Германская Имперія«,—брошюра, которую такъ ненавидятъ нѣмецкіе соціал-демократы —

пророческій крикъ стараго революціонера, понявшаго уже тогда (1871) весь ужасъ реакціи, которая охватитъ Европу на цѣлые тридцать, сорокъ лѣтъ, вслѣдствіе торжества бисмарковскаго военнаго государства, а съ нимъ вмѣстѣ—и государственнаго соціализма, котораго крестнымъ отцомъ, въ Германіи, былъ тотъ-же Бисмаркъ. Она вмѣстѣ съ тѣмъ означала крутой поворотъ въ сторону безгосударственнаго коммунизма,—анархіи—въ латинскихъ странахъ.

»Наконецъ »Государственность и Анархія«, »Историческое развитіе Интернаціонала« и »Богъ и Государство«,—не смотря на боевую, памфлетную форму, которую они получили, такъ какъ писались ради злобы дня,—содержатъ для вдумчиваго читателя, больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ, университетскихъ и соціаль-государственныхъ, въ которыхъ отсуствіе мысли прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны **думать самостоятельно**, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на **матеріалъ для мышленія**,—какъ на умную бесѣду, вызывающую отъ васъ умственную работу,—тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, а мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ—въ вашей мысли, и за главаремъ—въ вашей дѣятельности.

»Впрочемъ, главная сила Бакунина была не въ его писаніяхъ. Она была въ его личномъ вліяніи на людей. Онъ сдѣлалъ Бѣлинскаго тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ для Россіи: типомъ неподкупнаго революціонера, соціалиста и нигилиста, который воплотился впослѣдствіи въ нашей чудной молодежи семидесятыхъ годовъ. Он возродилъ его.—»Ты мой духовный отец«, писалъ ему самъ Бѣлинскій. А какою громадною силою былъ Бѣлинскій для русскаго развитія—мы знаемъ.

»Въ Парижѣ, въ 1847 году (въ этомъ году его изгнали), и въ Германіи въ 1848 году, его вліяніе на лучшихъ людей своего времени было громадно. Бернардъ Шоу разсказываетъ въ полушутливой формѣ (The Perfect Wagnerite), что въ своемъ Зигфридѣ, не знающемъ страха и увлекающемъ своею любовью Брунгильду, Вагнеръ воплотилъ Бакунина. Онъ воплотилъ, конечно, не Бакунина въ частности, а смѣлаго, дерзкаго революціонера вообще. Но нѣтъ сомнѣнія, что и на Вагнера, какъ и на Жоржъ Зандъ, и на Герцена съ Огаревымъ, и на весь кружокъ соціалистической Франціи, жившій тогда въ Парижѣ, и на молодую Германію, и на Молодую Италію, и на Молодую Швецію, Бакунинъ оказалъ въ свое время громадное вліяніе.—**»Къ нему нельзя было подойти, не заразившись его революціонною горячкою«,** говорили объ немъ его современники.

»Такимъ же оказался онъ когда, бѣжавши въ 1862 году изъ Сибири, онъ появился снова среди своихъ друзей въ Лондонѣ. Герценъ, какъ извѣстно, описалъ его появленіе въ Лондонѣ, и слегка подсмѣивался надъ тѣмъ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ всякихъ славянъ. Весьма возможно, и навѣрно такъ и было,

что Бакунинъ часто возлагалъ больше надеждъ на подходившихъ къ нему людей, чѣмъ они того заслуживали. Но развѣ того же нельзя сказать о Мадзини, о всякомъ искреннемъ революціонерѣ? Оттого, можетъ быть, онъ и обладалъ такою магическою силою, что **вѣрилъ въ человѣка**, вѣрилъ въ то, что великое дѣло, къ которому онъ его пріобщалъ, пробудитъ въ человѣкѣ то, что въ немъ есть лучшаго. И оно дѣйствительно пробуждало, и подъ вліяніемъ Бакунина человѣкъ давалъ революціи въ короткое время все лучшее, на что былъ способенъ.

»Герценъ разсказываетъ въ шутливомъ тонѣ, какъ Бакунинъ пропагандировалъ и посылалъ людей на дѣло. Но правда ли, что онъ дѣйствительно такъ ошибался въ людяхъ? . . . Развѣ люди, которыхъ онъ вдохновлялъ въ Италіи, въ Швейцаріи, во Франціи, развѣ Варленъ, Элизе Реклю, Кафіеро, Малатеста, Фанелли (его эмисаръ въ Испаніи), Гильомъ, Швицгебель и т. д., сгруппировавшіеся вокругъ него въ знаменитой Alliance, не были **лучшіе люди латинскихъ расъ въ эту великую эпоху?** Мнѣ кажется, что его оцѣнка людей была наоборотъ, поразительно вѣрна. Прочтите, напримѣръ, то что онъ писалъ объ Нечаевѣ, котораго и сильныя и слабыя стороны онъ опредѣлилъ такъ поразительно вѣрно, что мы и теперь, ничего не можемъ прибавить къ его оцѣнкѣ. Кто же лучше его понялъ Николая Утина—этого женевскаго божка марксистовъ?

»Еще одно. Всего поразительнѣе, и всего поучительнѣе для насъ—**высокій нравственный уровень** людей, сгруппировавшихся вокругъ Бакунина въ западной Европѣ. Я не зналъ Бакунина, но я зналъ близко большую часть людей, сгруппировавшихся въ

Интернаціоналѣ вокругъ него, и поэтому такъ неумолимо преслѣдовавшихся ненавистью Маркса, Энгельса и Либкнехта. И я смѣло утверждаю, въ лицо ихъ ненавистникамъ, что каждый, изъ выше названныхъ мною дѣятелей федеративнаго Интернаціонала представлялъ собою **крупную нравственную личность.** Исторія, я знаю, подтвердитъ эту характеристику, и конечно выскажетъ при этомъ сожалѣніе, что въ средѣ ихъ противниковъ,—по крайней мѣрѣ въ лицѣ ихъ главныхъ руководителей,—былъ, можетъ быть, умъ, но нравственныя начала не достигали такой же высоты и твердости, какъ среди названныхъ мною друзей Бакунина.

»Что касается, наконецъ, значенія дѣятельности Бакунина въ Интернаціоналѣ, то я охарактеризовалъ роль »бакунистовъ«, говоря въ моихъ »Запискахъ« о Юрской Федераціи.

»Въ эпоху, когда разгромъ Франціи, избіеніе Парижскихъ пролетаріевъ послѣ Коммуны и военное торжество Нѣмецкой Имперіи открыли періодъ реакціи, продолжающейся понынѣ, и когда Марксъ со своими друзьями, съ помощью подпольныхъ интригъ, захотѣлъ обратить всю дѣятельность **рабочаго** Интернаціонала, созданнаго для **прямой** борьбы съ капитализмомъ, въ орудіе парламентской агитаціи на пользу обуржуазившихся соціалистовъ — »бывшихъ людей«—тогда федеративный Интернаціоналъ, вдохновляемый Бакунинымъ, выступилъ единственнымъ, въ то время, оплотомъ противъ обще-Европейской реакціи.

»Ему мы обязаны, въ значительной мѣрѣ тѣмъ, что въ латинскихъ странахъ остался живымъ революціонный духъ, который нашелъ въ **рабочихъ** латин-

скихъ массахъ новую живую силу, чтобы боротъся съ рѣзкимъ поворотомъ на лѣво кругомъ, среди нѣкогда радикальной буржуазіи.

»И—среди этой молодой живой силы, объявившей на свой страхъ, безъ всякой поддержки со стороны буржуевъ, войну всему старому міру,—въ этой средѣ развился наконецъ, современный анархическій коммунизмъ, съ его идеаломъ равенства экономическаго и политическаго и его смѣлымъ отрицаніемъ всякой эксплуатаціи человѣка человѣкомъ.

»Таковы заслуги Бакунина въ исторіи.

Іюнь, 1905 г. П. Кропоткинъ.«

А вотъ характеристика, правда, нѣсколько юмористическая, но все же полная глубокой симпатіи и данная Герценомъ (см. Посмертныя Сочиненія):—

»**15 Октября 1861 г., С.-Франциско.**

»Друзья, мнѣ удалось бѣжать изъ Сибири, и послѣ долгаго странствованія по Амуру, по берегамъ Татарскаго пролива и черезъ Японію, сегодня прибылъ я въ С.-Франциско.

»Друзья, всѣмъ существомъ стремлюсь я къ вамъ и, лишь только пріѣду, примусь за дѣло, буду у васъ служить по **польско-славянскому** вопросу, который былъ моей idee съ 1846 г. и моей **практической спеціальностью** въ 1848 и 1849 гг.

»Разрушеніе, полное разрушеніе Австрійской имперіи будетъ моимъ послѣднимъ словомъ; не говорю дѣломъ, это было бы слишкомъ честолюбиво; для служенія ему я готовъ идти въ барабанщики, или даже въ прохвосты, и, если мнѣ удастся хоть на волосъ подвинуть его впередъ, я буду доволенъ.

»О намѣреніи Бакунина уѣхать изъ Сибири мы знали нѣсколько мѣсяцевъ прежде. Къ новому году явилась и собственная пышная фигура Бакунина въ нашихъ объятіяхъ.

»Въ нашу работу, въ нашъ замкнутый двойной союзъ, взошелъ **новый** элементъ, и то, пожалуй элементъ старый, воскресшая тѣнь сороковыхъ годовъ и всего больше 1848 г. Бакунинъ былъ тотъ-же, онъ состарѣлся только тѣломъ, духъ его былъ молодъ и восторженъ, какъ въ Москвѣ во время всенощныхъ споровъ съ Хомяковымъ; онъ былъ такъ же преданъ одной идеѣ, такъ же способенъ увлекаться, видѣть во всемъ исполненіе своихъ желаній и идеаловъ, и еще больше готовъ на всякій опытъ, на всякую жертву, чувствуя, что жизни впереди остается не такъ много и что, слѣдственно, надобно торопиться и не пропускать ни одного случая. Онъ тяготился долгимъ изученіемъ, взвѣшиваніемъ pro и contra и рвался, довѣрчивый и отвлеченный, какъ прежде, къ дѣлу. Фантазіи и идеалы, съ которыми его заперли въ Кенигштейнѣ въ 1849 г., онъ сберегъ и привезъ ихъ черезъ Японію и Калифорнію въ 1861 г. во всей цѣлости. Даже языкъ его напоминалъ лучшія статьи »Reforme« и »Vraie Republique«*), рѣзкія рѣчи de la Constituante и клуба Бланки. Тогдашній духъ партій, ихъ исключительность, ихъ симпатіи и антипатіи къ лицамъ, пуще всего ихъ вѣра въ близость второго пришествія революціи, все было на лицо.

»Тюрьма и ссылка необыкновенно сохраняютъ сильныхъ людей, если не тотчасъ ихъ губятъ: они вы-

*) Республиканскіе французскіе журналы конца 40-хъ годовъ.

ходятъ изъ нея, какъ изъ обморока, продолжая то, на чемъ лишились сознанія.

»Европейская реакція не существовала для Бакунина, не существовали и тяжелые годы отъ 1848 до 1858; они ему были извѣстны вкратцѣ, издалека, слегка . . . Какъ человѣкъ, возвратившійся послѣ мора, онъ слышалъ о тѣхъ, которые умерли, и вздохнулъ объ нихъ, обо всѣхъ; но онъ не сидѣлъ у изголовья умирающихъ, не надѣялся на ихъ спасеніе, не шелъ за ихъ гробомъ. Совсѣмъ напротивъ, событія 1848 года были возлѣ, близки къ сердцу, подробные и живые разговоры съ Коссидьеромъ, рѣчи славянъ на Пражскомъ съѣздѣ, споръ съ Араго или Руге, — все это было для Бакунина **вчера**, звенѣло въ ушахъ, мелькало передъ глазами.

»Впрочемъ, оно и не мудрено.

»Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Бакунина. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 26 ноября 1847 года, онъ съ головой нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночевалъ у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдывалъ, все проповѣдывалъ коммунизмъ et l'egalite du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ славянъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en permanence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикадъ, дѣлавшій »порядокъ изъ безпорядка«, Коссидьеръ, не зналъ, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумалъ съ Флокономъ отправить его, въ самомъ дѣлѣ, къ славянамъ съ братской акколадой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ.

»Когда я пріѣхалъ въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 года, Бакунинъ въ это время уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрскими монахами, чехами, кроатами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока князь Виндишгрецъ не положилъ пушками предѣла краснорѣчію (и не воспользовался хорошимъ случаемъ, чтобы при сей вѣрной оказіи неподстрѣлить невзначай своей жены). Исчезнувъ изъ Праги, Бакунинъ является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу, поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ; совѣтуетъ имъ Мадонну Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ Пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлиться стрѣлять по Рафаэлю.

»Послѣ взятія Дрездена, начался длинный мартирологъ. Напомню здѣсь главныя черты. Бакунинъ былъ приговоренъ къ эшафоту. Король Саксонскій замѣнилъ топоръ вѣчной тюрмой, потомъ, безъ всякаго основанія, передалъ Бакунина въ Австрію. Австрійская полиція думала отъ него узнать что нибудь о славянскихъ замыслахъ. Бакунина посадили въ Грачинъ и, ничего не добившись, отослали въ Ольмюцъ . . .

»Въ Россіи Бакунинъ былъ посаженъ въ крѣпость. Въ 1854 г. Бакунина перевели въ Шлиссельбургъ, а въ 1857 г. онъ былъ сосланъ въ Восточную Сибирь . . .

»Какъ только Бакунинъ оглядѣлся и учредился въ Лондонѣ, т. е. перезнакомился со всѣми поляками и русскими, которые были на лицо, онъ принялся за дѣло. Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй, демагогіи, къ безпрерывымъ усиліямъ учреждать,

устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, **у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія.**

»Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны.

»Говорятъ, будто Тургеневъ, въ »Рудинѣ« хотѣлъ нарисовать портретъ Бакунина. Но Рудинъ едва напоминаетъ, нѣкоторыя черты Бакунина. Тургеневъ, увлекаясь библейской привычкой, создалъ Рудина по своему образу и подобію. Рудинъ Тургенева—наслушавшійся философскаго жаргона, — молодой Бакунинъ.

»Въ Лондонѣ онъ говорилъ въ 1862 году противъ насъ почти то, что говорилъ въ 1847 году противъ Бѣлинскаго. Бакунинъ находилъ насъ **умѣренными**, не умѣющими пользоваться тогдашнимъ положеніемъ, недостаточно любящими рѣшительныя средства. Онъ, впрочемъ, не унывалъ и вѣрилъ, что въ скоромъ времени поставитъ насъ на путь истинный. Въ ожиданіи нашего обращенія, Бакунинъ сгруппировалъ около себя цѣлый кругъ Славянъ. Тутъ были чехи, отъ литератора Фрича до музыканта, называвшагося Наперсткомъ, сербы, которые просто величались по батюшкѣ: Іоановичъ, Даниловичъ, Петровичъ; были валахи, состоявшіе въ должности славянъ, съ своимъ вѣчнымъ **еско** на концѣ; наконецъ, былъ болгаринъ, лѣкарь въ турецкой арміи, и поляки всѣхъ епархій: бонапартовской, Мѣрославской, Чарторыжской; демократы безъ соціальныхъ идей, но съ офицерскимъ оттѣнкомъ; соціалисты, католики, анархисты, аристократы и просто солдаты, хотѣвшіе гдѣ нибудь подраться, въ сѣверной или южной Америкѣ,

»Отдохнулъ съ ними Бакунинъ за девятилѣтнее молчаніе и одиночество. Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовывалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ табачной золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ: въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлую Криницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого нибудь отсталого далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и том-же. Дѣятельность его и все остальное, какъ гигантскій ростъ, все было не по человѣческимъ размѣрамъ, какъ и онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, со всклокоченной гривой.

»Въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ рѣшительно тотъже кочующій студентъ съ Маросейки, тотъ-же бездомный Bohemien съ Rue de Bourgogne, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, пренебрегая деньгами, бросая ихъ, когда есть, занимая ихъ безъ разбора на-право и налѣво, когда ихъ нѣтъ, съ той простотой, съ которой дѣти берутъ у родителей, безъ заботы объ уплатѣ, **съ той простотой, съ которой онъ самъ отдаетъ всякому послѣднія деньги, отдѣливъ отъ нихъ, что слѣдуетъ, на сигареты и чай.** Его этотъ образъ жизни не стѣснялъ; онъ родился быть бродягой, бездомникомъ. Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопор-

ныхъ мѣщанъ. Его личность, его эксцентрическое появленіе вездѣ: въ кругу московской молодежи, въ аудиторіи берлинскаго университета, между коммунистами Вейтлинга и монтаньярами Коссидьера, его рѣчи въ Прагѣ, его начальствованіе въ Дрезденѣ, процессъ, тюрьма, приговоръ къ смерти, истязанія въ Австріи, выдача его въ Россію,—дѣлаютъ изъ него одну изъ тѣхъ индивидуальностей, мимо которыхъ не проходитъ ни современный міръ, ни исторія.

»Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, ересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ **крайній край**: анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клоотца, другомъ Гракха Бабефа.

»Когда въ спорѣ, Бакунинъ, увлекаясь, съ громомъ и трескомъ обрушивалъ на голову противника облаву брани, которой бы и никому не простили, Бакунину прощали, и я первый.

»Какъ он дошелъ до женитьбы, я могу объяснить только сибирской скукой. Онъ свято сохранилъ всѣ привычки и обычаи **родины**, т. е. студентской жизни въ Москвѣ: груды табаку лежали на столѣ въ родѣ приготовленнаго фуража, зола сигаръ надъ бумагами съ недопитыми стаканами чая; съ утра дымъ столбомъ ходилъ по комнатѣ, отъ цѣлаго хора курильщиковъ, курившихъ точно взапуски, торопясь, задыхаясь, затягиваясь, словомъ, такъ какъ курятъ одни русскіе и славяне. Много разъ наслаждался я удивленіемъ, сопровождавшимся нѣкоторымъ ужасомъ и замѣшательствомъ хозяйской горничной Грассъ, когда она глубокой ночью приносила горячую воду и пятую сахар-

ницу сахара въ эту готовальню славянскаго освобожденія.

»Долго послѣ отъѣзда Бакунина изъ Лондона, въ № 10 Paddington Green, разсказывали объ его житьѣ-бытьѣ, ниспровергнувшемъ всѣ упроченныя англійскими мѣщанами понятія и религіозно принятые имъ размѣры и формы. Замѣтьте при этомъ, что горничная и хозяйка безъ ума любили Бакунина.«

Къ этимъ отзывамъ двухъ знаменитыхъ русскихъ авторовъ мы прибавимъ нѣсколько краткихъ отзывовъ о Бакунинѣ соціалистовъ Западной Европы.

Вотъ великій географъ анархистъ Элизе Реклю, чья долгая трудовая жизнь была чиста, какъ кристалъ, и кто по возвышенности и широтѣ своихъ гуманитарныхъ воззрѣній остается навсегда украшеніемъ человѣчества. Онъ зналъ Бакунина лично; зналъ его въ Интернаціоналѣ, зналъ лекторомъ и публицистомъ. Въ небольшомъ предисловіи къ первому изданію »Богъ и Государство« (Dieue et l'Etat), подписанномъ Э. Реклю и К. Кафіеро, мы читаемъ слѣдующія строки:

»Друзья и враги признаютъ, что онъ былъ великъ мыслями, волею, неизмѣнною энергіею; знаютъ они и то, съ какимъ глубокимъ пренебреженіемъ относился онъ къ богатству, къ общественному положенію, къ славѣ . . . По родственнымъ связямъ принадлежа къ высшему дворянству, онъ одинъ изъ первыхъ примкнулъ къ возмутившимся противъ классовыхъ и расовыхъ интересовъ и предубѣжденій, и отказавшимся отъ личныхъ благъ, вмѣстѣ съ ними онъ велъ суровую битву жизни, съ мрачною тюрьмою, изгнаніемъ и

страданіями—обычнымъ удѣломъ всѣхъ самоотверженныхъ борцовъ . . .

»Среди учащейся молодежи въ Россіи, среди инсургентовъ Дрездена, среди его братьевъ по изгнанію въ Сибири, въ Америкѣ, въ Англіи, во Франціи, въ Швейцаріи, въ Италіи, среди всѣхъ искреннихъ людей, его непосредственное вліяніе было замѣчательно. Оригинальность его мысли, образность и увлекательность его краснорѣчія, его неустанная энергія пропагандиста, вмѣстѣ съ его могущественной фигурой, полной неизсякаемой жизненности, оставили неизгладимое вліяніе среди революціонеровъ повсюду... Переписка Бакунина была необыкновенно обширная. Онъ проводилъ безсонныя ночи за письмами къ друзьямъ и революціонерамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ о способахъ и задачахъ пропаганды, о планахъ подготовки заговоровъ и возстаній, разростались въ цѣлую книгу. Письма эти лучше всего объясняютъ удивительное вліяніе Бакунина на революціонное движеніе своего вѣка . . .

»Среди именъ людей, принимавшихъ участіе въ великой революціонной борьбѣ обновленія, имя Бакунина, безспорно, занимаетъ первое мѣсто.«

Подъ этими строками, рядомъ съ именемъ Э. Реклю, стоитъ имя итальянца Карло Кафіеро, отдавшаго соціалистическому движенію свое большое состояніе и свою служебную карьеру. Нѣсколько раньше появленія этихъ строкъ, по предложенію Кафіеро и Кропоткина, анархисты-федералисты объявили себя коммунистами.

А вотъ письмо къ А. Герцену о Бакунинѣ знаменитаго историка Великой Революціи Жюля Мишле. Письмо писано въ 1855 г., когда Бакунинъ шестой

годъ былъ заключенъ къ казематахъ Шлиссельбурга:—

»Да будетъ вамъ извѣстно, другъ, что въ моемъ домѣ, гдѣ я не имѣлъ еще счастія васъ принимать, первое мѣсто съ правой стороны моего семейнаго очага занято русскимъ нашимъ Бакунинымъ. Образъ дважды драгоцѣнный, дважды трагическій, дважды близкій, нарисованный для меня рукой умирающей M-me Герценъ.

»Священный образъ, таинственный талисманъ, всегда оживляющій мой взоръ, наполняющій сердце мое жалостью, мечтами, океаномъ мыслей. Онъ Востокъ, онъ Западъ, онъ союзъ двухъ міровъ.

»Это Западъ, это недрогнувшая шпага и мужественный воинъ, раньше всѣхъ очнувшійся, раньше февральскихъ дней, начертавшій сталью на скрижаляхъ »Reforme«, презрѣніе, вызовъ на дуэль Бакунинымъ Николая (Рѣчь о Польшѣ).

»Это Востокъ, законное (legitime) сопротивленіе Руси великой и святой самозванному правительству, угнетающему и растлевающему народъ; это усиліе для возвращенія народа съ пути макіавелизма, куда его тащитъ царизмъ, къ его естественному призванію мирнаго посрединка между Европой и Азіей.

»Наконецъ, дорогой другъ, этотъ портретъ есть залогъ союза, прекрасное, великое воспоминаніе о самопожертвованіи того, для кого родиной стала вселенная. Какъ извѣстно, Россія угнетена нѣмцами; но когда раздался древній германскій кличъ: »Кто умретъ съ нами за свободу Германіи?«—предсталъ русскій, бросился въ первые ряды, и ни одного нѣмецкаго патріота не было тамъ раньше его. Когда

Германія станетъ опять настоящей Германіей, этому русскому (Бакунину) тамъ воздвигнутъ алтарь«*).

Алтаря въ Германіи Бакунину еще не воздвигали, но нашъ другъ австріецъ Докторъ филологіи Максъ Неттлау воздвигъ ему, говоря стихами Пушкина, »Памятникъ нерукотворный« въ трехъ томной (in folio) громадной біографіи. »Памятникъ« Неттлау, въ своемъ родѣ, единственное историко-литературное произведеніе. Не только жизнь и дѣятельность Бакунина были впервые описаны, но авторъ собралъ документы, письма, газеты, журналы, прокламаціи; перерылъ всѣ библіотеки столицъ и университетскихъ городовъ Западной Европы; списывался и лично видѣлся съ людьми, знавшими Бакунина во Франціи, въ Италіи, Швейцаріи, Испаніи и другихъ странахъ, и послѣ многолѣтнихъ неустанныхъ изслѣдованій на всѣхъ языкахъ не исключая, русскаго, польскаго и другихъ славянскихъ языковъ, Неттлау воскресилъ эпохи сороковыхъ, шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ съ ихъ соціально революціоннымъ движеніемъ. Объ ученомъ достоинствѣ труда нашего друга нѣмца можно судить по его »Bibliographie de l'Anarchie« (1897 г.). Этотъ томъ въ 300 страницъ былъ приготовленъ въ нѣсколько недѣль во время писанія послѣдняго тома біографіи Бакунина.

Вотъ какъ ученый біографъ-историкъ оцѣниваетъ Бакунина въ статьѣ по поводу столѣтней годовщины рожденія послѣдняго (»Freedom«. Іюнъ 1914 г.):—

»Онъ видѣлъ яснѣе всѣхъ предшествовавшихъ соціалистовъ тѣсную связь власти религіозной, полити-

---

*) См. статью Габріеля Моно въ »La Revue«, 15 мая 1907.

ческой и соціальной, воплощенныхъ въ Государствѣ, съ экономической эксплуатаціей, и съ гнетомъ. По этому Анархизмъ для него былъ необходимымъ базисомъ и самымъ существеннымъ факторомъ настоящаго соціализма . . . Для него свобода умственная, личная и соціальная не отдѣлимы и Атеизмъ, Анархизмъ и Соціализмъ являются органическимъ единствомъ... По моему мнѣнію, пропаганда Бакунимымъ соціализма всеобъемлющаго—явленіе единственное . . .

»Людей, опередившихъ свой вѣкъ и прокладывающихъ новые пути грядущимъ поколѣніямъ, называютъ пророками и мечтателями, мыслителями и революціонерами, но между всѣми борцами за свободу и за соціальное счастье для всѣхъ Бакунинъ полнѣе всѣхъ совмѣщалъ въ своей дѣятельности всѣ поименованныя качества . . . Никто не обладалъ ему подобнымъ великимъ дарованіемъ вливать въ одинъ революціонный потокъ различныя теченія революціонной мысли, ни пламеннымъ стремленіемъ вызывать коллективное движеніе. Дарованіе это и составляло самую чарующую черту характера Бакунина.«

Другой нѣмецъ, только не ученый, не соціалистъ и не анархистъ, а просто честный человѣкъ и музыкантъ—бывшій директоръ Консерваторіи въ Бернѣ, А. Рейхель—оставилъ намъ трогательную характеристику*). Рейхель познакомился съ молодымъ Бакунинымъ въ 1842 г. Съ самой первой встрѣчи у нихъ установилась дружба на всю жизнь:—

»Михаилъ скоро съумѣлъ силой своей увлекательной рѣчи завоевать мою симпатію и симпатію моей

---

*) Въ анархическомъ журналѣ »La Revolte« въ приложеніяхъ 25 ноября и 2 декабря 1893 г. Приведено у Драгоманова и у Балашева.

старшей сестры«. Симпатія не замедлила превратиться въ дружбу. »Эта дружба была основана на чистотѣ идей, которой Бакунинъ руководился въ своихъ политическихъ дѣлахъ, а я въ музыкальныхъ«. Разсказавъ въ краткихъ словахъ ихъ путешествіе, совмѣстную жизнь въ Парижѣ, участіе Бакунина въ революціи 1848 г., его процессъ, заключеніе, ссылку, Рейхель останавливается на ихъ встрѣчахъ въ послѣдніе годы жизни своего друга, и вспоминаетъ:

»Я помню, какъ въ прежнее время я спрашивалъ его въ видѣ возраженія, что онъ намѣренъ дѣлать, если бы исполнились всѣ его реформаторскіе планы? Онъ отвѣчалъ мнѣ: »Тогда я все опрокину! А ты играй, милый другъ, и не разсуждай! Ты знаешь не хуже меня, что передъ вѣчностью все тщетно и ничтожно«. И послѣ этого онъ могъ совершенно погрузиться въ музыку, которая не допускала никакого вопроса и не требовала отвѣтовъ. Онъ имѣлъ такую вѣрную память, что послѣ нашей долгой разлуки могъ напомнить мнѣ мелодіи, о которыхъ я давно забылъ. Онъ утверждалъ, что часто, въ тюремномъ уединеніи, эти мелодіи утѣшали его и оживляли. И какъ музыкальныя впечатлѣнія оставались вѣрно въ его памяти, такъ же неизмнѣнно удерживалъ онъ отношенія съ людьми связанными съ нимъ дружбой; и они тоже въ разлукѣ съ нимъ сохранили къ нему любовь и привязанность«.

О музыкальности Бакунина говоритъ и Джемсъ Гильомъ; слышалъ я объ этомъ и отъ Турскаго и отъ другихъ русскихъ эмигрантовъ. По словамъ Рейхеля, » . . . Онъ могъ слушать музыку по цѣлымъ часамъ; произведенія Бетховена производили на него самое сильное впечатлѣніе . . . Въ вечеръ своего послѣдняго

пріѣзда изъ Лугано, онъ пришелъ ко мнѣ развлечься музыкой и только, когда усилившая боль схватила его внезапно, онъ вскрикнулъ: »довольно, не могу больше!« И мнѣ пришлось проводить его въ больницу, изъ которой не суждено было ему выйти«.

Заканчиваетъ Рейхель свои воспоминанія слѣдующими трогательными словами: »Я желаю, чтобы свѣдѣнія объ его жизни были написаны съ талантомъ и свободны отъ партійности . . . чтобы было указано значеніе его стремленія къ общему благу и къ правдѣ, для которыхъ страдалъ всегда восторженный Бакунинъ«.

О Михаилѣ Александровичѣ Бакунинѣ создалась цѣлая литература на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Кромѣ капитальнаго труда доктора М. Неттлау, прекрасный біографическій очеркъ данъ Джемсомъ Гильомомъ во второмъ томѣ »Œuvres«. Хорошій очеркъ данъ Альбертомъ Франсуа въ его »Michel Bakounine et la Philosophie de l'Anarchie«, которымъ пользовался Людвигъ Кульчицкій при составленіи своей добросовѣстной брошюры »М. А. Бакунинъ, его идеи и дѣятельность«. Недуренъ очеркъ Гюбера Лагарделя »Bakounine. Conference. 24 Janvier 1908«. Симпатичны, хотя слабы фактически, очерки итальянцевъ Андреа Коста, Дж. Доманико, Молинари, Турати.

На русскомъ языкѣ, кромѣ очерка А. И. Герцена, сущетсвуетъ біографія Бакунина, составленная, съ явнымъ желаніемъ дискредитировать великаго революціонера, М. Драгомановымъ*). Къ сожалѣнію, эта

*) Самая поразительная нелѣпость у Драгоманова—печатаніе возмутительнаго Катехизиса Нечаева среди писемъ и статей Бакунина подъ предлогомъ, что дикія измышленія несчастнаго и мало образованнаго Нечаева напоминаютъ Бакунина!

біографія, правда, съ указаніемъ на враждебность, была перепечатана въ изданіи сочиненій Бакунина Балашевымъ (1906 г.). Покойный В. Богучарскій, въ своемъ трудѣ »Активное Народничество семидесятыхъ годовъ«, далъ, хотя и бѣглый, но чрезвычайно добросовѣстный очеркъ жизни и дѣятельности Бакунина. Авторъ, согласно съ трудами Неттлау, Гильома и Герцена, превосходно разбиваетъ гнусныя, черныя клеветы Маркса, Энгельса, Либкнехта-отца и другихъ соціаль-демократовъ противъ Бакунина (см. страницы 63—100).

* * *

Жизнь Бакунина распадается на четыре рѣзко отличавшихся періода:

Бакунинъ идеалистъ и гегельянецъ въ Москвѣ съ 1835 по 1840;

Идеалистъ революціонеръ въ Западной Европѣ съ 1842 по 1849;

Узникъ въ цѣпяхъ въ Саксоніи, въ Австріи, въ Шлиссельбургѣ съ 1849 по 1856, а потомъ въ ссылкѣ въ Сибири до іюля 1861 г., когда онъ бѣжалъ, черезъ Японію и С.-Штаты, въ Англію;

Четвертый и послѣдній періодъ — Бакунинъ матеріалистъ, эволюціонистъ и анархистъ-революціонеръ, дѣятельный интернаціоналистъ вплоть до смерти—1-го іюля 1876 года.

Каждый изъ этихъ періодовъ жизни Бакунина имѣлъ свое историческое значеніе. Юношей двадцатиодного года, онъ примыкаетъ въ Москвѣ къ кружку Станкевича, сыгравшаго такую важную роль въ исторіи умственнаго развитія русскаго общества въ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Достаточно напомнить,

что пылкому и благородному литературному критику Бѣлинскому—»неистовому Вессаріону« кружка—нѣмецкую метафизику, а въ особенности метафизику Гегеля переводилъ и толковалъ Бакунинъ. Даровитые, идеально чистые молодые философы, подъ вліяніемъ все оправдывающей формулы Гегеля »все существующее разумно« было погрязли въ глубочайшую политическую реакцію. Не войди въ ихъ среду естественникъ Герценъ, воспитанный на французскихъ энциклопедистахъ, кто знаетъ что бы съ ними стало? Матеріалистъ и политическій радикалъ, Герценъ бросилъ имъ вызовъ, и бой закипѣлъ. Вотъ разсказъ Герцена о томъ:

»Знаете ли, что съ вашей точки зрѣнія, сказалъ я (Бѣлинскому), думая поразить его моимъ революціоннымъ ультиматумомъ, вы можете доказать, что чудовищное самодержаніе, подъ которымъ мы живемъ, разумно и должно существовать.

— »Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Бѣлинскій, и прочелъ мнѣ **Бородинскую годовщину** Пушкина.

»Этого я не могъ вынести, и отчаянный бой закипѣлъ между нами. Размолвка наша дѣйствовала на другихъ; кругъ распадался на два стана. Бакунинъ хотѣлъ примирить, объяснить, **заговорить**, но настоящаго мира не было. Бѣлинскій, раздраженный и недовольный, уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда далъ по насъ залпъ въ статьѣ, которую такъ и назвалъ »Бородинской годовщиной«.

»Я прервалъ съ нимъ тогда всѣ сношенія. Бакунинъ, хотя и спорилъ горячо, но сталъ призадумываться, его революціонный тактъ толкалъ его въ другую сторону. Бѣлинскій упрекалъ его въ слабости, въ уступкахъ и доходилъ до такихъ преувеличенныхъ

крайностей, что пугалъ своихъ собственныхъ пріятелей и почитателей. Хоръ былъ за Бѣлинскаго и смотрѣлъ на насъ съ высока, гордо пожимая плечами и находя насъ людьми отсталыми«.

Извѣстно, какъ вліяніе Герцена восторжествовало надъ Бѣлинскимъ и надъ Бакунинымъ, уѣхавшимъ въ 1840 г. въ Берлинъ для окончанія философскаго образованія. Толчекъ, данный Герценомъ, пробудилъ въ Бакунинѣ дремавшаго революціонера, и черезъ два года появляется въ Deutsche Jahrbuecher Арнольда Руге (1842 г.) его знаменитая статья »Реакція въ Германіи« подъ псевдонимомъ француза Жюля Элизара. Заканчивалась статья фразою, ставшей знаменитой, особенно ея вторая часть. »Довѣримся«, гласитъ фраза, »вѣчному духу, онъ разрушаетъ и уничтожаетъ, потому что онъ неизмѣримый источникъ и вѣчный творецъ жизни. Желаніе разрушенія есть въ то же время желаніе созидательное«.

Статья сразу сдѣлала популярнымъ Бакунина среди радикальной и революціонной молодежи. У него завязываются связи и дружба съ революціоннымъ поэтомъ Гервегомъ, съ Руге, съ братьями Фогтъ, съ коммунистами Вейтлинга, съ музыкантомъ Рейхелемъ и другими въ Германіи и Швейцаріи. Въ 1844 г. русское правительство начало свои первыя преслѣдованія Бакунина и онъ долженъ былъ уѣхать изъ Швейцаріи въ Парижъ, куда онъ направился черезъ Брюссель, гдѣ, проѣздомъ, сразу сблизился съ знаменитымъ польскимъ историкомъ-изгнанникомъ Лелевелемъ и другими поляками.

Въ Парижѣ онъ встрѣтилъ своихъ друзей Гервега и Руге, черезъ которыхъ онъ вошелъ въ радикально-соціалистическіе круги. Прудонъ и Жоржъ Зандъ,

Флоконъ и Ледрю Ролленъ, Рейхель и Шопенъ, поляки-изгнанники, соціалисты всѣхъ національностей, и между ними Марксъ, составляли тотъ обширный кругъ, въ которомъ вращался и быстро сталъ вырабатываться Бакунинъ соціалистъ, революціонеръ и федералистъ съ оттѣнками анархизма. Особенно близокъ онъ былъ съ Прудономъ, съ которымъ, какъ съ Бѣлинскимъ въ Москвѣ, онъ просиживалъ цѣлыя ночи въ спорахъ и толкованіяхъ діалектики. Парижъ въ эти годы (1845—48) былъ очагомъ соціалистической, революціонной и республиканской агитаціи. Тѣмъ, другимъ и третьимъ увлекся и жилъ молодой, пылкій и краснорѣчивый Бакунинъ. Когда представился случай, 29 ноября 1847 г., онъ произнесъ блестящую рѣчь (см. стр. 1—12), въ которой уже нѣтъ и слѣда нѣмецкой метафизики, уступившей мѣсто ясному и точному мышленію французскому.

За эту рѣчь Бакунинъ былъ изгнанъ изъ Франціи. Но черезъ три мѣсяца разрыгралась Февральская революція и изгнанникъ возвратился изъ Брюсселя, а что он дѣлалъ въ Парижѣ—мы видѣли выше (см. слова Герцена, стр. XIV). Однако, Бакунинъ не долго оставался въ Парижѣ. Революціонное броженіе охватывало и Германію съ Австріей, гдѣ Венгрія быстро приближалась къ революціи, а Чехи и другіе славяне заговорили о національныхъ правахъ. Бакунинъ поѣхалъ черезъ Берлинъ въ Познань, откуда онъ пробрался въ Прагу. Онъ игралъ видную роль на славянскомъ съѣздѣ и въ Пражскомъ возстаніи, но за быстрымъ подавленіемъ послѣдняго, онъ возвратился въ Германію, гдѣ, скрываясь отъ преслѣдованій, онъ издалъ ниже приводимыя воззванія (см. стр. 13 и даль.) къ славянамъ.

Въ началѣ 1849 г. Бакунинъ находился въ Лейпцигѣ. Саксонскій король отказался ввести новую германскую конституцію Франкфуртскаго парламента, вслѣдствіе чего, въ маѣ мѣсяцѣ, вспыхнула революція въ Дрезденѣ. Здѣсь Бакунинъ покрылъ себя славою, предводительствуя при защитѣ города отъ прусскихъ войскъ. Городъ продержался всего пять дней; предводители возстанія принуждены были оставить Дрезденъ, и Бакунинъ, вмѣстѣ съ композиторомъ Рихардомъ Вагнеромъ и съ Гейбнеромъ направились въ Хемницъ, гдѣ Вагнеру удалось скрыться у своей сестры, а Бакунина съ Гейбнеромъ арестовали. Съ этого момента начались долгіе годы тюремнаго заключенія въ цѣпяхъ, съ прикованіемъ къ стѣнѣ . . . Въ письмѣ къ Герцену изъ Сибири (декабрь 1860) Бакунинъ самъ разсказалъ объ этихъ годахъ слѣдующее:

»Я намѣренъ вскорѣ послать вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саксоніи, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Koenigstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ и прикованный къ стѣнѣ,—я былъ перевезенъ въ Россію; въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: »Принципы вы мои знаете, я ихъ не таилъ и высказывалъ громко; я желалъ единства демократизованной Германіи, освобожденія Славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской Имперіи;—я взятъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобъ судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я вамъ

отвѣчать не стану«. Въ 1851 году въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣвскій равелинъ,—гдѣ я просидѣлъ 3 года. Мѣсяца два по моемъ прибытіи, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: »Государь прислалъ меня къ вамъ и приказалъ вамъ сказать: скажи ему, чтобъ онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу,—хотите вы писат?« Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ jury, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ бы былъ выдержать роль до конца. Но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣдя, я могъ безъ стыда смягчить формы, и потому потребовалъ мѣсяцъ времени, согласился—и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ Dichtung und Wahrheit;—дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего.—Поблагодаривъ Государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ:—»Государь, вы хотите, чтобъ я вамъ написалъ свою исповѣдь, хорошо, я напишу ее; но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище, честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану«. Послѣ этого, a quelques exceptions pres, я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границею, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, разсчитанное во-первыхъ, на ясность моего повидимому безвыходнаго положенія, съ другой же на энергическій нравъ Николая, было написано очень

твердо и смѣло и именно потому ему очень понравилось.—За что я ему дѣйствительно благодаренъ, это, —что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ.—Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началѣ войны въ 1854 году былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года. У меня открылась цынготная и повыпали всѣ зубы. Страшная вещь пожизненное заключеніе: влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса. Каждый день говорить себѣ: »сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе«. Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяцъ, не спать ни дней, ни ночей,—что бы ни дѣлалъ, что бы ни читалъ, даже во время сна чувствовать какое то неспокойное ворочаніе въ сердцѣ и въ печени съ sentiment fixe: я рабъ, я мертвецъ, я трупъ. Однако, я не упадалъ духомъ; еслибъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости. —Я одного только желалъ: не примириться, не резипироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ,—сохранить до конца въ цѣлости святое чувство бунта. Николай умеръ, я сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда спустя мѣсяцъ мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: »Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra, il ne pourra jamais etre libre«. Послѣ чего я заключилъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяцъ, по прошествіи котораго, еслибъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ

привезть мнѣ яду. Но прошелъ мѣсяцъ,—я получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или ссылкою на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось моимъ освобожденіе меня изъ крѣпости; Государь съ упорствомъ барана отбилъ нѣсколько приступовъ: разъ вышелъ онъ къ князю Горчакову (министру иностранныхъ дѣлъ) съ письмомъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 г. я написалъ Николаю) и сказалъ: »mais je ne vois pas le moindre repentir dans cette lettre« —дуракъ хотѣлъ repentir! Наконецъ, въ мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ 3-мъ Отдѣленіи, и по Высочайшему соизволенію сутки у своихъ въ деревнѣ, а въ апрѣлѣ былъ привезенъ въ Томскъ. Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго Ксаверій Васильевичъ Квятковскій служитъ по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ, или какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по старосвѣтски. Туда сталъ я ходить всякій день, и предложилъ учить французскому языку и другому двухъ дочерей, сдружился съ моею женою, пріобрѣлъ ея полную довѣренность,—я полюбилъ ее страстно, она меня так-же полюбила,—такимъ образомъ я женился и вотъ уже два года женатъ и вполнѣ счастливъ. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно если этотъ другой милая женщина,—я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія. Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма, она славянская патріотка. Генералъ-Губернаторъ Западной Сибири, Гасфордъ,

безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ высочайшее соизволенie на вступленie въ гражданскую службу,— первый шагъ къ освобожденiю изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ—мнѣ казалось, что надѣвъ кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселенiи въ Восточную Сибирь и наконецъ выхлопоталъ; боялись для меня симпатiи Муравьева, который прiѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказалъ мнѣ свое уваженie. Долго не соглашались, наконецъ согласились. Въ мартѣ 1859 г. я переселился въ Иркутскъ . . .«

* * *

Ко времени побѣга Бакунина изъ Сибири, европейская реакцiя, слѣдовавшая за разбитой революцiей 1848 г. была изжита: на Западѣ, особенно во Францiи и въ Англiи, рабочее движенie развилось, вопреки всѣмъ усилiямъ реакцiи, и стало принимать международный характеръ (Интернацiоналъ былъ задуманъ рабочими французами и англичанами въ 1862 г.). А въ Россiи, впервые въ исторiи ея внутренней жизни, появилась соцiально-революцiонная демократiя, извѣстная подъ кличкою »нигилизма«. Интернацiоналъ окончательно сложился только къ концу 1866 г., а черезъ годъ—въ iюлѣ 1868—Бакунинъ вступилъ членомъ великой Ассоцiацiи и не замедлилъ проявить свою обычную энергiю публициста, оратора, лектора. Какъ Бакунинъ понималъ цѣли и прiемы международнаго соцiально - революцiоннаго движенiя рабочаго класса—можно судить по ниже печатаемымъ статьямъ »Политика Интернацiонала« и »Къ товарищамъ« (стр. 250).

Относительно распаденiя Интернацiонала, ин-

триг и клеветъ Маркса противъ Бакунина и Джемса Гильома, ихъ чудовищно глупаго изгнанія изъ Ассоціаціи и распаденія послѣдней, поговоримъ ниже. А теперь обратимся къ русскому революціонному движенію шестидесятыхъ годовъ.

Великое, идеально-чистое и героическое движеніе **въ народъ** охватившее русскую молодежъ въ 70-хъ годахъ, зародилось и развивалось все предшествовавшее десятилѣтіе. Народничество 60хъ годовъ распадалось на два направленія: культурно-легальное и революціонное, но и то и другое черпало свои идеи изъ Герцена, Добролюбова, Чернышевскаго и другихъ авторовъ того же направленія. На революціонную часть, въ частности, особенно повліяли прокламація М. Л. Михайлова »К Молодому Поколѣнію«, прокламація »Молодая Россія«, съ кличемъ: »Да здравствуетъ соціальная и демократическая республика русская!« и брошюра Бакунина »Народное Дѣло«, изданное въ Лондонѣ въ 1862 г. и призывавшее молодое поколѣніе идти въ народъ.

О сближеніи образованнаго общества съ народомъ, о служеніи его интересамъ, о задачахъ молодого поколѣнія въ дѣлѣ народнаго образованія, народной медицины, артелей, кооперативнаго кредита и прочихъ видовъ хожденія и сближенія съ народомъ говорили всѣ, и культурники, и революціонеры; въ большинствѣ случаевъ, они даже и работали вмѣстѣ: — раздѣленія между двумя теченіями тогда еще не произошло; по этому мы и видимъ, что съ »каракозовцами« были въ самомъ тѣсномъ сотрудничествѣ такіе кроткіе и мирные друзья народа, какъ покойный Христофоровъ, устроитель рабочихъ артелей въ Саратовѣ, и мировые посредники Бибиковъ и Маликовъ,

черезъ которыхъ »каракозовцы« думали устроить артельную вагранку въ Калужской губ. Тоже повторилось и въ Нечаевскомъ дѣлѣ, когда радомъ съ дѣйствительными соціалистами революціонерами Успенскимъ, Ткачевымъ и еще съ пятью, шестью ихъ друзьями, на скамьяхъ подсудимыхъ сидѣли десятки невинныхъ, мирныхъ культурниковъ друзей народа. Но выработка типа народника революціонера совершалась безпрерывно и вырабатывался онъ согласно основнымъ положеніямъ брошюры Бакунина и прокламаціи »Молодая Россія«. Обѣ звали къ соціальной революціи, обѣ требовали автономію общинъ, областей и національностей съ свободной ихъ федераціи. Но прокламація предлагала революцію нѣсколько якобинскую, тогда какъ Бакунинъ звалъ молодежъ въ народъ.

»Теперь главную роль въ немъ (въ движеніи) будетъ играть народъ, говорилъ Бакунинъ. Онъ есть главная цѣль и единая, настоящая сила всего движенія. Молодежъ понимаетъ, что жить внѣ народа становится дѣломъ невозможнымъ, и что кто хочетъ жить, долженъ жить для него. Въ немъ одномъ жизнь и будущность, внѣ его мертвый міръ (стр. 27). . . . И если будущность для насъ существуетъ, такъ только въ народѣ (стр. 31). Ей (молодежи) предстоитъ подвигъ . . . очистительный, подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ« (стр. 29).

А что же предлагалъ онъ революціонерамъ? » . . . станемъ подъ знаменемъ **»Народнаго Дѣла«**. За тѣмъ по пунктамъ перечислялись требованія революціонеровъ: вся земля собственность цѣлаго народа; самоуправленіе мѣстное, областное, государственое; возстановленіе полной свободы Польшѣ. Ли-

твѣ, Украйнѣ, Финамъ, Латышамъ и Кавказу; добровольный федеративный союзъ съ названными народностями, и проч.

Благодаря такой постановкѣ революціоннаго дѣла, молодежь всѣхъ національностей приняла активное участіе съ самаго начала движенія (1861—62). Но скоро движеніе пріостановилось. Преслѣдованія конституціоннаго движенія и студенчества, арестъ и ссылка Михайлова, арестъ Чернышевскаго и закрытіе »Современника«, надвигавшаяся и вскорѣ разразившаяся польская революція . . . все это разомъ отбросило въ реакцію либераловъ поколѣнія отцовъ, и мы, молодое поколѣніе, принуждены были замкнуться въ тайные, изолированные кружки. Мы пережили тогда не только враждебность къ намъ либераловъ, но даже съ нашимъ идоломъ Герценомъ возникли недоразумѣнія, и въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, Бакунинъ, увлеченный польской революціей, а потомъ итальянскимъ движеніемъ, совершенно оставилъ русскія дѣла. Вплоть до лѣта 1868 года, въ кружкахъ Москвы и Петербурга регулярныхъ сношеніи съ эмиграціей не было.

Уйдя въ »подполье«, молодое народничество не только оставалось вѣрно выше приведеннымъ призывамъ и завѣтамъ, но дѣйствительно начало сближаться съ рабочими, заводя артели (Москва, Саратовъ, Харьковъ, Нижній), при чемъ интеллигенція, женщины и мужчины, сами работали, чтобы вести пропаганду. Московская группа, извѣстная подъ именемъ Каракозовцевъ, была особенно активна, имѣя связи съ Петербургомъ, съ Поволожіемъ и во внутреннихъ губерніяхъ.

Вотъ въ этотъ начальный періодъ (1864—65) и стало вырабатываться воззрѣніе, столь скандализировавшее либераловъ, и за которое такъ нападали на непричастнаго Бакунина, только одобрившаго, спустя пять лѣтъ, воззрѣніе, по которому убѣжденному и послѣдовательному соціалисту-народнику нельзя заѣдать чужого хлѣба, жить жизнью привилегированнаго общества на трудѣ обездоленнаго крестьянства. Какая разница съ точки зрѣнія производителя между нами, только болтающими о грядущемъ, и нашими отцами, жившими трудомъ крѣпостныхъ? — Никакой, былъ отвѣтъ. Одинаково соціальные паразиты. Выходъ изъ этого положенія представляется двоякій: либо, отказавшись отъ всѣхъ привилегій, уѣхать въ С.-Штаты, въ страну Линкольна и великой демократіи, и тамъ зажить трудовою жизнью свободнаго гражданина; либо же въ самой Россіи слиться съ жизнью производителя, т. е., съ народомъ, и повести въ немъ пропаганду соціализма и революціи. На такое дѣло достаточно и образованія средняго съ начитанностью по соціализму, по исторіи революціонныхъ движеній и современной борьбы рабочаго класса во Франціи и въ Англіи.

Но всего этого »**казенная**« наука нашихъ университетовъ не даетъ. Побросаемъ ихъ. Къ черту »казенную« науку.

Вотъ за это отрицаніе казенной науки и за рѣшеніе идти на практическую работу пропагандиста соціальной революціи народившееся народничество и крестили прозвищами нигилистовъ, невѣждъ и проч. Либеральнымъ болтунамъ, нападавшимъ на насъ, часто даже, будто бы, ради соціализма, котораго мы,

народники, по ихъ словамъ, не понимали да и народъ не пойметъ, мы отвѣчали почти до словно*) слѣдующее:

Проповѣдь соціальной справедливости необходима въ теоріи только для людей изъ привилегированныхъ классовъ, а для народа эта справедливость является въ конкретныхъ и въ близкихъ ему требованіяхъ. Самый забитый и безграмотный мужикъ благословитъ насъ

за отмѣну солдатчины,
за отмѣну податей,
за изгнаніе полиціи и бюрократіи всѣхъ видовъ,
за передачу земли народу,
за даровое и научно-ремесленное воспитаніе его дѣтей,
за даровую медицинскую помощь во всѣхъ видахъ.

Такъ думала и говорила молодежь конца шестидесятыхъ годовъ. Легко теперь понять, съ какою радостью привѣтствовали мы программу Бакунина и весь первый номеръ его журнала »Народное Дѣло« (1868). Получивъ одинъ экземпляръ въ Петербургѣ, мы цѣлый мѣсяцъ сентябрь переписывали и распространяли его; разсылали въ Москву и въ провинцію. Мы нашли, наконецъ, въ печати ясно формулированными наши мысли, наши завѣтныя стремленія.

Отсюда и вновь разцвѣтшая широкая популярность Бакунина, единственнаго изъ поколѣнія отцовъ, ставшаго на защиту революціоннаго народничества и хожденія въ народъ. Онъ сталъ властителемъ думъ, онъ вдохновилъ на великій подвигъ самое героическое

*) Любимая аргументація Ишутина.

поколѣніе Россіи — поколѣніе семидесятыхъ годовъ. Въ этомъ его безсмертная историческая заслуга.

Теперь, по обнародованіи переписки Бакунина съ Герценомъ, мы знаемъ что его выступленіе въ 1868 году было не случайное, а глубоко продуманный актъ убѣжденнаго революціонера. Оказывается, что, совершенно отрѣзанный отъ русскаго движенія, поглощенный соціалистической пропагандой въ Италіи, въ сотрудничествѣ съ Фанелли, Фрисчіа и другихъ, онъ, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, по отдѣльнымъ фактамъ, угадывалъ настоящій характеръ движенія, такъ называемаго нигилизма, отъ котораго даже смѣлый, блестящій и проницательный Герценъ готовъ былъ отворотиться.

Въ замѣчательномъ письмѣ къ Герцену и Огареву, помѣченномъ 19 іюля 1866. Ischia, онъ между прочимъ писалъ:

»Согласный съ вами въ томъ, что для успѣха дѣла надо огородить его отъ всего посторонняго и лишняго и предаться ему исключительно, я занимался только имъ и абстрагировалъ себя отъ всего прочаго. Такимъ образомъ, я разошелся съ вами, если не въ цѣли, такъ въ методѣ — а вы знаете: la forme entraîne toujours le fond avec elle . . . Вашъ настоящій путь мнѣ сталъ непонятенъ, полемизировать съ вами мнѣ не хотѣлось, а согласиться не могъ. Я просто не понимаю вашихъ писемъ къ Государю, ни цѣли, ни пользы, — вижу въ нихъ, напротивъ, тотъ вредъ, что онѣ могутъ породить въ неопытныхъ умахъ мысль, что отъ государства вообще, и особенно отъ Всероссійскаго Государства и отъ представляющаго его правительства и государя можно ожидать еще чего нибудь добраго для народа. По моему убѣжденію, на-

противъ, дѣлая пакости, гадости зло, они дѣлаютъ свое дѣло . . .

»Пестель смѣло провозглашалъ разрушеніе Имперіи, вольную федерацію и соціальную революцію. Онъ былъ смѣлѣе васъ, потому что не оробѣлъ передъ яростными криками друзей и товарищей по заговору, благородныхъ, но слѣпыхъ членовъ сѣверной организаціи. Вы же испугались и отступились передъ искусственнымъ, подкупленнымъ воплемъ московскихъ и петербургскихъ журналистовъ, поддерживаемыхъ гнусною массою плантаторовъ и нравственно обанкрутившимся большинствомъ учениковъ Бѣлинскаго и Грановскаго, твоихъ учениковъ, Герценъ, большинствомъ старой гуманно-эстетизирующей братіи, книжній идеализмъ которой не выдержалъ, увы, напора грязной, казенной русской дѣйствительности. Ты оказался слабъ, Герценъ, передъ этой измѣной, которую твой свѣтлый проницательный, строго-логическій умъ непремѣнно предвидѣлъ бы, еслибъ не затемнила его сердечная слабость. Ты до сихъ поръ не можешь справиться съ нею, забыться, утѣшиться. Въ твоемъ голосѣ слышится до сихъ поръ оскорбленная, раздраженная грусть . . . ты все говоришь съ ними, усовѣщиваешь ихъ, точно также какъ усовѣщиваешь Императора, вмѣсто того, чтобъ плюнуть одинъ разъ навсегда на всю свою старую публику и, обернувшись къ ней спиною, **обратиться къ публикѣ новой, молодой**, единно-способной понять тебя искренно, широко и съ волею дѣла. Такимъ образомъ ты отъ излишней нѣжности къ своимъ многогрѣшнымъ старикамъ измѣняешь своему долгу. Ты только занимаешься ими, говоришь, уменьшаешь себя для нихъ, и утѣшая себя мыслью, »что худшее время мы пережили

и что скоро на вашъ звонъ снова явятся блудныя дѣти ваши съ сѣдыми волосами и совсѣмъ безъ волосъ изъ патріотическаго стада« . . . (1-го декабря. стр. 1710), а ты до тѣхъ поръ. »ради успѣха практической пропаганды«, обрекаешь себя на трудную. неблагодарную обязанность »быть по плечу своему (печальному) хору, всегда шагомъ впередъ. и никогда двумя«. Я право не понимаю. что значитъ идти однимъ шагомъ впереди передъ поклонниками Каткова. Скарятина. Муравьева. — даже передъ сторонниками Милютиныхъ. Самариныхъ. Аксаковыхъ? Мнѣ кажется, что между тобой или ими разница не только количественная. но качественная. что между вами ничего общаго нѣтъ и быть не должно. Они. прежде всего. оставивъ въ сторонѣ ихъ личные и сословные интересы. могущество которыхъ тянетъ ихъ. впрочемъ. неотразимо въ противный намъ лагерь. — они патріоты государственники. ты соціалистъ. поэтому. ради послѣдовательности, долженъ быть врагомъ вообще всякаго государсва. несовмѣстнаго съ дѣйствительнымъ, вольнымъ. широкимъ развитіемъ соціальныхъ интересовъ народовъ. Они. кромѣ себя и своихъ интересовъ. готовы пожертвовать всѣмъ и человѣчествомъ. и правдою, и правомъ. и волею и благосостояніемъ народа для поддержанія, для подкрѣпленія и для расширенія государственной силы. — ты. какъ искренній соціалистъ. безъ сомнѣнія готовъ жертвовать и жизнью и состояніемъ для разрушенія того же самаго государства, существованіе котораго несовмѣстимо ни съ волею. ни съ благосостояніемъ народа . . .

»Вы помните. я и тогда не вѣрилъ*). чтобы изъ

---

*) Въ 1862 г.

среды дворянскаго сословія могла подняться сила, способная потрясти или только ограничить самодержавіе. Вспомните наши споры противъ Л—а. Какъ часто мы противъ него вмѣстѣ отрицали дворянскую самостоятельность и защищали неумытыхъ семинаристовъ и нигилистовъ, **эту единственную свѣжую силу внѣ народа.** Однако, тогда было еще въ дворянствѣ громкое движущее меньшинство — тверское дворянство шло впереди, требуя уравненія всѣхъ правъ и земскаго собора. Огаревъ сочинилъ даже проэктъ дворянскаго адреса къ царю. Дворянство еще не успѣло выказать всей таившейся въ немъ подлости. То было время нелѣпыхъ надеждъ . . . Мы всѣ говорили, писали въ виду возможности земскаго собора. . . и дѣлали, я, по крайней мѣрѣ, дѣлалъ уступки не по содержанію, а въ формѣ, чтобы только не помѣшать. въ сущности невозможному, созванію земскаго собора. Каюсь и вполнѣ сознаю, что никогда не слѣдовало отступать ни содержаніемъ, ни формою отъ опредѣленной и ясной соціально-революціонной программы. Знаю, вамъ ненавистно слово »революція«, но чтожъ дѣлать, друзья, безъ революціи ни для васъ, ни для кого нѣтъ ни шагу впередъ. Вы во имя вящей практичности составили себѣ невозможную теорію о переворотѣ соціальномъ безъ политическаго переворота, теорія столь же невозможная въ настоящее время, какъ революція политическая безъ соціальной; оба переворота идутъ рука объ руку и въ сущности составляютъ одно . . .

»Мнѣ кажется, что со времени основанія московскаго государства, послѣ убійства народной жизни въ Новгородѣ и въ Кіевѣ, послѣ подавленія Стеньки Разинскаго и Пугачевскаго бунта, въ нашемъ несча-

стномъ и опозоренномъ отечествѣ правильна и дѣйствительна только одна реакція; — то что въ исторіи другихъ европейскихъ странъ было только перемежающимся фактомъ, то у насъ составляетъ фактъ непрестанный и безпрерывный: то есть, отрицаніе всего человѣческаго, жизни, права, воли каждаго человѣка и цѣлыхъ народовъ, во имя и въ единую пользу государства. Развѣ восторжествовавшее царство штыка и кнута и покореніе всякой народной жизни подъ нимъ не есть правильная, дѣйствительная, необходимая и вмѣстѣ съ тѣмъ самая страшная реакція, когда либо существовавшая въ мірѣ? . . .

»Думаю, что первая обязанность насъ русскихъ изгнанцевъ, принужденныхъ жить и дѣйствовать заграницей,—это провозглашать громко **необходимость разрушенія этой гнусной имперіи.** Это должно быть первымъ словомъ нашей программы. Такое провозглашеніе было бы непрактично, скажете вы . . . Противъ насъ подымется всероссійская помѣщичья, литературная, оффиціальная буря. Будутъ ругать, — тѣмъ лучше; теперь о насъ всѣ замолчали и обернулись къ намъ спиною, — тѣмъ хуже. Царь перестанетъ читать твои письма, — бѣды нѣтъ, ты перестанешь писать ихъ, — выигришъ ясный. Старые лысые друзья отъ тебя окончательно оттолкнутся и потеряется всякая надежда на ихъ испревленіе, — чтожъ, развѣты дѣйствительно вѣришь, Герценъ, въ возможонсть и въ пользу ихъ исправленія? Мнѣ кажется, что между тобою и ими, даже въ лучшее время, существовало всегда большое недоразумѣніе . . .

»Вы приняли литературно-помѣщичій вопль за выраженіе народнаго чувства и оробѣли — оттуда перемѣна фронта, кокетничаніе съ лысыми друзьями-

измѣнниками и новыя посланія къ Государю . . . и статьи въ родѣ 1-го Мая нынѣшнаго года, — статьи, которой я ни за что въ мірѣ не согласился бы подписать; ни за что въ мірѣ я не бросилъ бы въ Каракозова камня и не назвалъ бы его печатно »фанатикомъ или озлобленнымъ человѣкомъ изъ дворянъ«, въ то самое время, когда вся подлая лакейская дворяно- и литературно-чиновничья Русь его ругаетъ и ругая его, надѣется выслужиться передъ царемъ и начальствомъ, — въ то время, какъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ наши лысые друзья съ восторгомъ говорятъ: »ну, ужъ Михаилъ Николаевичъ его пытнетъ«, и когда онъ выноситъ всѣ Муравьевскія истязанія съ изумительнымъ мужествомъ. Ни въ какомъ случаѣ мы здѣсь не правы судить его, ничего не зная о немъ, ни о причинахъ, побудившихъ его къ извѣстному поступку. Я также, какъ и ты, не ожидаю ни малѣйшей пользы отъ цареубійства въ Россіи, готовъ даже согласиться, что оно положительно вредно, возбуждая въ пользу царя временную реакцію, но не удивляюсь отнюдь, что не всѣ раздѣляютъ это мнѣніе и что подъ тягостью настоящаго, невыносимаго, говорятъ, положенія, нашелся человѣкъ менѣе философски развитой, но за то и болѣе энергичный, чѣмъ мы, который подумалъ, что гордіевъ узелъ можно разрѣзать однимъ ударомъ, и я искренно уважаю его за то, что онъ подумалъ такъ, и совершилъ свое дѣло. Не смотря на теоретическій промахъ его, мы не можемъ отказать ему въ своемъ уваженіи и должны признать его »нашимъ« передъ гнусной толпой лакействующихъ царепоклонниковъ . . .

»Въ чемъ же должно состоять новое направленіе? А прежде всего опредѣлить, къ кому вы должны об-

ращаться? Гдѣ ваша публика? Народъ не читаетъ, слѣдовательно, вамъ дѣйствовать прямо на народъ изъ-заграницы невозможно. Вы должны руководить тѣхъ, которые положеніемъ своимъ призваны дѣйствовать на народъ, именно тѣхъ, которыхъ своими практическими уступками и своимъ обращеніемъ, то къ правительству, то къ лысымъ друзьямъ-измѣнникамъ систематически отъ себя удаляли. И прежде всего вы должны отказаться отъ всякаго притязанія, надежды и намѣренія вліять на настоящій ходъ дѣлъ, на государя, на правительство. Тамъ васъ никто не слушаетъ, пожалуй, надъ вами смѣются; тамъ всѣ знаютъ, куда они идутъ и чего имъ надо, знаютъ также, что Всероссійское государство кромѣ петербургскихъ цѣлей и средствъ, другими существовать не можетъ. Обращаясь къ этому міру, вы только теряете драгоцѣнное время и компрометируетесь по пустому. Ищите публики новой, въ молодежи, въ недоученныхъ ученикахъ Чернышевскаго и Добролюбова, въ Базаровыхъ, въ нигилистахъ — **въ нихъ жизнь, въ нихъ энергія, въ нихъ честная и сильная воля.** Только не кормите ихъ полусвѣтомъ, полуистиною, недомолвками. Да, встаньте опять на каѳедру и, отказавшись отъ мнимой и, право, безсмысленной тактичности, валяйте все, что сами думаете, сплеча и не заботьтесь больше о томъ, сколькими шагами вы опередили свою публику. Не бойтесь, она отъ васъ не отстанетъ и въ случаѣ нужды, когда вы будете уставать, подтолкнетъ васъ впередъ. **Эта публика сильна, молода, энергична, — ей надо полнаго свѣта и не испугаете вы ее никакою истиною.** Проповѣдуйте вы ей практическую осмотрительность, осторожность, но давайте ей всю истину, дабы она при свѣтѣ этой истины могла бы

узнать, куда идти и дука вести народъ. Развяжите себя, освободите себя отъ старческой боязни и отъ старческихъ соображенiй, отъ всѣхъ фланговыхъ движенiй, отъ тактики и отъ практики« . . .

Осенью 1867 г. Бакунинъ переселился въ Швейцарiю, гдѣ и порвелъ послѣднiе годы своей жизни, проживая, то въ Женевѣ и Веве, то въ Локарно. Онъ прiѣхалъ на Конгрессъ Лиги Мира и Свободы. Лига была задумана радикальной и частью соцiально-революцiонной демократiею съ участiемъ Гарибальди, Эдгарда Кине, Элизе Реклю, самаго Бакунина и другихъ знаменитостей того времени. Конгрессъ Лиги привлекъ вниманiе и симпатiю передовой демократiи всего мiра: надѣялись на всеобщее разоруженiе, на прогрессивное законодательство о трудѣ и проч. Бакунинъ былъ избранъ въ комитетъ Лиги для окончательной выработки программы и устава. Печатаемое ниже »Мотивированное Предложенiе« (Федерализмъ, Соцiализмъ и Антитеологизмъ) было написано для второго конгресса Лиги въ Бернѣ, въ 1868 г.

Одновременно съ женевскимъ конгрессомъ Лиги, въ 1867 г., засѣдалъ въ Лозаннѣ второй конгрессъ Международной Ассоцiацiи Рабочихъ (Интернацiоналъ). Единогласнымъ рѣшенiемъ конгрессъ постановилъ послать Лигѣ адресъ симпатiи и солидарности съ выраженiемъ готовности содѣйствiя ей въ дѣлѣ уничтоженiя постоянныхъ армiй, водворенiя постояннаго мира и освобожденiя рабочихъ классовъ. Делегаты Интернацiонала Оджеръ, Кремеръ, Джемсъ Гильомъ, Цезаръ де Папъ и другiе были въ восторгѣ отъ рѣчи Бакунина, выступившаго, согласно выше приведенной выдержкѣ изъ письма къ Герцену, »чистымъ соцiалистомъ«. Да и самъ великiй сынъ народа

и воинъ свободы, Гарибальди, принимая делегатовъ Интернаціонала, провозгласилъ: »Война всѣмъ тремъ тираніямъ — политической, религіозной и соціальной. Ваши принципы, господа, тоже и мои«. Казалось, что радикальная демократія, по крайней мѣрѣ передовое меньшинство, пойдетъ рука въ руку съ рабочимъ классомъ и Лига Мира и Свободы будетъ въ братскомъ союзѣ съ Интернаціоналомъ.

Но уже на слѣдующемъ конгрессѣ Лиги въ Бернѣ (1868) Бакунинъ и соціалистическое меньшинство были вынуждены покинуть ее. Между покинувшими были: Элизе Реклю, Шарль Келлеръ*), Аристидъ Рей, Жакларъ, Фанелли, Фрисчіа, Николай Жуковскій и другіе. Они немедленно основали L'Alliance Internationale de la democratie socialiste. Декларація принциповъ новаго общества написалъ Бакунинъ. Декларація эта, почти дословно, появилась одновременно и по-русски, ввидѣ программы журнала »Народное Дѣло«, которую читатель найдетъ въ концѣ этого тома. Организаторы Альянса, люди прекрасной политической репутаціи, не замедлили объединить, особенно во Франціи, въ Испаніи и въ Италіи, рядъ замѣчательныхъ молодыхъ соціалистовъ революціонеровъ.

Бакунинъ, лично уже вступившій въ Интернаціоналъ, предложилъ Генеральному Совѣту послѣдняго принять и весь Альянсъ въ цѣломъ составѣ и съ его собственной программой. Генеральный Совѣтъ предложилъ распустить Альянсъ, а членовъ его, отдѣльно каждаго, согласился принять въ Ассоціацію. Ставъ

*) Авторъ извѣстной пѣсни Интернаціонала »Ouvrier, prends la machine, prends la terre paysan!«

членами Интернаціонала, Бакунинъ и его друзья, а особенно Фанелли и Фрисчіа, проявили большую активность пропагандистовъ и организаторовъ. За короткое время возникли секціи и федераціи въ Италіи и въ Испаніи. А въ Швейцаріи самъ Бакунинъ былъ неутомимъ: читалъ лекціи, участвовалъ въ изданіяхъ Интернаціонала, велъ обширную переписку, не пропускалъ собраній рабочихъ. Его пропаганда соціализма безгосударственнаго, основаннаго на свободной ассоціаціи и на добровольной федераціи, встрѣтила горячую симпатію среди самыхъ образованныхъ, талантливыхъ и энергичныхъ интернаціоналистовъ: Варленъ, Реклю, Малонъ, Пенди, де Папъ, Робенъ, Брисме, Джемсъ Гильомъ, Швицгебель, Перонъ, Келлеръ . . . словомъ, всѣ тѣ, кто прославились докладами и дебатами на конгрессахъ и въ Парижской Коммунѣ 1871 г., были съ Бакунинымъ.

Но успѣхъ Бакунина и его друзей, съ безгосударственнымъ соціализмомъ, встревожилъ государственниковъ, особенно нѣмцевъ съ Марксомъ, Энгельсомъ и Либкнехтомъ-отцомъ во главѣ. Хотя нѣмцевъ въ Интернаціоналѣ было мало, тѣмъ не менѣе случилось такъ, что генеральный совѣтъ великой ассоціаціи, засѣдавшій въ Лондонѣ, очутился въ рукахъ нѣмцевъ, собственно говоря, Маркса и Энгельса и нѣсколькихъ малообразованныхъ стариковъ, нѣмецкихъ рабочихъ, уцѣлѣвшихъ отъ 1848 года, и послушныхъ орудій въ рукахъ Маркса и Энгельса. Господа эти, какъ мы сейчасъ увидимъ, мечтали стать диктаторами международнаго движенія и направить послѣднее на легальный парламентаризмъ. Естественно, Бакунинъ и его революціонные друзья были имъ поперекъ дороги. Стало настоятельною необходимостью отдѣлаться отъ

нихъ, удалить ихъ изъ Интернаціонала. Они и добились своего . . . Но какими возмутительными средствами и какою страшною цѣною! . . . Разбили великую ассоціацію и опозорили себя навсегда въ глазахъ честныхъ людей.

Какъ все это могло случиться? — А вотъ какъ:

Въ 1862 г., на второй всемірной выставкѣ въ Лондонѣ, англійскіе трэдъ-уніоны устроили дружескій пріемъ французскимъ рабочимъ, пріѣхавшимъ изучить выставку. На банкетѣ 5 августа, англичане выразили желаніе установить постояныя сношенія между рабочими различныхъ странъ. На это Французы отвѣтили предложеніемъ устроить комитеты для переписки съ различными странами о нуждахъ рабочаго класса. Все собраніе единогласно приняло предложеніе Французовъ.

Въ слѣдующемъ, 1863 году, въ Лондонѣ была организована большая международная манифестація въ симпатіи польской революціи. На митингѣ, въ присутствіи французскихъ делегатовъ, Оджеръ, одинъ изъ вожаковъ трэдъ-уніоновъ, закончилъ свою рѣчь о всеобщемъ мирѣ предложеніемъ созыва международныхъ конгрессовъ рабочихъ **для борьбы съ капиталомъ и для прекращенія ввоза изъ одной страны въ другую неорганизованныхъ рабочихъ.**

Первый шагъ уже сдѣланъ. Второй и рѣшительный былъ совершенъ въ слѣдующемъ, 1864 г., когда въ Лондонъ пріѣхали французскіе делегаты Лимузенъ, Перрашонъ и Толенъ уже съ опредѣленнымъ планомъ организаціи Интернаціонала. На митингѣ въ Сенъ-Мартинсъ Голъ, на который, по четырнадца-

ти пригласительнымъ письмамъ секретаря Германа Юнга*), пришли, между прочими, овенистъ Вестонъ, радикальный профессоръ Эдуардъ Бизли (председатель митинга) и Карлъ Марксъ. Въ отвѣтномъ адресѣ, Толенъ, отъ имени Французовъ, прочиталъ:

»Рабочіе всѣхъ странъ, желающіе быть свобод-»ными, настало время созывать ваши конгерссы! На-»родъ вновь выступаетъ на сцену съ сознаніемъ »своей мощи противъ тираніи въ политикѣ, противъ »монополіи и привилегіи въ строѣ экономическомъ... »Намъ рабочимъ всѣхъ странъ, надобно объединить-»ся . . .«

Митингъ принялъ эти слова съ восторгомъ и резолюція гласила:

»Выслушавъ нашихъ братьевъ Французовъ . . . »принимаемъ ихъ программу, полезную въ дѣлѣ улуч-»шенія условій жизни рабочихъ классовъ, и беремъ »ее за основаніе **Интернаціональной** организаціи . . .«

Митингъ выбралъ комитетъ для выработки статутовъ, проэктъ которыхъ былъ предложенъ Французами. Марксъ присуствовалъ **зрителемъ**, »молча«, какъ онъ самъ писалъ Энгельсу.

Такъ создалась великая Международная Ассоціація Рабочихъ (Интернаціоналъ). Англійскіе и французскіе рабочіе его задумали въ 1862 г., въ 1863 г. они сдѣлали первый шагъ, а въ 1864 г. основали его безъ участія кого бы то ни было изъ буржуазіи. Вся честь созданія великаго историческаго братства народовъ, цѣликомъ принадлежитъ **рабочимъ** Англіи и

*) Юнгъ, часовщикъ, швейцарецъ, прекрасно говорившій по-англійски, по-французски и по-нѣмецки, былъ съ самаго начала другомъ-товарищемъ и переводчикомъ между англичанами и французами.

Франціи. »Интернаціоналъ — дитя парижскихъ мастерскихъ, отданное на кормленіе грудью въ Лондонъ«*). Ни нѣмцамъ, ни Марксу тамъ мѣста не было. А какъ только, на гибель Интернаціонала, они вмѣшались, пошла тайная вражда, клевета, интриги.

Въ письмѣ къ Энгельсу, самъ Марксъ говоритъ, что былъ приглашенъ на митингъ, былъ простымъ зрителемъ и молчалъ. Дѣятелями, творцами организаціи были англичане Оджеръ, Кремеръ, Лукрафтъ и французы Толенъ, Лимузенъ, Перрашонъ. Въ томъ же письмѣ Марксъ очень хвалитъ и тѣхъ и другихъ. »Толенъ очень хорошъ; его товарищи тоже прекрасные люди«. А впослѣдствіи, когда Интернаціоналъ быстро сталъ во Франціи двигательной революціонной силой и лучшіе его организаторы и ораторы были заключены по тюрьмамъ, интригующій Марксъ не нарадуется ихъ осужденію. »Къ счастью, писалъ онъ своему достойному другу Энгельсу, наши старые знакомые въ Парижѣ всѣ подъ замкомъ«. Это языкъ сыщика и прокурора. Относительно англичанъ, основателей Интернаціонала, онъ былъ не менѣе враждебенъ. Оджеръ, Кремеръ, Лукрафтъ, Поттеръ и другіе честные рабочіе пригласили Маркса въ члены генеральнаго совѣта и съ полнымъ довѣріемъ честныхъ людей передали ему, »старому другу« рабочаго класса, всѣ дѣла и связи. Однако, они скоро замѣтили, что Марксъ и Энгельсъ систематически ихъ оттираютъ и стремятся стать диктаторами. Что Оджеръ и друзья не ошибались, тому доказательство въ письмѣ

*) Знаменитая фраза учителя француза Бибаль: »Un enfant ne dans les ateliers de Paris et mis en nourrice a Londres.«

Маркса къ Энгельсу, отъ 11 сентября 1868 г., когда Интернаціоналъ достигъ своей апогеи, а во Франціи надвигалась республиканская революція.

»Грядущая революція«, писалъ онъ, которая, быть можетъ, »ближе, чѣмъ то кажется, и МЫ (то есть, Я и ТЫ) будемъ имѣть въ нашихъ рукахъ это могущественое орудіе . . . паршивыя свины между трэдъ-уніонами . . . Оджеръ, Кремеръ и Поттеръ намъ завидуютъ въ Лондонѣ . . .« Нѣтъ, эти честные люди не завидовали Марксу и Энгельсу, а, замѣтивъ ихъ диктаторскія интриги, стали отстраняться и, въ несчастью, оставили все дѣло великой ассоціаціи въ рукахъ безчестныхъ интригановъ.

* * *

Готовясь къ диктатурѣ, считая Интернаціоналъ въ своихъ рукахъ, могъ ли Марксъ терпѣть присуствіе умныхъ, образованныхъ, энергичныхъ и краснорѣчивыхъ дѣятелей въ Интернаціоналѣ? Да еще, въ добавокъ, автономистовъ, федералистовъ и анархистовъ! . . . Конечно, нѣтъ. Особенно Бакунинъ, съ его міровой репутаціей революціоннаго героя, и швейцарецъ Джемсъ Гильомъ, неутомимый писатель, конференціоналистъ, владѣющій лучше самихъ Маркса и Энгельса древними и новыми европейскими языками, особенно эти двое стояли поперекъ ихъ дороги къ до дикости нелѣпой цѣли диктатуры надъ міровымъ движеніемъ пролетаріата. Противъ нихъ была организована настоящая кампанія клеветы, конечно, тайной, подъ сурдинкой.

Правда, Марксъ тожественно обвинялъ Бакунина въ невѣжествѣ за его требованіе уничтоженія права на наслѣдство. »Старая ветошь сенсимонизма«, объ-

являлъ Марксъ. Но онъ забылъ, что въ его пресловутомъ Коммунистическомъ Манифестѣ, переведенномъ Бакунинымъ на русскій языкъ, это самое требованіе красуется третьмъ среди девяти пунктовъ о монополіи государства и организаціи государственной арміи труда, особенно для обработки полей по общему плану. Откуда такая забывчивость? Не потому-ли забылъ Марксъ объ этомъ пунктѣ, что Манифестъ его и Энгельса не ихъ произведеніе, а безстыдный литературный плагіатъ Манифеста Виктора Консидерана*) »Principes du Socialisme—Manifeste de la Democratie au XIX siecle«? Даже и этимъ нельзя объяснуть забывчивость, потому что именно пункты о монополіяхъ и о наслѣдствѣ ихъ собственное измышленіе, которое они повторили въ прокламаціи (1848 г.) къ нѣмецкому народу (»Ограниченіе права наслѣдства«, пунктъ 14).

Кромѣ этого вздорнаго и крайне недобросовѣстнаго принципіальнаго обвиненія, Марксъ не приводилъ ни одного. Даже объ отрицаніи государства не упомянуто. Оно и понятно: тогда соціализмъ не былъ еще превращенъ нѣмцами въ имперіализмъ, въ казарму и въ общественное рабство. Даже гораздо позже, въ 1891 г., играя въ популярность, Энгельсъ писалъ языкомъ анархистовъ, говоря, что »въ соціали-

*) Плагіатъ Манифеста В. Консидерана Марксомъ и Энгельсомъ теперь вполнѣ установленъ. Это призналъ знаменитый литературный критикъ Георгъ Брандесъ въ »Berliner Tageblatt« 19 августа 1913 г.; итальянскій соц.-демократъ Лабріола, и даже самъ Каутскій принужденъ признать, что »без сомнѣнія всѣ эти идеи (alle diese Ideen) содержатся въ Манифестѣ Консидерана (»Die neue Zeit«, 1906, стр. 697).

стическомъ обществѣ государство вмѣстѣ съ прялкой будетъ сдано въ музеумъ«.

Но ежели у Маркса не имѣлось противъ Бакунина аргументовъ научныхъ, онъ обладалъ неизсякаемымъ запасомъ злобы и клеветы. Чего только не возводилъ онъ на Бакунина, а, кстати, и на Герцена . . . Вотъ образчикъ честности гражданина Маркса:

»Бакунинъ, который съ того времени, какъ онъ захотѣлъ выдавать себя за **руководителя европейскаго рабочаго движенія**, облыжно отзывался о своемъ другѣ и покровителѣ Герценѣ, сейчасъ же послѣ его смерти принялся громко его восхвалять. Почему? Герценъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ богатымъ человѣкомъ, получалъ ежегодно 25,000 рублей на пропаганду отъ дружественной ему псевдо-соціалистической панславитской партіи въ Россіи. Благодаря громкимъ славословіямъ Бакунина эти деньги перешли къ **нему**, и онъ такимъ образомъ въ денежномъ и **моральномъ** отношеніи sine beneficio inventarii вступилъ во владѣніе **»наслѣдствомъ** Герцена« — malgre sa haine de l'heritage«.

И эту гнусную клевету на двухъ лучшихъ людей русской, да и общечеловѣческой свободной, революціонной мысли, Марксъ написалъ на бумагѣ главнаго Совѣта Интернаціонала, усугубляя злостную клевету международнымъ подлогомъ. Спрашивается, откуда Марксъ могъ почерпнуть подобныя гнусности? Да ниоткудова; самъ выдумалъ. Вѣдь печаталъ же онъ раньше, что Герценъ получалъ деньги отъ Наполеона III, что Бакунинъ былъ тайнымъ агентомъ русскаго правительства. Да развѣ только относительно Герцена и Бакунина Марксъ былъ недобросовѣстенъ? А въ наукѣ? Вѣдь присвоилъ же себѣ прибавочную стои-

мость Томсона, книгу котораго онъ раньше цитировалъ противъ Прудона; присвоилъ же изъ книги Бюре*) исторію рабочаго законодательства при Эдуардѣ и Елизаветѣ англійскихъ; присвоилъ же концентарцію капитала; а его другъ и сотрудникъ всей жизни Энгельсъ такъ ужъ и всю книгу Бюре себѣ присвоилъ; да кстати и законъ минимума заработной платы Тюрго присвоилъ. Такимъ людямъ источниковъ не требуется.

Мы съ отвращеніемъ остановились на клеветахъ Маркса и его сподвижниковъ и послѣдователей противъ Бакунина и Герцена. Мы вынуждены къ этому нескончаемымъ количествомъ убогихъ листковъ и брошюръ, повторяющихъ на русскомъ языкѣ всю безнравственную пошлость патентованныхъ плагіаторовъ и клеветниковъ. Подумайте только, нашелся русскій переводчикъ книги Іекка, въ которой о Бакунинѣ сказано нѣчто такое, что къ лицу рабу кейзера, но что недостойно честнаго человѣка, а тѣмъ паче русскаго, маломальски знакомаго съ родной литературой. Вѣдь переводчикъ и распространитель клеветы самъ становится клеветникомъ.

Были и другія причины для клеветы на Бакунина и Герцена. Въ 1848 г., когда Марксъ и Энгельсъ напечатали первую клевету, Бакунинъ защищалъ права, нѣмцами угнетенныхъ, славянъ, а клеветники защищали нѣмецкое угнетеніе, отрицали автономныя права тѣхъ же славянъ. Это первое. А вотъ и второе. Согласно пониманію сороковыхъ годовъ ,соціальная демократія была синонимомъ республики, соціализма

*) Eugene Buret. »De la Misere dess classes laborieuses en Angleterre et en France«. Paris, 1840.

и революціи. Французская Demoratie Sociliste Ледрю Роллена, Луи Блана, Флокона и Бланки и совершила Февральскую Революцію, и коммиссію соціальныхъ реформъ учредили подъ предсѣдательствомъ Луи Блана и рабочаго механика Альбера. Да и нѣмцы того времени, подражая французамъ, понимали демократію соціальную какъ республиканскую, что ясно видно изъ прокламаціи къ нѣмецкому народу (мартъ 1848) подписанную Марксомъ, Энгельсомъ, Вольфомъ и другими, провозглашавшую Германію **республикой**. А въ 1868—73 и вплоть до нашихъ дней нѣмцы, съ Марксомъ, Энгельсомъ и Либкнехтомъ во главѣ, преднамѣренно и систематически стали вмѣсто революціи пропагандировать эволюцію производственныхъ отношеній, легализмъ и парламентаризмъ; о республикѣ и поминать забыли; а вмѣсто соціальной солидарности равноправныхъ и свободныхъ членовъ коммунъ и ассоціаціи стали пропагандировать организацію арміи труда »особенно для земледѣлія съ обработкой полей по общему плану« . . . по всей имперіи, вѣроятно, такъ какъ, соціаль-демократія партія имперская, а не прусская или саксонская. А Бакунинъ, какъ видно изъ ниже печатаемыхъ статей, а особенно изъ »Богъ и Государство«, звалъ рабочихъ и народъ къ революціи для разрушенія не только имперіи, но и всякаго государства, и не легальнымъ парламентаризмомъ, а бунтомъ, революціей.

Послѣдней каплею, переполнившей чашу злобы и ненависти, была франко-прусская война 1870 г.

Марксъ и Энгельсъ, какъ въ наши трагическіе дни общеевропейской войны кайзеръ, Гинденбургъ, Зудекумъ и прочіе, объявили, что Бисмаркъ и Мольтке, раззоря и выжигая французскую территорію, из-

бивая невооруженныхъ крестьянъ, женщинъ и дѣтей, вели войну оборонительную!

»Со стороны нѣмцевъ эта война оборонительная« — »Французовъ слѣдуетъ высѣчь« (Die Franzosen brauchen Pruegel) — »Съ побѣдой Пруссіи централизуется власть государства, что будетъ полезно для централизаціи нѣмецкаго рабочаго класса«. — Они до того увлеклись благодѣтельностью прусскихъ побѣдъ, что 31 іюля Энгельсъ писалъ Марксу: »Первую серьезную побѣду одержали мы« . . . (т. е. Мольтке, Вердеръ, Бисмаркъ и Энгельсъ съ Марксомъ). — Разъ они стали отожествлять свое дѣло съ варварствомъ прусскаго милитаризма, они не задумались и посодѣйствовать Пруссіи. Въ письмѣ отъ 7 сентября 1870*) Энгелсъ писалъ Марксу, что слѣдовало бы, отъ имени Генеральнаго Совѣта, уговорить—

»Интернаціоналъ во Франціи воздержаться до заключенія мира« . . . »Ежели возможно повліять въ »Парижѣ, слѣдуетъ помѣшать рабочимъ вмѣшиваться »до заключенія мира« — повторяетъ онъ въ письмѣ от 12 числа. И это, когда Парижъ осажденъ озвѣревшей ордой убійцъ и грабителей. Подобный совѣтъ осажденнымъ у честныхъ людей называется совѣтомъ предательства и измѣны. А Марксъ, подъ вліяніемъ Энгельса, выпустилъ отъ имени Генеральнаго Совѣта Интернаціонала, воззваніе, приглашавшее рабочихъ, не нѣмецкихъ и французскихъ вмѣстѣ, а только французскихъ, не браться за оружіе, не защищать своихъ близкихъ и свою независимость. Вотъ документъ (онъ помѣченъ 9 сентября 1870 г.):

»Il ne faut pas que les ouvriers francais se laissent

---

*) Значитъ, послѣ провозглашенія республики во Франціи, послѣ 4 сентября.

»entrainer par les souvenirs de 1792, comme les paysans »francais se sont laisses precedemment duper par les »souvenirs du premier empire« (»Французскимъ рабо»чимъ не слѣдуетъ увлекаться воспоминаніями 1792 »года, подобно французскимъ крестьянамъ, поддав»шимся передъ этимъ обманчивымъ воспоминаніямъ »первой имперіи«).

Такъ говорили, писали и дѣйствовали клеветники. А что писалъ и дѣлалъ въ этотъ трагическій моментъ оклеветанный Бакунинъ?

23 августа, онъ писалъ соціалистамъ въ Ліонъ:

»Ежели французскій народъ не возстанетъ поголовно, пруссаки возьмутъ Парижъ . . . Повсюду народъ долженъ взяться за оружіе, долженъ самъ организовать свои силы для войны противъ вторгнувшихся нѣмцевъ, для войны разрушительной, войны на ножахъ . . . Если вы желаете спасти Францію отъ рабства, разоренія, нищеты на цѣлыхъ пятьдесятъ лѣтъ, вы должны совершить, то, передъ чѣмъ поблеснулъ бы патріотическій порывъ 1792 . . . Дѣло Франціи стало дѣломъ человѣчества. Борясь, становясь патріотами, мы спасемъ свободу человѣчества . . . О, если бы я былъ молодъ, не письма бы вамъ писалъ, а былъ бы среди васъ!«

Спустя девять дней (2 сентября) Бакунинъ писалъ слѣдующія строки:

»Вторгнись во Францію армія пролетаріевъ англійскихъ, бельгійскихъ, нѣмецкихъ, испанскихъ, тальянскихъ съ развѣвающимся знаменемъ соціализма революціоннаго и возвѣщая міру окончательное освобожденіе труда, я бы первый крикнулъ французскимъ рабочимъ: »Раскройте объятія, это братья ваши, соединяйтесь съ ними, чтобы вымести гніющіе

остатки буржуазнаго строя«. Но вторженіе, позорящее нынѣ Францію, не демократическое и не соціалистическое, а нашествіе аристократіи, монархіи, солдатчины. Пятьсотъ или шестьсотъ тысячъ нѣмецкихъ солдатъ топятъ въ крови Францію. Они покорные поданые, они рабы деспота, кичащагося своимъ »божественнымъ« правомъ . . . они самые страшные враги пролетаріата. Принимая ихъ мирно, оставаясь безучастнымъ къ этому нашествію нѣмецкаго деспотизма, аристократіи и милитаризма на Францію, французскіе рабочіе предали бы не только свою свободу, свое достоинство, свое благосостояніе и малѣйшую надежду на лучшее будущее, они предали бы также и дѣло пролетаріата всего міра, святое дѣло соціализма революціоннаго«.

Бакунинъ до того страдалъ отъ разгрома Франціи и торжества нѣмецкаго, мнимо культурнаго варварства, что не могъ усидѣть въ Локарно и въ сентябрѣ мѣсяцѣ, съ согласія друзей, поѣхалъ въ Ліонъ, гдѣ и принялъ активное участіе въ неудавшейся попыткѣ учрежденія революціонной коммуны*). Глубоко огор-

*) Въ этомъ очеркѣ мы не можемъ останавливаться на отдѣльныхъ эпизодахъ жизни М. А. Бакунина. Подробный разсказъ о возстаніяхъ въ Дрезденѣ, Прагѣ, Ліонѣ, о попыткѣ въ Болоньѣ, о Коммунѣ въ Картагенѣ, и вообще объ испанскихъ движеніяхъ начала семидесятыхъ годовъ потребовалъ бы большой многотомный трудъ, подобный труду Д-ра Неттлау. По той же причинѣ мы не коснулись фактической стороны участія Бакунина въ жизни и дѣятельности русской революціонной молодежи. Въ послѣдующихъ томахъ, объясняя значеніе и поводъ изданія отдѣльныхъ произведеній, мы постараемся пополнить фактическую сторону.

ченный ліонскими событіями, а также и настроеніемъ населенія Марсели, куда онъ проѣхалъ изъ Ліона, Бакунинъ занесъ въ свою рукопись слѣдующія прекрасныя строки, полныя глубокой скорби и поразительно яснаго пониманія событій того времени и гибельныхъ для демократіи послѣдствій нѣмецкихъ побѣдъ:

»Я не французъ«, читаемъ мы на стр. 154, IV тома *), »но, признаюсь, глубоко возмущенъ всѣми оскорбленіями, наносимыхъ Франціи, и прихожу въ отчаяніе отъ ея несчастій. Я горько оплакиваю несчастіе этого симпатичнаго, великаго и великодушнаго національнаго характера, этого лучезарнаго французскаго ума, выработаннаго, и развитаго исторіей, какъ будто, для эманципаціи человѣчества. Я оплакиваю молчаніе, которое можетъ быть наложено на мощный голосъ Франціи, возвѣстившій всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ свободу, равенство, братство и справедливость. И мнѣ кажется, что, ежели великое солнце Франціи померкнетъ, затменіе наступитъ повсюду, и какіе бы разноцвѣтные фонари ни зажгли резонерствующіе нѣмецкіе ученые имъ не удастся замѣнить простую и великую ясность, распространяемую на весь міръ французскимъ геніемъ.

»Въ тоже время, я убѣжденъ, что пораженіе и подчиненіе Франціи, и торжесево Германіи, порабощенной пруссаками, отброситъ Европу во мракъ, въ нищету, въ рабство минувшихъ вѣковъ. Я до того убѣжденъ въ этомъ, что мнѣ представляется какъ священная обязанность для всякаго, кто любитъ сво-

---

*) Œuvres, tome IV. Paris, 1910. Изданіе подъ редакціей Джемса Гильома.

боду, кто желаетъ торжества человѣчества надъ звѣрствомъ, какой бы національности онъ ни былъ — англичанинъ, испанецъ, итальянецъ, полякъ, русскій и даже нѣмецъ — онъ обязанъ принять участіе въ демократической борьбѣ французскаго народа противъ вторженія германскаго деспотизма«.

Пророческія слова! Побѣда Германіи въ 1870 г. привела Европу къ настоящей варварской войнѣ, передъ которой блекнутъ всѣ звѣрства Ксерксовъ и Аттилъ, Тамерлановъ и Османовъ. Эти герои крови и пожаровъ были невинные младенцы передъ бѣшенымъ кейзеромъ и передъ его Гинденбургами . . .

Бакунинъ съ отчаяніемъ и съ болью въ сердцѣ предвидѣлъ надвигавшійся позоръ европейской цивилизаціи, но и онъ, навѣрно, не могъ вообразить и сотой доли кровавыхъ ужасовъ, совершенныхъ нынѣ нѣемцами въ Бельгіи, во Франціи и въ Польшѣ.

Изъ приведенныхъ цитатъ видно вполнѣ ясно, что Бакунинъ и Марксъ были два антипода въ политикѣ, въ соціализмѣ, въ Интернаціоналѣ и въ частной жизни. Вражда между ними — вражда двухъ міровоззрѣній, двухъ различныхъ натуръ и характеровъ. Характеръ Бакунина очерченъ Герценымъ въ одной фразѣ:

»Въ немъ было что-то дѣтское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло къ нему слабыхъ и сильныхъ, отталкивая однихъ чопарныхъ мѣщанъ«.

Марксъ отталкивался отъ него, но не какъ простой чопарный мѣщанинъ, а какъ нѣмецкій патріотъ

и врагъ французской республиканской и революціонной демократіи. Онъ не могъ простить Бакунину и его талантливымъ друзьямъ, особенно Джемсу Гильому, ихъ защиту Франціи противъ нѣмецкхиъ ордъ кейзера, королей и принцевъ. Онъ искалъ случая отомстить имъ, и случай скоро представился на Гаагскомъ конгрессѣ Интернаціонала въ 1872 г., на который делегатовъ настоящихъ, выборныхъ пріѣхало очень мало. Зато была многочисленная делегація по бланкамъ, привезеннымъ, по просьбѣ Маркса, другомъ его Зорге изъ Нью-Іорка. Бланки были розданы друзьямъ Маркса, даже не членамъ Интернаціонала, какъ напримѣръ, Молтману Бери, агенту **англійскихъ консерваторовъ.**

Настоящіе члены основатели, напр., Германъ Юнгъ, возмущенные этой черной кабалой, отказались ѣхать, хотя Марксъ съ Энгельсомъ два раза приходили въ мастерскую Юнга, уговаривали ѣхать на конгрессъ, предлагали денегъ на дорогу и на расходы. Конгрессъ все же состоялся и подобраное большинство въ Гаагѣ изгнало изъ Интернаціонала Бакунина и Джемса Гильома. Нѣмцы торжествовали. Но на слѣдующемъ конгрессѣ, 1873 г. въ Женевѣ, настоящими делегатами отъ федераціи Англійской, Бельгійской, Голландской, Испанской, Итальянской, Французской и Швейцарской (знаменитая Юрская Федерація) гаагскія рѣшенія были отвергнуты, Генеральный Совѣтъ уничтоженъ и пунктомъ 3 пересмотренныхъ статутовъ Интернаціонала было установлено, что—

»Федераціи и секціи Ассоціаціи вполнѣ автономны, т. е. организуются и ведутъ свои дѣла согласно

ихъ собственнымъ рѣшеніямъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, а равно сами выбираютъ направленіе и пріемы дѣятельности, ведущей къ освобожденію труда«.

Такимъ образомъ, настоящій Интернаціоналъ осудилъ людей, злоупотребившихъ довѣріемъ рабочихъ классовъ и тайкомъ стремившихся содѣйствовать побѣдамъ нѣмецкаго деспотизма надъ демократической республикой, только что провозглашенной во Франціи. Казалось, Бакунину было дано полное удовлетвореніе и онъ могъ торжествовать побѣду. Но пораженіе Франціи, разгромъ Коммуны, самый скандалъ и распаденіе Интернаціонала глубоко огорчили Бакунина.

Ему исполнилось 58 лѣтъ. Годы тюрьмы въ цѣпяхъ сказались въ преждевременной старости могучаго организма »исполина съ львиной головой«. Порокъ сердца все усиливался. Онъ уединился въ Локарно, и послѣдніе четыре года своей жизни провелъ за работой надъ большей частью, нынѣ изданныхъ по-французски, его произведеній.

Перваго іюля 1876 г. Бакунина не стало. Онъ умеръ въ госпиталѣ, въ Бернѣ, на рукахъ своихъ старыхъ друзей Рейхеля и Адольфа Фогта.

На похороны его явились представители соціалистовъ **пяти** національностей. Вечеромъ того же дня они собрались на митингъ и приняли слѣдующую резолюцію:

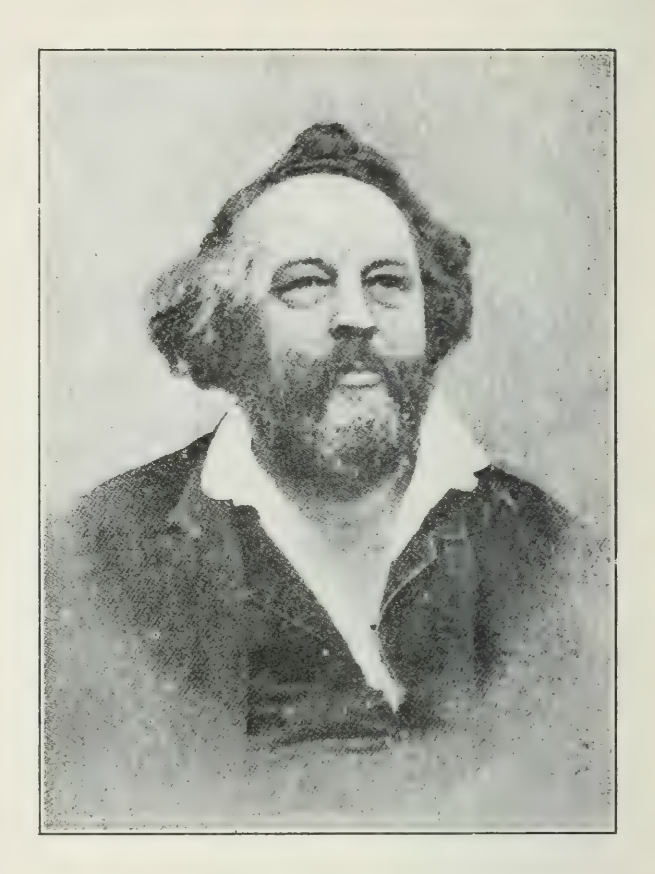
»Рабочіе пяти національностей, собравшіеся въ Бернѣ на похоронахъ Михаила Бакунина, будучи одни сторониками рабочаго государства, другіе — свободной федераціи обществъ производителей, полага-

ютъ, что примиреніе между ними было бы не только очень полезно и весьма желательно, но и легко осуществимо на почвѣ принциповъ, формулированныхъ въ пунктѣ 3 статутовъ Интернаціонала, пересмотренныхъ конгрессомъ 1873, въ Женевѣ«.

Этотъ призывъ къ единенію борцовъ за освобожденіе труда остается самымъ лучшимъ вѣнкомъ, возложеннымъ на могилу Бакунина.

В. ЧЕРКЕЗОВЪ.

4 октября 1915.

M. Bakounine

М. А. БАКУНИНЪ
въ 1868 г.

Рѣчи и Статьи по Славянскому Вопросу

I.

РѢЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ 29 НОЯБРЯ 1847 Г. ВЪ ПАРИЖѢ НА БАНКЕТѢ ВЪ ГОДОВЩИНУ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1830 Г.*).

Господа,

Настоящая минута для меня очень торжественна. Я русскій и прихожу въ это многочисленное собраніе, которое сошлось, чтобъ праздновать годовщину польскаго возстанія, и котораго одно присуствіе здѣсь есть уже родъ вызова, угроза и какъ бы проклятіе, брошенное въ лицо всѣмъ притѣснителямъ Польши; — я прихожу въ него, господа, одушевленный глубокою любовью и непоколебимымъ уваженіемъ къ моему отечеству.

Мнѣ не безизвѣестно, насколько Россія не популярна въ Европѣ. Поляки смотрятъ на нее, не безъ основанія, быть можетъ, какъ на одну изъ главныхъ причинъ ихъ несчастій. Люди независимые въ другихъ странахъ видятъ въ столь быстромъ развитіи ея

*) По тексту, напечатанному въ газетѣ Флокона и Ледрю-Поллэна La Reforme 1847, 14 Decembre.

могущества опасность, постоянно растущую, для свободы народовъ. Повсюду имя русскаго является синонимомъ грубаго угнетенія и позорнаго рабства. Русскій, во мнѣніи Европы, есть ни что иное, какъ гнусное орудіе завоеванія въ рукахъ ненавистнѣйшаго и опаснѣйшаго деспотизма.

Господа, — не для того чтобъ оправдывать Россію отъ преступленій, въ которыхъ ее обвиняютъ, не для того чтобъ отрицать истину, взошелъ я на эту трибуну. Я не хочу пробовать невозможное. Истина становится болѣе, чѣмъ когда либо, нужною для моего отечества.

И такъ, да, — мы еще народъ рабскій! У насъ нѣтъ свободы, нѣтъ достоинства человѣческаго. Мы живемъ подъ отвратительнымъ деспотизмомъ, необузданнымъ въ его капризахъ, неограниченномъ къ дѣйствіи. У насъ нѣтъ никакихъ правъ, никакого суда, никакой апелляціи противъ произвола; мы не имѣемъ ничего, что составляетъ достоинство и гордость народовъ. Нельзя вообразитъ положеніе болѣе несчастное и болѣе унизительное.

Извнѣ наше положеніе не менѣе плачевно. Будучи пассивными исполнителями мысли, которая для насъ чужая, воли, которая также противна нашимъ интересамъ, какъ и нашей чести, мы страшны, ненавидимы, я хотѣлъ даже сказать, почти презираемы, потому что на насъ повсюду смотрятъ, какъ на враговъ цивилизаціи и человѣчества. Наши повелители пользуются нашими руками, для того чтобъ сковать міръ, чтобъ поработить народы, и всякій успѣхъ ихъ есть новый позоръ, прибавленный къ нашей исторіи.

Не говоря о Польшѣ, гдѣ съ 1772 и особенно съ 1831 г. мы позоримъ себя каждый день жестокими

насиліями, гнусностями, которымъ нѣтъ имени. — какую только несчастную роль не заставляли насъ играть въ Германіи, въ Италіи, въ Испаніи, даже во Франціи, повсюду, куда наше вредоносное вліяніе могло только проникнуть!

Послѣ 1815 г. было ли хоть одно благородное дѣло, которое бы мы не подавляли, хоть одно дурное дѣло, которое бы мы не поддерживали, хоть одна великая несправедливость политическая, въ которой мы бы не были подстрекателями или соучастниками? — Вслѣдствіе фатальности, поистинѣ плачевной, и гибельной прежде всего для самой Россіи, эта Россія, съ самаго начала ея поднятія до чина первостепеннаго государства, стала поощреніемъ къ преступленію и угрозою всѣмъ святымъ интересамъ человѣчества. Благодаря этой ненавистной политикѣ нашихъ государей, русскій, въ оффиціальномъ смыслѣ слова, значитъ рабъ и палачъ!

Вы видите, господа, — я вполнѣ сознаю свое положеніе; и все таки я являюсь здѣсь, какъ русскій, — не смотря на то, что я русскій, но потому что я — русскій. Я прихожу съ глубокимъ чувствомъ отвѣтственности, которая тяготѣетъ на мнѣ, равно какъ и на всѣхъ другихъ личностяхъ моего отечества, такъ какъ честь личная нераздѣльна отъ чести національной: безъ этой отвѣтственности, безъ этого внутренняго союза между націями и ихъ правительствами, между личностями и націями, не было бы ни отечества, ни націи. (Аплодисменты).

Этой отвѣтственности, этой солидарности въ преступленіи никогда, господа, я не чувствовалъ такъ больно, какъ въ эту минуту; потому, что годовщина, которую вы сегодня празднуете, господа, для васъ —

великое воспоминаніе, воспоминаніе святаго возстанія и геройской борьбы, воспомнаніе объ одной изъ прекраснѣйшихъ эпохъ вашей національной жизни. (Продолжительные аплодисменты.) Вы всѣ присутствовали при этомъ великолѣпномъ возбужденіи народномъ, вы принимали участіе въ этой борьбѣ, вы были въ ней дѣятелями и героями. Въ этой святой войнѣ, казалосъ, развили, распространили, истощили все, что великая душа польская содержитъ въ себѣ энтузіазма! Подавленные численною силою вы наконецъ упали. Но воспоминаніе объ этой эпохѣ, навѣки памятной, осталось записаннымъ пламенными буквами въ вашихъ сердцахъ; но вы всѣ вышли возрожденные изъ этой войны: возрожденные и сильные, закаленные противъ искушеній несчастія, противъ печалей изгнанія, полные гордости за ваше прошлое. полные вѣры въ ваше будущее!

Годовщина 29. Ноября, господа, для васъ не только великое воспоминаніе, но еще и залогъ будущаго освобожденія, будущаго возврата вашего въ ваше отечество. (Аплод.)

Для меня, какъ для русскаго, это годовщина позора; да, — великаго позора національнаго! Я говорю это громко: война 1831 г. была съ нашей стороны войной безумной, преступной, братоубійственной. Это было не только несправедливое нападеніе на сосѣдній народъ. это было чудовищное покушеніе на свободу брата. Это было болѣе, господа: со стороны моего отечества это было политическое самоубійство. (Аплод.) Эта война была предпринята въ интересѣ деспотизма и никоимъ образомъ не въ интересѣ націи русской, — ибо эти два интереса абсолютно противуположны. Освобожденіе Польши было бы нашимъ

спасеніемъ: если бы вы стали свободны, мы бы стали также: вы не могли бы ниспровергнуть путъ царя польскаго, не поколебавъ трона императора Россіи... (Аплод.). Мы дѣти одной породы, и наши судьбы не раздѣльны, наше дѣло должно бытъ общимъ. (Аплод.)

Вы это хорошо поняли, когда вы написали на вашихъ революціонныхъ знаменахъ эти русскія слова: »за нашу и за вашу вольность«. Вы это хорошо поняли, когда, въ самый критическій моментъ борьбы, вся Варшава собралась въ одинъ денъ, подъ вліяніемъ великой братской мысли отдать честъ публично и торжественно нашимъ героямъ, нашимъ мученикам 1825 г., Пестелю, Рылѣеву, Муравьеву-Апостолу, Бестужеву-Рюмину и Коховскому (аплод.), повѣшенным въ Петербургѣ, за то что они были первые граждане Россіи!

Ахъ, господа, вы ничѣмъ не пренебрегали, чтобъ убѣдитъ насъ въ вашемъ симпатическомъ расположеніи, чтобъ тронутъ наши сердца, чтобъ вытянутъ насъ изъ нашего фатальнаго ослѣпленія. Напрасныя попытки! Потерянный трудъ! Солдаты царя, глухіе къ вашему призыву, не видя, не понимая ничего, мы пошли противъ васъ, — и преступленіе совершено! Господа, изъ всѣхъ утѣснителей, изъ всѣхъ враговъ вашей страны, наиболѣе заслужили ваши проклятія и вашу ненависть — мы.

И однакожъ я являюсь передъ вами не только какъ русскій кающійся. Я осмѣливаюсъ провозгласить въ вашемъ присутствіи мою любовь и мое почтеніе къ моему отечеству. Я осмѣливаюсь еще более, господа, осмѣливаюсь пригласить васъ на союзъ съ **Россіей**.

Я долженъ объясниться.

Около года тому назадъ,—я думаю, послѣ убійствъ въ Галиціи,—польскій дворянинъ, въ очень краснорѣчивомъ и сдѣлавшимся извѣстнымъ письмѣ, адресованномъ къ князу Меттерниху, дѣлалъ вамъ страшное предложеніе. Увлеченный, безъ сомнѣнія, ненавистью, впрочемъ совершенно законною, противъ австрійцевъ, онъ предлагалъ вамъ ни болѣе, ни менѣе какъ подчиниться царю, отдаться ему тѣломъ и душою, вполнѣ, безъ условій и оговорокъ; онъ вамъ совѣтовалъ захотѣть добровольно то, чему вы до тѣхъ поръ подчинялись, и обѣщалъ вамъ, въ вознагражденіе за это, что лишь только вы перестанете позировать какъ рабы, вашъ господинъ, против своей воли, станетъ вашимъ братом. Вашимъ братомъ, господа, слышите ли вы? — императоръ Николай вашимъ братомъ! (Нѣтъ нѣтъ! Живое движеніе.)

Угнетателя, врага самаго ожесточеннаго, врага личнаго Польши, палача столькихъ жертвъ (браво!...) похитителя вашей свободы, того, кто васъ преслѣдуетъ съ такою адскою настойчивостью, столько же по ненависти и инстинкту, какъ и изъ политики, — вы приняли бъ за брата? (Нѣтъ! нѣтъ!).

Всякій изъ васъ предпочелъ бы погибнуть (Да!...) я это хорошо зналъ; всякій изъ васъ предпочелъ бы видѣть погибель Польши, чѣмъ согласиться на такой чудовищный союзъ. (Удвоенныя браво). Но допустите на мгновеніе это невозможное предположеніе. Знаете ли, какое было бы самое вѣрное средство для васъ нанести вредъ Россіи? Это было бы подчиниться царю. Онъ нашелъ бы въ этомъ освященіе для своей политики и такую силу, которую отнынѣ ничто бы не могло остановить. Горе намъ было бы, еслибъ эта

антинаціональная политика воспреобладала надъ всѣми препятствіями, которыя еще противятся ея полному осуществленію! И первое, самое большое препятствіе это безспорно Польша, это отчаянное сопротивленіе этого геройскаго народа, который спасаетъ насъ, борясь съ нами. (Шумные аплодисменты).

Да, — потому что вы враги императора Николая, враги Россіи оффиціальной, вы натурально, даже того не желая, друзья народа русскаго. (Аплод.).

Я знаю, въ Европѣ вообще думаютъ, что мы съ нашимъ правительствомъ составляемъ нераздѣльное цѣлое, что мы чувствуемъ себя очень счастливыми подъ управленіемъ Николая, что онъ и его система, притѣснительная внутри, и наступательная внѣ, прекрасно выражаютъ нашъ національный духъ.

Все это неправда.

Нѣтъ, господа, народъ русскій не чувствуетъ себя счастливымъ! Я говорю это съ радостью, съ гордостью. Потому что, если бы счастіе было возможно для него въ той мерзости, въ которую онъ погруженъ, это былъ бы самый подлый, самый гнусный народъ въ мірѣ. Нами тоже управляетъ иностранная рука монархъ происхожденія нѣмецкаго, который не пойметъ никогда ни нуждъ, ни характера народа русскаго и котораго правительство, странная смѣсь монгольской грубости и прусскаго педантизма, совершенно исключаетъ національный элементъ. Такимъ образомъ, лишенные политическихъ правъ, мы не имѣемъ даже той свободы натуральной, - патріархальной, такъ сказать, — которою пользуются народы наименѣе цивилизованные и которая позволяетъ по крайней мѣрѣ человѣку отдохнуть сердцемъ въ родной средѣ и отдаться вполнѣ инстинктамъ своего

племени. Мы не имѣемъ ничего этого; никакой жестъ натуральный, никакое свободное движеніе намъ не дозволено. Намъ почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагаетъ извѣстную независимость, а мы только бездушные колеса въ этой чудовищной машинѣ притѣсненія и завоеванія, которую называютъ русской имперіей. Но, господа, — предположите, что у машины естъ душа и, бытъ можетъ, вы тогда составите себѣ понятіе объ огромности нашихъ страданій. Мы не избавлены ни отъ какого стыда, ни отъ какой муки и мы имѣемъ всѣ нечастія Польши безъ ея чести.

Безъ ея чести, сказалъ я, — и я настаиваю на этомъ выраженіи для всего, что есть правительственнаго, оффиціальнаго, политическаго въ Россіи.

Нація слабая, истощенная, могла бы нуждаться во лжи, для поддержанія жалкихъ остатковъ существованія, которое угасаетъ. Но Россія не въ такомъ положеній, слава богу! Природа этого народа попорчена только на поверхности: сильная, могучая и молодая,—ей только надо опрокинутъ препятетвіе, которымъ смѣютъ ее окружать,—чтобь показаться во всей первобытной красотѣ, чтобъ развитъ всѣ свои невѣдомыя сокровища, чтобъ показатъ наконец всему свѣту, что русскій народъ имѣетъ право на существованіе не во имя грубой силы, какъ думаютъ обыкновенно, но во имя всего, что есть наиболѣе благороднаго, наиболѣе священнаго въ жизни народовъ, во имя человѣчности, во имя свободы.

Господа, Россія не только несчастна, но и недовольна, — терпѣніе ея готово истощиться. Знаете ли вы, что говорится на ухо даже при дворѣ въ Петербургѣ? Знаете ли, что думаютъ приближенные, фаво-

риты, даже министры и литераторы? Что царствованіе Николая похоже на царствованіе Людовика 15. Всѣ предчувствуютъ грозу, — грозу близкую, ужасную, которая пугаетъ многихъ, но которую нація призываетъ съ радостью. (Шумные аплод.).

Внутреннія дѣла страны идутъ ужасно дурно. Это полная анархія со всѣми видимостями порядка. Подъ внѣшностью іерархическаго формализма, крайне строгаго, скрываются отвратительныя раны; наша администрація, наша юстиція, наши финансы все это одна ложь: ложь, чтобъ обмануть заграничное мнѣніе, ложь, чтобъ усыпить чувство безопасности и сознаніе императора, который поддается ей тѣмъ охотнѣе, что дѣйствительное положеніе дѣлъ его пугаетъ. Это наконецъ организація на большую руку, организація такъ сказать обдуманная и ученая несправедливости, варварства и грабежа, — потому что всѣ слуги царя, начиная отъ тѣхъ, которые занимаютъ наивысшія должности и оканчивая самыми мелкими уѣздными чиновниками, разоряютъ, обкрадываютъ страну, совершаютъ несправедливости самыя вопіющія, самыя отвратительныя насилія, безъ малѣйшаго стыда, безъ малѣйшаго страха, публично, среди бѣлаго дня, съ нахальствомъ и грубостью безпримѣрными, не давая себѣ даже труда скрывать свои преступленія передъ негодованіемъ публики, настолько они увѣрены въ своей безнаказанности.

Императоръ Николай принимаетъ иногда видъ, будто онъ хочетъ остановить ростъ этой страшной испорченности, но какъ можетъ онъ устранить зло, котораго главная причина въ немъ самомъ, въ самой основѣ его правительства, — и вотъ гдѣ тайна его глубокаго безсилія къ добру, Потому что правитель-

ство, которое кажется такимъ импозантнымъ извнѣ, внутри страны безсильно: ничто ему не удается, всѣ преобразованія, которыя оно предпринимаетъ, тотчасъ же обращются въ ничто. Имѣя опорой своей только двѣ самыя гнусныя страсти человѣческаго сердца: продажность и страхъ, дѣйствуя внѣ всѣхъ національныхъ инстинктовъ, внѣ всѣхъ интересовъ, всѣхъ полезныхъ силъ страны, правительство Россіи ослабляетъ себя каждый день своимъ собственнымъ дѣйствіемъ и разстраиваетъ себя страшнымъ образомъ. Оно волнуется, кидается съ мѣста на мѣсто, перемѣняетъ ежеминутно проэкты и идеи, оно предпринимаетъ сразу многое, но не осуществляетъ ничего. У него есть одна только сила — вредить, и ею оно пользуется широко, какъ будто оно хотѣло само ускорить минуту своей гибели. Чуждое и враждебное странѣ посреди самой этой страны, оно отмѣчено для будущаго паденія.

Враги его повсюду: во первыхъ, эта страшная масса крестьянъ, которые не ждутъ болѣе отъ императора своего освобожденія и которыхъ бунты съ каждымъ днемъ умножаются, показываютъ, что они устали ждать; далѣе классъ промежуточный, очень многочисленный и состоящій изъ элементовъ очень различныхъ, классъ безпокойный, буйственный, который бросится со страстью въ первое революціонное движеніе.

Наконецъ и особенно это безчисленная армія, которая покрываетъ все пространство имперіи. Николай смотритъ, правда, на своихъ солдатъ, какъ на своихъ лучшихъ друзей, какъ на самыя твердыя опоры трона: но это странная иллюзія, которая не преминетъ сдѣлаться для него гибельною. Какъ!

Опора трона, эти люди, вышедшіе изъ рядовъ народа, такъ глубоко несчастнаго, люди, которыхъ отрываютъ грубо отъ ихъ семействъ, которыхъ ловятъ, какъ дикихъ звѣрей, по лѣсамъ, гдѣ они прячутся, часто изуродовавши сами себя, чтобъ избавиться отъ рекрутства, — которыхъ ведутъ закованными въ полки ихъ, гдѣ они приговорены въ теченіе 20 лѣтъ, т. е. всю жизнь человѣка, къ одному существованію, гдѣ ихъ бьютъ каждый день, угнетаютъ ежедневно новыми тяжкими работами и гдѣ они постоянно умираютъ съ голода! Чѣмъ были бы они, великій боже! эти русскіе солдаты, если бы, посреди такихъ пытокъ, они могли любить ту руку, которая ихъ мучитъ! Вѣрьте мнѣ, господа, наши солдаты самые опасные враги теперешняго порядка вещей, — особенно гвардейскіе, которые, видя зло у источника его, не могутъ обманываться на счетъ единственной причины всѣхъ ихъ страданій. Наши солдаты — это самъ народъ, но еще болѣе недовольный, это народъ совершенно разочарованный, вооруженный, привыкшій къ дисциплинѣ и къ общему дѣйствію. Хотите ли доказательства? Во всѣхъ послѣднихъ бунтахъ крестьянскихъ отпускные солдаты играли главную роль. Чтобъ окончить этотъ обзоръ враговъ правительства въ Россіи, я долженъ, наконецъ, сказатъ, господа, что въ дворянской молодежи есть много людей образованныхъ, великодушныхъ, патріотовъ, которые краснѣютъ отъ стыда и ужаса нашего положенія, которые оскорбляются чувствовать себя рабами, которые всѣ питаютъ противъ императора и его правительства неугасимую ненависть. Ахъ, вѣрьте мнѣ право, элементовъ революціонныхъ достаточно въ Россіи! Она оживляется, она волнуется, она считаетъ свои силы, она узнаетъ

себя, сосредоточивается, — и минута не далека, когда буря, великая буря, наше общее спасеніе, поднимется! (Продолжительные апплод.)

Господа, — я вамъ предлагаю союзъ отъ имени этого новаго общества, этой настоящей націи русской! (Аплодисменты.)

Мысль о революціонномъ союзѣ между Польшей и Россіей не нова. Она уже зародилась, какъ вы знаете, между заговорщиками обѣхъ странъ въ 1824 г.

Господа, воспоминаніе, которое я вызвалъ сейчасъ, наполняютъ мою душу гордостью. Русскіе заговорщики первые тогда переступили черезъ пропасть, которая, казалось, насъ раздѣляла. Слушаясь только своего патріотизма, не обращая вниманія на предубѣжденія, которыми вы были естественно одушевлены противъ всего, что носило имя русское, они обратились къ вамъ первые, безъ недовѣрія, безъ задней мысли; они предложили вамъ общее дѣйствіе противъ нашего общаго врага, противъ нашего единственнаго врага. (Аплод.).

Вы простите мнѣ, господа, эту минуту невольной гордости. Русскій, который любитъ свое отечество, не можетъ холодно говорить объ этихъ людяхъ; они наша самая чистая слава, — и я счастливъ, что могу провозгласить это посреди этого большого и благороднаго собранія, посреди этого польскаго собранія (аплод.) — они наши святые, наши герои, мученики нашей свободы, пророки нашего будущаго. (Аплод.) Съ высоты своихъ висѣлицъ, изъ глубины Сибири, гдѣ они стонутъ до сихъ поръ, они были нашимъ спасеніемъ, нашимъ свѣтомъ, источникомъ всѣхъ нашихъ добрыхъ вдохновеній, нашею охраною противъ проклятыхъ вліяній деспотизма, нашимъ доказатель-

ствомъ передъ вами и передъ всѣмъ міромъ, что Россія содержитъ въ себѣ всѣ элементы свободы и истиннаго величія! Стыдъ, стыдъ тому изъ насъ, кто не признаетъ этого! (Шумны аплод.).

Господа, — призывая ихъ великія имена, опираясь на ихъ могучій авторитетъ, я являюсь передъ вами, какъ братъ, — и вы меня не оттолкнете. (Нѣтъ! нѣтъ!)

Я не уполномоченъ формально говорить вамъ такъ; но безъ малѣйшей суетной претензіи я чувствую, что въ эту торжественную минуту моими устами говоритъ вамъ сама нація русская. (Аплод.) Я не единственный въ Россіи, который любитъ Польшу и который питаетъ къ ней чувство горячаго удивленія, страстную горячность, глубокое чувство смѣшанное съ покаяніемъ и надеждой, которое я никогда не смогу вамъ передать. Друзья, извѣстные и неизвѣстные, которые раздѣляютъ мои симпатіи, мои мнѣнія, многочисленны (аплод.), и мнѣ было бы легко доказатъ это вамъ, называя вамъ факты и имена, если бы я не боялся безполезно скомпрометироватъ многія лица. Отъ имени ихъ, господа, отъ имени всего, что есть живого и благороднаго въ моей странѣ, протягиваю я вамъ братскую руку. (Живые аплод.). Прикованные другъ къ другу судьбою фатальною, неизбѣжною, долгою и драматическою исторіей, которой печальныя послѣдствія мы теперь терпимъ, наши страны долго взаимно ненавидѣли одна другую. Но часъ примиренія пробилъ: пора уже нашимъ разногласіямъ окончиться. (Аплод.)

Наши преступленія передъ вами велики! Вамъ надо много простить насъ! Но наше раскаяніе не менѣе велико, и мы чувствуемъ въ себѣ силу доброй

воли, которая съумѣетъ исправить всѣ зла нами нанесенныя, и заставитъ васъ забыть прошлое. Тогда наша вражда замѣнится любовью, любовью тѣмъ болѣе пламенною, чѣмъ больше наша вражда была неугасимою. (Живое согласіе.)

Пока мы оставались раздѣленными, мы взаимно парализовали другъ друга. Ничто не сможетъ противиться нашему общему дѣйствію.

Примиреніе Россіи и Польши — дѣло огромное и достойное того, чтобъ ему отдаться всецѣло. Это увольненіе 60-ти милліоновъ душъ, это освобожденіе всѣхъ славянскихъ народовъ, которые стонутъ подъ игомъ иностраннымъ, это наконецъ паденіе, окончательное паденіе деспотизма въ Европѣ. (Аплод.).

Да наступитъ же великій день примиренія, — день, когда русскіе, соединные съ вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цѣль и противъ общаго врага, получатъ право запѣть вмѣстѣ съ вами національную пѣсню польскую, гимнъ славянской свободы: »Jeszcze Polska nie zginela!«

II.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ СЛАВЯНАМЪ*)
(1848 Г.).

Братья!

Рѣшительный часъ пробилъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы открыто и отважно рѣшить, чью сторону взять, сторону ли развалины стараго міра, чтобы поддержать ее еще на короткое мгновеніе, или сторону новаго міра, котораго заря занимается, который принадлежитъ будущимъ поколѣніямъ и которому принадлежатъ будущія поколѣнія. Для васъ дѣло идетъ о томъ, ваша ли будетъ молодая будущность, или вы еще разъ хотите впасть на цѣлые вѣка въ могилу безсилія, во тьму тщетныхъ надеждъ, въ проклятіе рабства. Отъ вашего выбора зависитъ, удастся ли и остальнымъ народамъ, стремящимся къ освобожденію, достичь цѣли быстрымъ и безостановочнымъ шагомъ, или же эта цѣль, если она и не можетъ никогда исчезнуть, то все же должна опять отодвинуться

*) Aufruf an die Slaven. Von einem russischen Patrioten Michael Bakunin. Mitglied des Slavenkongresses in Prag. Koethen. Selbsverlag des Verfassers. 1848.

въ необозримую даль. На васъ обращены глаза всѣхъ, полные ожиданія. На томъ, какой будетъ вашъ выборъ, покоится рѣшеніе ближайшей и дальнѣйшей судьбы міар. Рѣшайтесь, что вамъ выбрать, — спасеніе себѣ или гибель, быть ли вамъ благословеніемъ или проклятіемъ міра. Этотъ выборъ лежитъ передъ вами, — выбирайте!

Міръ раздѣленъ на два стана. Между ними не проложено никакой средней дороги. И ни одна часть не можетъ безнаказанно отдѣлиться отъ великаго неразрывнаго союза, въ которомъ стоятъ всѣ, кто преслѣдуетъ одинаковую цѣль, и кто всѣ вмѣстѣ должны побѣдить или покориться.

Міръ раздѣленъ на два стана. Здѣсь **революція**, тамъ **контръ-революція**, — вотъ лозунги. На одинъ изъ нихъ долженъ рѣшиться каждый, и мы, и вы, братья, должны рѣшиться.

Средней дороги нѣтъ. Тѣ, которые ее указываютъ и прославляютъ, или обманутые, или обманщики.

Обмануты, если вѣрятъ въ ложь, будто можно вѣрнѣе всего проскользнуть къ цѣли, уступая понемножку обѣмъ борющимся партіямъ, чтобы успокоитъ обѣ и помѣшать взрыву необходимой открытой битвѣ между ними.

Обманщики, если хотять-увѣрить васъ, будто вы, по примѣру хитрыхъ дипломатовъ, должны стать внѣ обоихъ лагерей, чтобы, улучивши время, примкнуть къ сильнѣйшему и при его помощи счастливо обдѣлать ваше собственное дѣло.

Братья! не довѣряйте дипломатическимъ уловкамъ. Поляки уже бросились въ гибель, они столкнутъ и васъ туда.

Что говоритъ вамъ дипломатическая хитрость? Она говоритъ вамъ, что стоитъ только вамъ воспользоваться ею, какъ средствомъ, и вы побѣдите враговъ. Но не видите ли вы, что пока вы ею воспользуетесь, она, вмѣсто того, употребитъ васъ, чтобы, при вашей помощи, разбить на голову своего теперешняго врага, а потомъ, справившись съ нимъ, поработивъ и васъ, стоящихъ одиноко и потому тоже слишкомъ слабыхъ для сопротивленія? Развѣ вы не видите, что постыдная хитрость контръ-революціи именно въ томъ и заключается, что она старается разрознить передовыхъ бойцовъ молодого, нового времени, прилагая старое правило всѣхъ угнетателей: »раздѣляй и господствуй«, чтобы ихъ по одиночкѣ поработить и заковать въ оковы?

Чего же иного можете вы отъ нея надѣяться? Развѣ можетъ дипломатія отречься отъ своей матери, которая есть ничто иное, какъ самая старая деспотія? Можетъ ли она стараться помогать побѣдѣ какихъ либо интересовъ, кромѣ тѣхъ, благодаря которымъ она сама началась? Можетъ ли она работать для рожденія того новаго быта, который есть ея проклятіе и смертъ? Можетъ ли она быть союзницей той демонической силы, міръ обновлющей, которая **намъ**, братья, прокладываетъ дорогу, чтобы мы могуче перелили нашу внутреннюю полноту, какъ свѣжіе весенніе соки въ жилы окоченѣлой европейской народной жизни? Никогда! Взгляните только твердо и проницательно въ искаженное злостью лицо вѣроломной дипломатіи и вы проникнетесь страхомъ и отвращеніемъ отъ ея своднческихъ приманокъ и съ ужасомъ и омерзеніемъ оттолкнете ее прочь отъ себя. Никогда не выйдетъ правда изъ лжи, великое изъ

посредственности, и свобода завоевывается только свободой.

Вашъ гнѣвъ былъ справедливъ; справедливо дышали вы местью противъ той достойной проклятія нѣмецкой политики, которая замышляла только вашу гибель, которая вѣками держала васъ въ рабствѣ, которая въ Франкфуртѣ говорила съ презрѣніемъ о вашихъ справедливыхъ надеждахъ и требованіяхъ, которая въ Вѣнѣ злорадно ликовала надъ пораженіемъ нашего, полнаго жизни пражскаго съѣзда! Но не заблуждайтесь, присмотритесь! Эта политика, которую мы осуждаемъ, которую мы проклинаемъ и которой мы страшно отомстимъ, не есть политика будущаго нѣмецкаго народа, не есть политика нѣмецкой революціи, нѣмецкой демократіи; это политика старой государственности, политика княжескаго права, аристократовъ и привилегированныхъ всякаго рода, политика камарилей и генераловъ, управляемыхъ ими какъ машины, Радецкихъ, Виндишгрецовъ, Врангелей, это политика, для погибели которой мы всѣ, юношески оживленные современнымъ духомъ, отважно и радостно должны схватить протянутыя руки демократовъ всѣхъ странъ, и, въ тѣсномъ союзѣ съ ними, должны сражаться за ихъ и наше общее спасеніе, за ихъ и нашу общую будущность.

Что дѣлаютъ реакціонеры для своего неправаго дѣла, и неужели мы не сдѣлаемъ того же для нашего праваго дѣла?

Если реакція конспирируетъ во всей Европѣ, если она при помощи принятой организаціи дѣйствуетъ соединенно и сплоченно, то и революція должна создать себѣ соотвѣтственную силу дѣйствія. Священ-

ная обязанность насъ всѣхъ, борцовъ революціи, демократовъ всѣхъ странъ, соединить наши силы, постараться другъ друга понять и сплотиться вмѣстѣ, для того, чтобы въ союзѣ мы могли отразить и побѣдить враговъ нашей общей свободы.

Именно первымъ признакомъ жизни революціи, — вы это знаете, — былъ крикъ ненависти противъ старой политики угнетенія, крикъ сочувствія и любви ко всѣмъ угнетеннымъ національностямъ. Народы, которыхъ такъ долго водила на арканѣ лицемѣрная и предательская дипломатія, почувствовали, наконецъ, позоръ, какимъ старая дипломатія покрыла человѣчество, и признали, что благо націй не обезпечено, пока хоть одинъ народъ въ Европѣ живетъ подъ гнетомъ; что свобода народовъ, для того, чтобы укорениться гдѣ-либо, должна укорениться вездѣ, и въ первый разъ дѣйствительно потребовали они, словно изъ однихъ устъ, свободы для всѣхъ людей, для всѣхъ народовъ, свободу истинную и цѣльную, свободу безъ условій, безъ исключеній, безъ границъ. »Прочь угнетателей!« раздалось словно изъ однихъ устъ, »да здравствуютъ угнетенные, поляки, италіянцы, и всѣ! Не надо болѣе завоевательныхъ войнъ, еще только одно послѣднее сраженіе революціи для окончательнаго освобожденія всѣхъ народовъ! Долой искуственныя границы, насильно проведенныя конгрессами деспотовъ ради такъ называемыхъ историческихъ, географическихъ, коммерческихъ, стратегическихъ необходимостей! Не должно быть никакихъ другихъ границъ раздѣленія между націями, кромѣ границъ, согласныхъ съ природою, проведенныхъ справедливо въ духѣ демократіи, которыя начертаетъ верховная воля самихъ народовъ на основаніи ихъ національныхъ

особенностей!« Такъ пролетѣлъ кличъ по всѣмъ народамъ.

Вы внимаете, братья, кличу величественному, полному предчувствія? Помните, какъ въ Вѣнѣ вы внимали ему, когда, сражаясь съ другими за спасеніе всѣхъ, вы, между нѣмецкими баррикадами, воздвигли большую славянскую баррикаду со знаменемъ нашей будущей свободы.

Велико и прекрасно было это движеніе, которое прошло всю Европу. Какъ поднялись, трепеща, отъ радости, тронутые дуновеніемъ революціи, итальянцы, поляки, славяне, нѣмцы, мадьяры, валахи, тѣ что въ Австріи, и тѣ, что въ Турціи, словомъ всѣ, которые до тѣхъ поръ стонали въ домашнихъ цѣпяхъ или подъ чужимъ игомъ! Самыя дерзкія мечты пришли въ исполненіе. Народы видѣли, какъ съ могилы ихъ независимости свалился, словно сдвинутый, невидимой рукой, тяжелый камень, тяготѣвшій на ней цѣлыя столѣтія; волшебная печать была сломана, и драконъ, сторожившій болѣзненное оцѣпененіе стольких заживо погребеныхъ націй, лежалъ тамъ убитый и хрипящій. Занялась красная заря весны народовъ. Старая государственая политика погрузилась въ ничто; новая политика вступила въ жизнь, политика народовъ. Революція обявила разрушенными деспотическія госуадрства, — обявила разрушенною прусскую державу, признавши доставшіеся ей польскія части края отдѣленными, — обявила разрушенною Австрію, это чудовище, сплетенное хитростью, насиліемъ и преступленіемъ изъ самыхъ разнородныхъ національностей, — обявила разрушенной турецкую державу, въ которой едва семьсотъ тысячъ османовъ попирали ногами двѣнадцатимилліонное населеніе

славянъ. валаховъ и грековъ. — наконец, обявила разрушеннымъ послѣднее утѣшеніе деспотовъ, послѣднее обманщицкое укрѣпленіе разбитой на голову дипломатіи, русскую державу, чтобы три порабощенныя ею націи. великороссы, малороссы и поляки, предоставленные самимъ себѣ, могли подать свободную руку остальнымъ славянскимъ братьямъ. Такъ былъ разрушенъ, опрокинутъ и наново устроенъ весь сѣверъ и востокъ Европы, Италія освобождена и конечной цѣлью всего поставлена была — всеобщая федерація европейскихъ республикъ.

Тогда мы вмѣстѣ, какъ братья вступили въ Прагу: представители всѣхъ славянскихъ народностей встрѣтились, наконецъ, какъ братья, послѣ долгой разлуки, и съ восторгомъ говорили другъ другу, что отнынѣ наши дороги не должны расходиться. Живо чувствуя общую связь исторіи и крови, клялись мы не допускать болѣе, чтобы наши судьбы шли розно. Проклиная политику, жертвой которой мы были такъ долго, мы сами себѣ создали право, основанное на совершенной независимости и обѣщали, что она отнынѣ будетъ общей всѣмъ славянскимъ народамъ. Мы признали за чехами и хорватами самостоятельность. Мы рѣшительно отразили нахальныя притязанія франкфуртскаго парламента, этого сборища, ставшаго уже теперь посмѣшищемъ всей Европы, которое хотѣло онѣмечить насъ, и въ то же время мы протянули братскую руку нѣмецкому народу демократической Германіи. Во имя тѣхъ изъ насъ, которые живутъ въ Венгріи, мы предложили братскій союзъ мадьярамъ, бѣшенымъ врагамъ нашей расы, имъ, которые, едва насчитывая четыре милліона, осмѣливались стараться наложить свое иго на восемь милліоновъ сла-

вянъ. И тѣхъ нашихъ братьевъ, которые вздыхали подъ гнетомъ турокъ, не забыли мы въ нашемъ союзѣ освобожденія. Мы торжественно прокляли ту преступную политику, которая трижды разорвала Польшу и еще разъ хочетъ разорвать ея печальные остатки, и выразили живую надежду, что воскресеніе этого благороднаго, святого народа-мученика скоро подастъ намъ знакъ къ освобожденію насъ всѣхъ отъ стараго рабства. Наконецъ, къ великому русскому народу, тому народу, который одинъ изъ всѣхъ славянскихъ народовъ съумѣлъ удержать въ полной мѣрѣ свою политически-національную самостоятельность, мы обратились съ воззваніемъ, съ убѣжденіемъ помнить о томъ, что онъ самъ слишкомъ хорошо знаетъ, что вся эта самостоятельность и величіе есть ничто, пока народъ самъ въ себѣ не освободится и пока онъ терпитъ, чтобы его сила была чумой для несчастной Польши и вѣчно угрожающимъ бичемъ для всей европейской цивилизаціи. Все это мы высказали и, вмѣстѣ со всѣми демократами всѣхъ народовъ, потребовали: **свободы, равенства и братства всѣхъ націй,** въ средѣ которыхъ, свободные какъ онѣ и въ братскихъ отношеніяхъ со всѣми, славянскіе народы должны завязать между собою тѣсный братскій союзъ для образованія одного большого союзнаго тѣла.

Мы чувствовали тогда себя увѣренными въ нашемъ дѣлѣ; въ его успѣхѣ нельзя было сомнѣваться, если бы только мы стояли при немъ до конца; потому что справедливость и человѣчность были всецѣло на нашей сторонѣ, на сторонѣ же нашихъ враговъ ничего, кромѣ несправедливости и варварства. Не пустымъ грезамъ отдавались мы; нѣтъ, это были мысли о единственно вѣрной и необходимой политикѣ,

политикѣ самоосвобожденія, революціи, единодушнаго дѣйствія вмѣстѣ съ народными возстаніями всѣхъ странъ, въ братскомъ единеніи съ демократіей всего міра. Мы отбросили противную политику, которая была вамъ предлагаема, политику лицемѣрія и предательства, политику дипломатовъ, государственныхъ умниковъ, которые преподавали вамъ мудрость, будто вы должны искать избавленія въ возстановленіи самодержавной императорской власти и въ спасеніи Австріи, потому будто бы, что если вы опять возвратите силу императору, то вы, австрійскіе славяне, образуете независимое славянское государство и будете свободны при помощи возстановленной вами императорской власти. Что насъ эта политика можетъ совратить, въ этом была въ Прагѣ единственная опасность, отъ которой я тогда предостерегалъ на съѣздѣ. Тогда мы избѣжали опасности, и партія государственныхъ политиковъ уступила передъ нашимъ воодушевленіемъ общимъ дѣломъ всѣхъ славянъ и всѣхъ свободныхъ націи.

Но что же тогда сдѣлали рабы отвергнутой нами государственной политики? Они были благосклонны къ нашему съѣзду, пока надѣялись воспользоваться имъ для своихъ дипломатическихъ цѣлей и для подавленія нѣмецкой и мадьярской революціи въ Австріи, но тотчасъ начали свирѣпствовать противъ него, какъ только увидали, что онъ обращается противъ ихъ плановъ и хочетъ служить не интересамъ государственной политики, а чистым интересамъ національной свободы и братства народовъ. Теперь они достигли того, что разбили нашъ съѣздъ и допустили Виндишгреца бомбардировать Прагу. Напрасно было пятидневное геройское сопротивленіе вдохновеннаго

народа; городъ принужденъ былъ покориться, преданный тѣми, кто были призваны защищать его, и славянскій съѣздъ былъ распущенъ. Но мы еще ничего не потеряли. Съ сердцами, волнуемыми вѣрой въ наше святое и правое дѣло, разстались мы, и разсѣялись чтобы повсемѣстно работать для него и вездѣ подготовлять почву для нашего будущаго освобожденія; мы желали другъ другу увидѣться снова въ великій день нашего общаго славянскаго востанія.

Деспоты дрожали, несмотря на ихъ кажущуюся побѣду въ Прагѣ. Они дрожали отъ страха, что мы безстрашно исполнимъ тѣ клятвы, которыя мы произнесли, пылая местью, передъ развалинами и грудами труповъ, залитые кровью нашихъ храбрыхъ братьевъ, подъ громомъ бомбъ, которыми Виндишгрецъ, палачъ нашей свободы, осыпалъ золотую Прагу. Они дрожали передъ возстаніемъ славянскихъ народовъ, которыхъ прежде они мечтали водить на помочахъ, какъ послушныхъ дѣтей.

Что сдѣлали тогда деспоты? Они говорили между собою: возстаніе славянъ грозитъ намъ гибелью; поищемъ средствъ, чтобы превратить славянское возстаніе въ якорь нашего спасенія! Какія же средства? Вотъ они: натравимъ славянъ на нѣмцевъ, а нѣмцевъ на славянъ! Собьемъ съ толку этихъ еще неопытныхъ въ политикѣ дѣтей разными кажущимися доводами и обаятельными обманами, пусть они воображаютъ себя мудрецами, ступая по дорогѣ, ведущей къ нашей цѣли. Вызовемъ для этого опять всю старую закоренѣлую ненависть, всѣ справедливые и несправедливые предразсудки, всѣ едва поколебленныя причины взаимнаго подозрѣванія и недовѣрія, шепнемъ это въ уши, чтобы отравить сердце, возмутить умы, ослѣпить

души и распалить ихъ другъ противъ друга! Мы раздуемъ въ неугасаемый пожаръ этотъ зажженный нами огонь льстивыми обѣщаніями съ нашей стороны, которыхъ мы никогда не исполнимъ.

Такъ они говорили, такъ они и сдѣлали. И врагамъ свободы, врагамъ справедливости, мастерамъ предательской государственной политики удалось на одно мгновеніе заморочить наши головы, братья! Вы допустили опутать себя на одну минуту изобрѣтеніемъ этихъ лукавыхъ политиковъ, которое состояло въ томъ, будто дѣло революціи все равно, что дѣло тѣхъ нѣмецкихъ пожирателей страны въ парламентахъ, на которыхъ обращенъ вашъ справедливый гнѣвъ, все равно, что дѣло вашихъ враговъ и притѣснителей, властолюбивыхъ мадьяръ, и вы, сбитые съ толку, обратились противъ основы вашей собственной и нашей общей свободы, **противъ революціи**, и пристали къ своему заклятому опаснѣйшему врагу, къ династической политикѣ и деспотизму. Нашего же естественнаго друга и союзника, демократію, вы оставили въ Вѣнѣ страдать и нести наказаніе за насъ. Славяне! какъ прежде грѣшила противъ васъ старая нѣмецкая государственная политика въ Вѣнѣ, такъ грѣшила подогрѣтая деспотическая система во Франкфуртѣ. Правда, славяне мстили въ Вѣнѣ за совершенныя противъ нихъ преступленія, но они выместили не на преступникахъ, а именно на прирожденныхъ судьяхъ преступника и естественныхъ союзникахъ мстителя. И партія государственныхъ политиковъ, трусливо устопившая въ вѣнскомъ парламентѣ въ рѣшительный часъ опасности, когда только одни народные интересы должны были считаться и всѣ должны были соединиться, эта партія старалась потомъ

увѣрить васъ въ Прагѣ, что послѣднее вѣнское возстаніе вовсе не было народнымъ движеніемъ, а было сдѣлано мадьярскими деньгами. Но, братья, кто изъ насъ былъ бы такъ жалокъ, такъ глупъ, чтобы повѣрить этимъ бабьимъ сказамъ, будто революціи дѣлаются деньгами? Нѣтъ, деньги всего міра не могутъ подвинуть народъ къ возмущенію, ни одинъ народъ не имѣетъ такой скверной молодежи, которая бы дала себя подкупить. Императорская австрійская государственная политика, — говорила вамъ еще эта партія государственныхъ политиковъ,— это врагъ вашихъ враговъ, такъ какъ она врагъ разбойничьей мадьярщины, то она и врагъ нѣмечины, пожирающей страны! Ложь! Не видите ли вы, что австрійская государственная политика идетъ рука объ руку съ политикой центральной власти во Франкфуртѣ, съ политикой угнетенія во что бы то ни стало и подавленія всякой свободы? Правда, во Франкфуртѣ, въ этомъ фальшиво названномъ народномъ представительствѣ большинства, сидятъ такіе жалкіе, дѣтски глупые люди, которые противъ воли дѣйствительной нѣмецкой націи, только и мечтаютъ о расширеніи нѣмецкаго владычества и о покореніи всѣхъ ненѣмецкихъ народовъ, живущихъ на такъ называемой нѣмецкой землѣ. Но заблужденіемъ и глупостью этихъ людей злоупотребляетъ центральная власть Германіи, такъ же какъ австрійская государственная политика злоупотребляла довѣрчивостью одной части славянъ, чтобы поссорить этотъ чуждый народъ съ его истиннымъ нѣмецкимъ другомъ, съ друзьями свободы, равенства и братства всѣхъ націй, съ народомъ жаждущимъ свободы, съ демократами Германіи, со всѣми тѣми, которымъ вы должны протянуть братскую руку, потому что они

не ваши враги, а враги вашихъ враговъ. Вы были бы свободны. такъ васъ морочатъ эти государственные политики, — вы были бы свободны, если бы помогли австрійской государственной политикѣ побѣдить ея враговъ. Но какая ложь! Вѣна пала. — что же. вы видите какой свободой пользуетесь вы теперь. послѣ этой ужасной катастрофы въ Прагѣ. видите, какъ дипломатія держитъ свои обѣщанія; вы видите. какіе горькіе плоды приноситъ ея союзничество? Гдѣ свобода Праги? Ищите ея съ фонаремъ!

Да. обманъ уже исчезаетъ. вы опять пришли въ себя. братья. вы опять прозрѣли. Что сдѣлалъ Еллачичъ. вамъ это видно. такъ же какъ и тѣ цѣли. которыя онъ преслѣдовалъ; теперь онѣ уже ни для кого не тайна. Его первоначальная задача была защищатъ славянскую свободу противъ угнетательной политики господствующей партіи мадьяръ и помочъ побѣдить враждебную народу государственную политику, на которую работала эта партія при Кошутѣ. Вмѣсто этого онъ пошелъ въ Вѣну и помогъ тамъ побѣдить народное возстаніе. демократію. Онъ измѣнилъ правой и святой цѣли. хорошему демократическому движенію южныхъ Славянъ и продалъ ихъ именно этой безбожной политикѣ, ради ниспроверженія которой возмущенныя славянскія племена довѣрили его представительству свою молодую буйную силу. Его призваніе было поддерживать наше нуждающееся въ помощи братское племя. Словаковъ, силами доставленными ему южно-славянскимъ возстаніемъ. Прѣзрѣвъ это святое призваніе онъ предпочелъ статъ слугой австрійскаго государства и повести свое войско противъ столицы имперіи, чтобы сдѣлать изъ нея очагъ деспотизма для всей Австріи. для всей Европы.

Вмѣсто того, чтобы работать для свободы всѣхъ народовъ, онъ работалъ для выкованнаго въ Инсбрукѣ и Вѣнѣ, радостно принятаго и поощреннаго въ Потсдамѣ и санкціонированнаго франкфуртской центральной властью, какъ и въ Петербургѣ, комплота притѣснителей народныхъ, опустошителей городовъ, массовыхъ убійцъ, старыхъ деспотовъ.

Вы должны быть австрійцами, этого хочетъ государственная политика, этого хочетъ предатель Еллачичъ, который отважился провозгласить открыто и громко эту политику, какъ спасеніе славянъ.

Вы должны быть австрійцами. Что значить быть австрійцами? Это значитъ: помогать деспотіи ослаблять розныо и ненавистью каждую изъ разнообразныхъ напиханныхъ въ Австрію народностей, чтобы усилившись слабостью и взаимной ненавистью ихъ, она наложила на всѣхъ ихъ свое иго. Это значитъ сдѣлать для деспотіи возможной уловку, состоящую въ томъ, чтобы помѣшать слиться свободно въ націи людямъ, роднымъ между собою по крови, языку и нравамъ, по великимъ историческимъ воспоминаніямъ и еще большимъ надеждамъ въ будущемъ, чтобы оторватъ отъ нихъ куски и изъ этихъ оторванныхъ и обезсиленныхъ отдѣленіемъ кусковъ, сковать одно искусственное, всякой природѣ противное, государственное цѣлое, котораго части гнулись бы легко подъ скипетръ деспотіи, такъ какъ они были бы слишкомъ чужды и враждебны одна другой, чтобы вмѣстѣ держаться и сопротивляться. Это значитъ: дать деспотіи возможность возобновить старую игру, которая разорвала Польшу на куски, и продала одинъ кусокъ одному, другой другому государству, и все еще продолжаетъ разрывать тѣло этого прекраснаго народа,

чтобы задушить всякую надежду на возрожденіе Польши, если бы это было возможно. Это значитъ: оторвать отъ общаго славянскаго дѣла, дѣло Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Кроатовъ и всѣхъ другихъ народовъ нашего племени, живущихъ подъ австрійскимъ владычествомъ.

Вы должны быть австрійцами. Что же вы выиграете, братья, если станете австрійцами?

Одно изъ двухъ: или австрійское государство остается тѣмъ, чѣмъ оно есть, смѣсью народностей, которымъ будутъ даны изъ милости равныя права, и вы будете долго посреди этого хаоса тѣмъ, чѣмъ были, низкими, безсильными, презираемыми рабами произвольнаго полка; смиренно и послушно покорными предписаніямъ, посылаемымъ вамъ изъ Вѣны, безъ свободы, безъ собственной силы, безъ вліянія на развитіе будущности всѣхъ соединенныхъ Славянъ, на общечеловѣческую будущность.

Или же австрійскому государству только тѣмъ удастся утвердиться прочно какъ государству, что оно дѣйствительно сдержитъ свое притворное обѣщаніе, данное вамъ, и превратится совершенно въ славянское государство. Но что же вамъ отъ этого? Будете ли вы велики и свободны въ этомъ послѣднемъ, лучшемъ случаѣ? Нѣтъ, вы тогда будете съ одной стороны угнетателями нашихъ братьевъ чужой національности, деспотами Итальянцевъ, Мадьяръ, Нѣмцевъ австрійскихъ. Вы будете дѣлать другимъ то, чего не хотите, чтобы съ вами случилось. И Вы сдѣлаетесь опять рабами, рабами своей собственной деспотіи; потому что никто не можетъ обращать другого въ рабство, не дѣлаясь рабомъ самъ: я, какъ русскій, говорю это вамъ. Вы навлечете на себя ненависть

не только тѣхъ, которыхъ вы будете угнетать, но и всего свободолюбиваго міра, ненависть, негодованіе, презрѣніе и проклятіе всѣхъ народовъ, и наконецъ погибнете сами, какъ губители.

Скажите, на что вы можете опереться послѣ того какъ покроетесь позоромъ тираніи, когда придетъ на васъ день суда, когда та самая сила, которая толкаетъ васъ теперь на борьбу съ вашими притѣснителями, революція, встанетъ противъ васъ и вы тогда, не только какъ враги порабощенныхъ вами, но и какъ враги вашихъ собственныхъ братьевъ по племени, отъ которыхъ вы преступно отдѣлились, для свободы которыхъ вы ничего не сдѣлали, которыхъ бѣдствіе вы помогли продлить, — когда вы, какъ враги народной свободы, какъ враги всего человѣческаго рода, будете стоять отвергнутые всѣмъ міромъ? Скажите, къ чему будетъ ваша сила, если вы ее не тамъ будете искать, гдѣ ее только и можно найти, а именно въ святомъ единеніи, въ общности всѣхъ славянскихъ братьевъ на землѣ? Императоръ ли Фердинандъ ваша сила, это несчастное слабоумное созданіе, которое даетъ себя гонять съ мѣста на мѣсто женщинамъ и придворнымъ и безъ воли даетъ себя дѣлать палачемъ и убійцей тѣхъ, добрымъ отцемъ которыхъ онъ себя называетъ, этотъ императоръ, въ груди котораго, если бы даже это была грудь мужчины, не можетъ жить никакое чувство къ нашему національному стремленію, къ нашему спасенію и будущности, такъ какъ что бы ни билось въ этой груди, это не будетъ славянское сердце? — Или ваша сила въ этой интригующей крамольной камарильѣ, которая только живетъ вашимъ ослѣпленіемъ и которой существованіе только и поддерживается цѣною ненависти,

возбужденной ею къ вамъ во всѣхъ, кого она гнетъ вмѣстѣ съ вами въ одно ярмо, которая пользуется вами для усмиренія ихъ, а ихъ употребляетъ, чтобы не дать вамъ возгордиться, которой послѣднее утѣшеніе, если ужъ провалятся всѣ ея хитрости, есть армія Императора Николая, главы и стража всей народопредательской крамолы въ Европѣ?—Или вы сами себѣ будете силой, вы двѣнадцать милліоновъ Славянъ противъ цѣлаго міра противниковъ и враговъ, безъ симпатіи и помощи отвергнутыхъ и оставленныхъ вами вашихъ братьевъ по племени въ Россіи и Польшѣ, этихъ вашихъ естественныхъ союзниковъ изъ шестидесяти милліоновъ, — вы, которые уже теперь думаете, что не можете устоять сами, не опираясь на черножелтую камарилью и на ея государственныя уловки?

Что выйдетъ изъ васъ при такой обособленности и заброшенности? Ничего! Чѣмъ бы вы могли стать въ союзѣ съ вашими братьями? Громадной силой изъ восьмидесяти милліоновъ, сильнымъ знаменемъ свободы, радостью и гордостью всего соединеннаго юношески пробужденнаго человѣчества.

Братья! я русскій, я говорю вамъ какъ славянинъ. Я вамъ изложилъ откровенно на съѣздѣ въ Прагѣ мои намѣренія, чувства и мысли. Вы знаете, что я, какъ русскій, вижу спасеніе моихъ земляковъ только въ единности со всѣми остальными братьями, въ федераціи свободныхъ племенныхъ союзовъ. Вы знаете, что я поставилъ задачей своей жизни стремленіе къ этой великой и святой цѣли. Это даетъ мнѣ право говорить съ вами такъ, какъ я говорю теперь, потому что ваши обстоятельства вмѣстѣ съ тѣмъ и мои собственныя, ваше дѣло есть наше, ваше спасе-

ніе наше спасеніе, вашъ позоръ нашъ позоръ, ваша гибель наша гибель. Отъ племени шестидесяти милліоновъ Славянъ я обращаюсь къ вамъ съ рѣчю, отъ имени шестидесяти милліоновъ вашихъ братьевъ, которые устали отъ долгаго тяжелаго рабства и которые, какъ только узнали о собраніи Славянскаго съѣзда, стали смотрѣть на него, какъ на избавителя и спасителя. Быть членомъ этого съѣзда и принимать участіе во всѣхъ совѣтахъ и рѣшеніяхъ, предпринятыхъ для нашего общаго спасенія, я съ своей стороны считаю за величайшую честь въ своей жизни. Вы тоже признаете величіе и силу того могучаго племени, котораго представителемъ я былъ на нашемъ общемъ совѣтѣ и отъ имени котораго взываю къ вамъ теперъ, я это знаю; я знаю, что вы съ гордостью смотрите на народъ, которому одному изъ всѣхъ славянъ удалось сохранить въ цѣлости свою національную независимость, что вы вѣрите въ его будущность, которая навѣрное будетъ опорой и силой славянства.

Но различайте хорошо, братья Славяне! Если вы ждете спасенія отъ Россіи, то предметомъ вашего упованія должна быть не порабощенная холопская Россія со своимъ притѣснителемъ и тираномъ, а возмущенная и возставшая для свободы Россія, сильный русскій народъ.

Отъ имени этого народа говорю я вамъ, я, русскій: **все наше спасеніе въ революціи и нигдѣ болѣе.**

Не въ императорѣ Николаѣ, не въ его войскахъ, не въ его могуществѣ и политикѣ искать вамъ избавленія и спасенія, а въ той Россіи, которая свергнетъ эту императорскую Россію и сотретъ ее съ лица земли.

Вѣрьте мнѣ, указы царя, деспота Россіи, не выражаютъ нашихъ чувствъ, нашихъ желаній, нашей воли. Нѣтъ, и еще разъ нѣтъ! Это искаженіе того, что живетъ въ глубинѣ нашего русскаго сердца. Наше племя глубоко чувствуетъ срамъ и позоръ рабства, въ которомъ держитъ его деспотъ: оно наибольшій врагъ того, кого еще многіе изъ васъ считаютъ истиннымъ представителемъ русской народности, наибольшій врагъ этого палача, этого мучителя и посрамителя его чести, Николая.

Вѣдь кто же этотъ Николай? Славянинъ? Нѣтъ, голштинско-готторпскій господинъ на славянскомъ тронѣ, тиранъ чужеземнаго происхожденія! — Другъ своего народа? Нѣтъ, разсчетливый деспотъ, безъ сердца, безъ всякого чувства ко всему русскому, ко всему славянскому, безъ малѣйшаго понятія о томъ, что тихо и скрыто кипитъ и клокочетъ въ его народѣ. Защитникъ общеславянскихъ интересовъ? Нѣтъ, настолько нѣтъ, что онъ ежедневно измѣняетъ имъ и, страшное слово »панславизмъ« употребляетъ только какъ угрожающее средство, чтобы при помощи его обезпечить свое вліяніе въ Германіи, которое Нѣмцы проклинаютъ, и свое господство надъ нѣмецкой политикой, которое есть гибель для Нѣмцевъ. Имѣть силу въ Германіи, которой отдѣльные деспоты, его ученики и вмѣстѣ почитатели, ползающіе передъ нимъ въ пыли поклонники и обожатели его мудрости и силы, вотъ чего онъ ищетъ и добивается: Россія, Славянство нужны ему только какъ орудія для проведенія его старой насквозь нѣмецкой и на Германію мѣтящей, политики раздѣленія и господства, которая состоитъ въ томъ, что онъ предаетъ Славянъ при помощи нѣметчины для того, чтобы потомъ предать

Нѣмцевъ при помощи преданнаго Славянства. Какъ мало для него значитъ Славянство, это вы видите изъ того, что онъ посылалъ свой высочайшій похвальный листъ Виндишгрецу, убійцѣ славянски мыслящихъ Славянъ въ Прагѣ, въ знакъ благодарности ему за рѣзню, произведенную надъ защитниками славянскаго дѣла! Вы видите это изъ того, какъ онъ давалъ поддержку южнымъ Славянамъ деньгами, оружьемъ и войскомъ, но не какъ Славянамъ, возставшимъ для спасенія всѣхъ насъ, а только потому, что ихъ возстаніе, по его разсчету, должно было послужитъ на пользу его любимому дѣтищу, австрійской деспотіи, и только подъ условіемъ, чтобы отдѣлить ихъ дѣло отъ польскаго дѣла! Вы видите это изъ того, что онъ держалъ на готовѣ своихъ солдатъ, чтобы по первому знаку австрійской камарильи ворваться въ Галицію! Вы видите это по тому, какъ онъ дѣлаетъ все, что только въ его силахъ, чтобы помѣшать возрожденію Польши, такъ какъ возрожденіе Польши было бы концомъ его силы.

Но его часъ пробилъ.

Я говорю вамъ еще разъ: русскій народъ пресыщенъ и утомленъ порабощеніемъ и позоромъ, он усталъ служить жалкимъ орудіемъ достойной проклятія политики.

Братья, не обманывайтесь внѣшнимъ видомъ, будто этотъ народъ-великанъ до сихъ поръ еще лежитъ скованный по всѣмъ членамъ желѣзнымъ волшебнымъ сномъ! Я вамъ говорю: онъ спитъ ужъ не глубоко, онъ только тихо дремлетъ, онъ уже началъ пробуждаться. Не обманывайтесь упованіемъ Николая, его увѣренностью въ своихъ деспотическихъ

кознях. въ вѣрности его войска, въ подчиненности массъ, въ ея вѣрѣ въ его силу.

Я вамъ говорю: эта вѣра вездѣ пошатнулась, а удары кнута, лишенія правъ и имущества, ссылки въ Сибирь и на Кавказъ, все это плохія средства, чтобы оживить ее.

Я вамъ говорю: деспотическія козни разбиваются все болѣе и болѣе о каменную грудь революціоннаго духа, для отраженія котораго отъ русской земли тиранъ, внутренно уже дрожащій, хотя наружно сохраняющій притворное спокойствіе и твердость, напрасно выставляетъ на своихъ границахъ страшныя пограничныя войска и готовится даже выступить противъ него, духа революціи, на прусской и австрійской землѣ, напрасно, говорю я, потому что духъ невидимо ступаетъ впередъ и, словно азіятская холера, смѣется надъ всякими пограничными стражами и заставами.

Я вамъ говорю: вѣрность русскаго войска надломлена сочувствіемъ славянъ къ славянамъ, влеченіемъ русскаго сердца къ братскому польскому сердцу. Да, русское сердце обливается кровью отъ стыда и боли, что нѣмецкіе обладатели русскаго скипетра такъ жестоко предали братскій славянскій народъ германскимъ тиранамъ и такъ безчестно раздѣлили славянскую страну съ германскими тиранами; оно обливается кровью, это русское сердце и возмущается ужасной судьбой этого геройскаго славянскаго племени, которое опередило насъ всѣхъ по дорогѣ свободы и пролило по каплѣ свою драгоцѣнную кровь въ долгомъ мученичествѣ за нашу общую свободу, которое, однако, среди всякихъ униженій и терзаній не отступаетъ и не устаетъ, и котораго окончательное возста-

новленіе въ ряду народовъ подастъ вамъ огненный сигналъ, который, прорѣзывая тьму нашего рабства, поведетъ всѣхъ славянъ по пути къ освобожденію и спасенію. Да, Польша, это стрѣла въ русскомъ тѣлѣ; черезъ униженную Польшу истекаетъ кровью русская деспотія; крестъ, на которомъ она распинала мученика, будетъ ея собственнымъ позорнымъ столбомъ, у котораго она кончитъ свою мерзкую жизнь. Николай это предчувствуетъ, онъ знаетъ это и потому все глубже и глубже запускаетъ свои ястребиные когти въ судорожные члены несчастнаго растерзаннаго польскаго тѣла, мучимый страхомъ и дрожащій передъ возможностью, что эти безсмертные члены все же наконецъ соберутся и вновь соединятся въ одно одушевленное тѣло, чтобы воздать давно уготованную, но не выполненную, ужасную месть своему и всеславянскому палачу. Его смертельно мучитъ проглоченный кусокъ этого величія, котораго деспотизмъ никогда не переваритъ во внутренностяхъ своей власти и великолѣпія. Онъ это чувствуетъ и знаетъ, но онъ только одному не хочетъ вѣрить, что ядъ уже свирѣпствуетъ по всѣмъ жиламъ и сосудамъ тѣла его власти, что его войско, солдаты и начальники, какъ только приходятъ въ соприкосновеніе съ польской народностью, тотчасъ чувствуютъ магическую силу этой святыни нашей національности, освященной безмѣрными страданіями, этой скиніи завѣта нашего освобожденія, этого огненнаго и дымоваго столба, который день и ночь указываетъ намъ дорогу черезъ пустыню нашего рабства въ обѣтованную землю свободы всѣхъ славянъ. Да, они чувствуютъ вмѣстѣ съ Польшей, они вдохновлены для Польши, они видятъ въ спасеніи Польши свое собственное спасеніе, они уже

не противъ Польши, а только за ея дѣло могутъ сражаться.

А подчиненность массъ, — если ты и разсчитываешь на нее, ослѣпленный царь, ты который такъ уменъ и хитеръ въ мелочахъ, да на запутанныхъ дорожкахъ твоихъ низкихъ хитростей, дѣйствующихъ чудесно только на старчески слабую Европу, ослѣпленный царь, ты строишь на пескѣ! Правда, крестьянскій бунтъ въ Галиціи плохъ, потому что онъ обращается, питаемый и покровительствуемый тобою, противъ демократически настроенныхъ, духомъ свободы проникнутыхъ дворянъ; но онъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ зародышъ новой, неожиданной силы, вулканическій огонь, взрывъ котораго похоронитъ подъ громадами лавы благоустроенные искуственные сады твоей дипломатіи и господства, потрясетъ и истребитъ безъ слѣда въ одинъ мигъ твою власть, ослѣпленный царь. Крестьянскій бунтъ въ Галиціи это ничто, но его огонь разгорается все больше на подземномъ огнѣ и уже выростаетъ огромный кратеръ между крестьянскими массами чудовищной русской державы. Это демократія Россіи, пламя которой пожретъ державу и освѣтитъ всю Европу своимъ кровавымъ заревомъ. Чудеса революціи встанутъ изъ глубины этого пламеннаго океана. Россія есть цѣль революціи; ея наибольшая сила, — тамъ развернется и тамъ достигнетъ своего совершенства. Этой первобытной твердостью въ желѣзной настойчивости, съ которой русскій народъ охранялъ свою внѣшнюю независимость при всѣхъ буряхъ, потрясавшихъ славянскій міръ, онъ укрѣпится теперь для революціи, чтобы добыть и удержать свою внутреннюю свободу. Въ Москвѣ будетъ разбито рабство всѣхъ соедиснен-

ныхъ подъ русскимъ скипетромъ славянскихъ народовъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все европейское рабство и навѣки будетъ схоронено въ своемъ паденіи подъ своими собственными развалинами; высоко и прекрасно взойдетъ въ Москвѣ созвѣздіе революціи изъ моря крови и огня, и станетъ путеводной звѣздой для блага всего освобожденнаго человѣчества.

Встаньте же славянскіе братья! Вы, которыхъ призваніе въ томъ, чтобы сражаться въ передовыхъ рядахъ, встаньте! Во имя милліоновъ, которые должны скоро дать главное сраженіе, во имя сѣверныхъ славянъ, которые когда-нибудь потребуютъ отъ васъ строгаго отчета, что вы сдѣлали для нашего святого дѣла, во имя этого народа еще и еще разъ взываю я къ вамъ: **порвите съ реакціей разъ навсегда, порвите съ дипломатіей, порвите со всякой половинной и недостоиной васъ политикой и бросьтесь отважно и всецѣло въ объятія революціи!**

Въ ней все, — ваше пробужденіе, ваше воскресеніе, ваша надежда, ваше спасеніе, ваша будущность! Въ ней и только въ ней! Довѣрьтесь ей! Вы должны довѣриться, потому что, навѣрное, она не плохой союзникъ. Вамъ говорятъ: она уже спала подъ ударами контръ революціи. Это неправда. Оглянитесь, посмотрите на ея дѣло! Не измѣнилось ли все въ европейскомъ мірѣ? Развѣ онъ не сдѣлался вдругъ хаосомъ, въ которомъ тѣ именно, которые стараются возстановить порядокъ стараго міра, вносятъ только еще больше внутреннее замѣшательство своими созывами войскъ, своими бомбардировками и осадами, своими громко вопіющими о мести насиліями, своими бойнями и опустошеніями? Развѣ не стала анархія постоянной и всякая попытка обуздать ее не бываетъ

ли еще болѣе анархической, чѣмъ первоначальная анархія? Оглянитесь вокругъ: — революція вездѣ. Она одна царитъ, она одна сильна. Новый духъ со своей разрушающей, разлагающей силой вторгнулся безповоротно въ человѣчество и проникаетъ общество до самыхъ глубокихъ и темныхъ слоевъ. И революція не успокоится, пока не разрушитъ окончательно одряхлѣвшаго міра и не создастъ новаго, прекраснаго. Поэтому въ ней и только въ ней вся наша сила, мощь и вѣрность побѣды. Только въ ней жизнь, внѣ ея — смерть. Только тотъ, кто идетъ за ней и ведетъ ея дѣло, увидитъ свое дѣло увѣнчавшимся, потому что одна она раздаетъ всѣ прекрасныя военныя награды; кто противъ нея, тотъ долженъ рано или поздно погибнуть и не увидитъ дня спасенія. Она не терпитъ никакой середины, двойственности, заигрыванія немножко съ ней, немножко съ ея врагомъ, никакой колеблющейся недовѣрчивой, лицемѣрной предупредительности; она требуетъ, чтобы ей отдавались безусловно, откровенно, довѣрялись и принадлежали ей вполнѣ. Она сила, она право, она правда, она спасеніе нашего времени, она единственная практика ведущая къ добру и удачѣ; внѣ ея нѣтъ ума, мудрости, политики; она одна умъ, мудрость, политика и все, что ведетъ къ цѣли. Она одна можетъ создать полноту жизни даровать непоколебимую увѣренность, придать силы, творить чудеса, превратить въ одну живую и жизнь производящую массу, міръ изъ восьмидесяти милліоновъ людей, который деспотизмъ держитъ въ тысячелѣтнемъ снѣ. Вѣрьте революціи. Отдайтесь ей вполнѣ и всецѣло! Безъ нея нѣтъ славянства!

Вы должны отдаться революціи всецѣло и безусловно.

Революціонною должна быть ваша политика внутри и внѣ родины.

Вы дожны быть друзьями и союзниками всѣхъ народовъ и партій, сражающихся за революцію.

Какіе народы и партіи сражаются за революцію?

Всѣ, которые сражаются за свою собственную независимость и вмѣстѣ съ тѣмъ за свободу всѣхъ, а потому въ союзѣ противъ одного общаго врага, противъ конспираціи деспотовъ.

Что поставила себѣ ближайшей задачей конспирація деспотовъ?

Сохраненіе Австріи. Австрія есть центральный пунктъ сраженія.

Чего должны мы вслѣдствіе этого желать?

Противуположнаго тому, чего они желаютъ: **совершеннаго разрушенія Австрійской имперіи.** Деспоты совершенно правы въ **своемъ** интересѣ, дѣлая Австрію главнымъ пунктомъ сраженія; потому что какъ русская имперія служитъ внѣшней опорой деспотизма, такъ Австрія служитъ систематическимъ проведеніемъ его въ сердцѣ Европы; Австрія это окаменѣлое безправіе, плотина, о которую такъ долго разбивались въ безсиліи волны стремленія къ свободѣ въ Европѣ. Поэтому и мы вправѣ желать распаденія и уничтоженія Австрійской имперіи въ интересахъ свободы: потому что распаденіе этой Австріи будетъ освобожденіемъ и поднятіемъ многихъ паробощенныхъ австрійскому единству народовъ и освобожденіемъ сердца Европы. Кто за Австрію, тотъ противъ свободы. Поэтому мы, стоящіе за свободу, должны быть противъ Австріи. Мы должны разрушить эту имперію.

Какъ это случится?

Такъ, что мы посрамимъ всѣ теперешніе широкозадуманные планы австрійскаго императорскаго двора.

Какъ мы узнаемъ эти планы?

Мы видимъ, что дѣлаютъ слуги Австріи?

Кто главный слуга?

Виндишгрецъ.

Куда идетъ теперь Виндишгрецъ?

Въ Венгрію. Послѣ того какъ онъ бомбардировалъ Прагу и убилъ въ ней свободу, послѣ того, какъ онъ бомбардировалъ Вѣну и въ ней убилъ свободу, онъ идетъ въ Венгрію, чтобы и тамъ убить свободу.

Что же мы должны вслѣдствіе этого дѣлать?

Это ясно: **мы должны теперь заявить себя и въ Венгріи за Мадьяръ и противъ Виндишгреца.**

Братья! Я знаю, какое я тажелое слово произнесъ при этомъ. Что сдѣлали Мадьяры нашимъ славянскимъ братьямъ, какія преступленія совершили они противъ нашей національности, какъ они попирали ногами нашъ языкъ и независимость, — все это я знаю; я знаю, что они даже теперь, хотя научены опытомъ, который побудилъ ихъ бѣжать на помощь Вѣнцамъ, все-таки не уважаютъ и не признаютъ свободы Славянъ. Несмотря на все это, братья, та политика, которую мы установили еще на съѣздѣ въ Прагѣ, а именно предложить Мадьярамъ федерацію обѣихъ народностей, подъ условіемъ взаимнаго уваженія правъ и обоюдной совершеной независимости, на эту политику мы и теперь должны рѣшиться. Это политика возвышенная, великодушная; предложенія союза народу, который теперь находится въ такой опасности, какъ народъ мадьярскій, не можетъ унизить ваше достоинство, напротивъ, вы этимъ возвысите

вашу честь. Эта политика не можетъ остаться безъ успѣха. Навѣрное есть между Мадьярами люди, которые поймутъ все достоинство подобнаго предложенія и не отвергнутъ условій, связанныхъ съ нимъ, ради блага Венгріи; духъ, предписывающій эти условія, всегда вѣдь будетъ увеличивать свою власть надъ Мадьярами, вѣдь найдется и между ними теперь демократическая партія, которая только въ свободѣ **всѣхъ** народовъ увидитъ обезпеченіе свободы отдѣльнаго народа, и которая въ это время повсемѣстной нужды несомнѣнно легче чѣмъ когда-либо пріобрѣтетъ себѣ всеобщій голосъ; но если бы было и не такъ, если бы даже ваша протянутая рука была отвергнута, то вы были бы свободны отъ всякой отвѣтственности и только на голову тѣхъ которые дерзко и съ презрѣніемъ оттолкнули благороднѣйшее предложеніе общаго спасенія, палъ бы неизгладимый позоръ и упрекъ. Потому что политика, которую я здѣсь совѣтую, это политика не только великодушія и благоразумія, но и мудрости, заботящейся о будущемъ. Потому что этимъ актомъ вашего великодушія вы сдѣлаете сильнѣйшую пропаганду принциповъ свободы всѣхъ народовъ: это актъ, который дастъ рѣшительный поворотъ не только борьбѣ въ Венгріи, но и общей борьбѣ революціи противъ деспотовъ, который поставитъ васъ во главѣ революціоннаго движенія и вы будете, какъ и прилично вамъ, гордо и отважно освѣщать факеломъ путь освобожденію европейскихъ народовъ.

Не нанесетъ ли Славянинъ самъ себѣ вреда, если протянетъ руку своему натуральному врагу?

Навѣрное нѣтъ! Мы такъ сильны, что можемъ быть благородны. О, навѣрное, Славянинъ не пострадаетъ,

а выграетъ. Навѣрное, онъ будетъ жить! И мы будемъ жить. Пока у насъ будутъ оспаривать малѣйшую частицу нашихъ правъ, пока будетъ отдѣленъ или оторванъ хоть одинъ изъ членовъ нашего общаго тѣла, мы будемъ бороться не на жизнъ, а на смерть, до послѣдней капли крови, пока наконец Славянство станетъ посреди міра великимъ и совершенно свободнымъ и независимимъ. Но именно потому мы должны смотрѣть выше малаго на большое, выше отдѣльнаго на цѣлое и направлять полную силу нашего сопротивления на упрямаго врага союза, и если какой либо народъ, хотя бы одна частъ его и была нѣкогда частью нашего врага, признаетъ наконецъ наше право и пожелаетъ сражаться за одно съ нами противъ большаго общаго врага, то мы должны охотно протянуть ему руку.

Вы должны подать руку нѣмецкому народу. Не деспотамъ Германіи, съ которыми вы теперь въ союзѣ, нѣтъ, этого именно вы не должны дѣлать. Не тѣмъ нѣмецкимъ педантамъ и профессорамъ въ Франкфуртѣ, не тѣмъ плохимъ, узкимъ литераторамъ, которые, по ограниченности или ради денегъ, наполнили большую частъ нѣмецкихъ газетъ, ругательствами противъ васъ и вашихъ правъ, противъ Поляковъ и Чеховъ, не тѣмъ нѣмецкимъ мѣщанамъ, которые радуются всякому несчастью Славянъ. А тому нѣмецкому народу, который происхоидтъ отъ революціи, который станетъ свободной нѣмецкой націей, той Германіи, которая еще не существуетъ и которая поэтому, еще ни въ чемъ не провинилась противъ васъ, которой отдѣльные и по всей Германіи разбросанные члены, разбитые такъ же, какъ и наши славянскія народности, такъ же преслѣдуемые и угнетаемые, какъ

и мы, достойны нашей дружбы и готовы съ распростертыми объятіями быть нашими друзьями.

Прежде всего вы должны сломить военную силу Австріи; силу, благодаря которой Австрія есть австрійскимъ государствомъ; силу, которая задерживаетъ и тормозитъ всякое свободное народное возстаніе и противится побѣдѣ всеобщей свободы, равенства и братства всѣхъ народовъ. Вы видѣли въ Прагѣ, что такое эта военная сила, какъ она отвратительна. Что за люди бомбардировали подъ начальсвом Виндишгреца славянскую Прагу? Были ли это Мадьяры? Были ли это Нѣмцы? Были ли это Итальянцы? Нѣтъ, это были Славяне и только Славяне: Чехи, Поляки, Словаки. И что такое австрійскій генералъ это вы видѣли недавно на Еллачичѣ. Это іезуитъ во главѣ дисциплинированныхъ бандъ, которыя безъ своей воли, безъ своихъ цѣлей, слѣпо повинуются его приказаніямъ; это человѣкъ, у котораго нѣтъ ничего святого, котораго не воодушевляетъ ни любовь къ отечеству, ни чувство къ своей націй, а только ревность къ службѣ для пагубной австрійской камарильи и, чтобы угодить этой камарильѣ, онъ готовъ совершить какое угодно преступленіе. И вотъ это чудовище, которое натравливаетъ братьевъ на братьевъ, которое душитъ и убиваетъ въ человѣческой груди всякое человѣческое движеніе, эту военную организацію, которая превращаетъ людей въ машины деспотіи, вы и должны разрушить, если вы хотите сдѣлатъ свободнымъ Славянство.

Вы должны отозвать вашихъ солдатъ изъ Италіи, этой прекрасной, загубленной австрійскимъ рабствомъ Италіи, потому что не позоръ ли то, что Славяне, которые сами борются за свою независимость,

прилагаютъ свои руки, чтобы поработить благородный народъ, который не нанесъ имъ ни малѣйшаго оскорбленія, не сдѣлалъ имъ ни одной несправедливости? Вы должны повсюду отзывать славянскихъ солдатъ изъ австрійской службы, которая ихъ позоритъ, чтобы ими не пользовались болѣе, какъ палачами потому что это даетъ право и другимъ быть палачами по отношенію къ вамъ; вы должны съумѣть создать изъ нихъ чистыя славянскія сердца, войско для служенія революціи, войско, которое бы сражалось за свободу всѣхъ славянскихъ народовъ и Европы.

Вы не можете измѣнить своей внѣшней политики, пока не измѣните внутранней.

Не надо болѣе этой администраціи австрійскими чиновниками!

Не надо этихъ вождей которые наполовину возбуждаютъ, наполовину успокаиваютъ народъ. Пусть погибнутъ эти злые люди, которые вѣчно говорятъ вамъ: агитируйте, но не слишкомъ, потому что опасно возбуждать народъ; можно достигнуть цѣли болѣе кроткими, парламентарными, дипломатическими средствами. Не вѣрьте этимъ людямъ. Освобожденіе нашихъ народавъ можетъ выйти только изъ одного бурнаго движенія ихъ. Духъ новаго времени говоритъ и дѣйствуетъ толькп среди бури. Наша славянская натура не такова, какъ у отжившаго старика, которому подходитъ только разслабленное и разжиженное; она непогибла и не испортилась, она проста и велика, и только прямота и цѣльность дѣйствуетъ на нее. Славяне должны быть огнемъ, чтобы творить чудеса. Агитируйте среди славянскихъ массъ безъ оглядки, безъ удержу! Зажигайте въ нихъ святой огонь. Идите апостолами пробуждающагося славянства! Соединитесь

вы, славянскіе народы Австріи! Соединитесь всѣ вмѣстѣ и заключите между собою священный оборонительный и наступательный союзъ! Союзъ не подъ прикрытіемъ австрійской династіи, а союзъ противъ нея, союзъ для освобожденія отъ Австріи! Союзъ для основанія федераціи, которая скоро должна соединить между собою всѣ славянскіе народы. Будьте опять, какъ уже были однажды въ золотой Прагѣ, для насъ, для всѣхъ славянъ сѣвера и Турціи, предвѣстниками, сверкающей грозовой тучей всѣхъ насъ освобождающей революціи.

Тогда воскреснетъ славянство!

III.

ОСНОВЫ НОВОЙ СЛАВЯНСКОЙ ПОЛИТИКИ*)

Послѣ того какъ славяне пережили времена рабства, тяжелой борьбы и жалобъ, которыя были послѣдствіемъ ихъ раздѣленія, соединяются они теперь въ первый разъ на общемъ съѣздѣ и подаютъ взаимно руки въ знакъ единенія, заявляютъ они передъ богомъ и народами, что слѣдующія основныя положенія составляютъ основы ихъ новой политической жизни:

1) Хотя послѣдніе пришельцы въ развитіи европейскаго образованія, славяне, чувствуютъ себя призванными къ осуществленію того, что другіе народы Европы приготовили черезъ свое развитіе, то-есть, къ осуществленію того, что теперь считается за конечную цѣль гуманности, свободы и счастія всѣхъ, принимающихъ участіе въ святомъ и братскомъ единеніи, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и народовъ.

2) Очень долгое время они сами были жертвою чуждаго притѣсненія, видѣли очень хорошо печальныя того послѣдствія: упадокъ родныхъ (національ-

*) Эта статья появилась въ журналѣ Іордана Slavische Jahrbuecher, 1848, № 49, стр. 257—260, подъ заглавіемъ »Statuten der neuen slavischer Politik.«

ныхъ) нравовъ и дисгармонію въ обществѣ, которая вытекаетъ изъ притѣсненія не только для притесненныхъ, но также и особенно для притѣснителей; кромѣ того они слишкомъ возненавидѣли чуждое иго, чтобъ когда нибудь пожелать наложить свое иго на чужія народы. Уваженіе и любовь къ свободѣ другихъ есть въ ихъ глазахъ первое условіе собственной свободы.

3) Кромѣ того, они слишкомъ долго были жертвою хитрости и насилія, чтобъ начать черпать новую жизнь и новую силу въ чемъ либо другомъ, кромѣ, какъ въ чистой и святой истинѣ, въ чистой свободѣ, въ чистой справедливости безъ всякаго ограниченія, безъ всякой задней коварной мысли: поэтому они устраняютъ столько же во внутренней, сколько и во внѣшней политикѣ дипломатію и ея соображенія, все что искусственно и что могло бы имѣть цѣлью какою бы то ни было центральную власть на счеть свободы, будь то индивидуума, или народовъ. Новая политика славянскихъ народовъ будетъ не государственная политика, а политика народовъ, политика независимыхъ свободныхъ людей.

4) Они основываютъ свое новое могущество на неразрывномъ и братскомъ союзѣ всѣхъ народовъ, составляющихъ славянское племя, и не будутъ искать никакой другой централизаціи, кромѣ той, какая вытекаетъ изъ соединенія всѣхъ славянъ. Все ихъ несчастіе было въ раздѣленіи: соединенные они были бы непобѣдимы, и однакожъ они били раздѣлены и такъ страстно держались того, что они забывали святую связь рода и крови, которая бы непремѣнно ихъ соединила для исполненія общаго призванія. Одни изъ нихъ дали себя соблазнить для братоубійственной войны. Другіе, наконец, забывались до того, что пользова-

лись чужими племенами и анти-славянской политикой для уничтоженія своихъ братьевъ. Но въ наказаніе за то богъ попустилъ, чтобъ одно славянское племя за другимъ попало игу нѣмцевъ, не исключая и тѣхъ, которыя сохранили призракъ національной и независимой жизни, или стали мучителями своихъ братьевъ, столько же, сколько и несчастными исполнителями нѣмецкихъ замысловъ.

Но минуло время страданіямъ. — часъ освобожденія пробилъ для славянъ. По прибытіи въ Прагу отъ противоположныхъ границъ, они нашли себя братьями, признали себя и почувствовали братьями одинъ другому не только въ сердцѣ, но поняли другъ друга на ихъ языкахъ, которыя только разные діалекты одного, оттѣнки одного прекрасного и благозвучнаго языка, который распространялся отъ береговъ Адріатическихъ до границъ Бѣлаго моря и Сибири. Они увидѣли себя соединенными общностью ихъ дѣлъ и еще сильнѣе они увидѣли себя соединенными великимъ призваніемъ, которое имъ приготовляетъ будущее. Они поблагодарили Бога за то, что онъ положилъ конецъ ихъ долгимъ страданіямъ, что онъ ихъ сохранилъ въ полной чистотѣ братскаго чувства; они простили себѣ взаимно прошедшее и видятъ передъ собою только настоящее и будущее, въ сознаніи долга болѣе не нарушать своихъ судебъ.

IV.

ОСНОВЫ СЛАВЯНСКОЙ ФЕДЕРАЦІИ.

1) Признается независимость всѣхъ народовъ, составляющихъ славянскоее племя.

2) Всѣ эти народы, впрочемъ, состоятъ между собою въ союзномъ единеніи. Это единеніе должно быть настолько тѣсно, что счастіе или несчастіе одного должно быть въ то же время счастіемъ или несчастіемъ другого, и никто не можетъ чувствовать себя свободнымъ и считать себя таковымъ, если другіе не свободны и наоборотъ: притѣсненіе одного есть притѣсненіе другого.

3) Общій союзъ всѣхъ славянскихъ народовъ есть выраженіе и осуществленіе этого соединенія. Онъ представляеть все славянство и называется славянскій совѣтъ (Rada Slowenska).

4) Славянскій совѣтъ руководитъ всѣмъ славянствомъ, какъ первая власть и высшій судъ; всѣ обязаны подчиниться его приказаніямъ и исполнять его рѣшенія.

5) Всякое несправедливое дѣйствіе какого-либо славянскаго народа, которое бы стремилось учредить особый союзъ въ средѣ соединеннаго всеславянства,

или подчинить себѣ другое славянское племя, посредствомъ ли дипломатіи или насилія, въ намѣрніи основать сильную центральную власть, которая бы могла уничтожить или ограничить власть всего соединеннаго славянства, — всякое стремленіе къ какой бы то ни было гегемоніи надъ соединенными народами, въ пользу ли одного народа, или нѣкоторыхъ соединенныхъ, но къ невыгодѣ другихъ, будетъ считаться за преступленіе или за измѣну всему славянству. Славянскіе народы, которые хотятъ составить часть федераціи, должны отказаться вполнѣ отъ своего государственнаго значенія и передать его непосредственно въ руки совѣта и не должны искать себѣ особеннаго величія иначе, какъ въ развитіи своего счастья и свободы.

6) Только Совѣтъ имѣетъ право объявлять войну иностраннымъ державамъ. Никакой отдѣльный народъ не можетъ объявлять войну безъ согласія всѣхъ, такъ какъ вслѣдствіе соединенія, всѣ должны участвовать въ войнѣ каждаго и ни одинъ не можетъ оставить братское племя въ минуту несчастья.

7) Внутренняя война между славянскими племенами должна быть запрещена какъ позоръ, какъ братоубійство. Если бы вознокли несогласія между двумя славянскими народами, то они должны быть устранены Совѣтомъ и его рѣшеніе должно быть приведено въ исполненіе, какъ священное.

8) Изъ послѣднихъ трехъ пунктовъ ясно вытекаетъ, что, если какой славянскій народъ подвергнется нападенію другого славянскога народа, находящагося въ возмущенія, раньше, чѣмъ Совѣтъ имѣлъ бы время постановить что нибудь, или приложить разныя посредническія мѣры, то всѣ сосѣднія племе-

на обязаны помогать его освобожденію. Потому будеть считаться измѣнникомъ всякій славянскій народъ, который нападеть на другой съ оружіемъ, или который при нападеніи чужого, не поспѣшитъ на помощь подвергшемуся нападенію брату. Защищать брата есть первая обязанность.

9) Никакое славянское племя не можетъ заключать союза съ чужими народами; это право исключительно предоставлено Совѣту; никто не можетъ отдать въ распоряженіе чужому народу или чужой полиикѣ славянское ополченіе.

V.

ВНУТРЕННЕЕ УСТРОЙСТВО СЛАВЯНСКИХЪ НАРОДОВЪ.*)

Славянскіе народы независимы, поэтому каждый народъ можетъ себѣ по своей волѣ, дать такое правленіе, какое соотвѣтсвуетъ его обычаямъ, потребностямъ и его обстоятельствамъ. Но первыя основанія его, должны лежать въ славянскомъ характерѣ, который долженъ образоватъ основу новой жизни соединенныхъ славянскихъ народовъ, и безъ святого сохраненія тѣхъ основъ никакой народъ не можетъ приступить къ общему союзу.

1) Принципы, которые составляютъ эти основы суть: равенство всѣхъ, свобода всѣхъ и братская любовь. Подъ небомъ свободнаго славянства нѣтъ никого не свободнаго не по праву, ни на дѣлѣ. Подданство (крѣпосная зависимость) подъ какимъ бы видомъ она не показывалась, навсегда отмѣняется. Всѣ славяне одинаково свободны, одинаково братья. Между ними

*) Переводъ съ нѣмецкаго текста у Іордана. Эта статья была еще напечатана по чешки въ журналѣ »Cech«, выходившемъ въ Женевѣ въ 1861 г., и въ отдѣльномъ изъ него оттискѣ подъ заглавіемъ: »Zakladni pravidla politiky a federace slovanske.«

нѣтъ никакого неравенства, кромѣ того, какое создала природа. Сословій (кастъ) нѣтъ никакихъ. Гдѣ еще господствуетъ аристократія, привилегированое дворянство, оно должно, если хочетъ быть славянскимъ, на будущее время искать себѣ преимуществъ и привилегій въ богатсвѣ своей любви и величіи своей жертвы. Аристократія ученыхъ и художниковъ, старшая сестра въ народѣ, должна распутиться, въ массѣ народа, чтобъ черпать, изъ нея новую жизнь и чтобъ вести ее взаимно къ просвѣщенію, пріобрѣтенному временемъ.

2) На великомъ и благословенномъ пространствѣ, которое заняли славянскія племена, есть довольно мѣста для всѣхъ, по этому каждый долженъ имѣть часть во владѣній народа и быть полезнымъ всѣмъ.

3) Каждое лицо, которе принадлежитъ къ какому либо славянскому народу, имѣетъ черезъ то право поселенія во всякомъ другомъ славянскомъ народѣ, и единеніе, которе связываетъ славянскіе народы, должно считаться за братское и должно господствовать также и въ отношеніяхъ между отдѣльными славянскими лицами.

4) Совѣтъ имѣетъ право и обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобъ эти принципы свято соблюдались и точно исполнялись во внутреннихъ учрежденіяхъ всѣхъ народовъ, которые составляютъ весь союзъ. Онъ имѣетъ право и обязанность вмѣшательства, если эти принципы будутъ уничтожены какимъ либо постановленіемъ, и всякій славянинъ имѣетъ право обращаться къ Совѣту противъ несправедливаго дѣйствія своего отдѣльнаго правительства.

VI.

ПРОГРАММА СЛАВЯНСКОЙ СЕКЦІИ ИНТЕРНАЦІОНАЛА ВЪ ЦЮРИХѢ [1872]*).

1. Славянская секція, вполнѣ признавая основные статуты Международнаго Общества Рабочихъ. принятые на первомъ Конгресѣ (Сентябрь 1866, Женева), задается спеціальной цѣлью пропаганды принциповъ революціоннаго соціализма и организаціи народныхъ силъ въ славянскихъ земляхъ.

2. Она будетъ бороться съ одинаковой энергіей противъ стремленій и проявленій, какъ панславизма, т. е. освобожденія славянскихъ народовъ при помощи русской имперіи, такъ и пангерманизма, т. е. при помощи буржуазной цивилизаціи нѣмцевъ, стремящихся теперь организоваться въ огромное мнимо-народное государство.

3. Принимая анархическую революціонную программу, которая одна, по нашему мнѣнію, представляетъ всѣ условія дѣйствительнаго и полнаго освобожденія народныхъ массъ, и убѣжденные, что суще-

---

*) Напечатана въ приложеніи В. въ книгѣ »Государственность и анархія.« Французскій подлинникъ этой программы писанъ рукою Бакунина.

ствованіе государства, въ какой бы то ни было формѣ, несовмѣстимо съ свободой пролетаріата, что оно не допустаетъ братскаго международнаго союза народовъ, мы хотимъ уничтоженія всѣхъ государствъ. Для славянскихъ народовъ въ особенности, это уничтоженіе есть вопросъ жизни или смерти, и въ то же время единственный способъ примиренія съ народами чуждыхъ расъ, напримѣръ, турецкой, мадьярской или нѣмецкой.

4. Съ государствомъ должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическимъ правомъ, всякое устройство сверху внизъ путемъ законодательства и правительства, устройства, никогда не имѣвшаго другой цѣли, кромѣ установленія и систематизированія эксплуатаціи народнаго труда въ пользу управляющихъ классовъ.

5. Уничтоженіе государства и юридическаго права необходимо будетъ имѣть слѣдствіемъ уничтоженіе личной наслѣдственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, такъ какъ та и другая совершенно не допускаютъ человѣческой справедливости.

6. Уничтоженіе государства, права собственности и юридической семьи, одно сдѣлаетъ возможнымъ организацію наордной жизни снизу вверхъ, на основаніи коллективнаго труда и собственности, сдѣлавшихся въ силу самихъ вещей возможными и обязательными для всѣхъ путемъ совершенной, свободной федераціи отдѣльныхъ лицъ въ ассоціаціи или въ независимыя общины, или помимо общинъ и всякихъ областныхъ и національныхъ разграниченій, въ мелкія однородныя ассоціацій, связанныя тождественностью ихъ ин-

тересовъ и соціальныхъ стремленій, и общинъ въ націи, націй въ человѣчество.

7. Славянская секція, исповѣдуя матеріализмъ и атеизмъ, будетъ бороться противъ всѣхъ родовъ богослуженія, противъ всѣхъ оффиціальныхъ вѣроисповѣданій и, оказывая, какъ на словахъ такъ и на дѣлѣ, самое полное уваженіе къ свободѣ совѣсти всѣхъ и къ священному праву каждаго проповѣдовать свои идеи, она будетъ стараться уничтожить идею божества, во всѣхъ ея проявленіяхъ религіозныхъ, метафизическихъ, доктринерно-политическихъ и юридическихъ, убѣжденная, что эта вредная идея была и есть еще освященіемъ всякаго рода рабства.

8. Она имѣетъ полнѣйшее уваженіе къ положительнымъ наукамъ: она требуетъ для пролетаріата научнаго образованія равнаго для всѣхъ безъ различія половъ, но, врагъ всякаго правительства, она съ негодованіемъ отвергаетъ правительство ученыхъ, какъ самое надменное и вредное.

9. Славянская секція требуетъ вмѣстѣ съ свободой, равенства правъ и обязанностей для мужчинъ и женщинъ.

10. Славянская секція, стремясь къ освобожденію славянскихъ народовъ, вовсе не предполагаетъ организовывать особый славянскій міръ, враждебный, изъ чувства національнаго, народамъ другихъ расъ. Напротивъ, она будетъ стремиться, чтобы славянскіе народы также вошли въ общую семью человѣчества, которую Международное Общество Рабочихъ призвано осуществить на началахъ свободы, равенства и всеобщаго братства.

11. Въ виду великой задачи — освобожденія народныхъ массъ отъ всякой опеки и всякаго прави-

тельства — которую приняло на себя Международное Общество, славянская секція не допускаетъ возможности существованія среди его какой-либо верховной власти или правительства, слѣдовательно не допускаетъ иной организаціи, кромѣ свободной федераціи самостоятельныхъ секцій.

12. Славянская секція не признаетъ ни оффиціальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главнымъ совѣтомъ или общимъ Конгрессомъ. Она признаетъ только полную солидарность личностей, секцій и федерацій въ экономической борьбѣ рабочихъ всѣхъ странъ противъ эксплуататоровъ. Она въ особенности будетъ стремиться привлечь славянскихъ работниковъ ко всѣмъ практическимъ послѣдствіямъ этой борьбы.

13. Славянская секція за секціями всѣхъ странъ признаетъ: а) свободу философской и соціальной пропаганды; б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права другихъ секцій и федерацій; свободу организаціи для народной революціи; свободу связи съ секціями и федераціями другихъ странъ.

14. Такъ какъ Юрская Федерація громко провозгласила эти пирнципы и такъ какъ она искренно проводитъ ихъ на проктикѣ, то славянская секція вступила въ ея среду.

Рѣчи на Конгрессахъ Лиги Мира и Свободы

I.

РѢЧЬ НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1867 ГОД.*).

Вступая на эту трибуну, я спрашиваю себя, граждане, какимъ образомъ я, русскій, являюсь среди этого международнаго собранія, имѣющаго задачей заключить союзъ между народами? Едва четыре года прошло съ тѣхъ поръ, какъ русская имперія, которой я, правда, всенепокорнѣйшій подданный, возобновила свои преступленія и убійства надъ геройскою Польшею, которую она продолжаетъ давить и терзать, но которую, къ счастью для всего человѣчества, для Европы, для всего славянскаго племени и для самихъ народовъ русскихъ, ей не удается убить.

Вотъ почему, не заботясь о томъ, что подумаютъ и скажутъ люди, судящіе съ точки зрѣнія узкаго и тщеславнаго патріотизма, я, русскій, открыто и рѣшительно протестовалъ и протестую противъ самаго существованія русской имперіи. Этой имперіи я желаю

*) Напечатана въ книгѣ »Историческое Развитіе Интернаціонала«, стр. 302—307.

всѣхъ униженій, всѣхъ пораженій, въ убѣжденіи, что ея успѣхи, ея слава были и всегда будутъ прямо противоположны счастью и свободѣ народовъ русскихъ и не русскихъ, ея нынѣшнихъ жертвъ и рабовъ. Муравьевъ, вѣшатель и пытатель не только польскихъ, но и демократовъ русскихъ, былъ извергомъ человѣчества, но вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ вѣрнымъ, самымъ цѣльнымъ представителемъ морали, цѣлей, интересовъ, вѣкового принципа русской имперіи, самымъ истиннымъ патріотомъ, Сенъ-Жюстомъ, Робеспьеромъ императорскаго государства, основаннаго на систематическомъ отрицаніи всякаго человѣческаго права и всякой свободы.

Въ положеніи, созданномъ для имперіи послѣднимъ польскимъ возстаніемъ ей остаются только два выхода: или пойти по кровавому слѣду Муравьева, или распасться. Середины нѣтъ, а желать цѣли и не желать средствъ, значитъ только обнаружить умственную и душевную трусость. Поэтому мои соотечественники должны выбирать одно изъ двухъ: или идти путемъ и средствами Муравьева, къ усиленію могущества имперіи, или за одно съ нами откровенно желать ея разрушенія. Кто желаетъ ея величія, долженъ поклониться, подражать Муравьеву и подобно ему, отвергать, давить всякую свободу. Кто, напротивъ, любитъ свободу и желаетъ ея, долженъ понять, что осуществить ее можетъ только свободная федерація провинцій и народовъ, т. е. уничтоженіе имперіи. Иначе свобода народовъ, провинцій и общинъ — пустыя слова. Право Федераціи и отдѣленіе, т. е. отступленіе отъ союза, есть абсолютное отрицаніе историческаго права, которое мы должны отвергать, если въ самомъ дѣлѣ желаемъ освобожденія народовъ.

Я довожу до конца логику постановленныхъ мною принциповъ. Признавая русскую армію основаніемъ императорской власти, я открыто выражаю желаніе, чтобы она во всякой войнѣ, которую предприметъ имперія, терпѣла одни пораженія. Это требуетъ интересъ самой Россіи, и наше желаніе совершенно патріотично въ истинномъ смыслѣ слова, потому что всегда только неудачи царя нѣсколько облегчали бремя императорскаго самовластья. Между имперіей и нами, патріотами, революціонерами, людьми свободомыслящими и жаждущими справедливости, нѣтъ никакой солидарности.

Но довольно о нашихъ частныхъ дѣлахъ. Займемся общими принципами, служащими предметомъ настоящихъ преній и долженствующими привести къ соглашенію два великіе интереса: интересъ отечества и интересъ свободы.

То, что по моему мнѣнію справедливо относительно Россіи, должно быть также справедливо относительно Европы. Сущность религіозной, бюрократической и военной централизаціи вездѣ одинакова. Она цинично груба въ Россіи, прикрыта конституціонной, болѣе или менѣе лживой личиной въ цивилизованныхъ странахъ запада, но принципъ ея все одинъ и тотъ-же — насиліе. Насиліе внутри подъ предлогомъ общественнаго порядка; насиліе внѣшнее подъ предлогомъ равновѣсія или даже за неимѣніемъ лучшаго повода, — подъ предлогомъ Іерусалимскихъ ключей. Въ нынѣшней Европѣ реакція почти всюду торжествуетъ: всюду она грозитъ послѣднимъ остаткамъ несчастной свободы, которая, повидимому, разучилась защищаться. Чѣмъ теперь заняты правительства? Они вооружаются другъ противъ друга. Всюду затѣваются чу-

довищныя вооруженія. Неужели мы идемъ къ ужаснымъ временамъ Валленштейна, и Тилли? Горе, горе націямъ, вожди которыхъ вернутся побѣдоносными съ полей битвъ! Лавры и ореолы превратятся въ цѣпи и оковы для народовъ, которые вообразятъ себя побѣдителями.

Мы всѣ здѣсь друзья мира, и конгрессъ нашъ собрался для разсужденія о немъ. Но много-ли найдется между нами до того наивныхъ, чтобъ считать себя въ силахъ не допустить человѣчество до готовящейся страшной всемірной войны? Нѣтъ, никто изъ насъ не повиненъ въ такомъ самообольщеніи. Мы собрались не для того, чтобы браться за дѣло, очевидно непосильное, а для того, чтобы изыскивать сообща условія, при которыхъ международный миръ возможенъ. Какіе же принципы должны лечь въ основу нашего дѣла?

Эти принципы, истинныя начала справедливости и свободы, должны быть непремѣнно провозглашены именно теперь, когда недостатокъ принциповъ деморализуетъ умы, разслабляетъ характеры и служитъ опорой всѣмъ реакціямъ и всѣмъ деспотизмамъ. Если мы въ самомъ дѣлѣ желаемъ мира между націями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть, каждый изъ насъ долженъ возвыситься надъ узкимъ, мелкимъ патріотизмомъ, для котораго своя страна — центръ міра, который свое величіе полагаетъ въ томъ, чтобы быть страшнымъ сосѣдямъ. Мы должны поставить человѣческую, всемірную справедливость выше всѣхъ національныхъ интересовъ. Мы должны разъ навсегда покинуть ложный принципъ національности, изобрѣтенный въ послѣднее время деспотами Франціи, Россіи и Пруссіи для вѣрнѣйшаго подавленія верховнаго принципа свободы. Національ-

ность не принципъ; это законный фактъ, какъ индивидуальность. Всякая національность, большая или малая, имѣетъ несомнѣнное право быть сама собою, жить по своей собственной натурѣ. Это право есть лишь выводъ изъ общаго принципа свободы.

Всякій, искрено желающій мира и международной справедливости, долженъ разъ навсегда отказаться отъ всего, что называется славой, могуществомъ, величіемъ отечества, отъ всѣхъ эгоистическихъ и тщеславныхъ интересовъ патріотизма. Пора желать абсолютнаго царства свободы внутренней и внѣшней. Программа нашихъ комитетовъ приглашаетъ насъ обсудить основанія организаціи Соединенныхъ Штатовъ Европы. Но возможна ли эта организація съ нынѣ существующими государствами? Вообразите себѣ федерацію, гдѣ Франція стоитъ на ряду съ великимъ герцогствомъ Баденскимъ, Россія на ряду съ Молдо-Валахіей. Вообще, вообразима ли федерація централизованныхъ бюрократическихъ и военныхъ государствъ, какія покрываютъ всю Европу, кромѣ Швейцаріи?

Всякое централизованное государство, какимъ бы либеральнымъ оно не заявлялось, хотя бы даже носило республиканскую форму, по необходимости угнетатель, эксплуататоръ народныхъ и рабочихъ массъ въ пользу привилегированнаго класса. Ему необходима армія, чтобы сдерживать эти массы, а существованіе этой вооруженной силы подталкиваетъ его къ войнѣ. Отсюда я вывожу, что международный миръ невозможенъ, пока не будетъ принятъ со всѣми своими послѣдствіями слѣдующій принципъ: всякая нація, слабая или сильная, малочисленная или многочисленная, всякая провинція, всякая община имѣетъ абсолютное право быть свободной, автономной, жить

и управляться согласно своимъ интересамъ, своимъ частнымъ потребностямъ, и въ этомъ правѣ всѣ общины, всѣ націи до того солидарны, что нельзя нарушить его относительно одной, не подвергая его этимъ самымъ опасности во всѣхъ остальныхъ.

Всеобщій миръ будетъ невозможенъ, пока существуютъ нынѣшнія централизованныя государства. Мы должны, стало быть, желать ихъ разложенія, чтобы на развалинахъ этихъ единствъ, организованныхъ сверху внизъ деспотизмомъ и завоеваніемъ, могли развиться единства свободныя, организованныя снизу вверхъ, свободной федераціей общинъ въ провинцію, провинцій въ націю, націй въ Соединенные Штаты Европы.

II.

РѢЧЬ НА КОНГРЕССѢ ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ ВЪ 1868 ГОД.*).

Граждане!

Я счастливъ, что могу въ вашемъ присутствіи принять руку, такъ откровенно протянутую намъ однимъ изъ представителей польской соціальной демократіи. Я принимаю ее отъ имени русской соціальной демократіи; и мы имѣемъ право ее принять, потому что и мы, со страстью не уступающей по силѣ страсти польской демократіи, желаемъ полнаго разрушенія, совершеннаго уничтоженія русской имперіи, имперіи, которая служитъ вѣчной угрозой для свободы міра, постыдной тюрьмой для всѣхъ народовъ, ею покоренныхъ систематическимъ и насильственнымъ отрицаніемъ всего, что называется правомъ, справедливостью, человѣчностью.

Годъ тому назадъ, на Женевскомъ Конгрессѣ, я имѣлъ уже случай громко заявить, что между нами — партіей народнаго освобожденія — и между привер-

*) Напечатана въ книгѣ »Историческое Развитіе Интернаціонала«, стр. 339—365.

женцами этой чудовищной имперіи не возможно никакое соглашеніе. Наши цѣли діаметрально противоположны, онѣ взаимно исключаютъ другъ друга. Кто желаетъ сохраненія имперіи, увеличенія и развитія ея могущества, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, тотъ долженъ съ царемъ и съ Муравьевыми идти противъ насъ. Кто, напротивъ, желаетъ свободы, благосостоянія, умственнаго освобожденія и нравственнаго достоинства народа, тотъ долженъ вмѣстѣ съ нами содѣйствовать разрушенію имперіи.

Въ Европѣ, обыкновенно, смѣшиваютъ имперію, состоящую изъ великой и малой Россіи и всѣхъ покоренныхъ земель, съ самимъ народомъ, ошибочно воображая, что она есть вѣрное выраженіе инстинктовъ, стремленій и воли народа между тѣмъ какъ она, напротивъ, всегда играла роль эксплуататора, мучителя и вѣкового палача народовъ.

Надо замѣтить, что совершенно невѣрно говорится о русскомъ народѣ, какъ объ единомъ цѣломъ, потому что русскій народъ не составляетъ однородной массы, а состоитъ изъ нѣсколькихъ родственныхъ, но все же различныхъ племенъ. Племена эти слѣдующія: во первыхъ, народъ великорусскій, славянскій по происхожденію, съ примѣсью финскаго элемента, составляющій однородную массу 35-ти милліоннаго населенія; это главная часть имперіи. На ней главнымъ образомъ основалось могущество московскихъ царей.

Но оченъ ошибется тотъ, кто предполагаетъ, что этотъ народъ добровольно и свободно сдѣлался рабскимъ орудіемъ царскаго деспотизма. Вначалѣ, до вторженія татаръ, и даже послѣ до начала XVII столѣтія, это былъ, конечно, тоже очень несчастный народъ, мучимый своими правителями и привилегиро-

ванными эксплуататорами земли, но пользовавшійся однакожъ естественной свободой и полнымъ общиннымъ и даже часто областнымъ самоуправленіемъ.

Вся сѣверо-восточная часть имперіи, населенная преимущественно этимъ великорусскимъ народомъ, раздѣлялась, какъ извѣстно, даже во время татарскаго ига, на нѣсколько удѣльныхъ княжествъ, болѣе или менѣе независимыхъ другъ отъ друга; и это раздѣленіе, эта взаимная независимость ограждали, до извѣстной степени, свободу всѣхъ, — свободу, конечно, дикую, но дѣйствительную. Основанія первобытной и не вполнѣ сложившейся организаціи были чисто демократическія. Князья, часто прогоняемые и почти всегда странствующіе изъ одного княжества въ другое, пользовались только ограниченной властью. Дворянство, составлявшее княжескій дворъ, кочевало вмѣстѣ съ князьями; слѣдовательно, осѣдлыхъ собственниковъ было очень мало. Народъ тоже кочевалъ и потому земля въ дѣйствительности не принадлежала никому, т. е. она принадлежала всѣмъ — народу. Вотъ гдѣ кроется начало идеи, вкоренившейся въ умахъ всѣхъ русскихъ племенъ имперіи — идеи, пережившей всѣ политическія революціи и оставшейся болѣе могущественной, чѣмъ когда-либо, въ народномъ сознаніи — идеи, носящей въ себѣ всѣ соціальныя революціи прошедшія и будущія и состоящей въ убѣжденія, **что земля, вся земля принадлежитъ только одному народу**, т. е. всей дѣйствительно трудящейся массѣ, обработывающей ее своими руками.

Цари, вначалѣ великіе князья московскіе, были долгое время только управляющими татаръ въ Россіи, управляющими униженно рабскими, страшно корыстными и неутомимо жестокими; и какъ подобаетъ

управляющимъ, они обдѣлывали свои собственныя дѣла гораздо больше, чѣмъ дѣла своихъ господъ; благодаря покровительству татаръ, они постепенно увеличивали свои владѣнія, въ ущербъ сосѣднимъ княжествамъ. Таково было начало московскаго могущества. Цѣлыя два столѣтія великіе князья московскіе, московскіе бояре и московская церковь образовывались въ политической школѣ, принципы которой выражаются словами — рабство, низкое подобострастіе, гнусная измѣна, жестокое насиліе, отрицаніе всякаго права и всякой справедливости и полное презрѣніе къ человѣчеству. Когда, благодаря этой политикѣ, благодаря особенно несогласію татаръ между собою, эти управляющіе, до сихъ поръ рабски покорные, почувствовали себя достаточно сильными, чтобы избавиться отъ своихъ господъ, они ихъ прогнали.

Но татарщина, вмѣстѣ со своими скверными качествами рабства, успѣла глубоко вкорениться въ оффиціальномъ и оффиціозномъ мірѣ Москвы.

Подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе Россійской имперіи. Но судьба готовила намъ еще другой великій источникъ развращенія.

Въ концѣ XV вѣка Константинополь палъ и наслѣдіе умирающей византійской имперіи раздѣлилось на двѣ части. На западъ бѣжавшіе греки принесли съ собою безсмертныя традиціи древней Греціи, которыя дали толчокъ живому движенію Возрожденія. А намъ она завѣщала, вмѣстѣ со своей княжной, своими патріархами и чиновниками, всю испорченность византійской церкви и ужасный азіатскій деспотизмъ въ политической, соціальной и религіозной жизни.

Вообразите себѣ дикаго князя, татарина съ головы до ногъ, грубаго, буйнаго, жестокаго, трусливаго въ случаѣ нужды, лишеннаго всякаго образованія, не только презирающаго всякое право, но совершенно не имѣющаго понятія о правѣ и человѣколюбіи; изъ первоначальнаго рабскаго положенія онъ вдругъ возносится въ своемъ воображеніи, по меньшей мѣрѣ на высоту византійскаго императора и воображаетъ себя призваннымъ быть богомъ на землѣ, владыкой всего міра. А возлѣ него церковь, не менѣе грубая, не менѣе невѣжественная, но властолюбивая и развращенная, изъ своего рабскаго положенія въ Византіи, она переносится въ несравненно болѣе рабское положеніе, въ Москвѣ, честолюбивая и въ тоже время алчная и раболѣпная, является всегда послушнымъ орудіемъ всякаго деспотизма; вечно пресмыкаясь передъ царемъ, она, наконецъ, такъ тѣсно смѣшала въ своихъ молитвахъ его имя съ именемъ бога, что удивленные вѣрующіе, въ концѣ концовъ, не знаютъ, кто богъ и кто царь. Рядомъ съ этой церковью и этимъ царемъ вообразите себѣ дворянство, не менѣе жестокое и варварское, составленное изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ: изъ потомковъ русскихъ князей, лишенныхъ своихъ удѣловъ, изъ татарскихъ князей, изъ литовскихъ дворянъ, укрывшихся въ Москвѣ, изъ новыхъ и старыхъ бояръ, титулованныхъ дворцовыхъ лакеевъ, чиновниковъ и сыщиковъ дикой московской администраціи; и всѣ они образуютъ вокругъ трона что-то вродѣ наслѣдственной бюрократіи, оффиціальную касту, совершенно отдѣленную отъ народа; эта каста сама до безконечности дробится по родамъ и чинамъ, разъединяется честолюбіемъ, жадностью, соревнованіемъ лакейства, но составляетъ единодушное

цѣлое въ одномъ общемъ рабствѣ, въ невѣроятномъ самоуничтоженіи передъ истиннымъ богомъ имперіи — царемъ. Одинаково безличные, одинаково уничтоженные передъ нимъ, всѣ они, съ какимъ-то рабскимъ сладострастіемъ называютъ сами себя его рабами, холопами, людишками, Мишками, Петьками, безропотно сносятъ отъ него всякое униженіе, позволяютъ себя оскорблять, бить, истязать, убивать; признаютъ царя безусловнымъ господиномъ своего имущества, своей жизни, дѣтей и женъ своихъ, и взамѣнъ такого полнаго самоуниженія, они просятъ только одного — земли, какъ можно больше земли для эксплуатаціи, права грабить казну безъ стыда и немилосердно мучить народъ.

Итакъ, народъ, вотъ истинная вѣковая жертва московской исторіи.

Наша исторія представляетъ противоположность исторіи запада. Тамъ короли соединялись въ началѣ съ народомъ, чтобы подавить аристократію, а у насъ рабство народа было результатомъ корыстнаго союза царя, дворянства и высшаго духовенства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что народъ великорусскій, свободный до конца XVI вѣка, вдругъ оказался прикрѣпленнымъ къ землѣ, и сначала фактически, а потомъ и юридически сдѣлался рабомъ господина — собственника земли, дарованной ему государствомъ.

Терпѣливо ли онъ выносилъ это рабство? Нѣтъ. Онъ протестовалъ тремя страшными возстаніями. Первое возстаніе произошло въ самомъ началѣ XVII вѣка, въ эпоху Лжедимитрія. Совершенно не вѣрно объяснять это возстаніе династическими вопросами или интригами Польши. Имя Димитрія было только

предлогомъ, а польскія войска, приведенныя польскимъ магнатомъ, были такъ малочисленны, что не стоитъ говорить объ нихъ. Это было истинное возстаніе народныхъ массъ противъ тираніи московскаго государства, бояръ и церкви. Могущество Москвы было разбито и освобожденныя русскія провинціи послали туда своихъ депутатовъ, которые хотя и выбрали новаго царя, но принудили его принять извѣстныя условія, ограничивавшія его власть; онъ поклялся сохранять эти условія, но впослѣдствіи, конечно, нарушилъ эту клятву. Главными основаніями этой хартіи были — уничтоженіе московской бюрократіи и автономія общинъ и областей, слѣдовательно, совершенное уничтоженіе гегемоніи и всемогущества Москвы.

Но хартія была нарушена. Царь Алексѣй, наслѣдникъ народнаго избранника, съ помощью дворянства и церкви возстановилъ деспотическую власть и рабство народа. Тогда-то поднялось народное возстаніе, носившее на себѣ тройной характеръ: религіозный, политическій и соціальный — возстаніе Стеньки Разина, перваго и самаго страшнаго революціонера въ Россіи. Онъ поколебалъ могущество Москвы въ самомъ ея основаніи. Но онъ былъ побѣжденъ. Недисциплинированыя народныя массы не могли вынести напора военной силы, уже организованной офицерами, вызванными изъ Европы, особенно изъ Германіи. И эта новая побѣда государства надъ народомъ послужила основаніемъ новой имперіи Петра великаго. Петръ понялъ, что для основанія могущественной имперіи, способной бороться противъ рождавшейся централизаціи западной Европы, уже не достаточно татарскаго кнута и византійскаго богословія. Къ нимъ нужно бы-

ло прибавить еще то, что называлось въ его время цивилизаціей запада — т. е. бюрократическую науку. И вотъ изъ татарскихъ элементовъ, полученныхъ въ наслѣдіе отъ отцовъ и съ помощью этой нѣмецкой науки, онъ основалъ ту чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ. На вершинѣ этой пирамиды стоитъ царь, самый безполезный и самый вредный изъ всѣхъ чиновниковъ, подъ нимъ дворянство, попы, и привилегированные мѣщане, всѣ имѣющіе значеніе только по стольку, по скольку они служатъ и грабятъ государство; а внизу, какъ пьедесталъ пирамиды, — народъ, задавленный податями и мучимый немилосердно.

Покорился ли народъ своему рабству? Примирился ли онъ съ имперіей? Нисколько. Въ 1771 году, среди торжества Екатерины II надъ турками и надъ несчастной и благородной Польшей, которую она задушила и разорвала на части, не одна впрочемъ, такъ какъ ей помогали въ этомъ два знаменитыхъ представителя западной цивилизаціи: Фридрихъ великій, король прусскій, другъ философовъ и самъ философъ, и набожная Марія Терезія, императрица австрійская; и такъ среди торжества Екатерины II, въ то время, какъ весь міръ удивлялся возроставшему могуществу и удивительному счастью императрицы всероссійской, Пугачевъ, простой, донской казакъ, поднялъ всю восточную Россію. Дѣйствительно, вся страна между Волгой и Ураломъ возстала; милліонны крестьянъ, вооруженныхъ топорами, пиками, ружьями и всякимъ оружіемъ, поднялись; и для чего? чтобы избить повсюду дворянъ и чиновниковъ, чтобы захватить всю землю въ свои руки и образовать на ней свободныя сельскія общины, основаныя на коллективной собственности.

Екатерина сначала отнеслась съ презрѣніемъ къ этому возстанію, но затѣмъ испугалась не на шутку.

Многочисленные полки, посланные противъ бунтовщиковъ, подъ предводительствомъ старыхъ генераловъ, были разбиты. Вся народная Россія, Россія крестьянская, пробужденная, воспламененная доброй вѣстью, взволновалась. Народъ ждалъ Пугачева въ Москвѣ. Если бы онъ пришелъ, русская имперія погибла бы безвозвратно. Императрица послала противъ Пугачева огромную армію и народъ еще разъ былъ побѣжденъ.

Что же, покорился ли онъ послѣ этого? Нѣтъ. Со времени казни Пугачева и до нашихъ дней, внутренняя, болѣе или менѣе секретная исторія имперіи состоитъ изъ послѣдовательнаго и непрерывнаго ряда частныхъ и мѣстныхъ возстаній крестьянъ — возстаній, вызываемыхъ глубокой и непримиримой ненавистью ихъ къ помѣщикамъ, ко всѣмъ чиновникамъ и къ государственной церкви.

Вы видите, господа, я былъ правъ, говоря, что между великорусскимъ народомъ и имперіей, его давящей, нѣтъ ничего общаго. Первый есть отрицаніе послѣдней; примиреніе между ними невозможно, потому что интересы ихъ не совмѣстимы: интересы народа заключаются въ свободномъ пользованіи землей, въ самостоятельности сельскихъ общинъ, въ благосостояніи, вытекающемъ изъ свободнаго труда и исключающемъ, слѣдовательно, помѣщичью собственность, опеку, т. е. бюрократическій грабежъ, наборъ, налоги — все, что составляетъ самую суть государства. Какъ же можетъ народъ любить государство и желать сохраненія его могущества?

Но, возразятъ, развѣ народъ не обожаетъ царя? На это я скажу, что обожанiе царя есть только результатъ громаднаго недоразумѣнiя. За нѣсколько лѣтъ до великой французской революцiи, англiйскiй путешественникъ, Артуръ Юнгъ, видя восторгъ, съ которымъ встрѣчало Людовика XVI сельское и городское населенiе Францiи, сказалъ, что »народ, который такъ обожаетъ своего короля, никогда не можетъ быть свободенъ«. Черезъ нѣсколько лѣтъ совершилась революцiя и никто не помѣшалъ столичнымъ революцiонерамъ возвратить бѣжавшую царскую фамилiю подъ стражей изъ Вареннъ въ Парижъ. Знаете ли, что означаетъ это воображаемое обожанiе русскаго царя народомъ? Это — проявленiе ненависти къ дворянству, къ оффицiальной церкви, ко всѣмъ государственнымъ чиновникамъ, т. е. ко всему, что составляетъ самую суть императорскаго могущества, самую существенную сторону имперiи. Царь для народа, подобно богу, только отвлеченность, во имя которой онъ протестуетъ противъ жестокой и подлой дѣйствительности.

Таково положенiе великорусскаго народа. Теперь судите сами, справедливо ли, приписывать ему преступленiя и завоеванiя, совершаемыя имперiей? Но, скажутъ, развѣ онъ не снабжалъ солдатами? Да, конечно, какъ французскiй народъ снабжалъ армiи Наполеона I для завоеванiя мiра, какъ онъ снабжалъ ими Наполеона III для покоренiя Мексики и Рима, какъ въ настоящее время еще большая часть Германiи приготовляетъ своихъ солдатъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ пассивное орудiе въ рукахъ графа Бисмарка. Есть ли въ самомъ дѣлѣ, въ характерѣ великорусскаго народа эти воинственные, завоевательные элементы, вотъ въ чемъ вопросъ. На это я могу смѣло отвѣтить,

что славянскіе народы вообще, великорусскій въ особенности, наименѣе воинственный, наименѣе завоевательный народъ въ мірѣ. Единственная вещь, которую онъ страстно желаетъ — это свободное и коллективное пользованіе землей, которую онъ обрабатываетъ; все остальное ему чуждо и вызываетъ въ немъ страхъ.

Впрочемъ, посмотрите всю исторію этого народа и скажите, шелъ ли онъ когда нибудь по доброй волѣ на западъ? Туда ходили русскія арміи, собранныя и дисциплинированныя кнутомъ, для удовлетворенія честолюбія царей, — русскій же народъ никогда. Причина этого весьма проста. Народъ этотъ по преимуществу земледѣльческій и требуетъ земли, свободной земли. А на западѣ земля не свободна, напротивъ черезъ чуръ густо заселена, на востокѣ же она безпредѣльна, необработана и плодородна, — вотъ почему пока русскій народъ былъ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, пока Петръ Великій не прикрѣпилъ его окончательно къ землѣ, онъ всегда направлялъ свой путь на востокъ, поворачивая спину западу до тѣхъ поръ, пока это движеніе не прекратилось насильственно имперіей.

Вотъ, господа, сущность исторіи великорусскаго народа. Но кромѣ него есть еще малороссы, болѣе чистые славяне, съ меньшей примѣсью финскаго элемента; они образуютъ въ имперіи 12 милліоновъ населенія, а если прибавить къ нимъ галиційскихъ русиновъ, то — цѣлые 15 милліоновъ однороднаго племени, говорящаго однимъ языкомъ, имѣющаго одинаковые нравы и великія историческія воспоминанія. Послѣ вторженія татаръ народъ этотъ, къ несчастью, былъ поставленъ между московскимъ деспотизмомъ съ

одной стороны и жестокимъ притѣсненіемъ іезуитствующей и аристократической польской шляхтой съ другой.

Возставши противъ этой послѣдней, въ половинѣ XVII вѣка, часть Украйны изъ ненависти къ Польшѣ совершила великую ошибку: она приняла покровительство русскаго царя. Цари обѣщали ей все: и сохраненіе ея вольностей и національную автономію. Но такъ какъ обѣщаніе всѣхъ государей, будутъ ли они цари, простые герцоги, короли или императоры, походятъ другъ на друга всегда и вездѣ, то русскіе цари наградили, конечно, Малороссію самымъ грубымъ деспотизмомъ, таким-же, какой существовалъ въ великой Россіи съ жестокой помѣщичьей эксплуатаціей и не менѣе жестокимъ притѣсненіемъ бюрократіи. Въ XVIII вѣкѣ, когда Францiя готовилась къ революціи, Екатерина II, филантропствовавшая императрица, восхваляемая философами, ввела крѣпостное право, до того времени не существовавшее въ Польшѣ. А въ настоящее время это панславитское національное правительство систематически и жестоко преслѣдуетъ малороссійскій языкъ въ Малороссіи, какъ польскій въ Польшѣ. Пусть будетъ это предостереженіемъ австрійскимъ и турецкимъ славянамъ, которые ищутъ свое спасеніе въ Москвѣ.

Этотъ народъ, вмѣстѣ съ 4 милліонами бѣлоруссовъ, по всей вѣроятности, составитъ отдѣльную, независимую націю милліоновъ въ 20 жителей, которая можетъ, конечно, вступить въ союзъ съ Польшей или Великоруссіей, но должна остаться совершенно независимой отъ гегемоніи той и другой. Но, скажутъ, развѣ положеніе этихъ народовъ не улучшилось значительно со времени пресловутаго освобожденія кре-

стьянъ, которымъ такъ гордится царствующій нынѣ императоръ? Не вѣрьте этому освобожденію, они только на словахъ; народъ пересталъ ему вѣрить окончательно. Я считаю необходимымъ сказать о немъ нѣсколько словъ, чтобы разсѣять заблужденія запада на этомъ счетъ. Я начну съ замѣчанія, что напрасно приписываютъ честь этой попытки или этого ложнаго освобожденія великодушію императора Александра II. Ея единственной причиной была крымская катастрофа. Эта война, къ счастью столь несчастная для насъ, нанесла тяжелый ударъ самому существованію имперіи. Зданіе, воздвигнутое Петромъ Великимъ, Екатериною II и Николаемъ I, вдругъ пошатнулось, внезапно открыло всю свою преждевременную гнилость и дѣйствительную негодность. Послѣ крымской войны для всѣхъ стало очевидно, что старый порядокъ вещей не можетъ болѣе продолжаться и что если государство не будетъ преобразовано, то народная революція вспыхнетъ неминуемо. Старый порядокъ основанъ былъ на крѣпостномъ правѣ — слѣдовательно, надо освободить народъ. Таково было въ то время единодушное убѣжденіе всей Россіи; такова была страстная надежда, великое ожиданіе народныхъ массъ. Чтобы доказать вамъ справедливость моихъ словъ я приведу свидѣтельство одной важной особы, авторитетъ которой въ этомъ случаѣ не можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію. Эта особа самъ императоръ Александръ II. Не помню, было ли это въ 1859 или въ 1860 г., онъ произнесъ публично въ полномъ собраніи московскихъ дворянъ слѣдующія замѣчательныя слова: »Господа, мы должны поторопиться освободить крестьянъ, ибо лучше для всѣхъ насъ, чтобы эта революція произошла сверху, а не снизу«. Смыслъ

этихъ словъ черезъ чуръ простъ, и ясенъ; неправда ли? Если бы народу не дали подобія свободы, онъ самъ бы ее взялъ; но взялъ бы уже свободу полную, дѣйствительную, безусловную, взялъ бы ее посредствомъ революціи, т. е. уничтоженія дворянства и имперіи.

Государство находилось тогда въ крайне трудномъ и щекотливомъ положеніи, съ одной сторны оно должно было освободитъ народъ, съ другой очень хорошо понимало, что не можетъ этого сдѣлать дѣйствительно, потому что все его существованіе, всѣ условія, его бытія враждебны дѣйствительному освобожденію народа. Слѣдовательно надо было обмануть ихъ кажущимся освобожденіемъ, дать имъ, въ интересахъ сохраненія государства, такую свободу, которая въ сущности не была бы свободой, и не раззорила бы помѣщиковъ, заставивъ крестьянъ заплатить вдвое, втрое дороже за землю, которая и безъ того принадлежала имъ по праву ихъ собственнаго тяжелаго труда и труда всѣхъ предковъ ихъ. Это и было сдѣлано. Не смотря на эту свободу, о которой такъ много кричали въ Европѣ, русскій народъ до сихъ поръ прикрѣпленъ къ змелѣ, и русскій крестьянинъ, сдѣлавшійся собственникомъ своей земли, вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно раззоренъ и почти умираетъ съ голоду.

Чтобы собрать оброки и покрыть недоимки, которые онъ не въ состояніи платить, продаютъ орудія его труда и даже его скотъ; у него нѣтъ болѣе сѣмянъ для посѣва, нѣтъ возможности обрабатывать землю. Вотъ то счастье, которымъ наградилъ его великодушный Александръ II.

Не понимая подобной свободы, онъ возставалъ. Его били, разстрѣливали и ссылали. Во многихъ гу-

берніяхъ онъ и теперь еще нерѣдко проситъ правительство взять землю назадъ, которая при настоящихъ условіяхъ, его разоряетъ, — его же бьютъ палками, сажаютъ въ тюрьмы, разстрѣливаютъ. Таково настоящее положеніе народа, и теперь онъ начинаетъ понимать, что царь — божественная отвлеченность и есть дѣйствительная и главнѣйшая причина всѣхъ его бѣдствій. Отъ этого сознанія до кровавой революціи очень не далеко.

Но кто съумѣетъ организовать и направить эту революцію? Молодежь. Говоря вамъ о революціонной русской молодежи, я не могу не упомянуть о случаѣ, бывшемъ между нами и которымъ хотѣли воспользоваться противъ меня. Я говорю о новомъ манифестѣ русской соціальной демократіи, который многіе изъ насъ читали. Имъ воспользовались третьяго дня, какъ неоспоримымъ аргументомъ, чтобы склонить васъ отвергнуть принципъ экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ и лицъ, который мною и моими друзьями былъ вамъ предложенъ въ надеждѣ, что вы захотите дать рабочимъ массамъ серьезное и дѣйствительное доказательство искренности вашихъ демократическихъ и народныхъ чувствъ. Вамъ сказали: »видите, чего хотятъ эти нарушители общественнаго порядка. Они хотятъ уничтоженія религіи, собственности, семейства и государства — этихъ вѣчныхъ основъ цивилизаціи«: эти гг. должны бы были прибавить »и вѣчной несправедливости«. Эти основы и эти причины существующаго порядка вещей такъ прекрасны и такъ справедливы, что вы сами въ своей программѣ заявляете о необходимости »радикальнаго« ихъ преобразованія. Я не имѣю намѣренія входить въ подробности этого спора. Я хочу только отклонить отъ себя

честь изданія этого манифеста, причемъ громко заявляю, что я отъ всего сердца признаю всѣ изложенные въ немъ принципы. Въ доказательство, что я дѣйствительно не участвовалъ въ составленіи этого документа я приведу только одинъ фактъ. Въ 1862 г. та же самая программа съ небольшими измѣненіями и, конечно, иначе изложенная была напечатана тайно въ Россіи подъ названіемъ »Манифеста Молодой Россіи«.

Скажутъ, какъ говорили и тогда, что »этотъ манифестъ есть только необдуманное и преувеличенное выраженіе чувствъ очень небольшого числа молодыхъ вѣтренниковъ«. Это, господа, глубокая ошибка. Хотите вы знать число молодыхъ и пожилыхъ людей, разбросанныхъ по Россіи и сочувствующихъ этимъ принципамъ, людей, которыхъ чувства, стремленія, инстинкты или, если такъ можно выразиться, симпатіи вполнѣ выражаются изложенными въ манифестѣ принципами. Я думаю, что я скорѣе уменьшу, чѣмъ преувеличу, если скажу, что число такихъ людей простирается до 40 даже до 50 тысячъ человѣкъ. Вѣдь это цѣлая армія! И армія осмысленная и энергичная. Кто составляетъ ее? Молодые люди, вышедшіе изъ корпусовъ, гимназій и университетовъ, дѣти мѣщанъ или раззорившагося мелкаго дворянства. Юноши, почти лишенные средствъ существованія, но тратящіе послѣдній свой грошъ на пріобрѣтеніе книгъ и образованіе; въ особенности дѣти сельскаго духовенства, большинство которыхъ погибаетъ въ адскихъ трущобахъ нашихъ семинарій, но изъ числа которыхъ очень многіе, притомъ самые умные и сильные, вырываются оттуда, полные энергіи и ненависти ко всему существующему строю. Наконецъ, много крестьянскихъ и

мѣщанскихъ дѣтей — юношей полныхъ жизни, изъ которыхъ многіе дѣлаются замѣчательными людьми, если счастливый случай дастъ имъ возможность образоваться. Вотъ, господа, наша революціонная фаланга которую государство преслѣдуетъ немилосердно, сотнями ссылаетъ въ Сибирь, садитъ въ тюрьмы, умышленно убиваетъ и истязаетъ всѣми способами, и, не смотря ни на что, оказывается безсильнымъ противъ нихъ, такъ какъ они черезъ чуръ многочисленны, разбросаны по всему пространству имперіи, а главное черезъ чуръ незамѣтны и потому легко избѣгаютъ надзора.

Но что могутъ сдѣлать разбросанные 40 или 50 тысячъ человѣкъ противъ организованной силы государства? Они могутъ тоже организоваться: они уже организовываются, а посредствомъ организаціи сдѣлаются въ свою очередь силою, и силою тѣмъ болѣе грозною, что она будетъ почерпать свою силу не въ себѣ самой, а въ народѣ. Они сдѣлаются безустанными и дѣятельными посредниками между нуждами, инстинктами неодолимой, но еще не сознаной силой народа и революціонной идеей.

Съ такимъ народомъ, соціалистомъ по инстинкту и революціонеромъ по природѣ, и съ такой молодежью, стремящейся по принципамъ и, что еще важнѣе, по самому своему положенію, къ уничтоженію существующаго порядка вещей, — революція въ Россіи несомнѣнна. Что-же будетъ ея первымъ, ея необходимымъ дѣломъ? Разрушеніе имперіи, потому, что пока существуетъ имперія, ничего хорошаго и живого не можетъ осуществиться въ Россіи. Это, господа, убѣжденіе русской революціонной молодежи и мое также. Мы патріоты народа, а не государства. Мы хотимъ счастья.

достоинства, свободы нашего народа, всѣхъ народовъ русскихъ и не русскихъ, заключенныхъ нынѣ въ имперіи. Поэтому то мы и желаемъ разрушенія имперіи. Ясно это?

Позвольте мнѣ, господа, прибавить къ этой длинной рѣчи, еще одно замѣчаніе. Годъ тому назадъ, одинъ демократическій журналъ, издаваемый въ Лейпцигѣ, обращаясь ко всей демократической русской эмиграціи и называя, между прочимъ и мое имя, задалъ намъ такой вопросъ: вы называете себя демократами, соціалистами, заклятыми врагами нашего правительства; скажите же намъ, каковы ваши чувства и мысли относительно честолюбивыхъ стремленій вашей имперіи? Ненавидите ли вы, подобно намъ, порабощеніе Польши, Кавказа, Финляндіи, Балтійскихъ провинціи, ваши недавнія завоеванія въ Бухарѣ и воинственные планы противъ Турціи?

На этотъ вопросъ, впрочемъ совершенно естественно, я не счелъ нужнымъ отвѣчать тогда: теперь я отвѣчу на него. Послѣ всего сказаннаго отвѣтъ будетъ легокъ. Впрочемъ для всѣхъ добросовѣстныхъ людей онъ вытекаетъ самъ собой изъ моей прошлогодней рѣчи, сказанной на Женевскомъ Конгрессѣ. Если мы желаемъ полнаго и совершеннаго уничтоженія имперіи, мы можемъ только ненавидѣть ея властолюбіе, а слѣдовательно и всѣ ея побѣды на сѣверѣ, какъ и на югѣ, на востокѣ, какъ и на западѣ, и я думаю, что самымъ большимъ счастьемъ для русскаго народа было бы пораженіе императорскихъ войскъ, какимъ нибудь внутреннимъ или внѣшнимъ врагомъ. Вотъ мое мнѣніе относительно общаго принципа.

Теперь, вдаваясь въ подробности и начиная съ сѣвера, я скажу: Я желаю, чтобы Финляндія была сво-

бодна и имѣла полную возможность организоваться, какъ желаетъ и соединиться, съ кѣмъ захочетъ. Я говорю тоже самое, совершенно искренно и относительно Балтійскихъ провинцій. Я прибавлю только маленькое замѣчаніе, которое мнѣ кажется необходимымъ, потому что многіе из нѣмецкихъ патріотовъ, республиканцевъ и соціалистовъ имѣютъ повидимому двѣ мѣрки, когда дѣло доходитъ до международной справедливости — одну для нихъ самихъ, а другую для всѣхъ остальныхъ націй, такъ что нерѣдко то, что имъ кажется справедливымъ и законнымъ, когда оно касается германской имперіи, принимаетъ, въ ихъ же глазахъ, видъ отвратительнаго насилія, если совершаются другой какой нибудь державой.

Предположимъ, напримѣръ, что Германія будетъ завоевана иностранымъ государствомъ, напримѣръ, Франціею: тринадцать четырнадцатыхъ населенія этої страны, слѣдовательно, большинство обитателей, считаются чистыми нѣмцами и только одна четырнадцатая, горсть завоевателей и властителей — классъ привилегированнаго дворянства и буржуазіи — оказывается состоящей изъ Французовъ. Я прошу нѣмцевъ, задававшихъ намъ вопросъ, отвѣтить въ свою очередь, откровенно, положа руку на сердце: будетъ ли эта страна, по ихъ мнѣнію, французская или нѣмецкая? Я отвѣчу за нихъ, — конечно она считается нѣмецкой въ ихъ глазахъ. Во первыхъ, потому что огромное большинство населенія осталось нѣмецкимъ, затѣмъ, потому что это большинство состоитъ изъ массы подавленной, эксплуатируемой, производительной—словомъ изъ рабочаго народа, а будущность, также какъ и симпатіи ихъ — я не сомнѣваюсь въ этомъ ни минуты, — на сторонѣ рабочаго люда. Таково положеніе

Балтійскихъ провинцій. Откройте Кольба, великаго статистика, которымъ такъ гордится Германія, и вы увидите, что во всѣхъ прибалтійскихъ провинціяхъ, включая туда даже петербургскую губернію, всего только двѣсти тысячъ нѣмцевъ, на населеніе въ два милліона восемь сотъ тысячъ человѣкъ*), какъ разъ одна четырнадцатая часть.

Посмотримъ теперь изъ какихъ элементовъ состоитъ это незначительное нѣмецкое меньшинство. Его составляютъ, во первыхъ, благородные потомки ливонскихъ рыцарей, которые съ папскимъ благословеніемъ и подъ предлогомъ религіи, а въ сущности, чтобы присвоить чужое достояніе, крестили огнемъ и мечемъ эту несчастную страну. Чѣмъ стали они теперь? Высокомѣрными владыками народа, котораго они продолжаютъ эксплуатировать, и рабски-преданными слугами петербургскаго императора. Если наши нѣмецкіе друзья хотятъ взять ихъ, если они думаютъ, что королевскіе дворцы въ Берлинѣ недостаточно наполнены юнкерами Помераніи, пусть они берутъ ихъ. Затѣмъ, ихъ управляющіе протестантскаго исповѣданія — самые неподвижные, непреклонные и правовѣрные изъ всѣхъ протестантовъ; они покорные слуги помѣщиковъ, для пользы которыхъ всѣми силами стараются задушить умственныя способности несчастныхъ латышскихъ и финскихъ крестьянъ. Желаютъ ли наши друзья, принимая ихъ въ видѣ подарка, увеличить число своихъ собственныхъ эксплуататоровъ народнаго невѣжества? — Наконецъ, остается буржуазія, которая нисколько не лучше и не хуже мелкой, средней и крупной буржуазіи нѣмецкихъ горо-

*) Кольбъ насчитываетъ во всей имперіи только 60.000 нѣмцевъ.

довъ, зарабатывающей своимъ трудомъ средства къ жизни, или эксплуатирующей, когда можно, чужой трудъ; она вѣрный слуга россійскаго императора, но будетъ тѣмъ же самымъ и для всякаго другого господина, который захотѣлъ бы ее подчинить своей власти. Она иногда можетъ резонерствовать, но никогда не возмутится противъ своихъ господъ, ибо ея призваніе — резонерствовать и всегда повиноваться. Все остальное населеніе — два милліона шестьсотъ тысячъ — состоитъ изъ латышей и финовъ, т. е. изъ элементовъ совершенно чуждыхъ нѣмецкой народности, даже болѣе чѣмъ чуждыхъ, враждебныхъ — ибо нѣтъ имени болѣе ненавистнаго для этого народа, какъ имя нѣмцевъ. Это весьма естественно: развѣ рабъ можетъ любить своего господина и мучителя? Я слышалъ однажды самъ, какъ латышскій крестьянинъ говорилъ: »Мы ждемъ минуты, когда можно будетъ вымостить черепами нѣмцевъ большую дорогу, ведущую въ Ригу«. Вотъ, господа, страна, которую германскія газеты представляютъ намъ нѣмецкой. Русская ли она поэтому? Нѣтъ, нисколько. Сдѣланная сначала нѣмецкой, а потомъ русской, по праву завоеванія, т. е. въ силу жестокой несправедливости и нарушенія всѣхъ правъ естественныхъ и человѣческихъ, она по природѣ своей, по инстинктамъ и желаніямъ своихъ обитателей, ни русская, ни нѣмецкая; она финская и латышская страна. Что произойдетъ съ ней въ будущемъ, съ какой національной группой захочетъ она соединиться — трудно предвидѣть. Вѣрно одно, и это не осмѣлится отрицать ни одинъ искренній и серьезный демократъ, будетъ ли онъ русскій или нѣмецъ все равно, вѣрно неоспоримое право этого народа располагать своей судьбою, независимо отъ

200.000 нѣмцевъ которые притѣсняли его и теперь притѣсняютъ, и которыхъ онъ ненавидитъ, независимо отъ всякаго германскаго союза и отъ россійской имперіи.

Теперь перейдемъ къ Польшѣ. Вопросъ, мнѣ кажется, одинаково простъ, если хотятъ разрѣшить его только съ точки зрѣнія справедливости и свободы: всѣ народности, всѣ страны, которыя захотятъ принадлежать къ новой польской федераціи, будутъ польскія, всѣ тѣ которыя не захотятъ этого, не будутъ польскими. Русское населеніе Бѣлоруссіи, Литвы и Галиціи соединится съ кѣмъ захочетъ и никто не въ состояніи теперь опредѣлить его будущую судьбу. Мнѣ кажется, всего вѣроятніе и желательнѣе, чтобы они образовали вначалѣ съ Малороссіей отдѣльную національную Федерацію, независимую отъ Великороссіи и Польши.

Наконецъ, останется ли сама Великороссія со своимъ 35 милліоннымъ населеніемъ тоже политически централизованной, какъ и теперь? Это не желательно и невѣроятно. Централизованное 35 милліонное населеніе никогда не можетъ быть свободнымъ внутри и мирнымъ и справедливымъ внѣ своихъ предѣловъ. Великороссія, какъ всѣ другія славянскія земли, слѣдуя великому потоку вѣка, который требуетъ непремѣннаго разрушенія всѣхъ великихъ или малыхъ политическихъ централизацій, всѣхъ учрежденій, организацій, чисто политическихъ, и образованія новыхъ соціальныхъ группъ, основанныхъ на коллективномъ трудѣ и стремящихся къ всемирной ассоціаціи, — Великороссія, которая, какъ всѣ другія страны, которыхъ коснулась демократическая и соціальная революція, разрушится сначала, какъ политическое госу-

дарство и свободно реорганизуется вновь снизу вверхъ. отъ окружности къ центру, смотря по своимъ потребностямъ, инстинктамъ, стремленіямъ и интересамъ, какъ личнымъ, такъ коллективнымъ и мѣстнымъ — на единственномъ основаніи, слѣдовательно, на которомъ возможно утвердиться — истинной справедливости и дѣйствительной свободѣ.

Наконецъ, чтобы резюмировать все сказанное, я еще разъ повторяю: да, мы хотимъ совершеннаго разрушенія россійской имперіи, полнаго уничтоженія ея могущества и ея существованія. Мы хотимъ этого столько же во имя человѣческой справедливости, какъ и во имя патріотизма.

Теперь, когда я достаточно ясно высказался, настолько ясно, что никакое двусмысліе или сомнѣніе болѣе не возможно, я позволю себѣ задать одинъ вопросъ нашимъ нѣмецкимъ друзьямъ, предложившимъ намъ вышеприведенные вопросы. Согласны ли они, во имя любви къ справедливости и свободѣ, отказаться отъ польскихъ провинцій, каково бы то ни было ихъ географическое положеніе, ихъ стратегическая и торговая польза для Германіи — желаютъ ли они отказаться отъ всѣхъ польскихъ странъ, населенія которыхъ не хотятъ быть нѣмецкими? Согласны ли они отказаться отъ своего, такъ называемаго, историческаго права на часть Богеміи, которую до сихъ поръ не удалось германизировать, не смотря на прекрасныя, всѣмъ извѣстныя, историческія, іезуитскія и жестоко деспотическія средства, — на страны, обитаемыя моравами силезцами и чехами, гдѣ ненависть, увы, совершенно справедливая, къ нѣмецкому владычеству, не можетъ подлежать сомнѣнію? Согласны ли они отречься во имя справедливости и свободы, отъ

честолюбивой политики Пруссіи, которая, во имя коммерческихъ и морскихъ интересовъ Германіи, хочетъ силою присоединить датское населеніе Шлезвика къ Сѣверному Германскому Союзу? Согласны ли они отказаться отъ своихъ притязаній, во имя тѣхъ же коммерческихъ и морскихъ интересовъ, на городъ Тріестъ, гораздо болѣе славянскій, нежели итальянскій, и гораздо болѣе итальянскій, нежели нѣмецкій? Однимъ словомъ, согласны ли они отречься отъ своей страны, какъ они этого требуютъ отъ другихъ, отъ всякой политики и признать для себя, какъ для другихъ, всѣ условія и всѣ обязанности налагаемыя свободой и справедливостью? Согласны ли они принять во всей ширинѣ и во всѣхъ примѣненіяхъ слѣдующія принципы — единственные, на которыхъ можетъ создаться международный миръ и справедливость:

1) Уничтоженіе того, что называется историческимъ правомъ и политическою необходимостью государства, во имя каждаго населенія большого или малаго, слабаго или сильнаго, также какъ каждой отдѣльной личности, располагать собою съ полной свободой, независимо отъ потребности и притязаній государства, и ограничивая эту свободу только **равнымъ** правомъ другихъ.

2) Уничтоженіе всякихъ вѣчныхъ контрактовъ между личностями и коллективными единицами — ассоціаціями, областями, націями, — иными словами, признаніе за каждымъ права, если онъ даже свободно связалъ себя съ другимъ лицомъ, уничтожить контрактъ, исполнивъ всѣ временныя и ограниченныя условія, которыя онъ содержитъ. Право это основывается на принципѣ, составляющемъ необходимое условіе дѣйствительной свободы — что прошедшее не

должно связывать настоящаго, а настоящее не можетъ связывать будущаго, и что неограниченное право принадлежитъ живущимъ поколѣніямъ.

3) Признаніе для личностей, также какъ и для ассоціацій, общинъ, провинцій и націй, права свободнаго удаленія изъ союзовъ, съ единственнымъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы выходящая часть не поставила въ опасность свободу и независимость цѣлаго, отъ котораго отходитъ, своимъ союзомъ съ иностранной и враждебной державой. Вотъ истинныя единственныя условія свободы и справедливости. Согласны ли они, наши нѣмецкіе друзья, признать ихъ такъ же искренно, какъ признаемъ ихъ мы? Однимъ словомъ, хотятъ ли они вмѣстѣ съ нами уничтоженія государства — всѣхъ государствъ?

Господа, въ этомъ заключается весь вопросъ. Государство — это насиліе, притѣсненіе, эксплуатація, несправедливость, возведенныя въ систему и сдѣлавшіяся краеугольнымъ камнемъ существованія всякаго общества. Государство никогда не имѣло и не можетъ имѣть нравственности. Его нравственность и его единственная справедливость есть высшій интересъ его самосохраненія и всемогущества — интересъ, передъ которымъ должно преклоняться все человѣчество. Государство есть полное отрицаніе человѣчества, отрицаніе двойное, — и какъ противоположность человѣческой свободѣ и справедливости, и какъ насильственное нарушеніе всеобщей солидарности человѣческаго рода. Всемірное государство, которое столько разъ пробовали создать, всегда оказывалось невозможнымъ; слѣдовательно, пока государство будетъ существовать, ихъ будетъ нѣсколько; а такъ какъ каждое изъ нихъ ставитъ себѣ единственной цѣлью, высшимъ

закономъ, поддерживать свое существованіе въ ущербъ всѣмъ другимъ, то понятно, что самое существованіе государства подразумѣваетъ уже вѣчную войну — насильственное отрицаніе человѣчности. Всякое государство должно завоевывать или быть завоеваннымъ. Каждое государство основываетъ свое могущество на слабости, а если можетъ безъ вреда для себя, и на уничтоженіи другихъ державъ.

Съ нашей стороны, господа, было бы страннымъ противорѣчіемъ и смѣшной наивностью заявлять желаніе, какъ это было сдѣлано на теперешнемъ конгрессѣ, учредить международную справедливость, свободу и вѣчный миръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣть сохранить государство. Невозможно заставить государства измѣнить свою природу, ибо въ силу именно этой природы они государства, и, отказываясь отъ нея, они перестаютъ существовать. Слѣдовательно, нѣтъ и не можетъ быть хорошаго, справедливаго и нравственнаго государства. Всѣ государства дурны въ томъ смыслѣ, что они по природѣ своей, т. е. по условіямъ цѣли своего существованія составляютъ діаметральную противоположность человѣческой справедливости, свободы и нравственности. И въ этомъ отношеніи, что бы ни говорили, нѣтъ большой разницы между дикой всероссійской имперіи и самымъ цивилизованнымъ государствомъ Европы. И знаете ли вы, въ чемъ заключается это различіе? Царская имперія дѣлаетъ цинически то, что другіе совершаютъ подъ покровомъ лицемѣрія, и она составляетъ по своему открытому, деспотическому и презрительному отношенію къ человѣчеству, тайный идеалъ, къ которому стремятся и которымъ восторгаются всѣ государственные люди Европы. Всѣ государства Европы дѣлаютъ то, что дѣлаетъ

она, на сколько позволяетъ имъ это общественное мнѣніе и, главное, новая, но уже могущественная солидарность рабочихъ массъ, носящая въ себѣ сѣмя разрушенія государствъ. Добродѣтельнымъ государствомъ можетъ быть только государство безсильное, да и оно преступно въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ.

Итакъ я прихожу къ заключенію: Тотъ кто желаетъ вмѣстѣ съ нами учрежденія свободы, справедливости и мира, хочетъ торжества человѣчества, кто хочетъ полнаго и совершеннаго освобожденія народныхъ массъ, долженъ желать вмѣстѣ съ нами разрушенія всѣхъ государствъ и основанія на ихъ развалинахъ всемірной Федераціи производительныхъ свободныхъ ассоціацій всѣхъ странъ.

Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ

МОТИВИРОВАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНІЕ ЦЕНТРАЛЬНОМУ КОМИТЕТУ »ЛИГИ МИРА И СВОБОДЫ«.

Господа!

Дѣло, занимающее насъ сегодня, это организовать и окончательно упрочить Лигу Мира и Свободы, взявъ за основаніе принципы, формулированные предшествующимъ распорядительнымъ комитетомъ и принятые конгрессомъ. Эти принципы составляютъ съ этихъ поръ нашу хартію, обязательное основаніе всѣхъ нашихъ послѣдующихъ работъ. Мы не имѣемъ болѣе права отнять отъ нихъ хотя бы малѣйшую часть; но мы можемъ и даже обязаны ихъ развивать.

Выполненіе этой обязанности представляется въ настоящее время болѣе настоятельнымъ, что, какъ всѣмъ извѣстно, вышеупомянутые принципы были формулированы наскоро, подъ гнетомъ тяжелаго женевскаго гостепріимства . . . Мы набросили ихъ, такъ сказать, между двумя грозами, принужденные ослаблять свои выраженія, чтобы избѣжать большаго скандала, который бы могъ привести къ совершенному уничтоженію нашего дѣла.

Нынѣ, когда благодаря болѣе искреннему и широкому гостепріимству города Берна, мы свободны отъ всякаго мѣстнаго, внѣшняго давленія, мы должны возстановить эти принципы во всей ихъ неприкосновенности, отбросивъ всякую двусмысленность, какъ недостойную насъ, недостойную великаго дѣла, которое мы призваны основать.

Умолчаніе, полуправды, урѣзанные мысли, любезныя смягченія и уступки трусливой дипломатіи, все это непригодно для совершенія великихъ дѣлъ: такія дѣла совершаются лишь съ помощью возвышеннаго сердца, яснаго и твердаго ума, ясно опредѣленной цѣли и великой смѣлости. Господа, мы предприняли великое дѣло, возвысимся до уровня нашего предпріятія. Оно будетъ великимъ или смѣшнымъ, средины не можетъ быть, и чтобы оно было великимъ, необходимо по меньшей мѣрѣ, чтобы мы черезъ свою смѣлость и искренность явились таковыми.

Не академическій разборъ принциповъ предлагаемъ мы теперь вашему вниманію. Мы не упускаемъ изъ виду, что мы собрались здѣсь, главнымъ образомъ, чтобы намѣтить необходимыя средства и политическія мѣры къ осуществленію нашего дѣла. Но мы знаемъ также, что въ политикѣ не можетъ быть чистой и полезной практической дѣятельности безъ ясно-опредѣленной теоріи и руководящей цѣли. Въ противномъ случаѣ, сколь мы ни воодушевлены самыми широкими и свободолюбивыми чувствами, мы могли бы прійти къ практикѣ, совершенно противуположной этимъ чувствамъ; мы могли бы начать съ республиканскими, демократическими и соціалистическими убѣжденіями, — а кончить какъ бисмаркіанцы или какъ бонапартисты.

Сегодня мы должны сдѣлать три вещи:

1) Установить условія и элементы новаго Конгресса.

2) Организовать нашу Лигу, насколько это будетъ возможно, во всѣхъ странахъ Европы; распространить ее даже, и это намъ кажется существованнымъ, на Америку и учредить во всякой странѣ національные комитеты и провинціальные подкомитеты, предоставивъ каждому изъ нихъ всю законную, необходимую автономію, и подчинивъ ихъ всѣхъ іерархически центральному комитету въ Бернѣ. Дать этимъ комитетамъ полномочія и необходимыя инструкціи для пропаганды и принятія новыхъ членовъ.

3) Въ виду этой пропаганды, основать газету.

Не очевидно ли, что для того чтобы хорошо выполнить эти три вещи, мы должны предварительно установить принципы, которые бы опредѣлили, уже безъ всякой двусмысленности, природу и цѣль Лиги. Эти принципы съ одной стороны вдохновятъ и направятъ нашу, какъ письменную, такъ и словесную пропаганду, а съ другой стороны послужатъ условіями и основаніемъ для принятія новыхъ членовъ. Послѣдній пунктъ, господа, кажется намъ чрезвычайно важнымъ. Ибо вся будущность нашей Лиги будетъ зависѣть отъ идей, склонностей и какъ политическихъ и соціальныхъ, такъ и экономическихъ и моральныхъ тенденцій массы новоприходящихъ, для которыхъ мы откроемъ наши ряды. Образуя собой учрежденіе въ высшей мѣрѣ демократическое, мы не претендуемъ управлять сверху нашимъ народомъ, т. е. массой нашихъ сторонниковъ; и какъ только наше общество правильно устроится, мы не позволимъ себѣ болѣе навязывать ему авторитетъ нашихъ мыслей. Напротивъ того, мы

хотимъ, чтобы всѣ наши провинціальные подкомитеты и національные комитеты, и даже самъ центральный или интернаціональный комитетъ, были избираемы съ низу до верху, голосованіемъ нашихъ приверженцевъ изъ всѣхъ странъ, и такимъ образомъ сдѣлались вѣрнымъ и послушнымъ выраженіемъ ихъ чувствъ, ихъ идей и ихъ воли. Но нынѣ, именно потому что мы рѣшились подчиниться во всемъ, что будетъ касаться общей дѣятельности Лиги, желаніямъ большинства, потому что мы находимся еще въ маломъ числѣ, не должны ли мы, если мы не хотимъ, чтобы наша Лига когда либо уклонилась отъ своей первоначальной идеи и отъ направленія, приданнаго ей ея иниціаторами, не должны ли мы принять мѣры, чтобы никто съ тенденціями, противуположными этой идеѣ и этому направленію, не могъ сдѣлаться ея членомъ?

Не должны ли мы организоваться такимъ образомъ, чтобы огромное большинство нашихъ приверженцевъ оставалось всегда вѣрнымъ, воодушевляющимъ насъ сегодня чувствамъ, и установить такія правила принятія членовъ, чтобы даже, если личный составъ нашихъ комитетовъ перемѣнился, духъ Лиги остался неизмѣннымъ?

Мы можемъ достигнуть этого не иначе, какъ установивъ и опредѣливъ наши принципы столь ясно, чтобы никто, будучи въ томъ или иномъ отношеніи противъ нихъ, не могъ занять мѣсто въ нашихъ рядахъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если мы не будемъ ясно формулировать дѣйствительный характеръ своихъ принциповъ, число нашихъ приверженцевъ можетъ впослѣдствіи сдѣлаться очень большимъ. Мы могли бы даже въ такомъ случаѣ, какъ намъ предлагалъ делегатъ Базеля, г. Шмидленъ, принять въ наши ряды

много военныхъ и священниковъ, почему же не полицейскихъ? — или по примѣру Лиги Мира, основанной въ Парижѣ подъ высокимъ покровительствомъ императора, гг. Мишель Шевалье и Фредерикъ Пасси, умолять нѣкоторыхъ знаменитыхъ прусскихъ, австрійскихъ или русскихъ принцессъ соблаговолить принятъ званіе почетныхъ членовъ нашей ассоціаціи. Но, какъ говоритъ пословица, кто много беретъ, тотъ плохо держитъ, мы купили бы эти драгоцѣнныя присоединенія лишь цѣной полнаго самоотреченія, и стали бы среди массы двусмысленностей и фразъ, отравляющихъ въ настоящее время общественное мнѣніе Европы, лишней плохой шуткой и ничѣмъ болѣе.

Съ другой стороны очевидно, что если мы открыто объявимъ свои принципы, число нашихъ приверженцевъ будетъ ограничено, но по крайней мѣрѣ, это будутъ серьезные приверженцы, на которыхъ позволительно будетъ разсчитывать, — и наша искренняя, просвѣщенная, серьезная пропаганда будетъ не отравлять, но нравственно оздоровлять публику.

Разсмотримъ же, каковы принципы нашей новой ассоціаціи? Она называется Лигой Мира и Свободы. Это уже много: чрезъ это мы отдѣляемся отъ всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ мира какой угодно цѣной, даже цѣной свободы и человѣческаго достоинства. Мы отдѣляемся также и отъ англійскаго общества мира, оставляющаго въ сторонѣ всякую политику, и воображающаго, что при современномъ устройствѣ Государствъ въ Европѣ возможенъ миръ. Въ противуположность этимъ ультра-мирнымъ тенденціямъ парижскаго и англійскаго обществъ, наша Лига объявляетъ, что она вѣритъ въ миръ, что она желаетъ мира лишь подъ непремѣннымъ условіемъ свободы.

Свобода, это великое слово, означающее величайшую вещь, и которое никогда не перестанетъ воспламенять сердца всѣхъ живыхъ людей. Но оно требуетъ точнаго опредѣленія. Иначе мы не избѣжимъ двусмысленности и можемъ увидѣть въ нашихъ рядахъ бюрократовъ-сторонниковъ гражданской свободы, монархистовъ-конституціоналистовъ, либеральныхъ аристократовъ и буржуа, которые всѣ болѣе или менѣе враждебны демократіи. Они составятъ у насъ большинство подъ предлогомъ, что они тоже любятъ свободу.

Чтобы избѣжать послѣдствій этого печальнаго недоразумѣнія, Женевскій Конгрессъ объявилъ, что онъ желаетъ »основать миръ **на демократіи** и на свободѣ«, откуда вытекаетъ, что для того, чтобы быть членомъ нашей Лиги, надо быть демократомъ. Значитъ исключаются всѣ аристократы, всѣ сторонники какой-нибудь привилегіи, какой-нибудь монополій или какой бы то ни было политической исключительности, ибо слово демократія означаетъ ничто иное, какъ управленіе народомъ посредствомъ народа и для народа, понимая подъ этимъ послѣднимъ наименованіемъ всю массу гражданъ — а въ настоящее время надо прибавить и гражданокъ, — составляющихъ націю.

Въ этомъ смыслѣ мы всѣ конечно демократы.

Но мы должны въ то же время признать, что этотъ терминъ демократія недостаточенъ для точнаго опредѣленія характера нашей Лиги, и что разсматриваемый въ отдѣльности онъ можетъ, такъ же какъ терминъ свобода, подать поводъ къ двусмысленности. Не видѣли ли мы въ Америкѣ съ начала этого столѣтія, что плантаторы, рабовладѣльцы Юга и всѣ ихъ приверженцы въ Сѣверныхъ Штатахъ, назывались демократами? А современный цезаризмъ со своими авто-

ритетными послѣдствіями, повисшій, какъ ужасная угроза надъ всѣмъ, что называется въ Европѣ человѣчностью, не именуетъ ли онъ себя тоже демократичнымъ? И даже московскій и петербургскій имперіализмъ, это Государство безъ фразъ, этотъ идеалъ всѣхъ централизованныхъ, военныхъ и бюрократическихъ державъ, не во имя ли демократіи раздавилъ недавно Польшу?

Очевидно, демократія безъ свободы не можетъ служить намъ знаменемъ. Но что такое демократія, основанная на свободѣ, если не Республика? Соединеніе свободы съ привилегіями создаетъ монархическій конституціонный режимъ, но его соединеніе съ демократіей можетъ осуществиться лишь **въ Республикѣ**. Въ мѣрахъ осторожности, которыхъ мы не одобряемъ, Женевскій Конгрессъ нашелъ нужнымъ воздержаться въ своихъ резолюціяхъ отъ произнесенія слова »республика«. Но, объявляя свое желаніе »основать миръ на демократіи и свободѣ«, онъ невольно выставилъ себя республиканцемъ. Итакъ наша Лига должна быть въ одно время демократической и республиканской.

И мы думаемъ, господа, что всѣ мы здѣсь республиканцы въ томъ смыслѣ, что влекомые безпощадной логической послѣдовательностью, предостерегаемые столь же спасительными, какъ и жестокими уроками исторіи, всѣми опытами прошлаго и въ особенности событіями, которыя омрачили Европу съ 1848 года и тѣми опасностями, которыя и теперь ей еще угрожаютъ, мы всѣ равно пришли къ одному убѣжденію: что монархическія учрежденія несогласимы съ царствомъ мира, справеливости и свободы.

Что касается до насъ, господа, то мы, какъ русскіе соціалисты и какъ славяне, считаемъ своей обязан-

ностью открыто заявить, что для насъ слово республика не имѣетъ другой цѣны, кромѣ цѣны **чисто отрицательной**: оно означаетъ разрушеніе, уничтоженіе монархіи. Слово это не только способно насъ воспламенить, но, напротивъ того, всякій разъ, какъ намъ выставляютъ республику, какъ положительное, серьезное разрѣшеніе всѣхъ злободневныхъ вопросовъ, какъ высшую цѣль, къ достиженію которой должны направляться наши усилія, мы испытываемъ потребность протестовать.

Отъ всего нашего сердца мы ненавидимъ монархію; мы ничего такъ не желаемъ, какъ видѣть ея паденіе во всей Европѣ и во всемъ мірѣ, и мы убѣждены, какъ и вы, что ея уничтоженіе есть условіе sine qua non освобожденія человѣчества. Съ этой точки зрѣнія мы искренніе республиканцы. Но мы не думаемъ, что достаточно разрушенія монархіи, чтобы освободить народы и дать имъ миръ и справедливость. Напротивъ того, мы твердо убѣждены, что крупная, военная, бюрократическая, политически централизованная республика можетъ и необходимо должна стать во внѣшней политикѣ завоевательной державой, внутри притѣснительной, и что она будетъ неспособна обезпечить своимъ подданнымъ, даже если тѣ будутъ называться гражданами, благоденствіе и свободу. Развѣ мы не видѣли великую французскую націю, два раза объявляющей себя демократической республикой, и оба раза теряющей свою свободу и дающей себя увлечь къ завоевательнымъ войнамъ?

Припишемъ ли мы, подобно многимъ другимъ, эти плачевныя паденія легкомысленному темпераменту и историческимъ дисциплинарнымъ привычкамъ французскаго народа, который, какъ утверждаютъ его кле-

ветники, очень способенъ завоевать свободу внезапнымъ порывомъ, но не умѣетъ пользоваться ею и проводить ее на практикѣ?

Намъ невозможно, господа, присоединиться къ этому осужденію цѣлаго народа, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы. Мы убѣждены, что если два раза подрядъ, Франція потеряла свободу и видѣла превращеніе своей демократической республики въ диктатуру и въ демократію военную, то вина въ этомъ падаетъ не на характеръ народа, но на его политическую централизацію. Централизація эта, издавна подготовленная французскими королями и государственными людьми, воплощенная позже въ человѣкѣ, названномъ любезной придворной реторикой Великимъ Королемъ, потомъ втолкнутая въ бездну позорными дѣяніями престарѣлой монархіи, конечно погибла бы въ грязи, если бы Революція не подняла ее своей могучей рукой. Да, странная вещь: эта великая революція, провозгласившая въ первый разъ въ исторіи свободу не только гражданина, но человѣка, — сдѣлала себя наслѣдницей монархіи, которую она убивала, и воскресила это отрицаніе всей свободы: централизацію и всемогущество Государства.

Вновь созданная Учредительнымъ Собраніемъ, оспариваемая, правда, но съ малымъ успѣхомъ Жирондистами, эта централизація была довершена Національнымъ Конвентомъ. Робеспьеръ и Сенъ-Жюстъ были ея истинными возстановителями: ничто не было забыто въ новой правительственной машинѣ, ни даже Верховное Существо вмѣстѣ съ религіей Государства. Она ожидала лишь ловкаго машиниста, чтобы явить удивленному міру все могущество притѣсненія, которымъ ее одарили неосторожно устроители . . . и Напо-

леонъ явился. Итакъ эта революція, которая вначалѣ была воодушевлена лишь любовью къ свободѣ, и человѣчности, однимъ тѣмъ, что повѣрила въ возможность примиренія ихъ съ централизацією государства, убила себя, убила ихъ и не породила ничего, кромѣ военной диктатуры, цезаризма.

Но очевидно ли, господа, что для того, чтобы спасти въ Европѣ свободу и миръ, мы должны противупоставить этой чудовищной и гнетущей централизаціи военныхъ, конституціонныхъ или даже республинархическихъ, конституціонныхъ или даже республиканскихъ государствъ, великій, спасительный принципъ Федерализма, — принципъ, чье блистательное проявленіе явили намъ между прочимъ послѣднія событія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Съ этихъ поръ, для всѣхъ истинно желающихъ освобожденія Европы, должно быть ясно, что, сохраняя всѣ свои симпатіи къ великимъ соціалистическимъ и гуманнымъ идеямъ, провозглашеннымъ Французской Революціей, мы должны отбросить ее политику Государства и рѣшительнымъ образомъ воспринять сѣверо-американскую политику свободы.

I.

ФЕДЕРАЛИЗМЪ.

Мы счастливы возможностью объявить, что этотъ принципъ былъ единогласно провозглашенъ на Женевскомъ Конгрессѣ. Сама Швейцарія, которая, къ слову сказать, примѣняетъ такъ удачно этотъ принципъ на практикѣ, присоединилась къ нему безъ всякаго ограниченія и приняла его во всей широтѣ его послѣдствій. Къ несчастью, въ резолюціяхъ конгресса, этотъ принципъ былъ очень плохо формулированъ и даже былъ провозглашенъ лишь косвеннымъ образомъ, во первыхъ, по поводу Лиги, которую мы должны основать, и ниже по поводу журнала, который мы должны издавать подъ заглавіемъ: »Соединенные Штаты Европы«. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, онъ долженъ бы занимать первое мѣсто въ нашей декларации принциповъ.

Это очень печальный пропускъ, который мы должны поспѣшить наполнить. Согласно съ единогласнымъ рѣшеніемъ Женевскаго Конгресса, мы должны провозгласить:

1) Что для того, чтобы доставить торжество свободѣ, справедливости и миру въ международныхъ отношеніяхъ Европы, для того, чтобы сдѣлать невозможною гражданскую войну между различными народа-

ми, составляющими европейскую семью, есть только одно средство: образованіе Соединенныхъ Штатовъ Европы.

2) Что Штаты Европы не будутъ въ состояніи образоваться изъ современныхъ Государствъ, по причинѣ чудовищнаго неравенства между ихъ относительными силами.

3) Что примѣръ покойной Германской конфедераціи доказалъ неоспоримымъ образомъ, что конфедерація монархій является насмѣшкой; что она безсильна гарантировать населеніямъ, какъ миръ, такъ и свободу.

4) Что ни одно централизованное, бюрократическое и тѣмъ самымъ военное, государство, даже если бы оно называло себя республиканскимъ, не сможетъ серьезнымъ и искреннимъ образомъ войти въ интернаціональную конфедерацію. По своей конституціи, которая всегда будетъ открытымъ или замаскированнымъ отрицанемъ свободы внутри, оно необходимо будетъ постояннымъ вызовомъ къ войнѣ, постоянной угрозой существованію сосѣднихъ странъ. Основанное существеннымъ образомъ на предшествующемъ актѣ насилія, завоеванія или того, что называется въ частной жизни, воровствомъ со взломомъ, — актѣ, благословенномъ церковью какой-нибудь религіи, освященномъ временемъ и чрезъ все это обратившемся въ историческое право, — и опираясь на это божеское освященіе торжествующаго насилія, какъ на исключительное и высшее право, всякое централизованное Государство тѣмъ самымъ, полагаетъ себя, какъ абсолютное отрицаніе правъ всѣхъ другихъ Государствъ, не признавая ихъ въ заключенныхъ съ ними догово-

рахъ иначе, какъ въ виду политическаго интереса, или по немощности.

5) Что всѣ приверженцы Лиги должны будутъ, слѣдовательно, направить всѣ свои усилія къ переустройству своихъ отечествъ, дабы замѣнить въ нихъ старую организацію, основанную, сверху до низу, на насиліи и принципѣ власти, новой организаціей, не имѣющей другого основанія, какъ интересы, потребности и естественныя влеченія населеній, ни другого принципа, какъ свободная федерація индивидуумовъ въ коммуны, коммунъ въ провинціи*) провинцій въ націи, наконецъ, этихъ послѣднихъ въ Соединенные Штаты сперва Европы, а затѣмъ всего міра.

6) Слѣдовательно, полнѣйшее уничтоженіе всего, что называется историческимъ правомъ Государствъ;

---

*) Знаменитый итальянскій патріотъ, Іосифъ Мадзини, чей республиканскій идеалъ ничто иное, какъ французская республика 1793 года, переплавленная въ поэтическихъ традиціяхъ Данте и въ властолюбивыхъ воспоминаніяхъ властелина земли Рима, потомъ пересмотрѣнная и исправленная съ точки зрѣнія новой теологіи, на половину раціональной, на половину мистической,—этотъ замѣчательный патріотъ, властолюбивый, страстный и всегда исключительный несмотря на всѣ сдѣланныя имъ усилія, чтобы подняться до уровня международной справедливости, патріотъ, который всегда предпочиталъ величіе и могущество своего отечества, его благоденствію и свободѣ,—Мадзини былъ всегда ожесточеннымъ противникомъ автономіи провинцій, которая естественно мѣшала бы строгому единообразію его великаго итальянскаго Государства. Онъ утверждаетъ, что для противовѣса всемогуществу прочно устроенной республики достаточна автономіи коммунъ. Онъ ошибается: ни одна коммуна, взятая въ отдѣльности, не будетъ въ состояніи проти-

вопросы о естественныхъ, политическихъ, стратегическихъ и торговыхъ границахъ должны считаться съ этихъ поръ принадлежащими къ древней исторіи и энергично отбрасываться всѣми приверженцами Лиги.

7) Признаніе абсолютнаго права къ полной автономіи за всякой націей, большой или малой, за всякимъ народомъ, слабымъ или сильнымъ, за всякой провинціей, за всякой коммуной, подъ однимъ лишь условіемъ, чтобы внутреннее устройство одной изъ перечисленныхъ единицъ не являлось бы угрозой и опасностью для автономіи и свободы сосѣднихъ земель.

8) Изъ того обстоятельства, что какая-либо страна составляетъ часть какого-нибудь Государства, для нея не вытекаетъ никакого обязательства, даже если она присоединилась добровольно, оставаться всегда

вустоять могуществу этой громадной централизаціи; она будетъ раздавлена. Для того, чтобы выдержать эту борьбу, она должна бы соединиться, въ виду общей самозащиты, съ сосѣдними коммунами, т. е. она должна бы образовать вмѣстѣ съ ними автономную провинцію. Кромѣ того, разъ провинціи не будутъ автономны, управленіе ими надо будетъ поручать ставленникамъ Государства. Нѣтъ средины между строго послѣдовательнымъ федерализмомъ и бюрократическимъ режимомъ. Откуда вытекаетъ, что республика, къ которой стремится Мадзини, была бы Государствомъ бюрократическимъ и слѣдовательно, военнымъ, основаннымъ въ виду внѣшняго могущества, а не международной справедливости и внутренней свободы. Въ 1793 году, подъ правленіемъ Террора, коммуны Франціи были признаны автономными, что не помѣшало имъ быть раздавленными революціоннымъ деспотизмомъ Конвента, или, лучше сказать, Парижской Коммуны, естественнымъ наслѣдникомъ которой явился Наполеонъ.

неразрывной съ нимъ. Никакое вѣчное обязательство не можетъ быть допущено человѣческой справедливостью, единственной, съ которой мы можемъ считаться, и мы никогда не признаемъ другихъ правъ, или другихъ обязанностей, кромѣ тѣхъ, которые основаны на справедливости. Право свободнаго соединенія, и равно свободнаго разрыва, есть первое и самое важное изъ всѣхъ политическихъ правъ; это право, безъ котораго конфедерація всегда будетъ лишь замаскированной централизаціей.

9) Изъ всего предшествующаго вытекаетъ, что Лига должна открыто осудить всякій союзъ той или иной части европейской демократіи съ монархическими Государствами, даже если бы этотъ союзъ имѣлъ цѣлью возвратить независимость или свободу угнетенной странѣ; — ибо такой союзъ, могущій привести лишь къ разочарованіямъ, былъ бы въ то же время измѣной дѣлу революціи.

10) Въ противуположность этому, Лига, именно потому, что она Лига мира, потому что она убѣждена, что миръ не можетъ быть завоеванъ и основанъ иначе, какъ на самой тѣсной и полной солидарности народовъ на началахъ справедливости и свободы, должна громогласно провозгласить свое сочувствіе каждому народному возстанію противъ всякаго, какъ иностраннаго, такъ и внутренняго притѣсненія, лишь бы это возстаніе было сдѣлано во имя нашихъ принциповъ и въ политическихъ и экономическихъ интересахъ народныхъ массъ, а не съ властолюбивымъ намѣреніемъ основать могущественное Государство.

11) Лига будетъ вести ожесточенную войну со всѣмъ, что называется славой, величіемъ и могуще-

ствомъ Государствъ. Всѣмъ этимъ, ложнымъ и вредоноснымъ идоламъ, которымъ были принесены въ жертву милліоны людей, мы противупоставимъ славу человѣческаго разума, обнаруживающагося въ наукѣ, и идеалъ всемірнаго благоденствія, основаннаго на трудѣ, справедливости и свободѣ.

12) Лига признаетъ національности, какъ естественный фактъ, имѣющій безспорное право на существованіе и свободное развитіе, но не какъ принципъ, — ибо всякій принципъ долженъ обладать характеромъ универсальности, а національность напротивъ того является лишь отдѣльнымъ, исключительнымъ фактомъ. Такъ называемый національный принципъ, въ томъ видѣ, какъ онъ былъ поставленъ въ наши дни правительствами Франціи, Россіи и Пруссіи, и даже многими нѣмецкими, польскими, итальянскими и венгерскими патріотами, является лишь дѣтищемъ реакціи, противуположнымъ духу революціи: принципъ въ высшей степени аристократическій въ своей сущности, доходящій до презрѣнія къ языкамъ народовъ, не имѣющихъ литературы, отрицающій по своему существу свободу провинцій и реальную автономію коммунъ, и поддерживаемый во всѣхъ странахъ не народными массами, чьими реальными интересами онъ систематически жертвуетъ ради такъ называемаго общаго блага, которое всегда является лишь благомъ привилегированныхъ классовъ, — этотъ принципъ не выражаетъ ничего другого, кромѣ пресловутыхъ историческихъ правъ, и властолюбія Государствъ. Итакъ права національностей будутъ всегда разсматриваться Лигой лишь какъ естественное слѣдствіе, вытекающее изъ высшаго принципа свободы, и національное право будетъ переставать считаться та-

ковымъ, какъ только оно ставитъ себя противъ свободы или даже только внѣ свободы.

13) Единство есть цѣль, къ которой непреоборимо стремится человѣчество. Но эта цѣль становится фатальной, она становится разрушителемъ просвѣщенія, достоинства и благоденства индивидуумовъ и народовъ, всякій разъ, какъ единство стремится образоваться помимо свободы, посредствомъ ли насилія или посредствомъ авторитета какой-либо теологической, метафизической, политической или даже экономической идеи. Патріотизмъ, стремящійся къ единству, помимо свободы, является дурнымъ патріотизмомъ. Онъ всегда зловреденъ для дѣйствительныхъ, народныхъ интересовъ страны, которую онъ хочетъ возвысить и облагодѣтельствовать, часто помимо воли дружественъ реакціи, враждебенъ революціи, т. е. освобожденію народовъ и людей. Лига можетъ признавать лишь одно единство: то, которое свободно образуется черезъ федерацію автономныхъ частей въ одно цѣлое, такъ что это послѣднее перестанетъ быть отрицаніемъ частныхъ правъ и интересовъ, перестанетъ быть кладбищемъ, гдѣ насильственно погребаются всѣ мѣстныя благополучія, а напротивъ того, станетъ подтвержденіемъ и источникомъ всѣхъ этихъ автономій и благополучій. Итакъ Лига будетъ всѣми силами бороться противъ всякой религіозной, политической, экономической и соціальной организаціи, которая не будетъ всецѣло проникнута этимъ великимъ принципомъ свободы: безъ него нѣтъ ни просвѣщенія, ни справедливости, ни благоденствія, ни человѣчности.

Таковы, господа, по нашему и безъ сомнѣнія также по вашему мнѣнію, необходимыя слѣдствія и рас-

пространенія великаго принципа Федерализма, громогласно провозглашеннаго Женевскимъ Конгрессомъ. Таковы необходимыя условія мира и свободы.

Необходимыя, да — но единственныя ли? — Мы этого не думаемъ.

Штаты Юга въ великой республиканской конфедераціи Сѣверной Америки, были, съ провозглашенія независимости республиканскихъ Штатовъ, демократичными по преимуществу*) и проникнутыми федеративнымъ духомъ до желанія идти на разрывъ. И все же они въ послѣднее время навлекли на себя осужденіе всѣхъ въ мірѣ сторонниковъ свободы и человѣчности, и своей несправедливой и святотатственной войной противъ республиканскихъ Штатовъ Сѣвера чуть было не разрушили и не уничтожили самую лучшую политическую организацію изъ всѣхъ, когда-либо существовавшихъ въ исторіи. Въ чемъ причина такого страннаго факта? Въ политическомъ ли устройствѣ? Нѣтъ, оно всецѣло въ устройствѣ **соціальномъ**. Внутреннее политическое устройство Штатовъ Юга являлось даже, во многихъ отношеніяхъ, болѣе совершеннымъ, болѣе всецѣло свободнымъ, чѣмъ устройство Штатовъ Сѣвера. Только въ этомъ великолѣпномъ устройствѣ было одно пятно, какъ и въ древнихъ республикахъ: свобода гражданъ была основана на насильственномъ трудѣ рабовъ. Достаточно было этого пятна, чтобы перевернуть все политическое устройство этихъ Государствъ.

Граждане и рабы — вотъ антагонизмъ, существовавшій въ древнемъ мірѣ и въ рабовладѣльческихъ

---

*) Какъ извѣстно, въ Америкѣ приверженцы интересовъ Юга противъ Сѣвера, т. е. рабства противъ освобожденія рабовъ, называютъ себя демократами.

Государствахъ новаго міра. Граждане и рабы, т. е. принужденные работники, рабы если не по праву, то на дѣлѣ — вотъ антагонизмъ современнаго міра. И подобно тому какъ древнія Государства погибли отъ рабства, такъ современныя Государства погибнутъ отъ пролетаріата.

Напрасно старались бы утѣшиться мыслью, что это антагонизмъ скорѣй фиктивный, чѣмъ дѣйствительный, или, что невозможно провести демаркаціонную линію между имущими и неимущими классами, такъ какъ эти классы переходятъ одинъ въ другой посредствомъ множества промежуточныхъ и неуловимыхъ оттѣнковъ.

Въ естественномъ мірѣ также не существуетъ демаркаціонныхъ линій; такъ напримѣръ въ восходящей серіи существъ невозможно указать точку, гдѣ кончается растительное и начинается животное царство, гдѣ кончается животное и начинается человѣчность. Тѣмъ не менѣе существуетъ вполнѣ реальное различіе между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ. Также точно въ человѣческомъ обществѣ несмотря на промежуточныя звенья, дѣлающія нечувствительнымъ переходъ отъ одного политическаго и соціальнаго положенія къ другому, различія между классами очень опредѣленно, и всякій съумѣетъ различить родовую аристократію отъ аристократіи денежной, высшую буржуазію отъ мелкой буржуазіи, а эту послѣднюю отъ пролетаріевъ фабрикъ и городовъ; также точно какъ крупнаго землевладѣльца, крестьянина собственника, собственноручно обрабатывающаго землю, наконецъ фермера отъ простого деревенскаго пролетарія.

Всѣ эти различныя политическія и соціальныя положенія вкладываются въ настоящее время въ двѣ главныя категоріи, діаметрально противоположныя, естественно враждебныя другъ другу: политическіе классы, составленные изъ всѣхъ привилегированныхъ въ отношеніи замлевладѣнія, капитала или даже лишь буржуазнаго образованія*), — и рабочіе классы, обдѣленные какъ капиталомъ, такъ и землей, и лишенные всякаго образованія и обученія.

Надо быть софистомъ или слѣпымъ, чтобы отрицать, что бездна раздѣляетъ эти два класса. Подобно тому какъ было въ античномъ мірѣ, наша современная цивилизація обнимаетъ лишь очень ограниченное число привилегированныхъ гражданъ и имѣетъ въ основаніи вынужденный (голодомъ) трудъ громаднаго большинства населенія, фатально обреченнаго на невѣжество и грубость.

Напрасно также старались бы себя увѣрить, что эта бездна можетъ быть наполнена простымъ распространеніемъ просвѣщенія въ народныхъ массахъ. Прекрасное дѣло основывать народныя школы; и однако надо еще спросить себя, можетъ ли человѣкъ изъ народа, живущій изо-дня въ день и питающій свою семью работой своихъ рукъ, лишенный самъ образованія и досуга, и принужденный убивать и отуплять

*) За неимѣніемъ даже какого-либо другого имущества, это буржуазное воспитаніе, при помощи солидарности, связывающей всѣхъ членовъ буржуазнаго міра, обезпечиваетъ получившему его громадную привилегію въ вознагражденіи за трудъ,—ибо трудъ самого посредственнаго буржуа оплачивается въ три, въ четыре раза дороже, чѣмъ трудъ самого умнаго рабочаго.

себя работой, чтобы обезпечить своей семьѣ хлѣбъ завтрашняго дня, — надо еще спросить себя, можетъ ли такой человѣкъ имѣть мысль, желанія или даже возможность посылать своихъ дѣтей въ школу и содержать ихъ во время ихъ обученія? Не будетъ ли онъ нуждаться въ помощи ихъ слабыхъ рукъ, ихъ дѣтскаго труда, чтобы заполнить всѣ нужды семьи? Будетъ уже много, если онъ сдѣлаетъ жертву, отдавъ ихъ въ школу на годъ или на два, предоставя имъ едва необходимое вермя, чтобы научиться читать, писать, считать и позволить отравить ихъ умъ и сердце христіанскимъ катехизисомъ, который умѣло и щедро преподносится въ оффиціальныхъ народныхъ школахъ всѣхъ странъ. Будетъ ли это скудное обученіе когда-либо въ состояніи поднять рабочія массы до уровня буржуазнаго образованія? Будетъ ли когда-нибудь заполнена бездна?

Очевидно, что этотъ, столь важный вопросъ народнаго образованія и воспитанія, зависитъ отъ разрѣшенія другого, гораздо болѣе труднаго вопроса о радикальной реформѣ въ нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ рабочихъ классовъ. — Возвысьте условія труда, отдайте труду все, что по справедливости принадлежитъ труду, и тѣмъ самымъ дайте народу безопасность, благоденствіе, досугъ, и тогда, повѣрьте, онъ образуется, онъ создастъ цивилизацію болѣе широкую, здоровую, возвышенную, чѣмъ ваша.

Напрасно также сказали бы вмѣстѣ съ экономистами, что улучшеніе экономическаго положенія рабочихъ классовъ зависитъ отъ общаго прогресса промышленности и торговли въ каждой семьѣ и отъ ихъ окончательнаго освобожденія отъ контроля и покровительства Государства. Свобода промышленности и

торговли является конечно великой вещью и однимъ изъ существенныхъ основаній международнаго союза всѣхъ народовъ міра. Но съ другой стороны, мы должны признать, что покуда будутъ существовать современныя Государства, покуда трудъ будетъ въ крѣпостной зависимости у собственности и капитала, эта свобода, обогащая ничтожную часть народа, а именно буржуазію, во вредъ огромному большинству населенія, породитъ лишь одно благо: энервированіе и полную деморализацію малаго числа привилегированныхъ; увеличеніе нищеты, обидъ и справедливаго негодованія рабочихъ массъ, и тѣмъ самымъ приближеніе часа уничтоженія Государствъ.

Англія, Бельгія, Франція и Германія являются несомнѣнно европейскими странами, гдѣ торговля и промышленность пользуются сравнительно наибольшей свободой и достигли наибольшаго развитія. И это именно тѣ самыя страны, гдѣ пауперизмъ чувствуется наиболѣе жестокимъ образомъ, гдѣ бездна между собственниками и капиталистами съ одной стороны и рабочими классами съ другой, расширилась до степени, неизвѣстной другимъ странамъ. Въ Россіи, въ скандинавскихъ странахъ, въ Италіи, въ Испаніи, вездѣ, гдѣ торговля и промышленность мало развились, люди рѣдко умираютъ съ голода; развѣ только по случаю какой-либо необычайной катастрофы. Въ Англіи голодная смерть ежедневный фактъ. И не только отдѣльныя единицы, нѣтъ, тысячи, десятки, сотни тысячъ умираютъ такимъ образомъ. Не очевидно ли, что при томъ экономическомъ положеніи, которое царитъ въ настоящее время во всемъ цивилизованномъ мірѣ, — свобода и развитіе торговли и промышленности, удивительныя приложенія науки къ производству

и даже самыя машины, имѣющія цѣлью освободить работника, облегчая человѣческую работу, — что всѣ эти изобрѣтенія, весь этотъ прогрессъ, которымъ справедливо гордится цивилизованный человѣкъ, далекіе отъ того, чтобы улучшать положеніе рабочихъ классовъ, лишь ухудшаютъ его и дѣлаютъ еще болѣе невыносимымъ.

Только Сѣверная Америка является въ значительной степени исключеніемъ и изъ этого правила. Но это исключеніе далеко отъ того, чтобы подрывать правило; напротивъ — его подтверждаетъ. Если рабочіе тамъ лучше оплачиваются, чѣмъ въ Европѣ, если никто тамъ не умираетъ съ голоду, если въ то же время, классовый антагонизмъ тамъ еще почти не существуетъ, если всѣ рабочіе суть граждане и вся масса граждaнъ составляетъ какъ бы одно тѣло, наконецъ, если хорошее начальное и даже среднее образованіе широко распространено тамъ въ массахъ, то все это слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ приписать, конечно, тому традиціонному духу свободы, который первые колонисты привезли изъ Англіи: рожденный, испытанный, укрѣпленный въ великой религіозной борьбѣ, этотъ принципъ индивидуальной независимости и коммунальнаго и провинціальнаго self-government, былъ еще поддержанъ тѣмъ, рѣдко благопріятнымъ обстоятельствомъ, что пересаженный въ пустыри, онъ былъ освобожденъ отъ духовнаго гнета прошлаго, и могъ такимъ образомъ создать новый міръ, — міръ свободы. А свобода это такая чародѣйка, она одарена такой удивительной творческой силой, что вдохновляемая ею одной, Сѣверная Америка, менѣе чѣмъ въ столѣтіе, достигла, и нынѣ, можно бы даже сказать, превзошла цивилизацію Европы. Но не надо вдаваться въ об-

манъ. Этотъ удивительный прогрессъ и столь завидное благоденствіе обязаны своимъ существованіемъ въ громадной мѣрѣ важному преимуществу, которое Америка раздѣляетъ съ Россіей: мы говоримъ о громадномъ количествѣ плодородной земли, которая остается необработанной за недостаткомъ рабочихъ рукъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ, это великое пространственное богатство было почти безполезно для Россіи, ибо мы никогда не обладали свободой. Иначе обстояло дѣло въ Сѣверной Америкѣ, которая, благодаря свободѣ, подобной которой не существуетъ нигдѣ въ свѣтѣ, привлекаетъ каждый годъ сотни тысячъ энергичныхъ, трудолюбивыхъ и умныхъ колонистовъ, и благодаря этому богатству можетъ ихъ принимать. Это богатство не даетъ развиться пауперизму и отдаляетъ моментъ выдвиженія соціальнаго вопроса: рабочій, не находящій работы или недовольный заработной платой, которую онъ получаетъ въ столицѣ, всегда можетъ въ крайности эмигрировать на западъ, чтобы распахать тамъ какую-нибудь дикую, незанятую землю.

Эта возможность, всегда за неимѣніемъ лучшаго, открытая для всѣхъ американскихъ рабочихъ, естественно поддерживаетъ тамъ заработную плату на достаточной высотѣ и предоставляетъ каждому независимость, неизвѣстную въ Европѣ. Такова выгода. Но вотъ и не выгода: дешевизна промышленныхъ продуктовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ дешевизны работы и поэтому американскіе фабриканты въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи конкурировать съ европейскими фабрикантами, откуда вытекаетъ необходимость протекціоннаго тарифа для промышленности Штатовъ Сѣвера. Но результатами этого тарифа

было во первыхъ порожденіе массы искуственныхъ мануфактуръ, и въ особенности утѣсненіе и разореніе неманyфактурныхъ Штатовъ Юга, что заставило ихъ желать отдѣленія; а во вторыхъ, скопленіе въ центрахъ, какъ Нью-Іоркъ, Филадельфія, Бостонъ и другихъ, массы рабочихъ, пролетаріевъ, которые мало-по-малу приходятъ въ положеніе аналогичное положенію рабочихъ въ большихъ мануфактурныхъ государствъ Европы. И мы видимъ, что соціальный вопросъ выдвигается въ Штатахъ Сѣвера, подобно тому, какъ онъ выдвинулся много раньше у насъ.

И такъ, мы принуждены признать за всеобщее правило, что и въ нашемъ современномъ мірѣ, если и не такъ всецѣло какъ въ античномъ мірѣ, все-же цивилизація малаго числа основана на принудительной работѣ и относительномъ варварствѣ громаднаго большинства. Было бы несправедливо сказать, что этотъ привилегированный классъ чуждъ труда; напротивъ, въ наши дни его члены много работаютъ, число совершенно бездѣятельныхъ уменьшается чувствительнымъ образомъ, трудъ начинаетъ быть уважаемъ въ этой средѣ; ибо наиболѣе счастливые понимаютъ уже теперь, что для того, чтобы остаться на уровнѣ современной цивилизаціи, для того, хотя бы, чтобы быть въ состояніи пользоваться ея привилегіями и сохранить ихъ, надо много трудиться. Но между трудомъ достаточныхъ и рабочихъ классовъ та разница, что трудъ первыхъ оплачивается безконечно лучше втораго, и потому оставляетъ привилегированнымъ **досугъ**, это самое необходимое условіе человѣческаго, какъ интеллектуальнаго, такъ и моральнаго развитія — условіе, никогда не существовавшее для рабочихъ классовъ. Кромѣ того, трудъ, совершенный привиле-

гированнымъ міромъ, — почти исключительно **нервный трудъ**, — работа воображенія, памяти и мысли; — между тѣмъ, какъ трудъ милліоновъ пролетаріевъ, это **трудъ физическій**, и часто, какъ напримѣръ, на фабрикахъ, это трудъ, упражняющій не всю мускульную систему человѣка, а развивающій лишь какую-нибудь часть ея во вредъ другимъ, трудъ, совершаемый въ условіяхъ вредныхъ для здоровья тѣла и противныхъ его гармоническому развитію. Въ этомъ отношеніи земледѣлецъ гораздо болѣе счастливъ: его природа, не испорченная душной и часто отравленной атмосферой фабрикъ, не извращенная ненормальнымъ развитіемъ одной какой-нибудь способности во вредъ другимъ, остается болѣе сильной, болѣе полной, — но зато его умъ является всегда болѣе отсталымъ, тяжелымъ и гораздо менѣе развитымъ, чѣмъ умъ фабричныхъ и городскихъ рабочихъ.

Въ концѣ концовъ, ремесленные и машинные рабочіе и земледѣльцы образуютъ вмѣстѣ одну и ту же категорію, категорію **мускульнаго труда**, противоположную привилегированнымъ представителямъ **нервнаго труда**. Каковы слѣдствія этого раздѣленія, не только не фиктивнаго, но составляющаго самое основаніе современнаго, какъ политическаго, такъ и соціальнаго положенія?

Для привилегированныхъ представителей **нервнаго труда**, которые, кстати сказать, призваны быть его представителями не въ качествѣ самыхъ умныхъ, но единственно потому, что родились въ привилегированномъ классѣ, — для нихъ всѣ благодѣянія, но также и всѣ гибельные соблазны современной цивилизаціи: богатство, роскошь, комфортъ, благоустройство, семейныя радости, исключительная политическая

свобода вмѣстѣ съ возможностью эксплуатировать трудъ милліоновъ рабочихъ и управлять ими по своей волѣ и въ своихъ интересахъ, — всѣ произведенія, всѣ изощренія, воображенія и мысли . . . и, вмѣстѣ съ возможностью стать всецѣлыми людьми, всѣ отравы человѣчества, испорченнаго привилегіями.

Что-же остается для представителей **мускульнаго труда**, для этихъ безчисленныхъ милліоновъ пролетаріевъ или даже мелкихъ земельныхъ собственниковъ? Безъисходная нужда, отсутствіе даже семейныхъ радостей, ибо семья для бѣднаго скоро становится бременемъ, невѣжество, дикость и, мы бы сказали, даже вынужденное звѣриное состояніе съ утѣшеніемъ, что они служатъ пьедесталомъ для цивилизаціи, свободы и испорченности малаго числа. — Но зато они сохранили свѣжость ума и сердца. Воспитанные, хотя бы и вынужденнымъ трудомъ, они сохранили чувство справедливости, куда выше справедливости юрисконсультовъ и кодексовъ; сами несчастные, они сочувствуютъ всякому несчастью, они сохранили здравый смыслъ, не испорченный софизмами доктринерской науки и обманами политики,—и такъ какъ они еще не злоупотребили и даже не воспользовались жизнью, они вѣрятъ въ жизнь.

Но, возразятъ, этотъ контрастъ, эта бездна между малымъ числомъ привилегированныхъ и огромнымъ количествомъ обездоленныхъ всегда существовала и теперь существуетъ: что же такое измѣнилось? Измѣнилось то, что прежде эта бездна была заполнена религіознымъ туманомъ, и народныя массы ее не видѣли, а теперь, послѣ того какъ Великая Революція отчасти разогнала этотъ туманъ, и тѣ, и другіе также

начинаютъ видѣть бездну и спрашивать о причинѣ ея. Значеніе этого безмѣрно.

Съ тѣхъ поръ, какъ Революція ниспослала въ массы свое Евангаліе, не мистичное, а раціональное, не небесное а земное, не божественное а человѣческое — свое Евангеліе правъ человѣка; съ тѣхъ поръ, какъ она провозгласила, что всѣ люди равны, что всѣ одинаково призваны къ свободѣ и человѣчности, — народныя массы въ Европѣ, во всемъ мірѣ, начинаютъ мало по малу просыпаться отъ сна, который ихъ сковывалъ, съ тѣхъ поръ, какъ Христіанство усыпило ихъ своими маковыми цвѣтами, и начинаютъ спрашивать себя, не имѣютъ ли и они права на равентсво, свободу и человѣчность.

Какъ только этотъ вопросъ былъ поставленъ, народъ, направляемый своимъ удивительнымъ здравымъ смысломъ, также какъ и своимъ инстинктомъ, вездѣ понялъ, что первымъ условіемъ его дѣйствительнаго освобожденія, или если вы мнѣ позволите это слово, его очеловѣченія, является коренная реформа его экономическихъ условій. Вопросъ о хлѣбѣ является для него по справедливости первымъ вопросомъ, ибо еще Аристотель замѣтилъ: человѣкъ, чтобы мыслить, чтобы сдѣлаться человѣкомъ, долженъ быть свободенъ отъ заботъ о матеріальной жизни. — Впрочемъ, буржуа, кричащіе противъ матеріализма народа и проповѣдующіе ему воздержаніе идеализма, знаютъ это очень хорошо, ибо они проповѣдуютъ словами, а не примѣромъ. — Второй вопросъ для народа это, досугъ послѣ работы, это условіе sine qua non человѣчности. Но хлѣбъ и досугъ не могутъ быть имъ получены иначе какъ чрезъ коренную переработку современнаго

устройства общества, и это объясняетъ почему Революція, влекомая логическимъ развитіемъ своего собственнаго принципа, породила **соціализмъ.**

II.

СОЦІАЛИЗМЪ.

Французская Революція, провозгласивъ **Права Человѣка**, пришла въ своихъ послѣднихъ выводахъ къ Бабувизму. Бабефъ, одинъ изъ послднихъ энергичныхъ и чистыхъ гражданъ, которыхъ Революція создала и убила въ такомъ количествѣ, и имѣвшій счастье насчитывать въ числѣ своихъ друзей такихъ людей, какъ Буонаротти, соединилъ въ себѣ, по странному сочетанію, политическія традиціи античнаго міра съ совершенно современными идеями соціальной революціи. Видя, что Революція какъ то чахнетъ, за недостаткомъ кореннаго преобразованія, тогда впрочемъ, по всей вѣроятности и невозможнаго по экономической структурѣ общества, вѣрный съ другой стороны духу этой Революціи, которая кончила тѣмъ, что на мѣсто всякой личной иниціативы поставила всемогущее дѣйствіе Государства, онъ измыслилъ политическую и соціальную систему, согласно которой республика, выражающая собой коллективную волю гражданъ, должна была конфисковать всякую личную собственность и управлять ею въ интересахъ всѣхъ, надѣляя каждаго въ ровной мѣрѣ: воспитаніемъ, обученіемъ, средствами къ существованію, удовольствіями, и принуждая всѣхъ безъ исключенія, по мѣрѣ силъ и способно-

стей каждаго, къ мускульному и нервному труду. Заговоръ Бабефа не удался, онъ былъ гильотинированъ вмѣстѣ съ нѣсколькими друзьями. Но его идеалъ соціалистической республики съ нимъ не умеръ. Воспринятая его другомъ Буонаротти, величайшимъ конспираторомъ нашего столѣтія, идея была передана послѣднимъ, какъ священный залогъ новымъ поколѣніямъ, и благодаря тайнымъ обществамъ, основаннымъ Буонаротти въ Бельгіи и Франціи, коммунистическія идеи зародились въ народномъ воображеніи. — Онѣ нашли съ 1830 до 1848 года талантливыхъ выразителей въ Кабетѣ и Луи Бланѣ, которые окончательно основали революціонный соціализмъ.

Другое соціалистическое теченіе, вытекшее изъ того же революціоннаго источника, направляющееся къ той же цѣли, но совершенно инымъ путемъ, теченіе, которое мы бы охотно назвали доктринернымъ соціализмомъ, было основано двумя замѣчательными людьми: Сенъ-Симономъ и Фурье. Сенъ-Симонизмъ былъ комментированъ, развитъ, переработанъ и основанъ въ видѣ почти практической системы, въ видѣ церкви, »отцомъ« Анфантеномъ, вмѣстѣ со многими друзьями, изъ которыхъ большая часть сдѣлалась нынѣ финансистами и государственными людьми, странно преданными Имперіи. — Фурьеризмъ нашелъ своего истолкователя въ »Мирной демократіи«, издававшейся до 2 декабря 1852 г. Викторомъ Консидераномъ.

Заслуга этихъ двухъ соціалистическихъ системъ, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ различныхъ, заключается главнымъ образомъ въ глубокой, научной, строгой критикѣ современнаго общественнаго строя, чудовищныя противорѣчія котораго они смѣло рас-

крыли; — затѣмъ въ томъ важномъ фактѣ, что эти системы съ силой боролись и въ значительной мѣрѣ потрясли Христіанство, во имя возстановленія и оправданія матеріи и человѣческихъ страстей, оклеветанныхъ и въ то же время такъ хорошо практикуемыхъ христіанскими священниками. Сенъ-Симонисты хотѣли поставить на мѣсто Христіанства новую религію, основанную на мистическомъ культѣ плоти, съ новой іерархіей священниковъ, новыхъ эксплуататоровъ толпы, привилегіями генія, способностей и таланта. Фурьеристы, искренніе демократы, придумали фаланстеры, управляемые избранными всеобщимъ голосованіемъ вождями; фаланстеры, гдѣ каждый, по мысли фурьеристовъ, долженъ былъ найти себѣ работу и мѣсто въ соотвѣтсвіи съ личными вкусами. — Ошибки Сенъ-Симонистовъ слишкомъ очевидны, чтобы стоило о нихъ говорить. Двойная ошибка Фурьеристовъ заключалась, во первыхъ, въ томъ, что они искренно вѣрили, что единственно силой убѣжденія и мирной пропаганды они съумѣютъ до такой степени тронуть сердца богатыхъ, что тѣ въ концѣ концовъ сами прійдутъ сложить у порога фаланстера излишекъ своихъ богатствъ; во вторыхъ, въ томъ, что они вообразили, что можно теоретически, a priori, построить соціальный рай, въ которомъ на вѣки успокоилось бы человѣчество. Они не поняли, что, хотя для насъ и возможно предвозвѣстить великіе принципы будущаго развитія человѣчества, тѣмъ не менѣе практическое осуществленіе этихъ принциповъ должно быть предоставлено опытамъ будущаго.

Вообще регламентація была общей страстью всѣхъ соціалистовъ до 1848 года, за исключеніемъ одного. Кабетъ, Луи Бланъ, Фурьеристы, Сенъ-Симо-

нисты, всѣ были одержимы страстью выдумывать и устраивать будущее, всѣ были, болѣе или менѣе, государственники.

Но вотъ явился Прудонъ, сынъ крестьянина, во сто разъ большій революціонеръ и въ дѣлахъ и въ инстинктахъ, чѣмъ всѣ эти доктринерные, буржуазные соціалисты. Онъ вооружился критикой, столь же глубокой и проницательной, сколь неумолимой, чтобы уничтожить всѣ ихъ системы. Противупоставивъ свободу власти, онъ въ противуположность этимъ государственнымъ соціалистамъ, смѣло провозгласилъ себя анархистомъ и имѣлъ мужество бросить въ лицо ихъ деизму или пантеизму заявленіе, что онъ просто атеистъ, или точнѣе **позитивистъ,** подобно Огюсту Конту.

Соціализмъ Прудона, основанный, какъ на индивидуальной, такъ и коллективной свободѣ и на дѣятельности свободныхъ ассоціацій, не подчиненный другимъ законамъ, кромѣ какъ общимъ законамъ соціальной экономіи, какъ открытымъ, такъ и предстоящимъ открытію; стоящій внѣ всякой правительственной регламентаціи и всякаго покровительства со стороны Государства и подчиняющій политику экономическимъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ интересамъ общества, долженъ былъ съ теченіемъ времени прійти въ силу необходимой послѣдовательности, къ федерализму.

Таково было положеніе соціальной науки до 1848 г. Полемика журналовъ, летучихъ листковъ и соціалистическихъ брошюръ внѣдрило въ умы рабочихъ классовъ массу новыхъ идей; умы были ими переполнены, и когда разразилась революція 1848 года, соціализмъ проявился какъ мощная сила.

Какъ мы сказали, соціализмъ былъ послѣднимъ дѣтищемъ великой революціи; но до рожденія этого послѣдняго, она произвела на свѣтъ своего болѣе прямого наслѣдника, своего старшаго сына, любимца Робеспьеровъ и Сенъ-Жюстовъ: чистый республиканизмъ, безъ примѣси соціалистическихъ идей, перенесенный изъ античнаго міра и вдохновляемый героическими традиціями великихъ гражданъ Греціи и Рима. Гораздо менѣе человѣчный, чѣмъ соціализмъ, этотъ республиканизмъ почти не принимаетъ въ разсчетъ человѣка, а признаетъ лишь гражданина; и между тѣмъ какъ соціализмъ стремится основать **республику людей**, республиканизмъ желаетъ лишь **республику гражданъ**, хотя бы они, какъ это было при конституціяхъ, явившихся естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ конституціи 1793 года (съ момента что эта послѣдняя, послѣ минутнаго колебанія сознательно замолчала соціальный вопросъ) — хотя бы они въ качествѣ **активныхъ гражданъ** (мы пользуемся выраженіемъ Учредительнаго Собранія) основывали свое благополучіе на эксплуатаціи труда **пассивныхъ гражданъ**. Впрочемъ, политическій республиканецъ не является, по крайней мѣрѣ въ идеѣ, эгоистомъ лично для себя, но онъ долженъ имъ быть для отечества, которое онъ долженъ ставить въ своемъ свободномъ сердцѣ выше себя самого, выше всѣхъ индивидуумовъ, всѣхъ націй въ мірѣ, выше самого человѣчества. Слѣдовательно, онъ будетъ всегда игнорировать международную справедливость; во всѣхъ спорахъ, будетъ ли его отечество право или нѣтъ, онъ будетъ становиться на его сторону, онъ будетъ желать, чтобы оно всегда имѣло верхъ и давило другіе народы своимъ могуществомъ и славой. Онъ сдѣлается, по естественной по-

слѣдовательности, завоевателемъ, — несмотря на то, что опытъ вѣковъ показываетъ ему, что военные тріумфы фатально приводятъ къ цезаризму. Республиканецъ-соціалистъ ненавидитъ государственное величіе, могущество и военную славу, — онъ предпочитаетъ имъ свободу и благоденствіе. Федералистъ во внутренней политикѣ, онъ стремится и къ международной конфедераціи, во первыхъ, ради торжества справедливости; во вторыхъ, потому что онъ убѣжденъ, что экономическая и соціальная революція можетъ осуществиться, лишь переступивъ черезъ искуственныя и зловредныя границы Государствъ, посредствомъ солидарной дѣятельности всѣхъ, или по крайней мѣрѣ, большей части націй, составляющихъ цивилизованный міръ, и что всѣ, рано или поздно, должны будутъ соединиться подъ ея знаменемъ. Исключительно политическій республиканецъ это стоикъ; онъ не признаетъ правъ, а лишь обязанности, или подобно тому, какъ въ республикѣ Мадзини, онъ признаетъ лишь одно право: право быть самоотверженнымъ и жертвовать собой для отечества, жить лишь для служенія ему и съ радостью умирать за него, какъ говорится объ этомъ въ пѣснѣ, которой Александръ Дюма произвольно надѣлилъ Жирондистовъ: »Умереть за отечество это самый прекрасный, самый завидный жребій«. Напротивъ того соціалистъ опирается на свое положительное право на жизнь и на всѣ, какъ интеллектуальныя и моральныя, такъ и физическія жизненныя наслажденія. Онъ любитъ жизнь, онъ хочетъ полностью ее использовать. Такъ какъ его убѣжденія составляютъ часть его самого и его обязанности по отношенію къ обществу неразрывно связаны съ его правами, то онъ съумѣетъ жить согласно со справедли-

востью, какъ Прудонъ, а въ случаѣ нужды умереть, какъ Бабефъ; но онъ никогда не скажетъ, что жизнь человѣчества должна быть жертвой и что смерть является самымъ сладкимъ жребіемъ. Для политическаго республиканца свобода лишь пустой звукъ; это свобода быть добровольнымъ рабомъ, преданной жертвой Государства; готовый всегда пожертвовать ради него собственной свободой, политическій республиканецъ легко пожертвуетъ и свободой другихъ. Итакъ политическій республиканизмъ необходимо приводитъ къ деспотизму. Для республиканца же соціалиста свобода, соединенная съ благоденствіемъ и создающая всеобщую человѣчность посредствомъ человѣчности каждаго, это все, между тѣмъ какъ Государство является въ его глазахъ лишь инструментомъ, служителемъ благоденствія и свободы всѣхъ и каждаго. Соціалистъ отличается отъ буржуа **справедливостью**, ибо онъ требуетъ для себя лишь дѣйствительный плодъ своей работы; а отъ политическаго республиканца онъ отличается своимъ **открытымъ человѣческимъ эгоизмомъ**: живя откровенно и безъ фразъ для самого себя, и зная, что дѣлая это согласно со справедливостью онъ служитъ всему обществу, а служа всему обществу, служитъ самому себѣ. Республиканецъ суровъ и часто изъ-за патріотизма — какъ священникъ изъ-за религіи — жестокъ. Соціалистъ естественъ, умѣренно патріотиченъ, но зато всегда очень человѣченъ. — Однимъ словомъ, между республиканцемъ-соціалистомъ и политическимъ республиканцемъ цѣлая бездна: одинъ относится къ полурелигіозной формаціи, относится къ прошлому; другой, позитивистъ или атеистъ, принадлежитъ будущему.

Этотъ антагонизмъ проявился въ полной мѣрѣ въ

1848 году. Съ самаго начала революціи республиканцы и соціалисты не смогли прійти ни къ какому соглашенію: ихъ идеалы, всѣ ихъ инстинкты влекли ихъ въ діаметрально противуположныя стороны. Все время отъ февраля до іюня прошло въ дерганіяхъ туда и сюда, которыя, внося междоусобную войну въ лагерь революціонеровъ и парализуя ихъ силы, естественно должны были склонить вѣсы на сторону выросшей до громадныхъ размѣровъ коалиціи реакціонеровъ всѣхъ оттѣнковъ, соединенныхъ и сплавленныхъ съ техъ поръ въ одну партію подъ знаменемъ страха. Въ іюнѣ и республиканцы соединились съ реакціей, чтобы раздавить соціалистовъ. Они полагали, что одержали побѣду, а на самомъ дѣлѣ столкнули в бездну свою дорогую республику. Генералъ Кавеньякъ, представитель чести знамени противъ революціи, былъ предшественникомъ Наполеона III. И это всѣ поняли, если не во Франціи, то во всемъ остальномъ мірѣ, ибо эта злополучная побѣда республиканцевъ надъ парижскими рабочими, была отпразднована, какъ великое торжество, всѣми дворами Европы и офицеры прусской службы, съ генералами во главѣ, поспѣшили отправить адресъ съ братскими поздравленіями генералу Кавеньяку.

Напуганная краснымъ страшилищемъ, европейская буржуазія впала въ полное раболѣпство. По природѣ либеральная и бранчивая, она не обожаетъ военнаго режима, но она высказалась за него въ виду опасности народнаго освобожденія. Пожертвовавъ своимъ достоинствомъ и всѣми своими славными завоеваніями XVIII-го и начала этого вѣка, она полагала, что покупаетъ миръ и спокойствіе, необходимыя для успѣха ея торговыхъ и промышленныхъ предпріятій: »Мы вамъ жертвуемъ своей свободой«, какъ бы

говорила она военнымъ державамъ, возставшимъ на развалинахъ третьей революціи, — »въ замѣнъ предоставьте намъ возможность спокойно эксплуатировать народныя массы и защитите насъ отъ ихъ стремленій, которыя могутъ казаться справедливыми въ теоріи, но которыя отвратительны съ точки зрѣнія нашихъ интересовъ«. Буржуазіи все обѣщали и даже сдержали слово. Почему же буржуазія, вся европейская буржуазія, въ настоящее время недовольна?

Она не разсчитала, что военный режимъ дорого стоитъ, что уже въ силу своего внутренняго строенія, онъ парализуетъ, безпокоитъ, разоряетъ націи, и что, болѣе того, вѣрный логикѣ, свойственной ему и которой онъ никогда не измѣнилъ, онъ имѣетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ **войну**: войны династическія, войны честолюбія, войны завоевательныя или территоріальныя, войны равновѣсія — постоянное уничтоженіе и поглощеніе однихъ государствъ другими, рѣки человѣческой крови, сожженіе деревень, разореніе городовъ, опустошеніе цѣлыхъ провинцій, — и все это, чтобы удовлетворить честолюбіе царствующихъ лицъ и ихъ фаворитовъ, чтобы ихъ обогащать, чтобы занять, дисциплинировать народы и заполнить исторію.

Теперь буржуазія понимаетъ это, и вотъ она недовольна режимомъ, установленію котораго она такъ сильно способствовала. Она устала отъ него; но чѣмъ она его замѣнитъ?

Конституціонная монархія отжила свое время, да она никогда и не пользовалась особымъ успѣхомъ на континентѣ Европы; даже въ Англіи, этой исторической колыбели современнаго конституціонализма, нынѣ она разрушаема поднимающейся демократіей, она поколеблена, она качается и не будетъ уже скоро въ

состояніи противустоять приливу народныхъ страстей и требованій.

Республика? Но какая республика? Политическая ли только, или демократическая и соціальная? Соціалистично ли настроены народы? Да, болѣе чѣмъ когда либо.

Въ 1848 году погибъ не соціализмъ вообще, а только **государственный соціализмъ**, тотъ регламентарскій, деспотическій соціализмъ, который вѣрилъ и надѣялся, что государство сможетъ удовлетворить потребности и законныя стремленія рабочихъ классовъ, что, вооруженное своимъ всемогуществомъ, оно захочетъ и будетъ въ состояніи установить новый соціальный строй. Итакъ не соціализмъ умеръ въ іюнѣ, напротивъ того государство объявило себя банкротомъ передъ соціализмомъ и, признавъ себя неспособнымъ заплатить ему долгъ, въ уплатѣ котораго обязалось, попробовало его убить, чтобы наиболѣе легкимъ образомъ освободиться отъ этого долга. Оно не могло его убить, но оно убило вѣру, которую соціализмъ въ него имѣлъ, и тѣмъ самымъ уничтожило всѣ теоріи государственнаго или доктринернаго соціализма, изъ которыхъ однѣ, какъ »Икарія« Кабета, или »Организація труда« Луи Блана, совѣтовали народу положиться во всемъ на Государство, — а другія доказали свою нелѣпость въ рядѣ смѣхотворныхъ опытовъ. Даже банкъ Прудона, который могъ бы благоденствовать при болѣе счастливыхъ условіяхъ, погибъ подъ давленіемъ всеобщей враждебности буржуа.

Соціализмъ проигралъ это первое сраженіе по очень простой причинѣ: онъ былъ богатъ предчувствіями и отрицательными теоретическими идеями, онъ былъ тысячу разъ правъ, споря противъ привиле-

гій; но ему совершенно недоставало положительныхъ, практическихъ идей, которыя необходимы, чтобы можно было построить на развалинахъ буржуазной системы новую систему, систему народной справедливости. Рабочіе, сражавшіеся въ іюнѣ за народное освобожденіе, были соединены инстинктомъ, а не идей, — ихъ смутныя идеи составляли всѣ вмѣстѣ хаосъ, изъ котораго ничего не могло выйти. Такова была главная причина ихъ пораженія. Надо ли изъ-за этого сомнѣваться въ будущности и во внѣшней мощи соціализма? Христіанству, поставившему своей цѣлью основаніе царства справедливости на небѣ, нужно было нѣсколько столѣтій, чтобы завоевать Европу. Нужно ли удивляться, что соціализмъ, поставившій себѣ гораздо болѣе трудную задачу — основаніе царства справедливости на землѣ, не одержалъ побѣду въ нѣсколько лѣтъ?

Господа, нужно ли доказывать, что соціализмъ не умеръ? Чтобы въ этомъ убѣдиться надо лишь бросить взглядъ на то, что происходитъ въ настоящее время во всей Европѣ. Позади всѣхъ дипломатическихъ шашней и слуховъ о войнѣ, наполняющихъ Европу съ 1852 года, какой серьезный вопросъ занимаетъ всѣ страны, если не вопросъ соціальный? Это великій незнакомецъ, чье приближеніе каждый чувствуетъ, который всѣхъ заставляетъ трепетать и о которомъ никто не смѣетъ говорить . . . Но онъ самъ за себя говоритъ и чѣмъ дальше, тѣмъ громче. Не доказываютъ ли рабочія коперативныя ассоціаціи, банки взаимопомощи и кредита труду, трэдъ-юніоны, интернаціональная лига рабочихъ всѣхъ странъ, однимъ словомъ, все это непрестанно усиливающееся рабочее движеніе въ Англіи, Франціи, Бельгіи, Германіи, Италіи и Швей-

царіи, не доказываетъ ли все это, что рабочіе не отказались отъ своей цѣли, не потеряли вѣру въ свое близкое освобожденіе? и что въ то же время они поняли что въ дѣлѣ приближенія часа своего освобожденія они не должны болѣе разсчитывать ни на Государства, ни на болѣе или менѣе лицемѣрное содѣйствіе привилегированныхъ классовъ, но на самихъ себя и на свои собственныя, свободныя ассоціаціи?

Въ большинствѣ европейскихъ странъ движеніе это, повидимому, по крайней мѣрѣ, чуждое политикѣ, сохраняетъ исключительно экономическій, и такъ сказать, частный характеръ. Но въ Англіи оно твердо стало на пылающую почву политики и, организовавшись въ громадную лигу: »Лигу Реформы«, уже одержало большую побѣду противъ политически организованныхъ привилегій аристократіи и высшей буржуазіи. Съ чисто англійскимъ терпѣніемъ и практической послѣдовательностью, Reform League начертала передъ собой планъ дѣйствій; она никогда не унываетъ и не даетъ себя устрашить или остановить никакому препятствію. »Не далѣе, какъ черезъ десять лѣтъ«, говорятъ они, беря въ разсчетъ самыя большія препятствія, »мы будемъ имѣть всеобщее избирательное право, и тогда«, . . . тогда они сдѣлаютъ соціальную революцію!

Какъ во Франціи, такъ и въ Германіи, соціализмъ, молчаливо подвигаясь впередъ путемъ частныхъ экономическихъ ассоціацій, уже достигъ до такой степени могущества въ средѣ рабочихъ классовъ, что Наполеонъ III съ одной стороны, а съ другой — графъ Бисмаркъ, начинаютъ искать союза съ нимъ . . . Въ скоромъ времени въ Италіи и въ Испаніи, послѣ плачевнаго фіаско всѣхъ другихъ политическихъ партій

и въ виду ужаснаго экономическаго положенія обѣихъ странъ, всякій другой вопросъ исчезнетъ передъ вопросомъ экономическимъ и соціальнымъ. — А въ Россіи и въ Польшѣ есть ли въ сущности другой вопросъ? Это онъ разрушилъ послѣднія надежды старой, исторической, дворянской Польши; — это онъ угрожает и вскорѣ уничтожитъ уже столь непоколебимое существованіе этой ужасной Всероссійской Имперіи. Даже въ Америкѣ, не проявился ли въ полной мѣрѣ соціализмъ въ предложеніи замѣчательнаго человѣка, бостонскаго сенатора г. Чарлса Семнера надѣлить землей освобожденныхъ негровъ Штатовъ Юга?

Какъ вы видите, господа, вездѣ проявляется соціализмъ, несмотря на іюньское пораженіе. Онъ, путемъ подземной работы, постепенно проникъ въ самыя нѣдра политической жизни всѣхъ странъ, и вездѣ даетъ о себѣ знать, какъ скрытая сила вѣка. Еще нѣсколько лѣтъ, и онъ проявится, какъ сила открытая и всесильная.

За малымъ числомъ исключеній, всѣ народы Европы, многіе даже не зная слова соціализмъ, проникнуты въ настоящее время соціализмомъ, не знаютъ другого знамени, кромѣ того, которое имъ возвѣщаетъ, прежде всего ихъ экономическое освобожденіе, и въ тысячу разъ охотнѣе отступились бы отъ всякого другого вопроса, но не отъ этого. Итакъ только соціалистическое знамя можетъ соединить для плодотворнаго творчества.

Не достаточно ли сказаннаго, господа, чтобы убѣдиться, что намъ непозволительно умолчать въ своей программѣ о соціализмѣ, и что такое умолчаніе наложило бы на все наше дѣло печать безсилія? Провоз-

гласивъ себя въ своей программѣ республиканцами-федералистами, мы достаточно выказали себя революціонерами, чтобы отстранить отъ себя добрую часть буржуазіи: всѣхъ, кто спекулируетъ на нищетѣ и несчастьяхъ народовъ, кто ухитряется извлекать выгоду даже изъ великихъ катастрофъ, нынѣ, болѣе чѣмъ когда-либо, поражающихъ народы. Если мы оставимъ въ сторонѣ эту дѣятельную, подвижную, интригантскую, спекулятивную часть буржуазіи, то у насъ еще останется большинство буржуа спокойныхъ, трудолюбивыхъ, дѣлающихъ иногда зло, но скорѣй по необходимости, чѣмъ по доброй волѣ, и которые ничего бы такъ не желали, какъ быть освобожденными отъ этой фатальной необходимости, ставящей ихъ въ постоянное враждебное отношеніе съ рабочимъ народомъ, и въ то же время разоряющей ихъ самихъ Нельзя не отмѣтить, что въ настоящее время мелкая буржуазія, мелкая промышленность и мелкая торговля начинаютъ бѣдствовать почти также, какъ и рабочіе массы, и если вещи будутъ двигаться въ томъ же направленіи, то это достойное уваженія буржуазное большинство, по всей вѣроятности, сольется въ экономическомъ отношеніи съ пролетаріатомъ. Крупная торговля, крупная промышленность и въ особенности крупная и безчестная спекуляція давятъ его, пожираютъ, толкаютъ въ бездну. Итакъ, положеніе мелкой буржуазіи дѣлается все болѣе революціоннымъ и ея идеи, бывшія долго реакціонными, нынѣ, вслѣдствіе ужасныхъ уроковъ, начинаютъ озаряться свѣтомъ и необходимо должны будутъ принять противуположное направленіе. Самые умные начинаютъ понимать, что для сохранившей честность буржуазіи нѣтъ болѣе другого спасенія, кромѣ союза съ народомъ — и что

она заинтересована въ соціальномъ вопросѣ не менѣе **и съ той же стороны**, что и народъ.

Это постепенное измѣненіе въ воззрѣніяхъ мелкой буржуазіи Европы является фактомъ, столь же утѣшительнымъ, какъ и неоспоримымъ. Но не надо обманываться: инициатива новаго движенія будетъ принадлежат народу, а не ей; на западѣ — фабричнымъ и городскимъ рабочимъ; у насъ, въ Россіи, въ Польшѣ и въ большинствѣ славянскихъ земель — крестьянамъ. Мелкая буржуазія сдѣлалась слишкомъ трусливой, нерѣшительной, скептической, чтобы взять на себя инициативу чего-либо; она даетъ себя увлечь но сама никого не увлечетъ; ибо она столь же бѣдна вѣрой и страстью, какъ и мыслями. Та страсть, которая разбиваетъ препятствія и творитъ новые міры, находится исключительно у народа. Итакъ, неоспоримо, народу будетъ принадлежать инициатива новаго движенія. И мы бы умолчали о народѣ? И мы бы ничего не сказали о соціализмѣ, являющемся новой религіей народа?

Но, скажутъ намъ, соціализмъ выказываетъ склонность заключить союзъ съ цезаризмомъ. Во первыхъ, это клевета; напротивъ того именно, цезаризмъ, видя на горизонтѣ появленіе грозной силы соціализма, стремится завладѣть его симпатіями, чтобы эксплуатировать его въ свою пользу. Но не является ли это для насъ лишней причиной устремить сюда свою энергію, чтобы помѣшать этому чудовищному союзу, плодомъ котораго явилось бы, конечно, самое большое несчастье, какое только можетъ грозить свободѣ міра?

Мы должны высказаться въ пользу соціализма, даже и не принимая въ разсчетъ всѣхъ этихъ практическихъ мотивовъ, ибо соціализмъ это **справедливость**.

Когда мы говоримъ о справедливости, мы подразумѣваемъ не ту, которая заключена въ кодексахъ и въ римскомъ правѣ, основанномъ въ громадной степени на насильственныхъ фактахъ, совершенныхъ силой, освященныхъ временемъ и благословеніями какой-либо, христіанской или языческой церкви, и какъ таковые, признанныхъ за абсолютные принципы, изъ которыхъ дедуктивно выведено все право*), — мы говоримъ о справедливости, основывающейся единственно на совѣсти людей, на справедливости, которую вы найдете въ сознаніи каждаго человѣка и даже въ сознаніи дѣтей, и суть которой передается однимъ словомъ: **уравненіе.**

Эта всемірная справедливость, которая, однако, благодаря насильственнымъ захватамъ и религіознымъ вліяніямъ, никогда еще не имѣла перевѣса ни въ политическомъ, ни въ юридическомъ, ни въ экономическомъ мірѣ, должна послужить основаніемъ новаго міра. Безъ нея не можетъ быть ни свободы, ни республики, ни благоденствія, ни мира. Но она должна первенствовать во всѣхъ нашихъ резолюціяхъ, дабы мы могли дѣятельно способствовать установленію мира.

Эта справедливость повелѣваетъ намъ взять на себя защиту интересовъ народа, до сихъ поръ столь

---

*) Въ этомъ отношеніи юридическая наука совершенно подобна теологіи; обѣ эти науки равнымъ образомъ исходятъ, одна изъ реальнаго, но несогласнаго со справедливостью факта: изъ присвоенія силой, завоеванія; другая изъ факта фиктивнаго и нелѣпаго: изъ божескаго откровенія, какъ верховнаго принципа. Основываясь на этой нелѣпости или этой несправедливости, обѣ науки прибѣгаютъ къ самой строгой логикѣ, чтобы построить съ одной стороны юридическую, съ другой теологическую систему.

ужасно пренебрегаемыхъ, и потребовать для него не только политическую свободу, но и экономическое и соціальное освобожденіе.

Мы не предлагаемъ вамъ, господа, ту или иную соціалистическую систему. Мы лишь просимъ васъ снова провозгласить этотъ великій принципъ Французской Революціи: каждый человѣкъ долженъ имѣть матеріальныя и духовныя средства для развитія всей своей человѣчности. Принципъ этотъ, по нашему мнѣнію, порождаетъ слѣдующую задачу:

Придать обществу такое устройство, чтобы каждый индивидъ, мужчина или женщина, находилъ, являясь въ жизнь, почти равныя средства для развитія своихъ различныхъ способностей и для примѣненія своей работы; создать такое устройство общества, которое бы поставило всякаго индивида, кто бы онъ ни былъ, въ невозможность эксплуатировать чужую работу, и позволяло бы ему участвовать въ пользованіи соціальными богатствами, являющимися въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ человѣческой работы, лишь постольку, поскольку онъ непосредственно способствовалъ ихъ производству.

Полное осуществленіе этой проблемы будетъ, конечно, дѣломъ столѣтій. Но исторія выдвинула ее, и отнынѣ мы не можемъ оставлять ее безъ вниманія, не обрекая себя на полное безсиліе.

Мы спѣшимъ прибавить, что мы энергично отклоняемъ всякую попытку соціальной организаціи, которая была бы чужда самой полной свободы, какъ индивидовъ, такъ и ассоціацій, и требовала бы установленія регламентирующей власти, какого бы то ни было характера. Во имя свободы, которую мы признаемъ за единственное основаніе, единственный за-

конный творческій принципъ всякой организаціи, мы всегда будемъ протестовать противъ всего, что хоть сколько-нибудь будетъ похоже на государственный соціализмъ и коммунизмъ.

Единственная вешь, которую, по нашему мнѣнію, можетъ и должно сдѣлать государство, это видоизмѣнить мало-по-малу наслѣдственное право, съ цѣлью какъ можно скорѣе достичь его полнаго уничтоженія. Въ виду того, что наслѣдственное право является всецѣлымъ созданіемъ государства, является однимъ изъ существенныхъ условій существованія принудительнаго и божественно установленнаго государства, оно можетъ и должно быть уничтожено свободнымъ актомъ Государства; — другими словами, Государство должно растопиться въ общество, организованное на началахъ справедливости. Наслѣдственное право, по нашему мнѣнію, необходимо должно быть уничтожено, ибо пока оно будетъ существовать, будетъ существовать **наслѣдственное** экономическое неравенство, не естественное неравенство индивидовъ, а искусственное неравенство классовъ, — а послѣднее необходимо будетъ всегда порождать наслѣдственное неравенство въ развитіи и образованіи умовъ и будетъ продолжать быть источнкомъ и освященіемъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ неравенствъ. Задачей справедливости является установить равенство для каждаго, насколько такое равенство будетъ зависѣть отъ экономическаго и политическаго устройства общества, — равенство для каждаго въ исходной точкѣ жизненнаго существованія, такъ, чтобы каждый, руководимый собственной природой, былъ сыномъ своихъ собственныхъ дѣлъ. По нашему мнѣнію, единственнымъ наслѣдникомъ умирающихъ долженъ быть

общественный фондъ для образованія и обученія дѣтей обоихъ половъ, включая сюда и содержаніе ихъ отъ рожденія до совершеннолѣтія. Въ качествѣ славянъ и русскихъ, мы можемъ прибавить, что у насъ основной соціальной идеей, основанной на всеобщемъ и традиціонномъ инстинктѣ населенія, является идея, что земля, собственность всего народа, можетъ быть во владѣніи лишь тѣхъ, кто обрабатываетъ ее собственными руками.

Мы убѣждены, господа, что этотъ принципъ справедливъ, что онъ является существеннымъ и неизбѣжнымъ условіемъ всякой серьезной соціальной реформы и что поэтому западная Европа непремѣнно должна будетъ въ свою очередь его признать и воспринять, несмотря на трудности его реализаціи въ нѣкоторыхъ странахъ. Такъ, напримѣръ, во Франціи большинство крестьянъ уже пользуется земельной собственностью, но вскорѣ большая часть этихъ самихъ крестьянъ не будетъ пользоваться почти ничѣмъ, вслѣдствіе того раздробленія земли, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ преобладающей въ настоящее время во Франціи политико-экономической системы. Впрочемъ, мы воздерживаемся отъ всякаго предложенія по земельному вопросу, какъ и вообще мы воздерживаемся отъ всякихъ предложеній затрогивающихъ, тотъ или иной научный, или политико-соціальный вопросъ, убѣжденные, что всѣ эти вопросы должны сдѣлать въ нашей газетѣ предметомъ серьезной и глубокой критики. — Мы ограничимся сегодня предложеніемъ вамъ сдѣлать слѣдующую декларацію:

»Убѣжденные, что серьезное осуществленіе въ мірѣ свободы, справедливости и мира невозможно до

тѣхъ поръ, покуда огромное большинство людей остается обездоленнымъ въ отношенiи всѣхъ благъ, лишеннымъ образованiя и приговореннымъ къ политическому и соцiальному ничтожеству и къ фактическому, если не юридическому рабству, вслѣдствiе нищеты и необходимости работать безъ отдыха и перерыва, производя всѣ богатства, составляющiя нынѣ гордость мiра, и получая столь малую часть ихъ, что ее едва достаетъ для обезпеченiя хлѣба на завтрашiй день;

»Убѣжденные, что для всей массы населенiя, столь ужасно эксплуатируемой въ продолженiи столѣтiй, вопросъ хлѣба является вопросомъ умственнаго освобожденiя, гуманности и свободы;

»Убѣжденные, что свобода безъ соцiализма, это привилегiя, несправедливость, какъ и соцiализмъ безъ свободы станетъ рабствомъ;

»Лига провозглашаетъ необходимость коренной соцiальной и экономической реформы, которая бы вела къ освобожденiю народнаго труда изъ подъ ига капитала и собственниковъ, и была бы основана на самой строгой справедливости, но не юридической, теологической и метафизической, а просто человѣческой, на позитивной наукѣ и самой полной свободѣ.

»Она объявляетъ въ то же время, что ея газета широко откроетъ свои столбцы для всѣхъ серьезныхъ статей по экономическимъ и соцiальнымъ вопросамъ, если только эти статьи будутъ искренно воодушевлены желанiемъ самаго широкаго народнаго освобожденiя, какъ въ матерiальномъ отношенiи, такъ и съ точки зрѣнiя политической и интелектуальной«.

Изложивъ свои взгляды на **федерализмъ и соціализмъ,** мы считаемъ, господа, своей обязанностью разсмотрѣть вмѣстѣ съ вами, еще третій вопросъ, который мы считаемъ нераздѣльно связаннымъ съ двумя первыми вопросами, — т. е. религіозный вопросъ, и мы просимъ у васъ позволенія резюмировать всѣ наши взгляды по этому вопросу въ одномъ словѣ, которое покажется вамъ можетъ быть варварскимъ.

III.

АНТИТЕОЛОГИЗМЪ.

Господа, мы убѣждены, что въ мірѣ не произошло ни одного крупнаго политическаго и соціальнаго измѣненія, которое бы не было сопровождаемо и часто предупреждаемо аналогичнымъ движеніемъ въ философскихъ и религіозныхъ идеяхъ, управляющихъ сознаніемъ индивидовъ и общества.

Всѣ религіи со своими богами были всегда ничѣмъ инымъ, какъ созданіемъ вѣрующей и легковѣрной фантазіи человѣка, еще не достигшаго уровня чистаго разсужденія и свободной, основанной на наукѣ, мысли. Поэтому религіозное небо было лишь миражемъ, въ которомъ воспламенный вѣрой человѣкъ, находилъ свое собственное изображеніе, но увеличенное, опрокинутое и такъ сказать **обожествленное**.

Исторія религій, исторія возвышенія и упадка слѣдовавшихъ другъ за другомъ боговъ, является ничѣмъ инымъ, какъ исторіей развитія ума и коллективнаго сознанія людей. По мѣрѣ того, какъ они открывали въ себѣ-ли, или внѣ себя, какую-нибудь силу, способность или качество, они приписывали его своимъ богамъ, увеличивъ его, расширивъ, сверхъ всякой мѣры, актомъ своей религіозной фантазіи, подобно тому, какъ это дѣлаютъ дѣти. Такимъ образомъ, благодаря великодушію и скромности людей, небо обогатилось добычей, отнятой у земли, и по естественной послѣдовательности обстоятельствъ, чѣмъ небо стано-

вилось богаче, тѣмъ бѣднѣе становилось человѣчество. Какъ только божество было признано, оно, естественно, было провозглашено господиномъ, источникомъ, распредѣлителемъ всѣхъ вещей: реальный міръ сталъ существовать какъ его отблескъ и человѣкъ, его безсознательный творецъ, колѣнопреклонился передъ своимъ твореніемъ и объявилъ себя рабомъ, созданіемъ божества.

Христіанство является религіей по преимуществу, именно потому, что оно представляетъ, проявляетъ въ себѣ природу и сущность всякой религіей, каковы: систематическое, абсолютное обираніе, уничтоженіе и порабощеніе человѣчества въ пользу божества, — высшій принципъ не только всякой религіи, но и всякой метафизики, какъ деистической, такъ и пантеистической. Такъ какъ Богъ — все, то реальный міръ и человѣкъ — ничто. Такъ какъ Богъ — истина, справедливость и безконечная жизнь, то человѣкъ — ложь, неправедность и смерть. Такъ какъ Богъ господинъ, то человѣкъ — рабъ. Неспособный самъ отыскать путь справедливости и истины, онъ долженъ получить ихъ, какъ откровеніе свыше, посредствомъ посланниковъ и избранниковъ божьей милости. Кто говоритъ объ откровеніи, говоритъ о свыше вдохновленныхъ пророкахъ и священникахъ, а разъ эти послѣдніе призваны за представителей божества на землѣ, за учителей и вождей человѣчества на пути къ вѣчной жизни, то они тѣмъ самымъ получаютъ право руководить, повелѣвать и управлять человѣчествомъ въ его земномъ существованіи. Всѣ люди обязаны въ нихъ слѣпо вѣрить и безпрекословно имъ повиноваться; будучи рабами Бога, люди должны быть также рабами церкви и государства, поскольку это послѣднее благословено церковью. Изъ всѣхъ существующихъ или существовавшихъ религій, одно христіанство въ совершенствѣ это поняло, а изъ всѣхъ христіанскихъ сектъ, только римскій католицизмъ провозгласилъ и осуществилъ этотъ принципъ съ полной послѣдовательностью. Вотъ почему христіанство является религіей

абсолютной, послѣдней религіей; вотъ почему апостольская римская церковь является единой послѣдовательной, законной и божественной.

Поэтому, какъ это ни противно всѣмъ полу-философамъ, всѣмъ такъ называемымъ, религіознымъ мыслителямъ, — **существованіе Бога логически связано съ самоотреченіемъ человѣческаго разума и человѣческой справедливости; оно является отрицаніемъ человѣческой свободы и необходимо приводитъ не только къ теоретическому, но и къ практическому рабству.**

И, если только мы не хотимъ рабства, мы не можемъ и не должны дѣлать никакихъ уступокъ теологіи, ибо, имѣя дѣло съ этимъ мистическимъ и строго послѣдовательнымъ алфавитомъ, всякій, начавъ съ А, фатально дойдетъ до Z; всякій, желающій обожать Бога, долженъ будетъ отказаться отъ свободы и достоинства человѣка.

Богъ существуетъ, значитъ человѣкъ — рабъ.

Человѣкъ разуменъ, справедливъ, свободенъ. — значитъ Бога нѣтъ.

Мы смѣло утверждаемъ, что никто не сможетъ выйти изъ этого круга; и въ такомъ случаѣ пусть выбираютъ.

Да и исторія намъ показываетъ, что священники всѣхъ религій, за исключеніемъ лишь религій преслѣдуемыхъ, всегда были въ союзѣ съ тираннiей. И даже преслѣдуемые священники, хотя и они сражались и проклинали притѣсняющія ихъ власти, тѣмъ не менѣе подчиняли своихъ послѣдователей принудительной дисциплинѣ, и тѣмъ самымъ приготовляли элементы новой тираніи. Духовное рабство какого угодно характера, будетъ всегда имѣть своимъ естественнымъ послѣдствіемъ рабство политическое и соціальное. — Въ настоящее время Христіанство подъ всѣми своими формами, а также вышедшая изъ него доктринерная и деистическая метафизика, которая въ сущности ничто другое, какъ замаскированная теологія, является безъ всякаго сомнѣнія самымъ громаднымъ препятствіемъ для освобожденія общества.

Поэтому то всѣ правительства, всѣ государственные люди Европы, которые сами не являются ни теологами, ни деистами, которые въ глубинѣ своихъ сердецъ не вѣрятъ ни въ Бога, ни въ Діавола, со страстью, съ остервененіемъ покровительствуютъ метафизикѣ и религіи, какой бы то ни было религіи, лишь бы она по примѣру всѣхъ другихъ, проповѣдывала смиреніе, подчиненіе и терпѣніе.

Остервененіе, съ которымъ всѣ правительства защищаютъ религію показываетъ, насколько для насъ необходимо бороться съ нею и уничтожить ее.

Нужно ли вамъ, господа, напоминать, какъ деморализующе и гибельно дѣйствуютъ на народъ религіозныя вліянія? Они убиваютъ въ немъ разумъ, это главное орудіе человѣческаго освобожденія, и, наполняя умы божественными нелѣпостями, доводятъ народъ до отупѣнія, главнаго основанія всякаго рабства. Они убиваютъ въ людяхъ энергію къ труду, являющуюся для человѣка спасеніемъ и величайшей славой. Вѣдь только въ трудѣ человѣкъ становится творцомъ, создаетъ свой міръ, создаетъ основанія и условія своего человѣческаго существованія и завоевываетъ, какъ свободу, такъ и человѣчность. Религія убиваетъ въ людяхъ производительную мощь, внѣдряя въ нихъ презрѣніе къ земной жизни въ виду небеснаго блаженства, и уча ихъ, что трудъ — это послѣдствіе проклятія или заслуженное наказаніе, а бездѣйствіе — божеская привилегія. — Религія убиваетъ въ людяхъ справедливость, эту строгую хранительницу братства, это необходимое условіе мира, наклоняя всегда вѣсы въ сторону болѣе сильныхъ, на которыхъ по преимуществу изливается божественная благодать, заботливость и благословеніе. Наконецъ, она убиваетъ въ нихъ человѣчность, замѣняя ее въ ихъ сердцахъ божественною жестокостью.

Всѣ религіи основаны на крови, ибо всѣ, какъ извѣстно, существенно опираются на идею жертвоприношенія, т. е. постояннаго закланія человѣчества ради ненасытной мстительности божества. Въ этомъ

кровавомъ таинствѣ, человѣкъ всегда является жертвой, а священникъ, тоже человѣкъ, но человѣкъ возвышенный благодатью, — божественнымъ палачомъ. Это намъ объясняетъ, почему священники всѣхъ религій, и даже самые лучшіе, самые человѣчные, самые кроткіе изъ нихъ имѣютъ почти всегда въ глубинѣ сердца, и если не въ сердцѣ, то по крайней мѣрѣ, въ умѣ и въ воображеніи — а извѣстно какое вліяніе имѣютъ эти послѣдніе на сердце, — нѣчто жестокое и кровожадное; и вотъ, когда повсюду возбуждался вопросъ объ уничтоженіи смертной казни, то всѣ священники, римско-католическіе, московско-православные, протестантскіе — всѣ единогласно высказались за ея сохраненіе.

Христіанская религія, болѣе чѣмъ всякая другая, была основана на крови и исторически окрещена въ крови. Посчитайте милліоны жертвъ, которыхъ эта религія любви, прощенія заклала ради удовлетворенія жестокой мести своего Бога. Вспомните пытки, которыя она выдумала и примѣнила. И развѣ нынѣ она сдѣлалась болѣе кроткой? Нѣтъ, но, поколебленная равнодушіемъ и скептицизмомъ, она лишь сдѣлалась безсильной, или лучше сказать, гораздо менѣе сильной, ибо къ несчастью, она не лишена еще, даже въ настоящее время, способности вредить. И посмотрите на страны, въ которыхъ, гальванизированная реакціонными страстями, она съ виду словно воскресаетъ; не является ли ея первымъ словомъ — мщеніе и кровь, ея вторымъ словомъ отреченіе отъ человѣческаго разума, а ея заключеніемъ — рабство? Покуда христіанство и христіанскіе священники, покуда какая бы то ни было божеская религія будетъ продолжать имѣть хотя бы малѣйшее вліяніе на народныя массы, до тѣхъ поръ не восторжествуютъ на землѣ разумъ, свобода, человѣчность и справедливость. Ибо покуда народныя массы останутся погруженными въ религіозныя суевѣрія, до тѣхъ поръ они будутъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всѣхъ земныхъ деспотизмовъ, соединившихся противъ освобожденія человѣчества.

Вотъ почему намъ чрезвычайно важно освободить массы отъ религіозныхъ суевѣрій, и не только изъ-за любви къ нимъ, но также и изъ-за любви къ самимъ себѣ, ради спасенія нашей свободы и безопасности. Но эта цѣль можетъ быть достигнута лишь двумя путями: распространеніемъ раціональной науки и пропагандой соціализма.

Мы подразумѣваемъ подъ раціональной наукой ту, которая освободилась отъ всѣхъ призраковъ метафизики и религіи, и въ то же время отличается отъ чисто экспериментальныхъ и критическихъ наукъ. Она отличается отъ нихъ, во первыхъ тѣмъ, что не ограничиваетъ свои изысканія тѣмъ или другимъ опредѣленнымъ предметомъ, но старается охватить весь доступный познанію міръ; до того же, что лежитъ за границами познанія, ей нѣтъ никакого дѣла. Во вторыхъ, она отличается отъ экспериментальныхъ наукъ тѣмъ, что не пользуется, какъ эти послѣднія, исключительно аналитическимъ методомъ, но позволяетъ себѣ прибѣгать и къ синтезу, пользуясь довольно часто аналогіей и дедукціей, хотя она придаетъ своимъ синтетическимъ выводамъ чисто гипотетическое значеніе, до тѣхъ поръ, пока они не подтверждены самымъ строгимъ экспериментальнымъ или критическимъ анализомъ.

Гипотезы раціональной науки отличаются отъ гипотезъ метафизики въ томъ отношеніи, что эта послѣдняя, выводя свои гипотезы какъ логическія слѣдствія изъ абсолютной системы, претендуетъ заставить природу имъ подчиняться. Напротивъ того, гипотезы раціональной науки вытекаютъ не изъ трансцендентной системы, а изъ синтеза, являющагося ничѣмъ инымъ, какъ резюме или общимъ выводомъ изъ множества доказанныхъ на опытѣ фактовъ. Поэтому эти гипотезы никогда не могутъ имѣть всенепремѣннаго, обязательнаго характера; напротивъ того, онѣ предлагаются въ такомъ видѣ, чтобы ихъ можно было отбросить сейчасъ же, какъ только онѣ являются опровергнутыми новыми опытами.

Раціональная философія или всемірная наука не ведетъ себя ни аристократически, ни начальнически, какъ то дѣлала покойная госпожа метафизика. Эта послѣдняя, организуясь всегда сверху внизъ, путемъ дедукціи и синтеза, на словахъ признавала, правда, автономію и свободу отдѣльныхъ наукъ, но на дѣлѣ страшно ихъ стѣсняла. Доходило до того, что она заставляла ихъ признать законы и даже факты, которыхъ нельзя найти въ природѣ. Съ другой стороны, она препятствовала имъ заниматься опытными изслѣдованіями, результаты которыхъ свели бы къ небытію ея спекуляціи. — Какъ видите, метафизика дѣйствовала по методу централизованныхъ Государствъ.

Напротивъ того, раціональная философія является чисто демократической наукой. Она организуется свободно снизу вверхъ, и опытъ признаетъ своимъ единственнымъ основаніемъ. Ничто, не анализированное и не потвержденное опытомъ или самой строгой критикой, не можетъ быть ею воспринято. Поэтому, Богъ, Безконечное, Абсолютъ, — всѣ эти столь любимые объекты метафизики, совершенно устраняются изъ раціональной науки. Она съ равнодушіемъ отворачивается отъ нихъ, она смотритъ на нихъ, какъ на призраки или миражи. Но и призраки и миражи играютъ существенную роль въ развитіи человѣческаго ума. Человѣкъ обыкновенно достигаетъ познанія простой истины лишь послѣ того, какъ онъ создалъ и пересоздалъ всѣ возможныя иллюзіи. А такъ какъ картина развитія человѣческаго ума является реальнымъ предметомъ науки, — то естественная философія удѣляетъ мѣсто и разсмотрѣнію заблужденій. Она занимается ими лишь съ точки зрѣнія исторіи и старается въ то же время показать намъ какъ физіологическія, такъ и историческія причины зарожденія, развитія и упадка религіозныхъ и метафизическихъ идей, а также ихъ временную и относительную необходимость для развитія человѣческаго духа. Такимъ образомъ, она отдаетъ имъ всю справедливость, которой они достойны; потомъ отворачивается отъ нихъ навсегда.

Ея предметъ это реальный, доступный познанію міръ. По мысли раціональнаго философа, въ мірѣ существуетъ лишь одно существо и одна наука. Поэтому онъ стремится соединить и соподчинить всѣ отдѣльныя науки въ единую систему. Это соподчиненіе всѣхъ позитивныхъ наукъ въ единую систему человѣческаго знанія образуетъ **Позитивную философію** или всемірную науку. Наслѣдница и въ то же время совершенная разрушительница религіи и метафизики, эта философія, уже издавна предчувствуемая и подготовляемая лучшими умами, была въ первый разъ обнародована въ видѣ цѣлостной системы, великимъ французскимъ мыслителемъ, Огюстомъ Контомъ, который умѣлой и смѣлой рукой начерталъ ея первый планъ.

Координація наукъ, устанавливаемая позитивной философіей, не является простой постановкой въ рядъ; нѣтъ, это своего рода органическое сцѣпленіе, начинающееся съ самой абстрактной науки, съ той, которая занимается фактами самаго простого рода, а именно: съ математики, и постепенно восходящее къ наукамъ сравнительно болѣе конкретнымъ, занимающимся болѣе сложными фактами. Отъ чистой математики переходить къ механикѣ, къ астрономіи, потомъ къ физикѣ, къ химіи, геологіи и біологіи (т. е. къ сравнительной классификаціи, анатоміи и физіологіи растеній и животныхъ). Наконецъ достигаешь соціологіи, которая обнимаетъ собой всю человѣческую исторію, какъ развитіе человѣческаго Существа, коллективнаго и индивидуальнаго въ политической, экономической, соціальной, религіозной, артистической и научной жизни. Между всѣми этими, слѣдующими одна за другой науками, начиная съ математики и кончая соціологіей, нѣтъ ни одного разрыва непрерывности. Единое Существо, единая наука и въ сущности единый методъ, который лишь усложняется по мѣрѣ того, какъ факты становятся болѣе сложными. Каждая послѣдующая наука широко и всецѣло опирается на предыдущей наукѣ, и представляется,

насколько позволяетъ это усмотрѣть современное состояніе нашихъ реальныхъ познаній, ея необходимымъ развитіемъ.

Любопытно отмѣтить, что порядокъ наукъ, установленный Огюстомъ Контомъ, почти такой же, какъ порядокъ наукъ въ Энциклопедіи Гегеля. Этотъ величайшій метафизикъ настоящихъ и прошлыхъ временъ, счастливо и достославно довелъ развитіе спекулятивной философіи до ея кульминаціоннаго пункта, такъ что подвигаемая своей собственной діалектикой, она необходимо должна была прійти послѣ этого къ самоуничтоженію. Но между Огюстомъ Контомъ и Гегелемъ есть громадное различіе. Этотъ послѣдній, въ качествѣ истиннаго метафизика, спиритуализировалъ матерію и природу, выводя ихъ изъ логики, т. е. изъ духа. Напротивъ того, Огюстъ Контъ матеріализировалъ духъ, основывая его единственно на матеріи. — Въ этомъ его безмѣрная заслуга и слава.

Психологія, эта столь важная наука, служившая базой для метафизики, и разсматриваемая спекулятивной философіей, какъ міръ почти абсолютный, свободный и независимый отъ всякаго матеріальнаго вліянія, въ системѣ Огюста Конта, основывается единственно на физіологіи и является ничѣмъ инымъ, какъ дальнѣйшимъ развитіемъ этой послѣдней. Такимъ образомъ то, что называется умомъ, воображеніемъ, чувствомъ, ощущеніемъ и волей является въ нашихъ глазахъ лишь различными способностями, функціями или проявленіями человѣческаго тѣла.

Разсматриваемые съ этой точки зрѣнія человѣчество, его развитіе и исторія представляются намъ въ совершенно новомъ свѣтѣ, болѣе естественно, болѣе широко, болѣе человѣчно, болѣе плодотворно въ поученіяхъ для будущаго. Раньше мы разсматривали этотъ міръ какъ проявленіе теологической, метафизической и юридико-политической идеи; въ настоящее время мы должны возобновить его изученіе, взявъ за исходную точку природу, а за путеводную нить нашу собственную философію.

На этой новой дорогѣ научнаго развитія уже предчувствуется появленіе новой науки: соціологіи, — т. е. науку объ общихъ законахъ, управляющихъ развитіемъ человѣческаго общества. Соціологія будетъ послѣдней ступенью и увѣнчаніемъ позитивной философіи. Исторія и статистика доказываютъ намъ, что соціальное тѣло, подобно всякому другому естественному тѣлу, повинуется въ своихъ эволюціяхъ и трансмутаціяхъ общимъ законамъ, которые, какъ кажется, столь же фатальны, какъ и законы физическаго міра. Выясненіе этихъ законовъ изъ массы прошедшихъ и настоящихъ историческихъ фактовъ, вотъ задача соціологіи. Помимо громаднаго интереса, представляемаго ею для ума, она обѣщаетъ въ будущемъ и большую практическую пользу. Подобно тому, какъ мы не можемъ властвовать надъ природой и видоизмѣнять ее согласно нашимъ прогрессивнымъ нуждамъ, иначе какъ лишь благодаря пріобрѣтенному нами знанію ея законовъ, такъ же точно мы будемъ въ состояніи осуществить въ соціальной средѣ свободу и благоденствіе, лишь опираясь на постоянные, естественные законы, управляющіе этой средой. Разъ мы признали несуществованіе бездны, которая въ воображеніи теологовъ и метафизиковъ раздѣляетъ духъ и природу, мы должны разсматривать человѣческое общество, какъ тѣло, правда, гораздо болѣе сложное, чѣмъ другія, но столь же естественное и повинующееся тѣмъ же законамъ, съ прибавленіемъ законовъ, исключительно ему свойственныхъ. Разъ это признано, становится яснымъ, что знаніе и строгое изслѣдованіе этихъ законовъ необходимы, дабы предпринимаемыя нами соціальныя переустройства были живучи.

Но съ другой стороны мы знаемъ, что соціологія еще новорожденная наука, что она еще въ поискахъ за своими основаніями. Если мы будемъ судить объ этой наукѣ, самой трудной изъ всѣхъ, по примѣру другихъ, то мы должны будемъ признать, что потребуется нѣсколько, и по крайней мѣрѣ, одно столѣтіе, чтобы она могла окончательно утвердиться и сдѣлать-

ся наукой серьезной и болѣе или менѣе полной и самодовлѣющей. И такъ, какже поступать? Надо ли чтобы страдающее человѣчество ожидало избавленія отъ давящихъ его несчастій впродолженіе столѣтія или болѣе, до тѣхъ поръ, пока окончательно установившаяся позитивная соціологія не объявитъ ему, что она наконецъ можетъ дать ему указанія и инструкціи для раціональнаго переустройства соціальной жизни?

Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Во первыхъ, чтобы ждать еще нѣсколько столѣтій, надо бы имѣть терпѣніе . . . повинуясь старой привычкѣ, мы чуть было не сказали: терпѣніе нѣмцевъ, но были остановлены воспоминаніемъ, что въ настоящее время другіе народы даже превзошли нѣмцевъ въ проявленіи этой добродѣтели. Во вторыхъ, если мы даже предположимъ у себя возможность и терпѣніе ожидать, то чѣмъ бы явилось общество, представляющее собой лишь примѣненіе на практикѣ науки, хотя бы самой полной и совершенной въ мірѣ? — Ничтожествомъ. Представьте себѣ міръ, не заключающій въ себѣ ничего, кромѣ того, что человѣческій умъ до сихъ поръ замѣтилъ, узналъ и понялъ, — не являлся ли бы этотъ міръ дряннымъ домишкой, по сравненію съ тѣмъ, который существуетъ?

Мы полны уваженія къ наукѣ: мы смотримъ на нее, какъ на одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ сокровищъ, какъ на одну изъ лучшихъ славъ человѣчества. Наукой человѣкъ отличается отъ животнаго, своего меньшаго брата въ настоящемъ, своего предка въ прошедшемъ, и становится способнымъ быть свободнымъ. Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что у науки есть границы, и напомнить ей, что она только часть. Все — это жизнь; безконечная жизнь міровъ или дабы не потеряться въ безконечномъ и не опредѣленномъ: жизнь нашей солнечной системы, или хотя бы нашего земного шара; наконецъ, все болѣе и болѣе ограничиваясь, скажемъ: человѣческій міръ, — движеніе, развитіе, жизнь человѣческаго общества на

землѣ. Все это несравненно шире, глубже и богаче науки и никогда не будетъ ею исчерпано.

Жизнь, взятая въ этомъ всеобъемлющемъ смыслѣ, не является примѣненіемъ той или другой человѣческой или божеской теоріи. Мы охотно сказали бы, что жизнь это творчество, если бы не боялись дать двусмысленности. Сравнивая народы, творящіе собственную исторію съ художниками, мы спросили бы: развѣ ждали великіе поэты для созданія своихъ великихъ произведеній, чтобы наука раскрыла законы поэтическаго творчества? Не создали ли Эсхилъ и Софоклъ свои великолѣпныя трагедіи много раньше, чѣмъ Аристотель построилъ на основаніи ихъ твореній свою первую эстетику? Теоріями ли вдохновлялся Шекспиръ? А Бетховенъ? Не расширилъ ли онъ созданіемъ своихъ симфоній, самыя основанія контрапункта? И чѣмъ бы было произведеніе искусства, созданное по правиламъ самой лучшей эстетики въ мірѣ? Повторяемъ еще разъ, — ничтожествомъ. Но народы, творящіе свою исторію, по всей вѣроятности не бѣднѣе инстинктомъ, не слабѣе творческой мощью, не зависимѣе отъ гг. ученыхъ чѣмъ художники!

Если мы колеблемся употребить ли слово: твореніе, то только потому, что боимся, что ему припишутъ смыслъ, который мы никакъ не можемъ допустить. Кто говоритъ о твореніи, говоритъ, какъ будто, и о творцѣ, а мы отвергаемъ существованіе единаго творца по отношенію къ человѣческому міру такъ же точно, какъ и по отношенію къ физическому, составляющему на нашъ взглядъ, съ первымъ одинъ нераздѣльный міръ. Даже говоря о народахъ, творящихъ свою собственную исторію, мы сознаемъ, что употребляемъ метафизическое выраженіе, не собственное сравненіе. Каждый народъ является коллективнымъ существомъ, обладающимъ, какъ физіолого-психологическими, такъ и политико-соціальными особенностями, которыя индивидуализируютъ его, отдѣляя отъ всѣхъ другихъ народовъ. Но это не единое и нераздѣльное существо, въ реальномъ смыслѣ слова. Какъ ни развито его кол-

лективное сознаніе, какъ ни концентрирована въ минуту великаго національнаго кризиса народная страсть или воля, какъ ни направлена она вся къ одной цѣли, никогда эта концентрація не сравняется съ концентраціей силъ въ реальномъ индивидѣ. Однимъ словомъ, ни одинъ народъ, какъ бы онъ ни чувствовалъ себя единымъ, не можетъ сказать: я хочу! но долженъ сказать: мы хотимъ! И если вы услышите, что говорять отъ имени всего народа: онъ хочетъ! будьте увѣрены, что за этимъ словомъ скрывается какой-нибудь узурпаторъ: человѣкъ или партія.

Итакъ, мы не подразумѣваемъ здѣсь подъ словомъ твореніе, ни теологическое или метафизическое твореніе, ни художественное, научное или какое-либо другое твореніе, за которымъ скрывается творящій индивидъ. Мы подразумѣваемъ подъ этимъ словомъ просто безконечно-сложный комплексъ безчисленнаго множества очень различныхъ причинъ, большихъ или малыхъ, изъ которыхъ часть извѣстна, но громадное большинство остается неизвѣстнымъ, и которыя, скомбинировавшись между собой въ опредѣленный моментъ, скомбинировавшись, понятно, не безъ причины, но безъ преднамѣренія, безъ предначертаннаго плана, создали данный фактъ.

Но, скажутъ, въ такомъ случаѣ, исторія и судьбы человѣческаго общества должны представлять собой хаосъ и быть игрушкой случая? Напротивъ, лишь когда исторія свободна отъ всякаго божескаго и человѣческаго произвола, тогда она являетъ нашимъ глазамъ все свое подавляющее величіе, всю закономѣрность своего необходимаго развитія, подобно органической природѣ, чьимъ непосредственнымъ продолженіемъ она является Природа, несмотря на неисчерпаемое богатство и разнообразіе составляющихъ ее существъ, нисколько не представляетъ собой хаоса, а напротивъ великолѣпно организованный міръ, гдѣ каждая часть сохраняетъ, такъ сказать, необходимое логическое соотношеніе со всѣми остальными. Но, скажутъ, значитъ былъ устроитель? Нисколько;

устроитель, хотя бы и Богъ, могъ бы лишь испортить своимъ личнымъ произволомъ естественное устройство и логическое развитіе вещей. И мы видимъ, что во всѣхъ религіяхъ главное свойство божества это быть превыше, то-есть противъ всякой логики и всегда имѣть совсѣмъ особенную логику: а именно, логику естественной невозможности или нелѣпости*). Ибо, что такое логика, если не естественный ходъ и развитіе вещей, т. е. естественный путь, посредствомъ котораго множество опредѣляющихъ причинъ производятъ фактъ? Итакъ, мы можемъ высказать слѣдующую простую и въ то же время рѣшительную аксіому: **Все, что естественно — логично, и все что логично — существуетъ и должно осуществиться въ реальномъ мірѣ: въ природѣ, въ узкомъ смыслѣ, и въ ея дальнѣйшемъ развитіи — въ естественной исторіи человѣческаго общества.**

Итакъ, вопросъ въ томъ, что логично въ природѣ и въ исторіи? Это не такъ легко опредѣлить, какъ можно думать при первомъ взглядѣ. Ибо, чтобы знать это въ совершенствѣ такъ, чтобы никогда не ошибаться, надо бы обладать познаніемъ всѣхъ причинъ, вліяній, дѣйствій и противодѣйствій, опредѣляющихъ природу какой-либо вещи или факта, не исключая ни одной причины, хотя бы самой отдаленной или слабой. А какая философія или наука можетъ похвалиться, что она въ состояніи обнять и исчерпать все это

*) Сказать, что Богъ не противъ логики, это значитъ утверждать, что онъ совершенно тождественъ съ логикой, что онъ самъ ничто иное какъ логика, т. е. естественный ходъ развитія реальныхъ вещей. Другими словами, это значитъ сказать, что Бога нѣтъ. Существованіе Бога можетъ имѣть значеніе, лишь какъ отрицаніе естественныхъ законовъ. Отсюда вытекаетъ слѣдующая неоспоримая дилемма: Богъ существуетъ, значитъ нѣтъ естественныхъ законовъ и міръ представляетъ собой хаосъ: міръ не есть хаосъ, онъ обладаетъ внутреннимъ устройствомъ, — значитъ Бога нѣтъ.

своимъ анализомъ? Чтобы претендовать на это, надо быть очень бѣднымъ умомъ или очень мало сознавать безконечное богатство дѣйствительнаго міра.

Надо ли изъ-за этого сомнѣваться въ наукѣ? Надо ли отбрасывать ее потому что она даетъ намъ лишь то, что можетъ дать? Это было бы новымъ безуміемъ и много болѣе зловреднымъ, чѣмъ первое. Если вы потеряете науку, то за неимѣніемъ знаній, вы возвратитесь къ состоянію вашихъ предковъ, гориллъ, и вамъ придется положить нѣсколько тысячъ лѣтъ на повтореніе всего пути, которымъ шло человѣчество, освѣщенное фантасмагорическими сіяніями религіи и метафизики, пока не достигло, правда, несовершенной, но зато очень достовѣрной истины, которой мы въ настоящее время обладаемъ.

Самымъ большимъ и рѣшительнымъ тріумфомъ достигнутымъ наукой въ наши дни, является, какъ мы уже сказали, подведеніе психологіи подъ біологію. Наука установила, что всѣ интеллектуальные и моральные акты, отличающіе человѣка отъ всѣхъ другихъ породъ животныхъ, каковы мысль, проявленіе человѣческаго пониманія и проявленія сознательной воли, имѣютъ своимъ единственнымъ источникомъ чисто матеріальную, хотя несовершенную, организацію человѣка, безъ всякаго спиритуальнаго или внѣматеріальнаго воздѣйствія. Однимъ словомъ, психическіе акты являются ничѣмъ инымъ, какъ продуктами различныхъ комбинацій чисто физіологическихъ функцій мозга.

Значеніе этого открытія безмѣрно, какъ для науки, такъ и для жизни. Благодаря ему, становится, наконецъ, возможной вся наука о человѣческомъ мірѣ, т. е. антропологія, психологія, логика, мораль, соціальная экономія, политика, эстетика, теологія, метафизика, исторія, однимъ словомъ, вся соціологія. Между человѣческимъ и естественнымъ міромъ нѣтъ больше разрыва непрерывности. Но подобно тому, какъ міръ органическій, являющійся непрерывнымъ

и прямымъ развитіемъ неорганическаго міра, однако существенно отличается отъ него введеніемъ новаго активнаго элемента: **органической матеріи**, произведенной не вмѣшательствомъ какой-нибудь внѣматеріальной причины, но до нынѣ намъ неизвѣстными комбинаціями той же самой неорганической матеріи и производящей въ свою очередь на основаніи и въ условіяхъ этого неорганическаго міра, котораго она является высшимъ результатомъ, все богатство растительной и животной жизни; — такъ же точно человѣческій міръ являясь ничѣмъ инымъ, какъ непосредственнымъ продолженіемъ органическаго міра, существенно отличается отъ него новымъ элементомъ: **мыслью**, произведенной чисто физіологической дѣятельностью мозга и производящей въ то же время этого матеріальнаго міра и въ органическихъ и неорганическихъ условіяхъ, которыхъ она является, такъ сказать последнимъ резюме, все то, что мы называемъ интеллектуальнымъ и моральнымъ, политическимъ и соціальнымъ развитіемъ человѣка — исторію человѣчества.

Для людей, мыслящихъ въ самомъ дѣлѣ логично и чей умъ достигъ уровня современной науки, единство Міра или Сущаго является съ этихъ поръ установленнымъ фактомъ. Но нельзя не признать, что этотъ до того простой и очевидный фактъ, что все противорѣчащее ему представляется намъ теперь уже нелѣпымъ, что этотъ фактъ находится въ самомъ кричащемъ противорѣчіи со всемірнымъ сознаніемъ человѣчества. Всемірное сознаніе человѣчества, проявляясь въ исторіи въ самыхъ различныхъ формахъ, всегда, однако, единогласно высказывалось за существованіе двухъ различныхъ міровъ: міра духовнаго и міра матеріальнаго, міра божескаго и міра реальнаго. Начиная съ грубыхъ фетишистовъ, обожавшихъ въ окружавшемъ ихъ мірѣ проявленіе сверхъестественной силы, воплощенной въ какомъ-нибудь матеріальномъ объектѣ, всѣ народы вѣрили, всѣ народы вѣрятъ до сего дня въ существованіе какого то божества.

Это подавляющее единогласіе имѣетъ, по мнѣнію многихъ людей, болѣе вѣса, чѣмъ какія бы то ни было научныя доказательства. И если логика малаго числа послѣдовательныхъ, но одинокихъ мыслителей противорѣчитъ всеобщему мнѣнію, — тѣмъ хуже, говорятъ они, для этой логики. Ибо всеобщее согласіе, всемірное пріятіе какой-нибудь идеи всегда считалось самымъ побѣдоноснымъ доказательствомъ ея истинности; ибо мнѣніе всего міра и всѣхъ временъ не можетъ быть ошибочнымъ. Оно должно имѣть корень въ какой-то потребности, существенно присущей природѣ человѣчества. А если правда, что повинуясь этой потребности, человѣкъ необходимо долженъ вѣрить въ существованіе Бога, то въ такомъ случаѣ тотъ, кто не вѣритъ въ Бога, является ненормальнымъ исключеніемъ, является чудовищемъ, хотя бы его невѣріе основывалось на логикѣ.

Вотъ излюбленная аргументація теологовъ и метафизиковъ нашихъ дней, и даже знаменитаго Мадзини, который не можетъ обойтись безъ Бога. Онъ нуждается въ Богѣ, чтобы основать свою аскетическую республику и убѣдить народныя массы согласиться на нее, народныя массы, чьей свободой и благоденствіемъ онъ систематически жертвуетъ, ради величія идеальнаго Государства.

Такимъ образомъ, древность и общераспространенность вѣрованія въ Бога являются, впротивность всякой наукѣ и всякой логикѣ, неоспоримыми доказательствами существованія Бога. Но почему же? До появленія Коперника и Галилея весь міръ, за исключеніемъ можетъ быть Пиѳагорейцевъ, вѣрилъ, что солнце обращается вокругъ земли. Развѣ всеобщее вѣрованіе доказывало истинность этого предложенія? Отъ зарожденія историческаго общества до нашихъ дней, всегда и вездѣ незначительное властвующее меньшинство эксплуатировало вынужденый трудъ рабочихъ массъ, рабовъ или наемниковъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что эксплуатація паразитами чужого труда не есть несправедливость, грабежъ, воровство? Вотъ

два примѣра, доказывающіе, что аргументація нашихъ современныхъ деистовъ ничего не стоитъ.

И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего болѣе всемірнаго, болѣе древняго, какъ нелѣпости; напротивъ того, истина, относительно гораздо моложе, являясь всегда результатомъ, продуктомъ историческаго развитія, а не его исходной точкой. Ибо человѣкъ, по своей родословной, если не прямой потомокъ гориллы, то двоюродный братъ, изшелъ изъ глубокой ночи животной инстинктивности и лишь постепенно достигъ до свѣта разума. Это намъ объясняетъ всѣ его прошедшія сумасбродства и утѣшаетъ насъ отчасти въ его настоящихъ заблужденіяхъ. Все историческое развитіе человѣка ничто иное, какъ удаленіе отъ чистой животности посредствомъ созданія своей человѣчности. Отсюда слѣдуетъ, что древность какой-нибудь идеи, не только не можетъ говорить въ пользу этой идеи, но напротивъ должна намъ сдѣлать ее подозрительной. Что касается общераспространенности заблужденія, то она доказываетъ лишь одно: тождественность человѣческой природы во всѣ времена и во всѣхъ климатахъ. Не позволяя себя подавить соображенію, что всѣ народы во всѣ эпохы вѣрили и вѣрятъ въ Бога, — это фактъ, конечно безспорный, но который не можетъ перевѣсить въ нашихъ глазахъ ни логику, ни науку, — мы должны просто отсюда заключить, что идея божества, порожденная, конечно нами самими, является необходимымъ заблужденіемъ въ поступательномъ движеніи человѣчества. Мы должны спросить себя, какимъ образомъ, почему она родилась и почему она остается необходимой для громаднаго большинства человѣческаго рода и до сихъ поръ?

Покуда мы не будемъ въ состояніи дать себѣ отчетъ, какимъ образомъ образовалась идея сверхъестественнаго или божественнаго міра, какимъ образомъ она должна была необходимо родиться въ естественномъ развитіи человѣческаго ума и человѣческаго общества, до тѣхъ поръ, какъ бы мы ни были научно убѣждены въ нелѣпости этой идеи, мы никогда

не сможемъ уничтожить ее въ мнѣніи толпы. Въ самомъ дѣлѣ, не зная источника ея происхожденія, мы никогда не будемъ въ состояніи атаковать ее въ самыхъ глубинахъ челоѣческаго существа. Приговоренные къ безплодной, безконечной борьбѣ, мы должны будемъ довольствоваться сраженіемъ съ ней на поверхности, въ ея тысячныхъ проявленіяхъ. Нелѣпость ея, едва пораженная ударами здраваго смысла, будетъ сейчасъ же возрождаться въ новой и не менѣе безумной формѣ, ибо покуда корень вѣрованія въ Бога остается невредимымъ, до тѣхъ поръ онъ всегда будетъ давать новые отпрыски. Такъ напримѣръ, въ нѣкоторыхъ кругахъ современнаго цивилизованнаго общества, спиритизмъ стремится въ настоящее время занять мѣсто развалившагося Христіанства.

Болѣе того, ради насъ самихъ, намъ необходимо отдать себѣ отчеть въ происхожденіи вѣры въ Бога. Ибо, покуда мы не узнали причины историческаго, естественнаго зарожденія этой идеи въ человѣческомъ обществѣ, то, сколь бы мы не называли себя атеистами, мы всегда можемъ подпасть вліянію голоса всеобщаго сознанія, чей секретъ или естественная причина намъ неизвѣстенъ. И въ виду естественной слабости индивида противъ окружающей его соціальной среды, мы рискуемъ рано или поздно сдѣлаться рабомъ религіозной нелѣпости. — Примѣры этихъ плачевныхъ обращеній не рѣдки въ современномъ обществѣ.

Господа, мы болѣе, чѣмъ когда-либо убѣждены въ нетерпящей отлагательства необходимости вполнѣ разрѣшить слѣдующій вопросъ:

Человѣкъ составляетъ одно цѣлое со всей природой и является лишь произведеніемъ неопредѣленнаго количества исключительно матеріальныхъ причинъ. Какимъ же образомъ могла родиться, установиться и глубоко укорениться въ человѣческомъ сознаніи идея дуализма:—предположеніе существованія двухъ противоположныхъ міровъ, одного духовнаго, другого ма-

теріальнаго, одного божественнаго, другого естественнаго?

Мы настолько убѣждены, что отъ разрѣшенія этого важнаго вопроса зависитъ наше окончательное и полное освобожденіе отъ цѣпей всякой религіи, что просимъ у васъ позволенія изложить свои мысли по этому вопросу.

Многимъ покажется, пожалуй, страннымъ, что въ политическомъ, соціалистическомъ сочиненіи, обсуждаются вопросы метафизики и теологіи. Но по нашему глубочайшему убѣжденію эти вопросы не могутъ быть отдѣлены отъ вопросовъ соціальныхъ и политическихъ. Реакціонный міръ, толкаемый непобѣдимой логикой, становится все болѣе религіознымъ. Онъ поддерживаетъ въ Римѣ папу, онъ преслѣдуетъ въ Россіи естественныя науки, онъ ставитъ во всѣхъ странахъ свои военныя, гражданскія, политическія и соціальныя несправедливости подъ защиту Бога; онъ защищаетъ въ свою очередь Бога въ церквахъ и въ школахъ, съ помощью лицемѣрно религіозной, раболѣпной, низкопоклонной, тяжелой, педантичной науки и всѣми другими средствами, находящимися въ распоряженіи Государства. Царство Бога на небѣ съ соотвѣтствующимъ ему явнымъ или тайнымъ царствомъ кнута и узаконенной эксплуатаціей рабочихъ массъ на землѣ — вотъ каковъ религіозный, соціальный, политическій и совершенно логичный идеалъ реакціонныхъ партій въ Европѣ. Впротивность этому и въ силу обратной причины революція должна быть атеистична. Ибо историческій опытъ и логика доказали, что достаточно одного господина на небѣ, чтобы тысячи господъ расплодились на землѣ.

Наконецъ, не является ли соціализмъ по самому существу своему, въ качествѣ осуществленія на землѣ, а не на небѣ, человѣческаго благоденствія и всѣхъ человѣческихъ стремленій: не является ли онъ завершеніемъ и слѣдовательно отрицаніемъ всякой религіи, которая не будетъ болѣе имѣть никакой причины къ

существованію, разъ ея стремленія будутъ осуществлены?

Излагая свои мысли насчетъ происхожденія религіи, мы постараемся быть какъ можно болѣе краткими и умѣренно-отвлеченными.

Не погружаясь въ глубины философскихъ размышленій, мы считаемъ возможнымъ признать за аксіому слѣдующее положеніе: **Все что существуетъ, всѣ существа составлящія неопредѣленную цѣлость Вселенной, всѣ существовавшія въ мірѣ вещи, какова бы ни была ихъ природа въ отношеніи качества или количества, вещи большія, среднія или безконечно малыя, близкія или безконечно далекія,—воздѣйствуетъ другъ на друга, помимо желанія и даже сознанія, путемъ непосредственныхъ или апосредствованныхъ дѣйствій и противодѣйствій. Эти то непрестанныя дѣйствія и противодѣйствія, комбинируясь въ единое движеніе, составляютъ то, что мы называемъ всеобщей связностью, жизнью и причинностью.** Называйте, если это васъ забавляетъ, эту всемірную связность Богомъ или Абсолютомъ; намъ важно лишь чтобы вы не придавали этому Богу другого значенія, кромѣ того, которое только что нами установлено: — значенія всемірной, естественной, необходимой, но отнюдь не предопредѣленной, не предвидѣнной связности безконечнаго множества частныхъ дѣйствій и противодѣйствій. Эта, всегда движущаяся и дѣятельная связность, эта всемірная жизнь можетъ быть нами разумно предполагаема, но никогда не можетъ быть охвачена даже нашимъ воображеніемъ, и еще менѣе понята. Ибо мы можемъ познавать лишь то, что доступно нашимъ чувствамъ, а эти послѣднія охватываютъ лишь чрезвычайно малую часть Вселенной. Само собой разумѣется, мы понимаемъ эту связность, не какъ абсолютную и первую причину, но, напротивъ того, какъ производную, снова и снова производимую одновременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ частныхъ причинъ — движеніемъ, которое то и составляетъ всемірную причинность. Опредѣливъ ее такимъ образомъ, мы

можемъ теперь сказать, не боясь какой бы то ни было двусмысленности, что всемірная жизнь творитъ міры. Это она опредѣлила геологическое, климатологическое и географическое строеніе нашей земли, и покрывъ ея поверхность всѣми великолѣпіями органической жизни, продолжаетъ **творить** въ человѣческомъ мірѣ, создавая общество со всѣми его прошедшими, настоящими и будущими развитіями.

Теперь ясно, что въ твореніи, понятомъ въ этомъ смыслѣ, нѣтъ мѣста ни предвзятымъ планамъ, ни предустановленнымъ, предусмотрѣннымъ законамъ. Въ дѣйствительномъ мірѣ вначалѣ случаются факты, произведенные стеченіемъ безчисленныхъ вліяній и условій, — потомъ уже является вмѣстѣ съ мыслящимъ человѣкомъ сознаніе этихъ фактовъ и болѣе или менѣе подробное и совершенное знаніе, **какимъ образомъ** они произошли. Когда же мы замѣчаемъ, что въ какомъ нибудь рядѣ фактовъ часто или почти всегда повторяется одинъ и тотъ же ходъ процесса, то мы называемъ это **закономъ** природы.

Подъ словомъ **природа** мы подразумѣваемъ не какую либо мистическую и пантеистическую идею, а просто на просто сумму всего существующаго, всѣхъ феноменовъ жизни и процессовъ ихъ творящихъ. Очевидно, что въ природѣ, опредѣленной такимъ образомъ, одни и тѣ же законы всегда воспроизводятся въ извѣстныхъ родахъ фактовъ. Это происходитъ безъ сомнѣнія, благодаря стеченію тѣхъ же условій и вліяній, и можетъ быть также, благодаря разъ на всегда установившимся тенденціямъ непрестанно текучаго творенія, — тенденціямъ, которыя въ силу частаго повторенія, сдѣлались постоянными. Только благодаря этому постоянству въ ходѣ естественныхъ процессовъ, человѣческій умъ могъ констатировать и познать то, что мы называемъ механическими, физическими, химическими и физіологическими законами; только благодаря ему объяснимо почти постоянное повтореніе животныхъ и растительныхъ родовъ, породъ и разновидностей, производимыхъ до сихъ поръ

органической жизнью на землѣ. Это постоянство и эта повторяемость выдерживаются однако не вполнѣ. Они всегда оставляютъ широкое мѣсто для такъ называемыхъ — и не вполнѣ точно называемыхъ — аномалій и исключеній. Названіе это очень неправильно, ибо факты къ которымъ оно относится, показываютъ лишь, что эти общія правила, принятыя нами за естественные законы, являются не болѣе, какъ абстракціями, извлеченными нашимъ умомъ изъ дѣйствительнаго теченія вещей, и не въ состояніи охватить, исчерпать, объяснить все безпредѣльное богатство этого теченія. Кромѣ того, какъ это превосходно доказалъ Дарвинъ, эти, такъ называемые аномаліи, посредствомъ частаго сочетанія между собой и тѣмъ самымъ дальнѣйшаго укрѣпленія своего типа, создаютъ, такъ сказать, новые пути творенія, новые образы воспроизведенія и существованія, и являются именно путемъ, посредствомъ котораго органическая жизнь рождаетъ новыя разновидности и породы. Такимъ то образомъ органическая жизнь начала съ созданія едва организованной клѣточки и проведя ее черезъ всѣ трансформаціи вначалѣ растительной, а потомъ животной организаціи, сдѣлала изъ нее человѣка.

Остается ли человѣкъ послѣднимъ и самымъ совершеннымъ органическимъ созданіемъ на землѣ? Кто можетъ отвѣчать за это? Кто можетъ поклястъся, что черезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ вѣковъ отъ самой высшей разновидности человѣческой породы не произойдетъ порода существъ, высшихъ чѣмъ человѣкъ, которые будутъ относиться къ человѣку, какъ онъ относится къ гориллѣ? Но во всякомъ случаѣ пусть наше тщеславіе успокоится. Образъ дѣйствій природы очень медлителенъ, а въ настоящемъ состояніи человѣчества ничто не указываетъ, что бы оно могло породить изъ себя высшую породу существъ. Впрочемъ развѣ природа не продолжаетъ свой непрерывающійся трудъ непрестаннаго творенія въ историческомъ развитіи человѣческаго рода? Не ея вина, если мы въ нашемъ умѣ отдѣлили міръ человѣческаго

общества отъ того, что мы исключительно называемъ естественнымъ міромъ.

Причина этого раздѣленія лежитъ въ самой природѣ нашего разума, который существеннымъ образомъ отличаетъ человѣка отъ животныхъ всѣхъ другихъ породъ. Впрочемъ, мы должны признать, что человѣкъ не единственное земное животное одаренное умомъ. Напротивъ того, сравнительная психологія доказываетъ, что не существуетъ животнаго, которое было бы совершенно лишено ума и что чѣмъ ближе какая либо порода по своей организаціи и въ особенности по строенію своего мозга къ человѣку, тѣмъ болѣе развитъ и значителенъ ея умъ. Но только въ человѣкѣ умъ достигаетъ до того, что можетъ быть названъ мыслительной способностью, что можетъ комбинировать представленія какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ объектовъ, данныхъ намъ чувствами, создавать изъ нихъ группы, затѣмъ сравнивать и наново комбинировать эти различныя группы, которыя уже не являются реальными существами — объектами нашихъ чувствъ, но лишь понятіями, созданными первымъ дѣйствіемъ способности, называемой разсудкомъ, сохраненными нашей памятью, и последующее комбинированіе при помощи этой самой способности образуетъ то, что мы называемъ идеями. Наконецъ, изъ всего этого человѣческій умъ выводитъ слѣдствія или логически необходимыя примѣненія. Увы, мы часто встрѣчаемъ людей, не достигшихъ еще всецѣлаго обладанія этой способностью, но мы никогда не видѣли и даже не слышали, чтобы какое нибудь животное низшей породы обладало этой способностью, развѣ что приведутъ въ примѣръ Валаамову ослицу и нѣкоторыя другія животныя, въ которыя вѣрить и которыхъ уважать убѣждаетъ насъ какая либо религія. Итакъ мы можемъ сказать, безъ боязни быть опровергнутыми, что изъ всѣхъ животныхъ, существующихъ на землѣ, одинъ человѣкъ мыслитъ.

Онъ одинъ одаренъ способностью абстракціи, укрѣпленной и развитой въ человѣческой породѣ, ко-

нечно, вѣковымъ упражненіемъ. Способность эта мало по малу внутренно возвышаетъ человѣка надъ всѣми окружающими предметами, надъ всѣмъ, такъ называемымъ, внѣшнимъ міромъ, и даже надъ нимъ самимъ, надъ человѣкомъ, поскольку онъ индивидъ, и позволяетъ ему достичь, создать идею всеобщности Существъ, Вселенной, Безконечнаго, или Абсолюта, — идею совершенно абстрактную и, если хотите, лишенную всякаго содержанія. Тѣмъ не менѣе эта идея является всесильной и служитъ причиной всѣхъ дальнѣйшихъ завоеваній человѣка, ибо она одна отрываетъ человѣка отъ пресловутаго блаженства и тупоумной невинности въ животномъ раѣ, и ведетъ его къ тріумфамъ и безконечнымъ мученіямъ безпредѣльнаго развитія . . .

Благодаря этой способности, человѣкъ возвышается надъ непосредственнымъ давленіемъ, производимымъ всѣми внѣшними предметами на каждаго индивида, и такимъ образомъ можетъ сравнивать одни предметы съ другими и изслѣдовать ихъ взаимоотношенія. Вотъ начало **анализа и экспериментальной** науки. Благодаря этой способности, человѣкъ раздвояется въ самомъ себѣ, возвышается надъ своими собственными побужденіями, инстинктами и различными апетитами, поскольку они преходящи и частны, и это даетъ ему возможность сравнивать ихъ, подобно тому, какъ онъ сравниваетъ внѣшніе предметы и движенія, и становиться на сторону однихъ противъ другихъ, сообразуясь съ образовавшимся въ немъ соціальнымъ идеаломъ. Вотъ уже пробужденіе **сознанія** и того, что мы называемъ **волей**.

Обладаетъ ли человѣкъ, въ самомъ **дѣлѣ, свободной** волей? Да и нѣтъ, въ зависимости отъ того, какъ понимать это выраженіе. Если подъ свободной волей подразумѣвается liberum arbitrium, т. е. предполагаемая способность человѣческаго индивида свободно самоопредѣляться, независимо отъ всякаго внѣшняго вліянія; если, подобно тому, какъ это дѣлали всѣ религіи и всѣ метафизики, вы претендуете черезъ эту

свободу воли вырвать человѣка изъ потока всемірной причинности, опредѣляющей существованіе всѣхъ вещей и дѣлающей ихъ зависимыми другъ отъ друга, то мы не можемъ сдѣлать ничего иного, какъ лишь отбросить эту свободу въ качествѣ нелѣпости, ибо ничто не можетъ существовать внѣ всемірной причинности.

Непрестанное дѣйствіе и противодѣйствіе всего на всякую отдѣльную точку и всякой отдѣльной точки на все составляютъ, какъ мы сказали, жизнь, высшій творческій законъ и всеединство міровъ, которое всегда въ одно и то же время и производитъ все и зато производимо всѣмъ. Вѣчно дѣятельная, вѣчно всемогущая эта всемірная связность, эта всевзаимная причинность, которую мы будемъ называть, съ этихъ поръ, просто **природой**, создала, какъ мы сказали, среди безчисленнаго множества другихъ міровъ, нашу землю, со всей лѣстницей существъ отъ минерала до человѣка. Она постояно воспроизводитъ ихъ, развиваетъ, кормитъ, сохраняетъ; потомъ, когда наступаетъ ихъ срокъ, и часто даже раньше, чѣмъ онъ наступилъ, она ихъ уничтожаетъ и, лучше сказать, перерабатываетъ въ новыя существа. Итакъ она, это всемогущество, по отношенію къ которому не можетъ быть никаком независимости или автономіи. Она, это всевышнее существо, обнимающее и проникающее своимъ непреоборимымъ дѣйствіемъ всю жизненность существъ, и между живыми существами нѣтъ ни одного, который бы не носилъ въ себѣ, понятно въ болѣе или менѣе развитомъ состояніи, чувство или ощущеніе этого всевышнаго вліянія и абсолютной зависимости. — Вотъ это ощущеніе, это чувство и составляютъ основаніе всякой религіи.

Религія, какъ видите, подобно всѣмъ другимъ человѣческимъ вещамъ, имѣетъ свой первый источникъ въ животной жизни. Невозможно сказать про какое бы то ни было животное, кромѣ человѣка что оно имѣетъ религію; ибо самая грубая религія предполагаетъ все-

таки извѣстную степень мыслительной способности, до каковой степени не возвышается ни одно животное, кромѣ человѣка. Но невозможно также отрицать, что въ существованіи всѣхъ безъ исключенія животныхъ заключаются всѣ, такъ сказать, матеріальные, составные элементы религіи, за исключеніемъ, конечно, ея идеальной стороны, той именно, которая рано или поздно ее уничтожитъ, — мысли. Въ самомъ дѣлѣ, какова дѣйствительная сущность всякой религіи? Это именно чувство абсолютной зависимости преходящаго индивида отъ вѣчной и всемогущей природы.

Намъ трудно наблюсти это чувство и анализировать всѣ его проявленія въ животныхъ низшихъ породъ. Однако мы можемъ сказать, что инстинктъ самосохраненія, наблюдаемый въ сравнительно самыхъ бѣдныхъ организмахъ, конечно въ меньшей степени, чѣмъ въ высшихъ организмахъ, является ничѣмъ инымъ, какъ своего рода обычайной мудростью, образующейся въ каждомъ индивидѣ подъ вліяніемъ того чувства, которое, какъ мы сказали, является ничѣмъ инымъ, какъ религіознымъ чувствомъ. Въ животныхъ, одаренныхъ болѣе полной организаціей и болѣе близкихъ къ человѣку, это чувство проявляется болѣе чувствительнымъ образомъ: напримѣръ, въ инстинктивномъ и паническомъ страхѣ, охватывающемъ ихъ иногда при приближеніи какой нибудь великой, естественной катастрофы, каковы землетрясеніе, лѣсной пожаръ, сильная буря. Вообще, можно сказать, что страхъ является однимъ изъ преобладающихъ чувствъ въ животной жизни. Всѣ животныя, живущія на свободѣ, дики, и это доказываетъ, что они живутъ въ непрестанномъ, инстинктивномъ страхѣ, что они всегда ощущаютъ присутствіе опасности, т. е. ощущаютъ присутствіе всемогущаго вліянія, которое ихъ преслѣдуетъ, проникаетъ и охватываетъ всегда и вездѣ. Этотъ страхъ, страхъ Бога, какъ сказали бы теологи, есть начало мудрости, т. е. религіи. Но у животныхъ онъ не становится религіей, ибо имъ недостаетъ той

мощи мыслительной способности, которая удерживаетъ ощущеніе, опредѣляетъ его объектъ и перерабатываетъ его въ сознаніе, въ мысль. — Итакъ, совершенно справедливо утверждаютъ, что человѣкъ по природѣ религіозенъ; онъ религіозенъ подобно всѣмъ другимъ животнымъ, — но онъ одинъ на этой землѣ имѣетъ сознаніе своей религіозности.

Говорятъ, что религія, это первое пробужденіе разума; справедливо, но это только пробужденіе разума въ формѣ неразумія. Религія, какъ мы только что видѣли, начинается со страха. И въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, пробуждаясь съ первыми лучами того внутренняго солнца, которое мы называемъ самосознаніемъ, и медленно, шагъ за шагомъ, выходя изъ магнетическаго полусна, въ которомъ находился, ведя свое чисто инстинктивное существованіе и находясь въ состояніи полнѣйшей невинности, т. е. животности: — будучи къ тому же рожденнымъ, подобно всякому животному, въ страхѣ передъ внѣшнимъ міромъ, который правда, его производитъ и кормитъ, но который въ то же время его утѣсняетъ, давитъ и грозитъ каждую минуту поглотить, — человѣкъ необходимо долженъ былъ обратить свою зарождающуюся мыслительную способность именно на этотъ страхъ.

Можно предполагать, что у первобытнаго человѣка, при первомъ пробужденіи его разума, этотъ инстинктивный страхъ долженъ былъ быть сильнѣе чѣмъ у животныхъ другихъ породъ. Во первыхъ потому, что онъ рождается менѣе вооруженнымъ, чѣмъ другія животныя, и что его дѣтство продолжается гораздо дольше. И затѣмъ потому, что эта самая мыслительная способность, едва разцвѣтшая и еще не достигшая достаточной степени зрѣлости и силы, чтобы познавать и утилизировать внѣшніе предметы, должна была тѣмъ не менѣе вырвать человѣка изъ единенія инстинктивной гармоніи съ природой, въ которой онъ находился, подобно своему двоюродному брату гориллѣ, покуда мысль не пришла его разбудить изъ этого

состоянія. Итакъ, мыслительная способность изолировала его посреди этой природы, которая, становясь для него такимъ образомъ чуждой, должна была ему показаться сквозь призму его воображенія, возбужденной и расширенной дѣйствіемъ этой самой начинающейся мысли, въ видѣ темной, таинственной силы безконечно болѣе враждебной и угрожающей, чѣмъ она есть въ дѣйствительности.

Для насъ чрезвычайно трудно, если не невозможно, отдать себѣ точный отчетъ въ первыхъ религіозныхъ чувствахъ и воображеніяхъ дикаго человѣка. Въ своихъ подробностяхъ они, безъ сомнѣнія, должны были быть столь же разнообразны, сколь разнообразны были характеры первобытныхъ народностей, которыя ихъ испытали, а также сколь разнообразны были климаты, природа мѣстностей, и всѣ другія внѣшнія обстоятельства и опредѣленія, въ средѣ которыхъ эти чувства развивались. Но такъ какъ при всемъ этомъ это все же были человѣческія чувства и воображенія, то они должны были, несмотря на это великое разнообразіе въ подробностяхъ, обладать извѣстнымъ числомъ тождественныхъ, общихъ для всѣхъ ихъ чертъ, которыя мы и постараемся опредѣлить. Каково бы ни было происхожденіе различныхъ человѣческихъ расъ по землѣ; имѣли ли всѣ люди родоначальникомъ одного Адама — гориллу или двоюроднаго брата гориллы, или же они произошли отъ нѣсколькихъ индивидовъ созданныхъ природой въ различныхъ мѣстахъ и въ различныя времена, независимо другъ отъ друга, — это не мѣняетъ дѣла. Способность, создающая и составляющая собственно человѣчность въ людяхъ, а именно: размышленіе въ абстракціи, разумъ, мысль, однимъ словомъ способность къ созданію идей остается, также точно, какъ и законы, опредѣляющіе проявленіе этой способности, всегда и вездѣ тождественна, всегда и вездѣ та же самая, — такъ какъ никакое человѣческое развитіе не можетъ быть противоположнымъ этимъ законамъ. Это даетъ намъ право предпо-

ложить, что дальнѣйшія фазы, наблюденныя въ первобытномъ религіозномъ развитіи одного какого нибудь народа, должны были воспроизвестись въ развитіи всѣхъ другихъ земныхъ народностей.

Судя по единогласнымъ отзывамъ путешественниковъ, какъ тѣхъ, которые въ прошломъ столѣтіи посѣтили острова Океаніи, такъ и тѣхъ, которые въ наши дни проникли во внутренность Африки, — **Фетишизмъ** долженъ быть самой первой религіей, религіей всѣхъ дикихъ племенъ, которыя всего менѣе удалились отъ естественнаго состоянія. Но Фетишизмъ является ничѣмъ инымъ, какъ **религіей страха**. Онъ является первымъ человѣческимъ выраженіемъ того ощущенія абсолютной зависимости, смѣшанной съ инстинктивнымъ ужасомъ, которое мы находимъ въ основаніи всякой животной жизни и которое, какъ мы уже сказали, составляетъ религіозное отношеніе индивидовъ самыхъ низшихъ породъ къ всемогуществу природы. Кто не знаетъ, какое вліяніе и впечатлѣніе производятъ на всѣхъ живыхъ существъ, не исключая даже растеній, великія регулярныя явленія природы, каковы восходъ и заходъ солнца, лунный свѣтъ, повтореніе временъ года, чередованіе холода и тепла, особенныя воздѣйствія океана, горъ, пустынь, или же естественныя катастрофы, каковы бури, затменія, землетрясенія, а также столь разнообразныя и взаимно разрушительныя отношенія животныхъ между собой и къ растеніямъ. Все это составляетъ для каждаго животнаго совокупность условій существованія, характеръ, природу и, намъ почти хочется сказать, особенный культъ, ибо у всѣхъ животныхъ, у всѣхъ живыхъ существъ, вы найдете своего рода обожанія природы, смѣсь страха и радости, надеждъ и безпокойства, и которое въ отношеніи чувства очень похоже на человѣческую религію. Здѣсь нѣтъ недостатка даже въ заклинаніяхъ и въ молитвахъ. Посмотрите на прирученную собаку, умоляющую своего господина о ласкѣ или взглядѣ; развѣ это не изображеніе человѣка, стоящаго на ко-

лѣняхъ передъ своимъ Богомъ? Не переноситъ ли эта собака при помощи своего воображенія и даже начатковъ мыслительной способности, развитой въ ней опытомъ, не переноситъ ли она давящее ее естественное всемогущество на своего хозяина, подобно тому, какъ вѣрующій человѣкъ переноситъ его на Бога? Въ чемъ же различіе между религіознымъ чувствомъ человѣка и собаки? Не въ размышленіи даже, а лишь въ степени размышленія, или другими словами въ способности фиксировать это размышленіе, понять его какъ абстрактную мысль и обобщить чрезъ наименованіе, — ибо человѣческая рѣчь имѣетъ ту особенность, что она не способна обозначить дѣйствительные предметы, непосредственно дѣйствующіе на наши чувства, а можетъ лишь выражать понятія или абстрактныя общности. А такъ какъ рѣчь и мысль являются двумя различными, но нераздѣльными формами одного и того же акта человѣческаго мышленія, то это послѣднее, фиксируя предметъ животнаго страха и обожанія или перваго естественнаго человѣческаго культа, его обобщаетъ, перерабатываетъ его въ нѣчто абстрактное и стремится обозначить какимъ нибудь именемъ. Предметомъ дѣйствительнаго обожанія того или другого индивида всегда остается **этотъ** камень, **этотъ**, а не другой кусокъ дерева; но съ мгновенія, какъ онъ былъ названъ словомъ, онъ становится предметомъ абстрактнымъ или понятіемъ: **камнемъ** вообще, **кускомъ дерева**. — Такимъ то образомъ съ первымъ пробужденіемъ мысли, выражаемой въ рѣчи, начинается собственно человѣческій міръ, міръ отвлеченій.

Благодаря этой способности къ отвлеченію, сказали мы, человѣкъ, рожденный, созданный природой, творитъ для себя, среди этой самой природы и даже въ ея условіяхъ, второе существованіе, согласное съ его идеаломъ и усовершенствующееся вмѣстѣ съ нимъ.

Все живущее, прибавимъ мы для лучшаго поясненія нашей мысли, стремится къ самому полному развитію. Человѣкъ, существо живое и вмѣстѣ мыслящее,

долженъ для своего полнаго осуществленія вначалѣ познать самого себя. Вотъ причина громаднаго опозданія, наблюдаемаго нами въ его развитіи: чтобы достигнуть современнаго общественнаго состоянія въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ, состоянія столь мало еще приближающагося къ идеалу, къ которому мы нынѣ стремимся, — человѣку потребовалось употребить нѣсколько сотенъ вѣковъ . . . Хочется сказать, что человѣкъ въ поискахъ самого себя, блуждая черезъ всѣ физіологическія и историческія измѣненія, долженъ былъ исчерпать всѣ возможныя глупости, всѣ возможныя несчастья, раньше чѣмъ быть въ состояніи осуществить то малое количество разума и справедливости, что царятъ въ мірѣ.

Послѣднимъ предѣломъ, высшей цѣлью всего человѣческаго развитія, является **свобода**. Ж. Ж. Руссо и его ученики ошибались, ища ее въ началѣ исторіи, когда человѣкъ, еще совершенно лишенный самосознанія и слѣдовательно неспособный заключить какой бы то ни было контрактъ, подчинялся въ полной мѣрѣ той фатальности естественной жизни, которой порабощены всѣ животныя, и отъ которой человѣкъ могъ, въ извѣстномъ смыслѣ, освободиться лишь благодаря послѣдовательному пользованію разумомъ. Человѣческій разумъ, развиваясь, правда, съ большой медлительностью въ продолженіи всей исторіи, мало по малу познавалъ законы, управляющіе внѣшнимъ міромъ, а также законы, присущіе нашей собственной природѣ; онъ ихъ себѣ, такъ сказать, присвоивалъ, перерабатывая ихъ въ идеѣ — почти произвольныя созданія нашего собственнаго ума — и дѣлалъ то, что **не переставая подчиняться этимъ законамъ, человѣкъ подчинялся теперь лишь собственнымъ мыслямъ**. Передъ лицомъ природы это является для человѣка единственно возможнымъ достоинствомъ и свободой. Никогда не будетъ другой, ибо естественные законы неизмѣнны, фатальны; они составляютъ самое основаніе всякаго существованія и нашего собственнаго су-

щества, такъ что никто не можетъ возмутиться противъ нихъ, не впадая въ то же мгновеніе въ нелѣпость, не убивая навѣрняка самого себя. Но познавая ихъ и присвояя ихъ своему уму, человѣкъ возвышается надъ непосредственнымъ давленіемъ внѣшняго міра, и становясь въ свою очередь творцомъ, повинуясь съ этихъ поръ, лишь собственнымъ идеямъ, онъ болѣе или менѣе перерабатываетъ этотъ міръ сообразно своимъ возрастающимъ потребностямъ, и налагаетъ на него какъ бы отраженіе своей человѣчности.

Такимъ образомъ, то, что мы называемъ **человѣческимъ** міромъ, не имѣетъ другого непосредственнаго творца кромѣ человѣка, который создаетъ его, завоевывая мало по малу отъ внѣшняго міра и отъ своей собственной животности свою свободу и человѣческое достоинство. Онъ завоевываетъ ихъ, влекомый силой, независимой отъ него, непреоборимой и равно присущей всѣмъ живымъ существамъ. Эта сила — это всемірный потокъ жизни, тотъ самый, который мы называемъ всемірной причинностью, природой, и который проявляется во всѣхъ живыхъ существахъ, растеніяхъ или животныхъ, стремленіемъ каждаго индивида осуществить для себя условія необходимыя для жизни своей породы, т. е. удовлетворить своимъ потребностямъ. Это стремленіе, существенное и главное проявленіе жизни, сотавляетъ основаніе того, что мы называемъ **волей**. Фатальная и непреоборимая во всѣхъ животныхъ, не исключая самого цивилизованнаго человѣка, инстинктивная, можно бы почти сказать, механическая въ низшихъ организмахъ, болѣе сознательная въ высшихъ породахъ, она достигаетъ полнаго самосознанія лишь въ человѣкѣ, который, благодаря своему разуму — возвышающему его надъ каждымъ изъ его инстинктивныхъ побужденій и позволяющему ему сравнивать, критиковать и упорядочивать свои собственныя побужденія — одинъ между всѣми земными животными, обладаетъ сознательнымъ самоопредѣленіемъ, **свободной волей**.

Само собой разумѣется, эта свобода человѣческой воли не имѣетъ по отношенію ко всемірному потоку жизни, по отношенію къ этой абсолютной причинности, въ которой каждая отдѣльная воля является какъ бы ручьемъ, другого значенія, кромѣ того, которое ей даетъ ея сознательность, противупоставляя ее механическому дѣйствію или даже инстинкту. Человѣкъ схватываетъ и сознаетъ естественныя потребности, и онѣ, отражаясь въ его мозгу, вновь возникаютъ тамъ посредствомъ реактивнаго физіологическаго процесса, еще мало извѣстнаго, въ видѣ логической послѣдовательности его собственныхъ мыслей. Это постиженіе даетъ ему, среди его абсолютной и непрестанной зависимости, ощущеніе самоопредѣленія, сознательной, произвольной воли и свободы. — Не прибѣгая къ полному или частичному самоубійству, ни одинъ человѣкъ не сможетъ освободиться отъ своихъ естественныхъ влеченій, но онъ можетъ ихъ регулировать и видоизмѣнять, стараясь все болѣе согласовать ихъ съ тѣмъ, что онъ называетъ въ различныя эпохи своего интеллектуальнаго и моральнаго развитія, справедливымъ и прекраснымъ.

Въ сущности, главныя черты самого утонченнаго человѣческаго существованія и самаго непробуднаго животнаго существованія суть и всегда останутся тѣ же самыя: рождаться, развиваться и рости, работать, чтобы ѣсть и пить, чтобы имѣть кровъ и вооруженіе, поддерживать свое индивидуальное существованіе въ равновѣсіи съ соціальной жизнью своей породы, любить, воспроизводиться, затѣмъ умирать . . . Къ этимъ элементамъ для человѣка присоединяется еще новый: размышленіе, познаніе, — способность и потребность, встрѣчающіяся, правда въ меньшей, но уже очень чувствительной степени, въ породахъ животныхъ, наиболѣе близкихъ по организаціи къ человѣку, ибо какъ кажется, въ природѣ не существуетъ абсолютныхъ различій, и всѣ различія сводятся въ послѣднемъ анализѣ къ различію въ количествѣ, — но которыя толь-

ко въ человѣкѣ достигаютъ такой повелительной и преобладающей силы, что мало по малу они передѣлываютъ всю жизнь. Какъ прекрасно замѣтилъ одинъ изъ величайшихъ мыслителей нашихъ дней, Людвигъ Фейербахъ: человѣкъ дѣлаетъ все, что дѣлаютъ животныя, но только онъ дѣлаетъ это, все болѣе и болѣе **человѣчно.** Въ этомъ все различіе, но оно громадно*). Оно заключаетъ въ себѣ всю цивилизацію, со всѣми чудесами промышленности, науки и искусствъ; со всѣми развитіями человѣчества: религіозными, эстетическими, философскими, политическими, экономическими и соціальными — однимъ словомъ, всю всемірную исторію. Человѣкъ создаетъ этотъ историческій міръ посредствомъ дѣятельной силы, которую вы найдете во всѣхъ живыхъ существахъ и которая сотавляетъ самое основаніе всей органической жизни, и стремится ассимилировать себѣ и переработать, согласно потребностямъ каждаго, внѣшній міръ. Сила эта, конечно, инстинктивна и фатальна, ибо она предшествуетъ всякой мысли, но, просвѣщенная человѣческимъ разумомъ и опредѣленная сознательной волей, она перерабатывается въ человѣкѣ и для человѣка въ **сознательный и свободный трудъ.**

Единственно благодаря мысли, человѣкъ достигаетъ сознанія своей свободы въ произведшей его естественной средѣ; но только посредствомъ **труда** онъ

*) Никогда не достаточно повторять это многимъ приверженцамъ современнаго натурализма или матеріализма, которые—въ виду того, что человѣкъ въ наши дни открылъ свою полную и всецѣлую родственность со всѣми другими породами животныхъ и свое непосредственное и прямое происхожденіе изъ земли, въ виду того, что онъ отказался отъ нелѣпыхъ и пустыхъ претензій спиритуализма, который подъ предлогомъ дарованія ему абсолютной свободы, приговаривалъ его къ вѣчному рабству,—воображаютъ, что это даетъ имъ право отбросить всякое уваженіе къ человѣку. Этихъ людей можно сравнить съ лакеями,

эту свободу осуществляетъ. Мы сдѣлали замѣчаніе, что дѣятельность, составляющая трудъ, т. е. **медленную работу трансформированія поверхности нашей планеты физической силой каждаго живого существа, сообразно съ потребностями каждаго**, встрѣчается, болѣе или менѣе развитой, на всѣхъ ступеняхъ органической жизни. Но она начинаетъ быть **собственно человѣческимъ трудомъ** только тогда, когда, направленная человѣческимъ разумомъ и сознательной волей, она перестанетъ служить однимъ лишь недвижнымъ и фатально ограниченнымъ потребностямъ исключительно животной жизни, но начинаетъ еще служить потребностямъ **мыслящаго существа, которое завоевываетъ свою человѣчность, утверждая и осуществляя въ мірѣ свою свободу.**

Осуществленіе этой безмѣрной, безконечной задачи не является только дѣломъ интеллектуальнаго и моральнаго развитія, но также дѣломъ матеріальнаго освобожденія. Человѣкъ становится, въ самомъ дѣлѣ, человѣкомъ, онъ завоевываетъ возможность своего развитія и внутренняго совершенствованія лишь при условіи, что онъ болѣе или менѣе разорвалъ рабскія цѣпи, налагаемыя природой на своихъ дѣтей. Цѣпи эти — голодъ, всякаго рода лишенія, физическая боль, вліяніе климатовъ, временъ года и вообще тысячи условій животной жизни, удерживающихъ человѣче-

которые, открывъ плебейское происхожденіе человѣка, заставившаго себя уважать своими личными достоинствами, считаютъ себя въ правѣ относиться къ нему какъ къ равному, по той простой причинѣ, что они не понимаютъ другого благородства, кромѣ того, которое производитъ въ ихъ глазахъ аристократическое рожденіе. Иные столь счастливы, открывъ родственность человѣка съ гориллой, что они хотѣли бы всегда сохранить его въ животномъ состояніи и отказываются понять, что все историческое назначеніе, все достоинство и свобода человѣка заключаются въ томъ, чтобы удаляться отъ этого состоянія.

ское существо въ почти абсолютной зависимости отъ окружающей его среды. Эти цѣпи — это постоянныя опасности, которыя въ видѣ естественныхъ явленій, со всѣхъ сторонъ угрожаютъ и давятъ человѣка, это непрестанный страхъ, составляющій основаніе всего животнаго существованія, и до того подавляющій естественнаго, дикаго индивида, что онъ ничего въ себѣ не находитъ, что бы можно было противуставить этому страху, чѣмъ бы можно было бороться съ нимъ . . . однимъ словомъ, не отсутствуетъ ни одинъ элементъ самаго полнаго рабства. Первый шагъ, дѣлаемый человѣкомъ по пути къ освобожденію отъ этого рабства состоитъ, какъ мы уже сказали, въ абстрактномъ актѣ разума, который, внутренно возвышая человѣка надъ окружающими вещами, позволяетъ ему изслѣдовать ихъ взаимоотношенія и законы. Но вторымъ шагомъ является непремѣнно матеріальный актъ, опредѣленный волей и направленный болѣе или менѣе глубокимъ знаніемъ внѣшняго міра: это примѣненіе мускульной силы человѣка къ пересозданію этого міра сообразно своимъ прогрессирующимъ потребностямъ. Эта борьба человѣка, сознательнаго труженика, противъ матери природы, не является бунтомъ противъ нея или ея законовъ. Человѣкъ пользуется пріобрѣтенными имъ познаніями этихъ законовъ лишь съ цѣлью укрѣпить себя и обезопасить отъ грубыхъ нападеній и случайныхъ катастрофъ, а также отъ періодическихъ, правильныхъ явленій физическаго міра. Только самое внимательное изслѣдованіе и изученіе законовъ природы дѣлаетъ его способнымъ покорить ее въ свою очередь, заставить ее служить своимъ цѣлямъ и имѣть возможность видоизмѣнить поверхность земного шара, во все болѣе и болѣе благопріятную среду для развитія человѣчества.

Какъ видите, способность къ отвлеченію, источникъ всѣхъ нашихъ знаній и идей, является также единственной причиной всякаго человѣческаго освобожденія. Но первое пробужденіе этой способности,

являющейся ничѣмъ инымъ, какъ разумомъ, не производитъ немедленно свободу. Когда она начинаетъ дѣйствовать въ человѣкѣ, медленно освобождаясь отъ пелены животной инстинктивности, то она вначалѣ проявляется не въ видѣ логическаго мышленія, имѣющаго сознаніе и познаніе о своей собственной дѣятельности, но въ видѣ **мышленія вообразительнаго,** а не разсудка. Какъ таковая, она освобождаетъ человѣка отъ естественнаго рабства, тяготѣющаго надъ нимъ съ колыбели, лишь цѣной немедленнаго подчиненія его новому рабству, въ тысячу разъ еще болѣе суровому и ужасному — рабству религіи.

Именно вообразительное мышленіе человѣка перерабатываетъ естественный культъ, элементы и слѣды, котораго мы нашли у всѣхъ животныхъ, въ культъ человѣческій, въ его элементарной формѣ — въ формѣ фетишизма. Мы обратили вниманіе на животныхъ, инстинктивно обожающихъ великія явленія природы, дѣйствительно оказывающія непосредственое и могущественное вліяніе на ихъ существованіе, но мы никогда не слыхали о животныхъ, обожающихъ безобидный кусокъ дерева, клубокъ тряпки, кость или каменъ. Между тѣмъ, мы находимъ этотъ культъ въ первобытной религіи дикарей и даже въ католицизмѣ. Какъ объяснить эту, повидимому, столь странную аномалію, представляющую намъ, съ точки зрѣнія здраваго смысла и пониманія дѣйствительныхъ вещей, человѣка стоящимъ гораздо ниже, чѣмъ самыя скромныя **животныя?**

Эта нелѣпость является продуктомъ вообразительнаго мышленія дикаго человѣка. Онъ не только чувствуетъ, подобно другимъ животнымъ, всемогущество природы, онъ дѣлаетъ его предметомъ своихъ непрестанныхъ размышленій, онъ его закрѣпляетъ и обобщаетъ въ какомъ-нибудь наименованіи, онъ дѣлаетъ изъ него центръ, вокругъ котораго группируются всѣ его дѣтскія фантазіи. Еще неспособный охватить своей бѣдной мыслью вселенную, и даже земной шаръ,

и даже то весьма ограниченное пространство, въ которомъ онъ родился и живетъ, онъ повсюду ищетъ, гдѣ же именно мѣстопребыванiе этого всемогущества, ощущенiе котораго, теперь уже основанное и закрѣпленное, его тяготитъ. И посредствомъ игры, примѣчанiя своей невѣжественной фантазiи, чью сущность намъ было бы очень трудно въ настоящее время понять, онъ переноситъ это всемогущество на кусокъ дерева, свертокъ тряпокъ, на этотъ каменъ . . . это чистый фетишизмъ, самая религiозная, т. е. самая нелѣпая изъ всѣхъ религiй.

Вслѣдъ за фетишизмомъ и часто въ одно время съ нимъ, идетъ **культъ колдуновъ.** Это культъ, если не много болѣе разумный, во всякомъ случаѣ болѣе естественный, и который удивляетъ насъ меньше чистаго фетишизма, ибо мы къ нему привыкли. Мы вѣдь еще сегодня окружены колдунами, каковы спириты, медiумы, ясновидящiе со своими магнетизерами, и даже священники римско-католической, а также восточно-греческой церкви, которые утверждаютъ, что они имѣютъ власть заставить Бога, съ помощью какихъ-то таинственныхъ формулъ, сойти на воду или же воплотиться въ хлѣбъ и вино.

Не являются ли всѣ эти **поработители** божества, покорающагося ихъ заклинанiямъ, настоящими колдунами? Правда, ихъ божество, продуктъ болѣе чѣмъ тысячелѣтняго развитiя, гораздо болѣе сложно, чѣмъ божество первобытныхъ колдуновъ, чьей единственной сущностью является уже закрѣпленное, но еще неопредѣленное представленiе всемогущества, безъ какого-либо другого интеллектуальнаго или моральнаго аттрибута. Различiе добра и зла, справедливаго и несправедливаго, здѣсь еще неизвѣстно. Неизвѣстно, что такое божество любитъ и что оно ненавидитъ, что оно хочетъ и чего не хочетъ; оно ни добро, ни зло, — оно всемогуще и больше ничего. Однако, божественный характеръ уже начинаетъ обрисовываться; божество эгоистично и тщеславно, оно любитъ лесть, колѣ-

нопреклоненіе, униженіе и закланіе людей, ихъ обожаніе и жертвоприношеніе, — и оно преслѣдуетъ и жестоко наказываетъ тѣхъ, которые не хотятъ покоряться ему: бунтующихъ, горделивыхъ, нечестивыхъ. Какъ извѣстно, это основная черта божественнаго характера во всѣхъ древнихъ и современныхъ богахъ, созданныхъ человѣческимъ неразуміемъ. Существовало ли когда-нибудь въ мірѣ столь завистливое, тщеславное, эгоистичное, кровавое существо какъ Егова евреевъ или Богъ, отецъ христіанъ?

Въ культѣ первобытнаго колдовства, божество или это неопредѣлимое всемогущество, является вначалѣ нераздѣльной съ личностью колдуна: онъ самъ Богъ, подобно Фетишу. Но съ теченіемъ времени роль сверхъестественнаго человѣка, человѣка-Бога, становится невозможной для дѣйствительнаго человѣка и въ особенности для дикаря, который не имѣетъ никакихъ средствъ укрыться отъ нескромнаго любопытства вѣрующихъ и остается съ утра до вечера открытымъ для наблюденій. Здравый смыслъ, практическій умъ, продолжающіе развиваться въ дикомъ народѣ на ряду съ его религіознымъ воображеніемъ, въ концѣ концовъ показываетъ ему невозможность, чтобы человѣкъ, доступный всѣмъ человѣческимъ слабостямъ и немощамъ, былъ Богомъ. — Колдунъ остается для народа сверхъестественнымъ существомъ, но только въ нѣкоторыя минуты, когда онъ одержимъ духомъ. Но какимъ духомъ?

Духомъ всемогущества, Богомъ . . . Итакъ, божество находится въ обыкновенное время внѣ колдуна. — Гдѣ его искать? — Фетишъ, Богъ-вещь уже не удовлетворяетъ, колдунъ, человѣкъ-Богъ, также. — Всѣ эти видоизмѣненія могли заполнить собой въ первобытное время нѣсколько столѣтій. — Дикарь, уже сильно подвинувшійся впередъ, развившійся, обогатившійся опытомъ и традиціями многихъ вѣковъ, ищетъ теперь уже божество вдали отъ себя, но все еще среди реально существующихъ предметовъ: въ

солнцѣ, въ лунѣ, въ звѣздахъ. — Религіозная мысль начинаетъ уже обнимать вселенную.

Какъ мы сказали, человѣкъ могъ достигнуть этого лишь послѣ длиннаго ряда вѣковъ. Его отвлекательная способность, его разумъ, развились, укрѣпились, изощрились въ практическомъ познаніи окружающихъ его вещей и въ изслѣдованіи ихъ отношеній и взаимной причинности. Періодическое возвращеніе извѣстныхъ явленій природы дало ему первое понятіе о нѣкоторыхъ естественныхъ законахъ. Человѣкъ начинаетъ интересоваться совокупностью явленій и ихъ причинъ; онъ ищетъ ихъ объясненія. Въ то же время онъ начинаетъ имѣть познаніе о себѣ самомъ, и благодаря той же способности къ абстракціи, которая позволяетъ ему внутренно подниматься мыслью надъ самимъ собой и дѣлать себя объектомъ размышленія, онъ начинаетъ отдѣлять свое матеріальное и жизненное существо отъ своего мыслящаго существа, свою внѣшность отъ своего внутренняго существа, свое тѣло отъ своей души. — Но разъ это различіе открыто имъ и закрѣплено въ его мысли, то онъ естественно, необходимо переноситъ его въ своего Бога и начинаетъ искать невидимую душу этого видимаго міра. — Такимъ образомъ долженъ былъ родиться религіозный пантеизмъ индусовъ.

Мы должны остановиться на этомъ пунктѣ, ибо именно здѣсь начинается собственно религія въ полномъ смыслѣ этого слова, и вмѣстѣ съ ней настоящая теологія и метафизика. До сихъ поръ религіозное воображеніе человѣка, одержимое непрестаннымъ представленіемъ всемогущества, двигалось естественнымъ путемъ, ища причину и источникъ этого всемогущества путемъ экспериментальнаго изслѣдованія: вначалѣ въ самыхъ близкихъ предметахъ, въ фетишахъ, потомъ въ колдунахъ, еще позже въ звѣздахъ; но всегда приписывая всемогущество какому-нибудь дѣйствительному и видимому, хотя бы и отдаленному, предмету. Теперь оно предполагаетъ существованіе

духовнаго внѣмірнаго невидимаго Бога. Съ другой стороны, до сихъ поръ его боги были ограниченными, опредѣленными существами, среди множества другихъ небожественныхъ существъ, не одаренныхъ всемогуществомъ, но не менѣе реально существующихъ. Теперь онъ въ первый разъ полагаетъ всемірное божество: Существо Существъ, сущность и творецъ всѣхъ ограниченныхъ и обособленныхъ Существъ, всемірная душа всей вселенной, Великое Все. Такъ вотъ начало истиннаго Бога и вмѣстѣ съ нимъ истинной религіи.

Мы должны теперь изслѣдовать путь, которымъ человѣкъ достигъ этого результата, дабы познать по самому его историческому происхожденію, истинную природу Божества.

Весь вопросъ сводится къ слѣдующему: какимъ образомъ зарождаются въ человѣкѣ представленіе о мірѣ и идея его единства? Начнемъ съ констатированія, что представленіе вселенной для животнаго не можетъ существовать, ибо это не есть предметъ, непосредственно воспринимаемый чувствами, подобно всѣмъ реальнымъ предметамъ, большимъ или малымъ, далекимъ или близкимъ, — это понятіе абстрактное и которое, слѣдовательно, можетъ существовать лишь для способности отвлекательной, — т. е. для одного лишь человѣка. Разсмотримъ же, какимъ образомъ это представленіе образуется въ человѣкѣ. Человѣкъ видитъ себя окруженнымъ внѣшними предметами; онъ самъ, поскольку онъ живое тѣло, является такимъ предметомъ для своей собственной мысли. Всѣ эти предметы, съ которыми онъ послѣдовательно и медленно знакомится, находятся между собой въ правильныхъ звaимоотношеніяхъ, которыя онъ также болѣе или менѣе познаетъ; и тѣмъ не менѣе несмотря на эти отношенія, сближающія ихъ, но не соединяющія, не сливающія ихъ въ одно, предметы остаются внѣ другъ друга.

Итакъ, внѣшній міръ представляетъ человѣку лишь

безконечное разнообразіе предметовъ дѣйствій и раздѣльныхъ отношеній безъ малѣйшей видимости единства, — это неопредѣленное соединеніе, но не единство. Откуда является единство? Оно заложено въ умѣ человѣка. Человѣческое мышленіе одарено способностью къ абстракціи, которая позволяетъ ему, послѣ того, какъ онъ медленно обошелъ и отдѣльно изслѣдовалъ, одинъ за другимъ, множество предметовъ, охватить ихъ въ мгновеніи ока въ единомъ представленіи, соединить ихъ въ одной и той же мысли. — Такимъ образомъ, именно мысль человѣка создаетъ единство и переноситъ его въ многообразіе внѣшняго міра.

Отсюда вытекаетъ, что это единство является вещью не конкретной и реальной, но абстрактной, созданной единственно отвлекательной способностью человѣка. Мы говоримъ **отвлекательная** способность, ибо для того, чтобы объединить столько различныхъ предметовъ въ единое представленіе, наша мысль должна отвлечь все, что составляетъ различіе между этими предметами, и удержать лишь то, что они имѣютъ общаго; откуда вытекаетъ, что чѣмъ болѣе предметовъ объемлетъ мыслимое нами единство, чѣмъ болѣе оно возвышается, чѣмъ болѣе разростается то общее, что заключается въ немъ, что составляетъ его положительное опредѣленіе, его содержаніе, — тѣмъ абстрактнѣе и лишеннѣе реальности оно становится. Жизнь со всѣми своими преходящими избытками и великолѣпіями находится внизу, въ разнообразіи, — смерть со своей вѣчной и несравненной монотонностью находится вверху, въ единствѣ. — Поднимайтесь, въ силу той же способности къ абстракціи, все выше и выше, уйдите за предѣлы земного міра, охватите въ одной мысли солнечный міръ, представьте себѣ это всевышнее единство; что же вамъ останется для его заполненія? — Дикарь былъ бы очень затрудненъ въ отвѣтѣ на этотъ вопросъ! Но мы отвѣтимъ за него: останется матерія съ тѣмъ, что мы называемъ аб-

страктной силой. матерія со своими различными проявленіями, каковы свѣтъ, теплота, электричество и магнетизмъ, которые, какъ это теперь доказано, являются различными проявленіями одной и той же вещи. — Но если въ силу той же способности къ отвлеченію, не останавливающейся ни передъ какимъ предѣломъ, вы подниматесь выше нашей солнечной системы и соедините въ своей мысли не только эти милліоны солнцъ, видимые нами на небосклонѣ въ видѣ свѣтящихъ точекъ, но еще безконечность другихъ солнечныхъ системъ, которыя мы не видимъ и никогда не увидимъ, но чье существованіе мы предполагаемъ, ибо наша мысль по той самой причинѣ, что она не знаетъ предѣловъ для своей способности къ абстракціи, отказывается вѣрить, чтобы вселенная, т. е. совокупность всѣхъ существующихъ міровъ могла бы имѣть предѣлъ или конецъ, — потомъ сдѣлавъ тою же мыслью, отвлеченіе отъ отдѣльныхъ существованій каждаго изъ существующихъ міровъ, если вы попытаетесь представить себѣ единство этого безконечнаго міра — что вамъ останется, для его опредѣленія и заполненія? Одно слово, она абстракція: неопредѣленное Существо, т. е. неподвижность, пустота, абсолютное небытіе — Богъ.

Итакъ, Богъ — это абсолютная абстракція, это собственный продуктъ человѣческой мысли, которая, въ качествѣ отвлекательной способности, превзошла всѣ извѣстныя существа, всѣ существующіе міры, и освободившись тѣмъ самымъ отъ всякаго реальнаго содержанія, сдѣлавшись уже ничѣмъ инымъ, какъ абсолютнымъ міромъ, она, не узнавая себя въ этой величественной обнаженности, противупоставляетъ себя самой себѣ — какъ единственное и всевышнее Существо.

Намъ могутъ возразить, что мы сами утверждали, на предыдущихъ страницахъ, реальное единство вселенной и опредѣлили его, какъ всемірную связность и причинность, какъ единственное всемогущество,

управляющее всѣми вещами и ощущаемое болѣе или менѣе всѣми живыми существами, а теперь какъ будто бы отрицаемъ его. Но нѣтъ, мы его вовсе не отрицаемъ; мы лишь утверждаемъ, что между этимъ реальнымъ всемірнымъ единствомъ и идеальнымъ единствомъ, къ которому приходитъ путемъ абстракціи религіозная и философская метафизика, нѣтъ ничего общаго. Мы опредѣлили первое, какъ неопредѣеленную совокупность вещей или лучше, какъ сумму непрестанныхъ видоизмѣненій всѣхъ реальныхъ существъ, также какъ ихъ постоянныхъ дѣйствій и противодѣйствій, которыя, комбинируясь въ одно движеніе, образуютъ, какъ мы сказали, такъ называемую всемірную связность или причинность. Мы прибавили, что мы понимаемъ эту причинность не какъ первичную и абсолютную причину, но напротивъ того, какъ **производную**, постоянно производимую и воспроизводимую единовременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ частныхъ причинъ — дѣйствіемъ, которое и составляетъ собственно **всемірную причинность** — вѣчно творящую и творимую. Опредѣливъ ее такимъ образом, мы рѣшились сказать, не боясь болѣе никакого недоразумѣнія, что эта всемірная причинность творитъ міры. И хотя мы очень настойчиво прибавляли, что она это дѣлаетъ безъ какой-либо предшествующей мысли или воли, безъ какого-либо плана, безъ какой-либо преднамѣренности или предопредѣленности со своей стороны — ибо она сама не имѣетъ никакого отдѣльнаго и предшествующаго существованія внѣ своей непрестанной реализаціи и является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной производной — тѣмъ не менѣе мы теперь видимъ, что это выраженіе: творитъ, не является ни счастливымъ, ни точнымъ и что несмотря на всѣ прибавленныя объясненія, оно можетъ еще дать поводъ къ недоразумѣніямъ. — до того мы привыкли связывать съ этимъ словомъ »твореніе« мысль о сознательномъ творцѣ, о творцѣ, отдѣльномъ отъ своего произведенія. — Мы должны были бы сказат, что каждый міръ, каждое существо безсознательно, непро-

извольно производится, рождается, развивается, живетъ, умираетъ и переходитъ въ новыя существа, объемлемое и направляемое всемогущимъ, абсолютнымъ вліяніемъ всемірной связности, — и, чтобы выразить нашу мысль еще болѣе точно, мы прибавимъ теперь, что **реальное единство вселенной является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной связностью и безконечностью, его реальныхъ трансформацій, ибо непрестанная трансформація каждаго отдѣльнаго существа составляетъ единственную, подлинную реальность каждаго, и вселенная ничто иное, какъ исторія безъ границъ, безъ начала и безъ конца.**

Подробности этой исторіи безконечны. Человѣку всегда придется ограничиваться только познаніемъ ихъ безконечно малой части. Наше звѣздное небо со своимъ множествомъ солнцъ, образуетъ лишь незамѣтную точку въ неизмѣримости пространства, и хотя мы обнимаемъ его взглядомъ, мы никогда о немъ почти ничего не узнаемъ. Мы принуждены ограничиваться нѣкоторымъ познаніемъ нашей солнечной системы, относительно которой мы предполагаемъ, что она въ совершенной гармоніи съ остальными частями вселенной; ибо если бы не было этой гармоніи, то или она должна бы установиться, или же наша солнечная система погибла бы. Эту послѣднюю мы знаемъ уже очень недурно, съ точки зрѣнія небесной механики и начинаемъ знакомиться съ ней также съ точекъ зрѣнія физической, химической и даже геологической. Наша наука съ трудомъ перейдетъ этотъ предѣлъ. Если мы ищемъ болѣе конкретныхъ познаній, мы должны придерживаться нашего земного шара. Мы знаемъ, что онъ создался во времени, и мы предполагаемъ, что черезъ нѣкоторое, неизвѣстное намъ число вѣковъ онъ долженъ погибнуть, — какъ рождается и погибаетъ или лучше трансформируется все, что существуетъ.

Какимъ образомъ нашъ земной шаръ, бывшій вначалѣ раскаленной, газеобразной, несравненно болѣе

легкой чѣмъ воздухъ, матеріей; какимъ образомъ онъ охладился, образовался, чрезъ какой нескончаемый рядъ геологическихъ переворотовъ долженъ онъ былъ пройти, прежде, чѣмъ быть въ состояніи произвести на своей поверхности все это безконечное богатство органической жизни, начиная съ первой и самой простой клѣточки и кончая человѣкомъ? Какъ онъ видоизмѣнялся, и продолжаетъ ли онъ свое развитіе въ историческомъ и соціальномъ мірѣ человѣка? Куда мы направляемся, толкаемые верховнымъ фатальнымъ закономъ непрестаннаго видоизмѣненія?

Вотъ единственно доступные намъ вопросы; вотъ единственные вопросы, которые могутъ и должны быть дѣйствительно охвачены, детально разработаны и разрѣшены человѣкомъ. Являясь, какъ мы уже сказали, лишь незамѣтной точкой въ безграничномъ и неопредѣлимомъ вопросѣ вселеной, эти вопросы являютъ тѣмъ не менѣе нашему уму истинно безконечный міръ — не въ божественномъ, т. е. абстрактномъ смыслѣ этого слова, не въ смыслѣ верховнаго существа, созданія религіозной абстракціи; нѣтъ, напротивъ того, безконечный по богатству своихъ подробностей, которыхъ никогда не будутъ въ состояніи исчерпать никакое наблюденіе и накакая наука.

И для того, чтобы познать **этотъ** міръ, **нашъ** безконечный міръ, недостаточно одной абстракціи. Она бы снова привела насъ къ Богу, къ Верховному Существу, къ небытію. Необходимо, не переставая примѣнять нашу способность къ абстракціи, безъ которой мы бы никогда не смогли возвыситься отъ болѣе частнаго рода вещей къ болѣе общему роду вещей и слѣдовательно никогда не смогли бы понять естественную іерархію существъ, — необходимо, говоримъ мы, чтобы умъ съ уваженіемъ и любовью погружался въ мелочное изученіе деталей и безконечно малыхъ подробностей, безъ которыхъ намъ невозможно представить себѣ живую реальность существъ. Итакъ, только соединяя эти двѣ способности, эти двѣ, повидимому,

столь противоположныя направленія: абстракцію и внимательный, добросовѣстный, терпѣливый анализъ, можемъ мы возвыситься до реальнаго понятія о нашемъ не внѣшне, но по существу безконечномъ мірѣ и составить себѣ до нѣкоторой степени достаточное представленіе о нашей вселенной — о нашемъ земномъ шарѣ или, если хотите, о нашей солнечной системѣ. Теперь, очевидно, что если наше чувство и наше воображеніе и могутъ дать намъ образъ, представленіе по необходимости болѣе или менѣе ложное объ этомъ мірѣ, если они и могутъ даже, посредствомъ своего рода инстинктивной догадки, дать намъ почувствовать тѣнь, отдаленое подобіе истины, то чистую и всецѣлую истину можетъ намъ дать только наука.

Въ чемъ же причина этой властной любознательности, толкающей человѣка къ познанію окружающаго его міра, къ преслѣдованію съ неутомимой страстью открытія секретовъ этой природы, чьимъ послѣднимъ и самымъ совершеннымъ созданіемъ на нашей землѣ, онъ самъ является? Является ли эта любознательность простой роскошью, пріятнымъ времяпрепровожденіемъ или же одной изъ существенныхъ необходимостей нашей природы? Мы, не колеблясь, утверждаемъ, что изъ всѣхъ потребностей, присущихъ природѣ человѣка, это наиболѣе человѣчная, и что онъ дѣйствительно становится человѣкомъ, что онъ дѣйствительно отличается отъ животныхъ всѣхъ другихъ породъ, лишь благодаря этой неутомимой жаждѣ знанія. Дабы проявить себя во всей полнотѣ своего существа, человѣкъ долженъ, какъ мы сказали, себя познать, а онъ никогда себя дѣйствительно не познаетъ, пока онъ не познаетъ окружающую его природу, произведеніемъ которой онъ самъ является. — Если человѣкъ не хочетъ отказаться отъ своей человѣчности, онъ долженъ знать, онъ долженъ проникнуть мыслью въ видимый міръ, и, не предаваясь надеждѣ достичь когда нибудь до его сущности, углубляться все болѣе и болѣе въ изученіе его устройства и его законовъ,

ибо наша человѣчность пріобрѣтается лишь этой цѣной. Человѣку нужно познать всѣ низшія, предыдущія и современныя ему области, всѣ механическія. физическія, химическія, геологическія и органическія эволюціи на всѣхъ ступеняхъ развитія растительной и животной жизни, — т. е. всѣ причины и условія его собственнаго рожденія и его существованія, дабы онъ могъ понять свою собственную природу и свое назначеніе на землѣ — его отечествѣ и единственномъ мѣстожительствѣ, — дабы въ этомъ мірѣ слѣпой фатальности онъ могъ основать царство свободы.

Такова задача человѣка: она неисчерпаема, она безконечна и совершенно достаточна для удовлетворенія самыхъ честолюбивыхъ умовъ и сердецъ. Мимолетное и непримѣтное существо среди безбрежнаго океана всемірной текучести и видоизмѣняемости, съ невѣдомой вѣчностью позади него и невѣдомой вѣчностью впереди него, человѣкъ мыслящій, дѣятельный, сознающій свое человѣческое назначеніе остается гордымъ и спокойнымъ въ сознаніи своей свободы, которую онъ самъ завоевываетъ, просвѣщая, подкрѣпляя, освобождая и въ случаѣ нужды возмущая окружающій его міръ. Вотъ его утѣшеніе, его награда, его единственный рай. Если вы его спросите, каково его внутренне убѣжденіе и послѣднее слово относительно реальнаго единства вселенной, то онъ вамъ скажетъ, что оно заключается въ **вѣчной и вселенной видоизмѣняемости** въ безначальномъ, безграничномъ и безконечномъ движеніи. — А это абсолютная противуположность всякому ученію о Провидѣніи, — отрицаніе Бога.

Во всѣхъ религіяхъ, раздѣляющихъ между собой міръ и обладающихъ, болѣе или менѣе, развитой теологіей — за исключеніемъ, впрочемъ, Буддизма, чья странная и совершенно непонятая нѣсколькими сотнями милліоновъ послѣдователей доктрина устанавливаетъ религію безъ Бога, во всѣхъ системахъ мета-

физики Богъ является намъ какъ всевышнее существо, предвѣчно существовавшее и все предопредѣлившее, все въ себѣ содержащее, являющееся сущностью мысли и дѣйственной воли во всемъ существующемъ и предшествовавшее всему существующему, являющееся источникомъ и вѣчной причиной всякаго творенія и пребывающее неподвижнымъ и вѣчно равнымъ самому себѣ во всемірномъ движеніи сотворенныхъ міровъ. Какъ мы видѣли, этотъ Богъ не находится въ дѣйствительномъ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ той его части, которая доступна человѣку. Будучи не въ состояніи найти его внѣ самаго себя, человѣкъ долженъ былъ найти его въ себѣ самомъ. Какимъ образомъ онъ его искалъ? — Отвлекаясь отъ всѣхъ живыхъ, реальныхъ вещей, отъ всѣхъ видимыхъ, извѣстныхъ міровъ. — Но мы видѣли, что въ концѣ этого безплоднаго путешествія, человѣческая способность къ абстракціи не встрѣчаетъ ничего, кромѣ единственнаго предмета: она встрѣчаетъ себя самое, но уже безъ всякаго содержанія и лишенную всякаго движенія, — образомъ неподвижности и пустоты. Мы бы сказали: полнѣйшее небытіе. Но религіозная фантазія называетъ это Высшимъ Существомъ — Богомъ.

Къ тому же, какъ мы уже замѣтили, человѣческая мысль наведена на это заключеніе примѣромъ того различія или даже противоположенія, которыя, уже въ значительной мѣрѣ развитое мышленіе начинаетъ дѣлать между внѣшнимъ, тѣлеснымъ человѣкомъ и его внутреннимъ міромъ, заключающимъ въ себѣ его мысль и волю — словомъ, душу человѣка. Естественно не подозрѣвая, что этотъ послѣдній является ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ и послѣднимъ, всегда обновляемымъ воспроизв димымъ выраженіемъ человѣческаго организма; видя, напротивъ, что въ ежедневной жизни тѣло кажется всегда повинующимся внушеніямъ мысли и воли; предполагая, слѣдовательно, что душа есть, если не творецъ, то по крайней мѣрѣ, всегдашній господинъ тѣла, для котораго не

остается другого назначенія, какъ служить ей и проявлять ее, — религіозный человѣкъ, — съ момента, какъ его способность къ отвлеченію дошла, описаннымъ нами образомъ, до идеи всемірнаго и всевышняго существа, которое, какъ мы доказали, является ничѣмъ инымъ, какъ этой самой способностью къ абстракціи, противупоставляющей себѣ самое себя, какъ объектъ, — естественно принимаетъ ее за душу всей вселенной — за Бога.

Такимъ образомъ появился въ первый разъ въ исторіи истинный Богъ — всемірное, вѣчное, неизмѣнное существо, созданное двойнымъ дѣйствіемъ религіознаго воображенія и человѣческой способности къ отвлеченію. Но съ минуты, что Богъ былъ такимъ образомъ познанъ и утвержденъ, человѣкъ, забывая или лучше сказать, даже не зная о своемъ собственномъ интеллектуальномъ дѣйствіи, которое единственно и создало Бога, и не узнавая себя болѣе въ своемъ собственномъ созданіи: **во всемірномъ абстрактумѣ**, началъ его обожать. Роли тотчасъ же перемѣнились: сотворенный сталъ предполагаемымъ творцомъ, а настоящій творецъ, человѣкъ, занялъ мѣсто множествомъ другихъ несчастныхъ тварей, въ качествѣ бѣдной твари, еле-еле привилегированной по сравненію съ остальными.

Разъ Боъ былъ признанъ, то дальнѣйшее послѣдовательное и прогрессивное развитіе различныхъ теологій уже понятно и естественно объясняется, какъ отраженіе историческаго развитія человѣчества. Ибо, разъ мысль о сверхъестественномъ и всевышнемъ существѣ завладѣла воображеніемъ человѣка и установилась въ немъ какъ религіозное убѣжденіе, до того, что реальность этого существа кажется ему болѣе несомнѣнной, чѣмъ реальность дѣйствительныхъ вещей, которыя онъ видитъ и осязаетъ руками, — то естественно, эта мысль должна сдѣлаться главнымъ основаніемъ всего человѣческаго существованія, что она видоизмѣняетъ, проникаетъ его и властвуетъ надъ

нимъ исключительнымъ и абсолютнымъ образомъ. Верховное существо тотчасъ же представляется, какъ абсолютный господинъ, какъ мысль, воля, источникъ, какъ творецъ и управитель всѣхъ вещей. Ничто не можетъ болѣе соперничать съ нимъ и все должно по сравненію съ нимъ сойти на нѣтъ. Правда всякой вещи находится лишь въ немъ одномъ и каждое отдѣльное существо, сколь бы ни было оно могущественно, и даже самъ человѣкъ, могутъ съ этихъ поръ существовать лишь съ божьяго соизволенія. Все это, впрочемъ, совершенно логично, ибо въ противномъ случаѣ Богъ не былъ бы всевышнимъ, всемогущимъ, абсолютнымъ существомъ, т. е. онъ вовсе бы не существовалъ.

Съ этихъ поръ, по естественной послѣдовательности мысли, человѣкъ приписываетъ Богу всѣ качества, всѣ силы, всѣ добродѣтели, которыя онъ открываетъ въ себѣ или внѣ себя. Мы видѣли, что Богъ полагаемый, какъ верховное существо, и являющійся въ дѣйствительности ничѣмъ инымъ, какъ лишь полнѣйшимъ абсолютизмомъ, — совершенно лишенъ всякаго содержанія и аттрибутовъ, пустъ и несуществующъ, какъ само небытіе. И вотъ какъ таковой, онъ наполняется и обогащается всѣми реальностями существующаго міра, котораго онъ является лишь абстракціей, но котораго Господомъ и Владыкой онъ представляется религіозной фантазіи. Отсюда вытекаетъ, что Богъ это абсолютный грабитель, и что — такъ какъ антропоморфизмъ составляетъ самую сущность всякой религіи, — небо, мѣстопребываніе безсмертныхъ Боговъ, является ничѣмъ инымъ, какъ невѣрнымъ зеркаломъ, которое отсылаетъ вѣрующему человѣку его собственное отраженіе въ обратномъ и увеличенномъ видѣ.

Ибо дѣйствіе религіи заключается не только въ томъ, что она отнимаетъ у земли естественныя богатства и силы, а у человѣка его способности и добродѣтели по мѣрѣ, какъ онъ открываетъ ихъ въ своемъ историческомъ развитіи, чтобы тотчасъ же перенести

ихъ на небо и сдѣлать изъ нихъ божественные аттрибуты или существа. Производя это перенесеніе, религія еще кореннымъ образомъ измѣняетъ природу этихъ силъ или качествъ, она ихъ извращаетъ, портитъ, давая имъ направленіе, діаметрально противоположное ихъ первоначальному направленію.

Такимъ-то образомъ, человѣческій разумъ, единственный органъ, который мы обладаемъ для познанія истины, становится божественнымъ разумомъ, дѣлается для насъ совершенно непонятнымъ и втѣсняется въ сознаніе вѣрующихъ, какъ откровеніе нелѣпаго. Такимъ-то образомъ, уваженіе къ небу переходитъ въ презрѣніе къ землѣ, а обожаніе божества въ уничтоженіе человѣчества. Человѣческая любовь, эта громадная естественная связь, которая связывая всѣ индивиды, всѣ народы, и дѣлая счастье и свободу каждаго зависящими отъ свободы и счастья всѣхъ другихъ, должна, не смотря на различія цвѣта и расъ, соединить рано или поздно, всѣхъ людей во всеобщемъ братствѣ, — эта любовь, сдѣлавшись божественной любовью и религіознымъ милосердіемъ, тотчасъ же становится бичемъ человѣчества: вся кровь, пролитая во имя религіи, съ начала исторіи, всѣ эти милліоны человѣческихъ жертвъ, закланные ради большей славы Боговъ, свидѣтельствуютъ объ этомъ . . . Наконецъ сама справедливость, эта будущая мать равенства, разъ только она перенесена религіозной фантазіей въ небесныя области и передѣлана въ божественную справедливость, тотчасъ же возвращается на землю уже подъ теологической формы благодати, и беря всегда и вездѣ сторону самыхъ сильныхъ, сѣетъ съ этихъ поръ среди людей лишь насилія, привилегія, монополіи и все чудовищныя неравенства, освященныя историческимъ правомъ.

Мы не претендуемъ отрицать историческую необходимость религіи, мы не утверждаемъ, что она была абсолютнымъ зломъ въ исторіи. Если она зло, то она была и, къ несчастью и нынѣ, остается для громаднаго большинства невѣжественнаго человѣчества

зломъ неизбѣжнымъ, подобно всякимъ вообще ошибкамъ и уклоненіямъ въ сторону, неизбѣжнымъ въ развитіи всякой человѣческой способности. Религія, какъ мы сказали, это первое пробужденіе человѣческаго разума подъ формой божественнаго безумія: это первый проблескъ человѣческой истины сквозь божественные покровы лжи; это первое проявленіе человѣческой морали, справедливости и права сквозь историческія несправедливости божественной благодати; наконецъ, эта школа свободы подъ унизительнымъ и тягостнымъ игомъ божества, игомъ, которое въ концѣ концовъ необходимо будетъ свергнуть, чтобы взаправду завоевать разумный разумъ, истинную истину, полную справедливость и дѣйствительную свободу.

Въ религіи, человѣкъ животное, выйдя изъ звѣринаго состоянія, дѣлаетъ первый шагъ къ человѣчности; но покуда онъ останется религіознымъ, онъ никогда не достигаетъ своей цѣли, ибо всякая религія приговариваетъ его къ нелѣпости, и, извращая направленіе его шаговъ, заставляетъ его искать божественное вмѣсто человѣческаго. Въ религіи народы, едва освободившись отъ естественнаго рабства, въ которомъ остаются погруженными животныя другихъ породъ, тотчасъ же находятъ новое рабство, рабство по отношенію къ сильнымъ людямъ и кастамъ, привилегированнымъ божественнымъ избраніемъ.

Однимъ изъ главныхъ аттрибутовъ безсмертныхъ Боговъ является, какъ извѣстно, званіе законодателей человѣческаго общества, основателей Государства. Человѣкъ, по увѣренію почти всѣхъ религій, былъ бы неспособенъ распознать, что хорошо и что дурно, что справедливо и что несправедливо, если бы онъ былъ предоставленъ собственнымъ силамъ. Итакъ, необходимо было, чтобы само божество, тѣмъ или другимъ способомъ, спустилось на землю, чтобы просвѣтить человѣка и основать въ человѣческомъ обществѣ политическій и соціальный строй. Отсюда вытекаетъ

слѣдующее побѣдоносное заключеніе: всѣ законы и всѣ придержащія власти освящены небомъ и имъ должно всегда и во что бы то ни стало оказывать слѣпое повиновеніе.

Это очень удобно для правителей и очень неудобно для управляемыхъ. А такъ какъ мы принадлежимъ къ послѣднимъ, то всѣ наши интересы требуютъ ближайшаго разсмотрѣнія основательности этого утвержденія, которое всѣхъ насъ обратило въ рабовъ. Мы должны найти средство освободиться отъ его ига.

Вопросъ теперь уже для насъ чрезвычайно упростился: Богъ не существуетъ или является ничѣмъ инымъ, какъ произведеніемъ нашей способности къ абстракціи, соединенной съ религіознымъ чувствомъ, доставшимся намъ по наслѣдству отъ животныхъ. Богъ является лишь всеміpнымъ абстрактумомъ, лишеннымъ всякаго движенія и самодѣятельности. Богъ это абсолютное Небытіе, представленное въ видѣ все вышняго существа и возвеличенное одной лишь религіозной фантазіей; — абсолютно лишенное всякаго содержанія и обогащающееся всѣми реальностями земли; — возвращающее человѣку въ извращенномъ, испорченномъ, божественномъ видѣ то, что оно раньше у него отняло. Богъ не можетъ быть ни добръ, ни золъ, ни справедливъ, ни несправедливъ. Онъ не можетъ ничего желать, ничего устанавливать, ибо въ сущности онъ ничто, и становится всѣмъ лишь благодаря религіозному легковѣрію. Поэтому, если это послѣднее нашло въ немъ идеи справедливости добра то только потому, что раньше само вложило ихъ въ него, не подозрѣвая объ этомъ; думая, что получаетъ, оно само вкладывало. Но, чтобы вложить эти идеи въ Бога, человѣкъ долженъ былъ ихъ имѣть! Гдѣ онъ ихъ нашелъ? Конечно въ себѣ самомъ. Но все, что онъ имѣетъ, онъ получилъ сперва отъ своей животности, — ибо его духъ ничто иное, какъ выявленіе, слово его животной природы. Итакъ идеи справедливаго и хорошаго должны имѣть подобно всѣмъ другимъ чело-

вѣческимъ вещамъ, корень въ самой животности человѣка.

И въ самомъ дѣлѣ, элементы того, что мы называемъ моралью, находятся уже въ животномъ мірѣ. Во всѣхъ породахъ животныхъ, безъ малѣйшаго исключенія, и лишь съ громадной разницей въ отношеніи развитости, мы встрѣчаемъ два противоположные инстинкта: инстинктъ сохраненія индивида и инстинктъ сохраненія породы, или говоря человѣческимъ языкомъ, егоистическій инстинктъ и инстинктъ соціальный. Съ точки зрѣнія науки, какъ и съ точки зрѣнія самой природы, эти два инстинкта равно естественны и слѣдовательно законны, и что всего важнѣе, равно необходимы въ естественной экономіи существъ. Индивидуальный инстинктъ является основнымъ условіемъ сохраненія породы; ибо если бы всѣ индивиды не защищались всѣми силами противъ всѣхъ лишеній, всѣхъ внѣшнихъ опасностей, непрестанно угрожающихъ ихъ существованію, то не могла бы существовать и сама порода, которая живетъ лишь въ индивидахъ и черезъ индивидовъ. Но если бы захотѣли судить объ этихъ двухъ стремленіяхъ, стоя на абсолютной точкѣ зрѣнія исключительнаго интереса породы, то сказали бы что соціальный инстинктъ хорошъ, а индивидуальный, поскольку онъ ему противоположенъ, дуренъ. У муравьевъ, у пчелъ добродѣтель преобладаетъ надъ порокомъ, ибо у нихъ соціальный инстинктъ, какъ кажется, совершенно подавляетъ индивидуальный инстинктъ. Совершенно противоположное видимъ мы у дикихъ звѣрей, и мы не ошибемся, если скажемъ, что въ животномъ мірѣ вообще преобладаетъ эгоизмъ. Напротивъ того, инстинктъ породы пробуждается лишь на короткій срокъ и длится лишь столько времени, сколько необходимо для воспроизведенія и воспитанія семьи.

Иначе обстоитъ дѣло съ человѣкомъ. Какъ кажется, и это одно изъ доказательствъ великаго превосходства человѣка надъ всѣми другими породами животныхъ, — оба противоположные инстинкта, эго-

измъ и общественность, оба въ человѣкѣ и гораздо могущественнѣе и гораздо нераздѣльнѣе другъ за другомъ, чѣмъ во всѣхъ животныхъ низшихъ породъ. Человѣкъ въ своемъ эгоизмѣ, свирѣпѣе самыхъ кровожадныхъ звѣрей, и въ то же время онъ еще болѣе общественъ, чѣмъ пчелы и муравьи.

Проявленіе въ какомъ либо животномъ большей силы эгоизма, т. е. большей индивидуальности, является несомнѣннымъ доказательствомъ сравнительно большаго совершенства его организма и знакомъ болѣе развитой сознательности. Каждая порода животныхъ подчинена, какъ таковая, спеціальному естественному закону, т. е. развивается и сохраняется особыми, только ей свойственными путями, которые отличаютъ ее отъ всѣхъ прочихъ животныхъ породъ. Законъ этотъ не имѣетъ реальнаго существованія, помимо живыхъ индивидовъ, принадлежащихъ къ управляемой имъ породѣ; вся реальность этого закона въ этихъ индивидахъ, но онъ абсолютно управляетъ ими - и они являются его рабами. Въ самыхъ низшихъ породахъ этотъ законъ проявляется какъ фактъ скорѣй растительной, чѣмъ животной жизни; онъ почти совершенно чуждъ для индивидовъ, являясь, почти внѣшнимъ закономъ, которому индивиды, если только къ нимъ можно примѣнить это названіе, повинуются, такъ сказать, механически. Но чѣмъ болѣе усложняются породы, приближаясь въ прогрессивномъ рядѣ все болѣе къ человѣку, тѣмъ болѣе индивидуализируется управляющій ими спеціальный, родовой инстинктъ, тѣмъ болѣе онъ осуществляется и проявляется въ каждомъ индивидѣ, который тѣмъ самымъ пріобрѣтаетъ болѣе опредѣленный характеръ, болѣе обособленную физіономію, такъ что продолжая повиноваться этому закону такъ же фатально, какъ и другимъ, индивидъ съ момента, что этотъ законъ проявляется въ немъ подъ видомъ его собственнаго стремленія, подъ видомъ скорѣй внутренней, чѣмъ внѣшней необходимости, — несмотря на то, что эта внутренняя необходимость всегда производится въ немъ.

безъ того, чтобы онъ это подозрѣвалъ множествомъ внѣшнихъ причинъ, — чувствуетъ себя болѣе свободнымъ, болѣе автономнымъ, болѣе одареннымъ произвольнымъ движеніемъ, чѣмъ индивиды низшихъ породъ. Онъ начинаетъ ощущать свою **свободу.**

Итакъ, мы можемъ сказать, что сама природа въ своихъ прогрессивныхъ видоизмѣненіяхъ стремится къ освобожденію, и что уже въ естественномъ мірѣ, въ узкомъ смыслѣ этого слова, большая индивидуальная свобода является несомнѣннымъ знакомъ превосходства. Существомъ, сравнительно, самымъ индивидуальнымъ и самымъ свободнымъ, съ точки зрѣнія животнаго царства, является безспорно человѣкъ.

Мы сказали, что человѣкъ это самое индивидуальное изъ земныхъ существъ, — но онъ же является и самымъ **соціальнымъ** изъ всѣхъ существъ. Большой ошибкой со стороны Ж. Ж. Руссо было предположеніе, что первобытное общество было основано посредствомъ свободнаго договора, заключеннаго дикарями между собой. Но Руссо не единственный, кто это утверждаетъ. Большинство современныхъ юристовъ и публицистовъ, изъ школы Конта, или изъ всякой другой индивидуалистической и либеральной школы, не признающіе, ни общества, основаннаго на божественномъ правѣ теологовъ, ни общества, опредѣляемаго гегеліанской школой, какъ болѣе или менѣе мистичная реализація объективной морали, ни первобытно-животнаго общества натуралистовъ, берутъ volens nolens и за неимѣніемъ другого основанія, — за свою исходную точку **молчаливый контрактъ.** Молчаливый контрактъ! Т. е. контрактъ безъ словъ и, слѣдовательно, безъ мысли, безъ воли, — возмутительная нелѣпость! Безсмысленная фикція и, что хуже, злая фикція. Недостойное надувательство! Ибо оно предполагаетъ, что въ то время, когда я еще не былъ въ состояніи ни желать, ни думать, ни говорить, — я, только тѣмъ, что далъ себя остричь безъ протеста, уже далъ согласіе на вѣчное рабство какъ свое, такъ и всего своего потомства!

Последствія **общественнаго договора** по истинѣ злополучны, ибо они приводятъ къ абсолютному властвованію Государства. И однако, взятый за исходную точку, принципъ кажется чрезвычайно либеральнымъ. Индивиды, до заключенія этого контракта, предполагаются пользующимися всецѣло свободой, ибо, согласно этой теоріи, только естественный человѣкъ, дикарь, и обладаетъ полной свободой. Мы высказали свое мнѣніе объ этой естественной свободѣ, которая является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютной зависимостью человѣка-гориллы отъ постояннаго вліянія внѣшняго міра. Но предположимъ, что человѣкъ истинно свободенъ въ исходной точкѣ своей исторіи, зачѣмъ бы тогда образовываться обществу? Отвѣчаютъ, что для того, чтобы гарантировать индивиду безопасность отъ возможныхъ вторженій внѣшняго міра, со включеніемъ сюда всѣхъ другихъ людей, вошедшихъ или не вошедшихъ въ ассоціацію, если только они не принадлежатъ къ образовавшемуся новому обществу.

Итакъ, вотъ каковы эти первобытные люди, совершенно свободные, каждый самъ по себѣ и для себя самого, но которые пользуются этой безграничной свободой лишь покуда не встрѣтятся другъ съ другомъ, лишь поскольку остаются погруженными въ абсолютное индивидуальное одиночество. Свобода одного не нуждается въ свободѣ другого: напротивъ того, каждая изъ этихъ индивидуальныхъ свободъ довольствуется сама собой, существуетъ сама по себѣ, такъ что свобода каждаго необходимо представляется отрицаніемъ свободы всѣхъ другихъ, и всѣ свободы, встрѣчаясь одна съ другой, должны взаимно ограничиваться и уменьшаться, должны противорѣчить одна другой и взаимно уничтожаться . . .

Дабы не уничтожиться совершенно, они заключаютъ между собой явный или молчаливый контрактъ, чрезъ который они отдаютъ часть самихъ себя, чтобы обезпечить остальное. Этотъ контрактъ становится основаніемъ общества или лучше сказать Государ-

ства; ибо надо замѣтить, что въ этой теоріи нѣтъ мѣста для общества, въ ней существуетъ только Государство, или лучше сказать общество въ ней совершенно поглощено Государствомъ.

Общество, это естественный образъ существованія людей независимо отъ всякаго контракта. Оно управляется правами и традиціонными обычаями, но никогда не законами. Оно медленно прогрессируетъ, движимое импульсами индивидуальной инициативы, а не мыслью и волей законодателя. Существуютъ, правда, законы, непроизвольно управляющіе обществомъ, но это законы естественные, присущіе соціальному тѣлу, какъ физическіе законы присущи матеріальнымъ тѣламъ. Большая часть этихъ законовъ до сихъ поръ не открыта, а между тѣмъ они управляли человѣческимъ обществомъ съ его рожденія, независимо отъ мысли и воли составляющихъ его людей. Отсюда вытекаетъ, что ихъ не надо сравнивать съ законами политическими и юридическими, провозглашенными какой нибудь законодательной властью, которые въ разбираемой нами теоріи, признаются логическими выводами изъ перваго контракта, сознательно заключеннаго людьми.

Государство не является непосредственнымъ произведеніемъ природы, и мы попытаемся въ дальнѣйшемъ показать, какимъ образомъ религіозное сознаніе создаетъ его въ средѣ естественнаго общества. По мнѣнію либеральныхъ публицистовъ, первое Государство было создано свободной и сознательной волей людей; по мнѣнію абсолютистовъ, оно является созданіемъ божества. Въ обоихъ случаяхъ оно главенствуетъ надъ обществомъ и стремится его совершенно поглотить.

Во второмъ случаѣ это поглощеніе понятно само собой: божественное установленіе необходимо должно пожрать всякое естественное устройство. Что любопытнѣе, такъ это, что индивидуалистическая школа, своимъ свободнымъ контрактомъ приходитъ къ тому же результату. И въ самомъ дѣлѣ, эта школа начина-

етъ съ отрицанія самого существованія естественнаго общества, которое предшествовало бы заключенію контракта — ибо подобное общество предполагаетъ между индивидами естественныя отношенія и, слѣдовательно, взаимное ограниченіе ихъ свободъ, что противорѣчитъ абсолютной свободѣ, которою каждый, согласно этой теоріи, пользуется до заключенія контракта, и что было бы не болѣе не менѣе, какъ этотъ самый контрактъ, существующій въ видѣ естественнаго факта и даже предшествующій свободному контракту. Согласно этой теоріи, человѣческое общество начинается лишь съ заключенія контракта. Но тогда что такое общество? Это чистое, логическое осуществленіе контракта со всѣми его предначертаніями и законодательными и практическими слѣдствіями, — это Государство.

Разсмотримъ его поближе. Что оно изъ себя представляетъ? Сумму отрицаній индивидуальныхъ свободъ всѣхъ его членовъ; или же сумму жертвъ, дѣлаемыхъ всѣми его членами, отказывающимися отъ доли своихъ свободъ въ пользу общаго блага. Мы видѣли, что согласно индивидуалистической теоріи, свобода каждаго составляетъ границу или естественное отрицаніе свободы всѣхъ другихъ: вотъ это абсолютное ограниченіе, это отрицаніе свободы каждаго во имя свободы цѣлаго или общаго права, — это и есть Государство. А тамъ, гдѣ начинается Государство, тамъ кончается индивидуальная свобода и наоборотъ.

Мнѣ отвѣтятъ, что Государство, представитель общественнаго блага или всеобщаго интереса, отнимаетъ у каждаго часть его свободы, лишь для того, чтобы обезпечить ему остальное. Но это остальное, это, если хотите, безопасность, но никакъ не свобода. **Свобода недѣлима: нельзя урѣзать часть ее, не убивая цѣлаго.** Та малая часть, которую вы урѣзываете, составляетъ самую сущность свободы, она все. Въ силу естественнаго, необходимаго и непреоборимаго влеченія, вся моя свобода концентрируется тотчасъ же, именно въ той части, которую вы урѣзываете,

сколь бы ни была эта часть мала. Это исторія жены Синей Бороды, которая имѣла въ своемъ распоряженіи цѣлый дворецъ съ полной и всецѣлой свободы проникать всюду, видѣть и трогать все, за исключеніемъ маленькой комнатки, которую всевластная воля ея ужаснаго мужа запретила ей открывать подъ страхомъ смерти. И вотъ, отворотившись отъ всѣхъ великолѣпій дворца, все ея вниманіе сосредоточилось на этой плохой, маленькой комнатѣ; она открыла ее и была права, открывая ее, ибо это было необходимое проявленіе ея свободы, между тѣмъ, какъ запрещеніе входить туда было вопіющимъ нарушеніемъ этой самой свободы. И еще эта исторія грѣхопаденія Адама и Евы: запрещеніе вкусить плодъ съ дерева познанія, безъ другого мотива кромѣ какъ, что такова воля Господа, являлась со стороны Бога актомъ ужаснаго деспотизма, и если бы наши прародители послушались, весь человѣческій родъ оставался бы погруженнымъ въ самое унизительное рабство. Напротивъ того, ихъ не послушаніе насъ освободило и спасло. Это было, говоря миѳически, первымъ актомъ человѣческой свободы.

Но, скажутъ мнѣ, Государство, демократическое Государство, основанное на свободномъ голосованіи всѣхъ гражданъ, не можетъ быть отрицаніемъ ихъ свободы? А почему же нѣтъ? Это будетъ совершенно зависѣть отъ назначенія и власти, которую граждане предоставятъ Государству. Республиканское Государство, основанное на всеобщемъ избирательномъ правѣ, можетъ быть очень деспотичнымъ, болѣе даже деспотичнымъ, чѣмъ монархическое Государство, если подъ предлогомъ, что оно представитель всеобщей воли, оно будетъ давить волю и свободное движеніе каждаго изъ своихъ членовъ всею тяжестью своего коллективнаго могущества.

Но Госуадрство, скажутъ еще, ограничиваетъ свободу своихъ членовъ лишь постольку, поскольку эта свобода направлена къ несправедливости, ко злу. Оно

мѣшаетъ имъ убивать другъ друга, грабить другъ друга и оскорблять другъ друга и вообще дѣлать зло, но оно, напротивъ того, предоставляетъ имъ полную и всецѣлую свободу дѣлать добро. Это опять все таже исторія Синей Бороды или запретнаго плода: что такое зло, что такое добро?

Съ точки зрѣнія разбираемой нами системы, до заключенія контракта не существовало различія между добромъ и зломъ, и тогда каждый индивидъ оставался одиноко погруженнымъ въ свою свободу и въ свое абсолютное право и нисколько не былъ обязанъ оказыватъ какое либо вниманіе къ свободѣ другого, развѣ только то, котораго требовала его слабость или относительная сила, — другими словами, его благоразуміе и личный интересъ*). Тогда, согласно все той же теоріи, эгоизмъ былъ верховнымъ закономъ, единственнымъ правомъ: добро опредѣлялось успѣхомъ, зло — одной только неудачей, и справедливость была ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ совершившагося факта, какъ бы онъ ни былъ ужасенъ, жестокъ и отвратителенъ, — совершенно подобно тому, какъ въ

---

*) Подобныя отношенія, которыя, впрочемъ, никогда не могли существовать между первобытными людьми, ибо социальная жизнь предшествовала пробужденію индивидуальнаго сознанія и сознательной воли людей и потому, что внѣ общества ни одинъ человѣческій индивидъ никогда не могъ пользоваться ни абсолютной, ни даже относительной свободой,— подобныя отношенія, говоримъ мы, совершенно тождественны съ тѣми, которыя существуютъ въ настоящее время между современными Государствами, изъ которыхъ каждое считаетъ себя облеченнымъ свободой, абсолютной въ своей власти и въ своемъ правѣ и исключающей свободу всѣхъ другихъ Государствъ. Поэтому, оно оказываетъ всѣмъ другимъ Государствамъ лишь то вниманіе, котораго требуетъ его собственный интересъ,—что и производитъ между всѣми государствами постоянную скрытую или открытую войну.

политической морали, имѣющей въ настоящее время преобладаніе въ Европѣ.

Различіе между добромъ и зломъ начинается, согласно этой системѣ, лишь по заключеніи общественнаго договора. Тогда все, что было признано составляющимъ общее благо, было провозглашено добромъ, а все, что противно этому благу, — зломъ. Договаривающіеся члены, сдѣлавшись гражданами, связавъ себя болѣе или менѣе торжественнымъ обѣщаніемъ, тѣмъ самымъ наложили на себя обязанности: обязанность подчинять свои честные интересы всеобщему благу, нераздѣльному интересу всѣхъ, и свои личныя права отдѣлили отъ общественнаго права, единственный представитель котораго, Государство, было тѣмъ самымъ облечено властью подавлять всѣ возмущенія индивидуальнаго эгоизма, но съ обязанностью защищать каждаго изъ своихъ членовъ въ неприкосновенности его правъ, пока эти послѣднія не входятъ въ противорѣчіе съ правомъ всеобщимъ.

Теперь мы разсмотримъ, что должно изъ себя представлять такимъ образомъ устроенное Государство, какъ въ его отношеніяхъ къ другимъ, подобнымъ ему, Государствамъ, такъ и въ его отношеніяхъ къ управляемому имъ населенію. Это изслѣдованіе представляется намъ тѣмъ болѣе интереснымъ и полезнымъ, что Государство, какъ оно опредѣляется въ этой теоріи, есть именно современное Государство, поскольку оно отбросило религіозную идею; это **свѣтское или атеистическое Государство**, провозглашенное современными публицистами. Посмотримъ же, въ чемъ состоитъ его мораль? — Это, какъ мы сказали, современное Государство, освободившееся изъ подъ ига церкви, и, слѣдовательно, отбросившее всемірную или космополитическую мораль христіанской религіи, и, прибавимъ мы, еще не дошедшее до гуманитарной идеи, не проникшееся гуманитарной моралью, что впрочемъ, ему невозможно сдѣлать, не уничтожая себя: ибо въ своемъ отрѣзанномъ существованіи и обособленной концентраціи, государство является слиш-

комъ узкимъ, чтобы быть въ состоянiи охватить, вмѣстить интересы всего человѣчества и слѣдовательно и всечеловѣческую мораль.

Современные Государства достигли именно вышеописаннаго состоянiя. Христiанство служитъ имъ лишь предлогомъ и фразой, или средствомъ обманывать простецовъ, ибо они преслѣдуютъ цѣли, не имѣющiя никакого отношенiя къ религiознымъ идеямъ. И великiе государственные люди нашихъ дней: Пальмерстоны, Муравьевы, Кавуры, Бисмарки, Наполеоны очень бы посмѣялись, если бы кто нибудь принялъ въ серьезъ ихъ религiозныя убѣжденiя. Они бы посмѣялись еще болѣе, если бы имъ приписали гуманитарныя чувства, намѣренiя и стремленiя, которыя они не пропускаютъ случая публично обозвать глупостью. Что же остается для образованiя ихъ морали? Единственно, государственный интересъ. Съ этой точки зрѣнiя, которая, за очень малыми исключенiями была точкой зрѣнiя государственныхъ людей, **ловкихъ людей** всѣхъ временъ и всѣхъ странъ, все что служитъ къ сохраненiю, возвеличенiю и укрѣпленiю государства, какъ бы это ни было святотатственно съ религiозной точки зрѣнiя человѣческой морали, — является **добромъ**, и наоборотъ, все что противорѣчитъ государственному интересу, хотя бы въ другихъ отношенiяхъ было самой святой и самой человѣчески-справедливой вещью, — является **зломъ**. Такова въ своей неподдѣльности мораль и вѣковая практика всѣхъ Государствъ.

Такова же мораль Государства, основаннаго на теорiи общественнаго договора. Согласно этой системѣ, добро и справедливость начинаютъ существовать лишь съ заключенiя контракта и являются ничѣмъ инымъ, какъ содержанiемъ и цѣлью контракта, т. е. **общимъ благомъ и общественнымъ правомъ всѣхъ заключившихъ его индивидовъ, съ оставленiемъ въ сторонѣ всѣхъ не принимавшихъ участiя въ заключенiи контракта**. Слѣдовательно, подъ добромъ въ этой системѣ понимается лишь наибольшее удовлетворенiе

коллективнаго эгоизма частной и ограниченной ассоціаціи, которая, будучи основана на частичномъ пожертвованіи индивидуальнымъ эгоизмомъ со стороны каждаго изъ ея членовъ, выключаетъ изъ своей среды, въ качествѣ иностранцевъ и естественныхъ враговъ, огромное большинство человѣческаго рода, входящее или невходящее въ подобныя же ассоціаціи.

Существованіе одного какого нибудь ограниченнаго Государства предполагаетъ и, въ случаѣ нужды, вызываетъ образованіе нѣсколькихъ другихъ Государствъ, ибо очень естественно, чтобы индивиды, находящіеся внѣ перваго Государства и угрожаемые съ его стороны въ своемъ существованіи и свободѣ, соединились въ свою очередь противъ него. И вотъ человѣчество разбивается на неопредѣленное число Государствъ, чуждыхъ, враждебныхъ и угрожающихъ по отношенію другъ къ другу. Между ними нѣтъ общественнаго договора, нѣтъ общаго права, ибо въ противномъ случаѣ они бы перестали быть абсолютно независимы другъ отъ друга Государствами и сдѣлались бы соединенными частями одного великаго Государства. Но если только это великое государство не охватитъ все человѣчество, оно будетъ противъ себя имѣть другія великія, внутренно федеративныя Государства, которыя необходимо будутъ относиться къ нему съ тою же враждебностью, и война осталась-бы верховнымъ закономъ и внутреней необходимостью въ жизни человѣчества.

Каждое государство, федеративно или нѣтъ, его внутреннее устройство, должно стремится, подъ страхомъ гибели, сдѣлаться самымъ могущественнымъ. Оно должно пожирать, дабы не быть пожраннымъ, завоевывать, чтобы не быть завоеваннымъ, порабощать, что бы не быть порабощеннымъ, ибо двѣ равныя, но и въ то же время противуположныя силы не могутъ существовать, не уничтожая другъ друга.

Государство, — это самое вопіющее, самое циническое и самое полное отрицаніе человѣчества. Оно разрываетъ всемірную солидарность всѣхъ людей на

землѣ, и соединяетъ часть ихъ лишь съ цѣлью уничтоженія, завоеванія и порабощенія всѣхъ остальныхъ. Оно беретъ подъ свое покровительство лишь своихъ собственныхъ гражданъ, признаетъ человѣческое право, человѣчность и цивилизацію лишь внутри своихъ собственныхъ границъ: не признавая внѣ себя самого никакого права, оно логически присвоиваетъ себѣ право самой свирѣпой безчеловѣчности по отношенію ко всѣмъ иностраннымъ народностямъ, которыхъ оно можетъ по своему произволу грабить, уничтожать или право самой свирѣпой безчеловѣчности по отношенію къ нимъ великодушіе и человѣчность, то никакъ не изъ-за чувства долга; ибо оно имѣетъ во первыхъ обязанности лишь по отношенію къ самому себѣ; и, во вторыхъ, къ тѣмъ изъ своихъ членовъ, которые его свободно основывали, которые продолжаютъ его свободно составлять, или даже, какъ это всегда въ концѣ концовъ случается, сдѣлались его подданными. Такъ какъ интернаціональное право не существуетъ, **такъ какъ оно никакъ не можетъ существовать серьезнымъ и дѣйствительнымъ образомъ, не подкапывая въ самомъ основаніи принципъ абсолютной верховности Государствъ,** то Государство не можетъ имѣть никакихъ обязанностей по отношенію къ иностраннымъ народностямъ. Итакъ, если оно человѣчно обращается съ покореннымъ народомъ, если оно лишь на половину его обираетъ и уничтожаетъ, если оно не изводитъ его до послѣдней степени рабства, то оно поступаетъ такъ изъ политики, можетъ быть, изъ осторожности или по чистому великодушію, но никогда не по долгу, — ибо оно имѣетъ абсолютное право располагать покоренными народами по своему произволу.

Это вопіющее отрицаніе человѣчности, составляющее сущность Государства, является съ точки зрѣнія послѣдняго высшимъ долгомъ и самой большой добродѣтелью: оно называется **патріотизмомъ** и составляетъ **найвысшую мораль** Государства. Мы называемъ ее найвысшею моралью, потому что она обыкновенно превосходитъ уровень человѣческой, частной или об-

щественной морали и справедливости, и тѣмъ самымъ чаще всего становится въ противорѣчіе съ ними. Такъ напримѣръ, оскорблять, угнетать, грабить, обирать, убивать или порабощать своего ближняго, считается съ точки зрѣнія обыкновенной человѣческой морали, преступленіемъ. Напротивъ того, въ общественной жизни и съ точки зрѣнія патріотизма, когда это дѣлается для большей славы Государства, для сохраненія или расширенія его могущества, все это становится долгомъ и добродѣтелью. И эта добродѣтель, этотъ долгъ обязательны для каждаго гражданина-патріота; каждый считается обязаннымъ ихъ выполнять не только противъ иностранцевъ, но даже противъ своихъ собственныхъ соотечественниковъ, подобныхъ ему членовъ и подданныхъ Государства, всякій разъ, какъ того требуетъ благо Государства.

Это объясняетъ намъ почему съ самаго начала исторіи, т. е. съ зарожденія Государствъ, политическій міръ всегда былъ и продолжаетъ быть ареной высшаго мошенничества и несравненнаго разбоя, — разбоя и мошенничества къ тому же высоко уважаемыхъ, ибо они предписаны патріотизмомъ, высшею моралью и верховнымъ интересомъ государства. Это объясняетъ намъ почему вся исторія древнихъ и современныхъ государствъ является лишь рядомъ возмутительныхъ преступленій; почему короли и министры въ прошедшемъ и настоящемъ, во всѣ времена и во всѣхъ странахъ: государственные люди, дипломаты, бюрократы и воины, являются, если ихъ судить съ точки зрѣнія простой морали и человѣческой справедливости, достойными сто разъ, тысячу разъ висѣлицы или каторги; ибо не существуетъ ужаса, жестокости, святотатства, клятвопреступленія, обмана, низкой сдѣлки, циническаго воровства, безстыднаго грабежа и грязной измѣны, которые бы не были, которые бы не продолжали быть ежегодно совершаемыми представителями государствъ, безъ другого извиненія, кромѣ эластичнаго, столь удобнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ столь страшнаго слова: **государственный интересъ.**

Истинно ужасное слово! Оно развратило и обезчестило большее число лицъ въ оффиціальныхъ сферахъ и правящихъ классахъ общества, чѣмъ само Христіанство. Какъ только это слово произнесено, все замолкаетъ, все исчезаетъ: добросовѣстность, честь, справедливость, право, само состраданіе, и вмѣстѣ съ нимъ логика и здравый смыслъ; черное становится бѣлымъ, а бѣлое чернымъ, отвратительное — человѣческимъ, а самые подлые обманы, самыя ужасныя преступленія становятся достойными поступками!

Великій итальянскій философъ и политикъ, Макіавелли, былъ первымъ, произнесшимъ это слово, или по крайней мѣрѣ, первымъ, придавшимъ ему его настоящее значеніе и огромную популярность, которою оно еще и доселѣ пользуется въ правящемъ мірѣ. Самый реалистическій и позитивистскій изъ всѣхъ мыслителей. Макіавелли первый понялъ, что крупныя и могущественныя Государства могутъ быть основаны и поддерживаемы лишь преступленіями, — множествомъ большихъ преступленій и самимъ крайнимъ презрѣніемъ ко всему, называемому честностью. Онъ это написалъ, объяснилъ и доказалъ со страшной откровенностью. И такъ какъ идея человѣчества была въ то время совершенно невѣдома; такъ какъ идея братства, не человѣческаго, а религіознаго, проповѣдываемая католической церковью, была въ то время, какъ и всегда, ничѣмъ инымъ, какъ ужасной ироніей, которую Церковь разоблачала каждое мгновеніе своими же мѣропріятіями; такъ какъ во время Макіавелли никому бы не пришло даже въ голову, что существуетъ какое то народное право, — ибо народы всегда были разсматриваемы какъ инертная и тупая масса, приговоренная къ безконечному послушанію, какъ своего рода мясо для государствъ, какъ предметъ для стрижки и обиранія; такъ какъ нигдѣ, ни въ Италіи, ни внѣ ея не было ничего, что бы было выше государства, — то Макіавелли заключилъ съ большой логичностью, что Государство есть высшая цѣль всего человѣческаго существованія, что надо служить ему во

что бы то ни стало, и что хорошій патріотъ не долженъ останавливаться служа ему, ни передъ какимъ преступленіемъ, ибо интересъ Государства перевѣшиваетъ все остальное. Макіавелли совѣтуетъ преступленіе, онъ предписываетъ его и объявляетъ, что оно необходимое условіе политической мудрости и истиннаго патріотизма. Называется ли государство монархіей или республикой, преступленіе равно необходимо для его торжества и для его сохраненія. Преступленіе измѣнитъ конечно свое направленіе и цѣль, но характеръ его останется тотъ же. Это будетъ всегда мощное, непрестанное поправіе справедливости, состраданія и честности — ради блага Государства.

Да, Макіавелли правъ; мы не можемъ въ этомъ сомнѣваться послѣ опыта трехъ съ половиной столѣтій, присоединившагося къ его опыту. Да, вся исторія говоритъ намъ это: маленькія государства добродѣтельны лишь благодаря своей слабости, а могущественныя государства поддерживаются лишь преступленіемъ. Только выводъ нашъ будетъ совершенно иной, чѣмъ выводъ Макіавелли и это по очень простой причинѣ: мы дѣти Революціи и мы наслѣдовали отъ нее Религію человѣчества, которую мы должны основать на развалинахъ Религіи божества; мы вѣримъ въ права человѣка, въ достоинство и необходимое освобожденіе человѣческаго рода; мы вѣримъ въ человѣческую свободу и въ человѣческое братство, основанное на человѣческой справедливости. — Однимъ словомъ, мы вѣримъ въ побѣду человѣчества на землѣ. Но это торжество, страстно нами призываемое, является по самой природѣ своей, отрицаніемъ преступленія, которое само ничто иное, какъ отрицаніе человѣчества. Итакъ, торжество человѣчества можетъ осуществиться лишь когда преступленіе перестанетъ быть тѣмъ, чѣмъ оно является въ настоящее время почти повсюду: **самымъ основаніемъ политическаго существованія націй поглощенныхъ, порабощенныхъ государственной идеей.** — Какъ теперь уже доказано, никакое государство не можетъ существовать, не совер-

шая преступленій, или по крайней **мѣрѣ, не мечтая** о нихъ, не обдумывая ихъ исполненіе, если оно по безсилію и не можетъ выполнять ихъ на дѣлѣ, — то мы въ настоящее время заключаемъ, **что безусловно необходимо уничтоженіе Государствъ** или, если это больше нравится, ихъ полное и коренное переустройство, въ томъ смыслѣ, чтобы они перестали быть централизованными и организованными сверху внизъ державами, основанными на насиліи или на авторитетѣ какого-нибудь принципа, а напротивъ того реорганизовались бы снизу вверхъ, съ абсолютной свободой для всѣхъ частей, соединяться или не соединяться онѣ и съ сохраненіемъ для каждой части свободы всегда выйти изъ этого соединенія, даже если бы она вошла въ него по доброй волѣ; реорганизовались бы согласно дѣйствительнымъ интересамъ и естественнымъ стремленіямъ всѣхъ частей, черезъ свободную федерацію индивидовъ и ассоціацій, коммунъ, областей, провинцій и націй въ единое человѣчество.

Таковы выводы, къ которымъ насъ необходимо приводитъ изслѣдованіе внѣшнихъ отношеній даже такъ называемаго свободнаго Государства къ другимъ государствамъ. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, что государство, основывающееся на божественномъ правѣ или религіозной санкціи, приходитъ совершенно къ тѣмъ же результатамъ. Разсмотримъ теперь отношеніе Государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ, къ своимъ собственнымъ гражданамъ или подданнымъ.

Мы видимъ, что выбрасывая огромное большинство человѣческаго рода изъ своей среды, что ставя его внѣ сферы своихъ обязательствъ, внѣ круга своей морали, справедливости и права, государство отрицаетъ человѣчество и посредствомъ высокопарнаго слова: Патріотизмъ, обязываетъ своихъ подданныхъ къ несправедливости и жестокости, какъ къ высшему долгу. Оно ограничиваетъ, обрубаетъ, убиваетъ въ нихъ человѣчность, дабы, переставъ быть людьми они сдѣлались только гражданами, или — съ точки зрѣнія

исторической послѣдовательности фактовъ справедливѣй сказать — чтобы они не переросли уровень гражданина, не достигли до высоты человѣка. — Мы видѣли и то, что всякое государство, должно подъ страхомъ гибели и поглощенія сосѣдними государствами, стремиться къ всемогуществу, а сдѣлавшись могущественнымъ, оно должно завоевывать другія государства. Кто говоритъ о завоеваніи, говоритъ о завоеванныхъ, угнетенныхъ, обращенныхъ въ рабство народахъ, подъ какой бы это ни дѣлалось формой или названіемъ. Итакъ, рабство является необходимымъ слѣдствіемъ существованія Государства.

Рабство можетъ измѣнить формы и имена, но суть его остается неизмѣнной. Эта суть выражается въ слѣдующихъ словахъ: **быть рабомъ значитъ быть принужденнымъ работать для другого, — также какъ быть господиномъ это значитъ пользоваться работой другого.** Въ древнемъ мірѣ, подобно тому, какъ теперь въ Азіи, въ Африкѣ и даже еще въ части Америки, рабы назывались прямо рабами. Въ среднихъ вѣкахъ они получили имя крѣпостныхъ, въ настоящее время ихъ называютъ наемниками. Положеніе этихъ послѣднихъ гораздо болѣе достойно и менѣе тяжело, чѣмъ положеніе рабовъ, но тѣмъ не менѣе они все же принуждены голодомъ, а также политическими и соціальными учрежденіями выполнять очень тяжелую работу, для того, чтобы дать возможность другимъ проводить жизнь въ совершенномъ или относительномъ бездѣйствіи. Слѣдовательно, они рабы. И вообще, ни одно древнее или современное государство никогда не могло обойтись безъ принужденной работы наемныхъ и порабощенныхъ массъ, какъ главнаго и совершенно необходимаго условія досуга, свободы и образованія политическаго класса — гражданъ. — Въ этомъ отношеніи даже Соединенные Штаты Сѣверной Америки не составляютъ исключенія.

Таковы внутреннія условія жизни государства, необходимо вытекающія изъ его внѣшняго положенія, т. е. изъ его естественной, постоянной и неизбѣжной

враждебности по отношенію ко всѣмъ другимъ государствамъ. Посмотримъ теперь, каковы условія, непосредственно вытекающія для согражданъ изъ свободнаго договора, на которомъ они основываютъ государство.

Назначеніе государства не ограничивается обезпеченіемъ безопасности своихъ членовъ противъ всѣхъ внѣшнихъ нападеній, оно должно еще во внутренней жизни защищать ихъ другъ отъ друга и **каждаго отъ самого себя.** Ибо государство, — и это его характерная и основная черта, — всякое государство, какъ и всякая теологія, основывается на предположеніи, что человѣкъ существенно золъ и дуренъ. Въ государствѣ, нами теперь разсматриваемомъ, добро, какъ мы видѣли, начинается лишь съ заключенія государственнаго договора и является, слѣдовательно, лишь слѣдствіемъ этого договора и даже его содержаніемъ. Оно не является порожденіемъ свободы. Напротивъ, покуда люди остаются уединенными въ своей абсолютной индивидуальности, пользуясь всей своей естественной свободой, не знающей другихъ границъ, кромѣ границъ возможности, а не права, до тѣхъ поръ они оскорбляютъ другъ друга, взаимно другъ друга обкрадываютъ, обираютъ, убиваютъ и пожираютъ, каждый въ мѣру своего ума, своей хитрости, своихъ матеріальныхъ силъ, подобно тому какъ поступаютъ, какъ мы это уже видѣли, въ настоящее время, государства. — Итакъ, человѣческая природа естественно рождаетъ не **добро,** но **зло;** человѣкъ по природѣ дуренъ. Какимъ образомъ онъ такимъ сдѣлался? Объяснить это — дѣло теологіи. Фактъ тотъ, что государство, при своемъ рожденіи, находитъ человѣка уже дурнымъ и берется сдѣлать его хорошимъ, т. е. пересоздать естественнаго человѣка въ гражданина.

На это можно возразить, что такъ какъ государство является произведеніемъ свободно законченнаго договора, а добро является произведеніемъ государства, то слѣдовательно оно — произведеніе свободы!

Подобный выводъ совершенно не вѣренъ. Государство даже по этой теоріи не является произведеніемъ свободы, но напротив того, пожертвованія и добровольнаго отреченія отъ свободы. Люди въ естественномъ состояніи совершенно свободны съ точки зрѣнія **права**, но на **дѣлѣ** они подвержены всѣмъ опасностямъ, которыя каждую минуту угрожаютъ ихъ жизни и безопасности. И вотъ, чтобы обезпечить и спасти эту послѣднюю, они жертвуютъ, они отрекаются отъ большей или меньшей части своей свободы, и поскольку они пожертвовали ею ради своей безопасности, поскольку они стали гражданами, постольку они сдѣлались **рабами Государства.** Поэтому мы правы, утверждая, что **съ точки зрѣнія Государства добро рождается не изъ свободы, но напротивъ того, из отрицанія свободы.**

Не удивительно ли это подобіе между теологіей — наукой Церкви, и политикой — этой теоріей Государства? Не удивительна ли эта встрѣча двухъ столь различныхъ по внѣшности родовъ мыслей и фактовъ въ одномъ и томъ же убѣжденіи: **о необходимости закланія человѣческой свободы ради насажденія въ людяхъ нравственности и пересозданія ихъ, согласно Церкви — въ святыхъ, согласно Государству — въ добродѣтельныхъ гражданъ.** — Что касается до насъ, мы нисколько этому не удивляемся, ибо мы убѣждены и постараемся ниже это доказать, что политика и теологія, родныя сестры, имѣющія одно происхожденіе и преслѣдующія одну цѣль подъ разными **именами; что** всякое государство является земной церковью, подобно тому какъ въ свою очередь всякая церковь вмѣстѣ со своимъ небомъ — мѣстопребываніемъ блаженныхъ и безсмертныхъ Боговъ, является ничѣмъ инымъ, какъ небеснымъ Государствомъ.

Государство, какъ и церковь, исходитъ изъ того основаннаго предположенія, что люди существенно дурны и что предоставленные своей естественной свободѣ, они бы раздирали другъ друга и являли бы зрѣлище самой ужасной разнузданности, гдѣ самые силь-

ные убивали бы или эксплуатировали самыхъ слабыхъ. — Не правда ли, это было бы нѣчто совершенно противуположное тому, что происходитъ въ настоящее время въ нашихъ образцовыхъ государствахъ? Далѣе, теорія государства возводитъ въ принципъ положеніе, что для того, чтобы установить общественный порядокъ, необходима высшая власть; что для того, чтобы управлять людьми и подавлять ихъ дурныя страсти, необходимъ управитель и узда; но что эта власть должна принадлежать человѣку геніальному и добродѣтельному*) законодателю своего народа, какъ Моисей, Ликургъ и Солонъ, — и что тогда этотъ вождь и эта узда будутъ воплощать въ себѣ мудрость и карающую мощь государства.

Во имя логики мы бы могли поспорить объ умѣстности законодателя, ибо въ разсматриваемой намъ теперь системѣ рѣчь идетъ не о кодексѣ законовъ, налагаемомъ какой нибудь властью, а о взаимномъ договорѣ, свободно заключенномъ свободными основателями государства. И такъ какъ эти основатели, согласно разбираемой системѣ, были не болѣе не менѣе, какъ дикарями, которые съ тѣхъ поръ жили въ самой полной естественной свободѣ и, слѣдовательно, должны были не знать различія между добромъ и зломъ, то мы могли бы спросить какимъ образомъ они вдругъ съумѣли ихъ различить и отдѣлить? Правда, намъ могутъ возразить, что дикари заключили вначалѣ свой взаимный годоворъ съ единственной цѣлью обезпечить свою безопасность; поэтому то, что они называли **добромъ** было ничто иное, какъ обязательное поведеніе, опредѣленное немногочисленными пунктами ихъ

---

*) Это идеалъ Мадзини.—См. Doveri dell'uomo (Napoli 1860), p. 83 и A Pio IX Papa, p. 27: »Мы признаемъ святость Власти, освященную геніемъ и истиной, этими единственными священнослужителями будущаго, и проявляя великую силу жертвовать, она проповѣдуетъ добро и добровольно ведетъ къ нему **видимымъ образомъ**« . . .

договора, какъ напримѣръ: не убивать другъ друга, не грабить имущество другъ друга и поддерживатъ другъ друга противъ всѣхъ, производимыхъ нападеній извнѣ. Но впослѣдствіи, законодатель, геніальный и добродѣтельный человѣкъ, рожденный въ средѣ уже установившейся ассоціаціи и поэтому воспитанный въ нѣкоторой степени въ ея духѣ, могъ расширить и углубить условія общественной жизни и такимъ образомъ создать первый кодексъ нравственности и законовъ.

Но сейчасъ же возникаетъ другой вопросъ. Предположимъ, что человѣкъ, одаренный необычайнымъ геніемъ и рожденный въ средѣ этого очень еще первобытнаго общества, былъ въ состояніи, при помощи очень грубаго воспитанія, которое онъ получилъ въ этомъ обществѣ, и благодаря своему генію, возвыситься до созданія кодекса нравственности. Но какимъ образомъ могъ онъ добиться, чтобы этотъ кодексъ былъ принятъ его народомъ? Силою одной логики? — Это невозможно. Логика всегда кончаетъ тѣмъ, что торжествуетъ, даже надъ самыми затвердѣлыми умами; но для этого надо много больше времени, чѣмъ срокъ жизни одного человѣка, а имѣя дѣло съ мало развитыми умами, потребовалось бы пожалуй, даже нѣсколько столѣтій. Съ помощью силы, принужденія? Но тогда это уже будетъ общество, основанное не на свободномъ договорѣ, а на завоеваніи, на порабощеніи. Такое предложеніе приведетъ насъ прямо къ дѣйствительнымъ историческимъ обществамъ, въ которыхъ всѣ вещи объясняются, правда, гораздо болѣе естественно, чѣмъ въ теоріяхъ нашихъ либеральныхъ публицистовъ, но чьи изслѣдованія и изученія не только не служатъ прославленію государства, о которомъ такъ заботятся эти господа, но напротивъ того, заставляютъ насъ, какъ мы это позже увидимъ, желать въ возможно скоромъ времени, его полнаго и кореннаго уничтоженія.

Остается третій способъ, посредствомъ котораго великій законодатель могъ бы заставить своихъ согражданъ принять свой кодексъ: а именно божествен-

ный авторитетъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что величайшіе изъ извѣстныхъ законодателей, отъ Моисея до Магомета включительно, прибѣгли къ этому средству. Оно очень могущественно среди народовъ, гдѣ вѣрованія и религіозное чувство имѣютъ еще большое вліяніе. Но общество, основанное посредствомъ этого способа не является уже обществомъ, основаннымъ на свободномъ договорѣ. Основанное непосредственнымъ воздѣйствіемъ божеской воли, оно необходимо будетъ государствомъ теократическимъ, монархическимъ или аристократическимъ, но ни въ какомъ случаѣ не демократическимъ. А такъ какъ съ богами торговаться нельзя, такъ какъ они столь же могущественны, какъ и деспотичны, то приходится слѣпо принимать все, что они налагаютъ и подчиняться ихъ волѣ, во что бы то ни стало. Отсюда вытекаетъ, что въ законодательствѣ, диктуемомъ богами, нѣтъ мѣста для свободы. Оставимъ пока предположеніе (впрочемъ очень вѣрное) объ основаніи государства прямымъ или непрямымъ воздѣйствіемъ и, пообѣщавъ себѣ разсмотрѣть его впослѣдствіи, теперь возвратимся къ изслѣдованію свободнаго государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ. Хотя мы и пришли къ убѣжденію въ совершенной невозможности объяснить противорѣчивый въ себѣ самомъ фактъ законодательства, порожденнаго геніемъ одного человѣка и единогласно провозглашеннаго, свободно принятаго цѣлымъ народомъ дикарей, безъ того, чтобы законодатель долженъ былъ прибѣгнуть къ грубой силѣ или къ какому нибудь божественному надувательству; но мы соглашаемся допустить это чудо и просимъ теперь объясненія другого чуда, не менѣе труднаго для пониманія, чѣмъ первое: предположимъ, что новый кодексъ нравственности и законовъ провозглашенъ и единогласно принятъ, но какимъ образомъ осуществляется онъ на практикѣ, въ жизни? Кто наблюдаетъ за его исполненіемъ?

Можно ли предположить, чтобы послѣ этого единогласнаго принятія, всѣ или, хотя бы, большинство ди-

карей, составляющихъ первобытное общество и которые, до того, какъ новое законодательство было провозглашено, были погружены въ самую полную анархію, вдругъ всѣ сразу, въ силу одного этого провозглашенія и свободнаго принятія, до такой степени перемѣнились, что начали бы по собственному почину и безъ другой побудительной причины, кромѣ своихъ собственныхъ убѣжденій, добросовѣстно соблюдать и правильно выполнять всѣ предписанія и законы, налагаемые на нихъ невѣдомой до сихъ поръ для нихъ моралью?

Допущеніе возможности такого чуда было бы равносильно признанію безполезности государства, признанію, что естественный человѣкъ способенъ понимать, желать и дѣлать добро, побуждаемый единственно своей собственной свободой; а это было бы столь же противно теоріи такъ называемаго свободнаго государства, какъ и теоріи государства религіознаго или божескаго. Въ основаніи обоихъ лежитъ предположеніе, что человѣкъ неспособенъ возвыситься до добра и дѣлать его по собственному, естественному побужденію, ибо это побужденіе, согласно этимъ самимъ теоріямъ, непреоборимо и непрестанно влечетъ людей ко злу. Итакъ обѣ теоріи насъ учатъ, что для того, чтобы обезпечить соблюденіе принциповъ и выполненіе законовъ въ какомъ бы то ни было человѣческомъ обществѣ, необходимо, чтобы во главѣ государства стояла бдительная, правящая и, въ случаѣ нужды, карающая власть. — Остается узнать, кто можетъ и долженъ ею обладать?

Относительно государства, основаннаго на божескомъ правѣ и черезъ вмѣшательство какого нибудь Бога, отвѣтъ очень легокъ: власть должна принадлежать, во первыхъ, священникамъ, во вторыхъ, свѣтскимъ властямъ, освященнымъ священниками. Гораздо болѣе затруднителенъ отвѣтъ, если стоять на почвѣ теоріи государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ чистой демократіи, гдѣ царитъ свобода, кто же долженъ быть стражемъ и

исполнителемъ законовъ, защитникомъ справедливости и общественнаго порядка, противъ злыхъ страстей каждаго? — Вѣдь каждый признается неспособнымъ управлять и обуздывать самого себя въ той мѣрѣ, какъ это необходимо для блага государства, ибо свобода даждаго имѣетъ естественное влеченіе ко злу. — Тогда кто же будетъ выполнять обязанности Государства?

Скажутъ: самые лучшіе изъ гражданъ, самые умные и добродѣтельные, тѣ, которые лучше другихъ поймутъ общіе интересы общества и потребности каждаго, и долгъ всякаго подчинять имъ свои частные интересы. Въ самомъ дѣлѣ, необходимо, чтобы эти люди были столь же умны, какъ и добродѣтельны, ибо если бы они били только умны безъ добродѣтели, они бы могли заставить общественныя дѣла служить ихъ личнымъ интересамъ, а если бы они были добродѣтельны, но не умны, они бы неизбѣжно провалили общественное дѣло, несмотря на всю свою добросовѣстность. Стало быть, чтобы республика не погибла, необходимо, чтобы она обладала во всѣ эпохи извѣстнымъ количествомъ такого рода людей; надо, чтобы во все продолженіе ея существованія не прерывался бы послѣдовательный рядъ добродѣтельныхъ и умныхъ гражданъ.

А условіе это осуществляется не легко и не часто. Въ исторіи каждой страны, эпохы, дающія значительное число выдающихся людей, отмѣчаются, какъ эпохи необыкновенныя, блещущія сквозь мглу вѣковъ. Обыкновенно въ правящихъ сферахъ, преобладаетъ посредственность, преобладаетъ сѣрый цвѣтъ, а часто, какъ мы это видимъ изъ исторіи, его мѣсто занимаютъ цвѣта черный и красный, т. е. торжествующіе пороки и кровавое насиліе. Мы могли бы отсюда заключить, что если бы была правда, какъ это съ очевидностью вытекаетъ изъ теоріи такъ называемаго раціональнаго или либеральнаго государства, что сохраненіе и существовніе всякаго политическаго общества зависятъ отъ непрерывающейся послѣдовательности замѣ-

чательныхъ, какъ по уму, такъ и по добродѣтели людей, — то изъ всѣхъ въ настоящее время существующихъ обществъ, нѣтъ ни одного, которое не должно бы было уже давно погибнуть. Если мы къ этой трудности, чтобъ не сказать невозможности, прибавимъ тѣ, которыя возникаютъ изъ совершенно особаго развращающаго дѣйствія, оказываемаго на человѣка обладаніемъ властью, если мы прибавимъ чрезвычайныя искушенія, которымъ неизбѣжно подвержены всѣ люди, облеченные властью, прибавимъ воздѣйствія честолюбій, соперничествъ, завистей и гигантскихъ жадностей, которыя осаждаютъ день и ночь именно самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, и противъ которыхъ не обезпечиваютъ ни умъ, ни даже добродѣтель, — ибо добродѣтель одного и того человѣка можетъ сломиться, — то мы думаемъ, что имѣемъ полное право сказать, что всѣ общества существуютъ благодаря чуду! Но оставимъ это.

Предположимъ, что въ идеальномъ обществѣ находится, въ каждую эпоху, достаточное число людей равно умныхъ и добродѣтельныхъ, которые могутъ достойно выполнять государственныя функціи. Кто ихъ найдетъ, кто ихъ различитъ, кто вложитъ въ ихъ руки бразды правленій? Или они сами ихъ захватятъ въ сознаніи своего ума и добродѣтели, подобно тому, какъ это сдѣлали два греческіе мудреца Клеобулъ и Періандръ, которымъ, несмотря на ихъ великую, предполагаемую мудрость, греки, тѣмъ не менѣе дали имя тиранновъ? Но какимъ образомъ они захватятъ власть? Посредствомъ убѣжденія или посредствомъ силы? Если посредствомъ убѣжденія, то мы сдѣлаемъ замѣчаніе, что можно хорошо убѣждать лишь въ томъ, въ чемъ самъ убѣжденъ, а что именно лучшіе люди бываютъ всего менѣе убѣждены въ своемъ собственномъ достоинствѣ; если они имѣютъ даже его сознаніе, то имъ обыкновенно непріятно заботиться о его всеобщемъ признаніи, между тѣмъ, какъ люди дурные и средніе, вѣчно собой удовлетворенные, не испытываютъ никакого стѣсненія въ самохвальствѣ. Но пред-

положимъ, что желаніе служить своему отечеству, заставило замолчать въ истинно достойныхъ людяхъ эту чрезмѣрную скромность; они выступаютъ передъ избирательнымъ собраніемъ своихъ согражданъ. Будутъ ли они однако всегда выбраны, всегда предпочтены народомъ честолюбивымъ, краснорѣчивымъ и ловкимъ интриганамъ? Если же, напротивъ того, они хотятъ достичь власти силой, то во первыхъ, имъ необходимо имѣть въ своемъ распоряженіи достаточно силъ, чтобы сломить сопротивленіе цѣлой партіи. Они достигнутъ власти черезъ междусобную войну, въ результатѣ которой окажется продолженіе существованія не примиренной, а лишь побѣжденной и всегда враждебной партіи. Чтобы сдерживать ее, имъ будетъ необходимо продолжать пользоваться силой. Тогда это не будетъ уже свободное общество, но деспотическое государство, основанное на насиліи и въ которомъ вы, можетъ быть, найдете много вещей, которыя покажутся вамъ восхитительными но никогда не найдете свободы.

Для сохраненія фикціи свободнаго государства, имѣющаго въ своей исходной точкѣ общественный договоръ, намъ нужно предположить, что большинство гражданъ обладаетъ всегда необходимымъ благоразуміемъ, прозорливостью и справедливостью, чтобы постановлять во главѣ правленія самыхъ достойныхъ и самыхъ способныхъ людей. Но для того, чтобы народъ проявлялъ, и не разъ и не случайно, а всегда, во всѣхъ производимыхъ имъ выборахъ, во все продолженіе своего существованія, эту прозорливость, эту справедливость, это благоразуміе, не надо-ли, чтобы онъ самъ взятый въ цѣломъ, достигъ той степени нравственаго развитія и культуры, при которой правительство и государство уже совершенно безполезны? Такой народъ долженъ-бы былъ прямо жить, предоставляя полную свободу всѣмъ своимъ влеченіямъ. Справедливость и общественный порядокъ возникнутъ сами по себѣ и естественно изъ его жизни, и Государство, переставъ быть провидѣніемъ, опекуномъ, воспи-

тателемъ, управителемъ общества, отказавшись отъ всякой карательной власти и ниспавъ до подчиненной роли, указываемой ему Прудономъ, сдѣлается ничѣмъ инымъ, какъ простымъ дѣловымъ бюро, своего рода центральной счетной кассой, предназначенной для услугъ обществу.

Безъ сомнѣнія, такая политическая организація, или, лучше сказать, такое ослабленіе политическихъ силъ въ пользу свободы общественной жизни, было бы для общества великимъ благодѣяніемъ, но оно бы нисколько не удовлетворило сторонниковъ необходимости государства. Имъ непремѣнно нужно государство-провидѣніе, Государство-правитель общественной жизни, Государство, чинящее судъ и поддерживающее общественный порядокъ. Другими словами, сознаются ли они себѣ въ этомъ или нѣтъ, называются-ли республиканцами, демократами или даже соціалистами, — имъ всегда нужно, чтобы управляемый народъ былъ болѣе или менѣе невѣжественъ, ничтоженъ, неспособенъ, или, называя вещи ихъ собственными именами, чтобы народъ былъ болѣе или менѣе — »чернь«. Это необходимо имъ, конечно, для того, чтобы превозмогши безкорыстіе и скромность, они могли бы оставаться на первыхъ мѣстахъ для того, чтобы они имѣли всегда возможность пожертвовать собой ради общественной пользы и чтобы, сильные своимъ добротельнымъ самоотверженіемъ и своимъ исключительнымъ умомъ, будучи привилегированными стражами человѣческаго стада, толкая его къ его благу и направляя его къ его спасенію, они могли бы также его немного постричь.

Всякая послѣдовательная и искреняя теорія государства существенно основана на принципѣ **высшей власти**, т. е. на той теологической, метафизической и политической идеѣ, что массы, будучи сами вѣчно неспособны къ самоуправленію, должны всегда пребывать подъ благодѣтельнымъ игомъ мудрости и справедливости, которыя, тѣмъ или инымъ способомъ, налагаются на нихъ сверху. Но налагаются во имя кого

a кѣмъ? Высшая власть, признаваемая и уважаемая массами за таковую, можетъ имѣть лишь три источника: силу, религію и дѣятельность высшаго ума. Въ послѣдствіи мы будемъ говорить о государствахъ, основанныхъ на двойной власти религіи и силы: теперь разсматривая теорію государства, основаннаго на свободномъ контрактѣ, мы должны выключить оба эти фактора. Теперь намъ остается лишь случай власти, основанной на высшемъ разумѣ, который, какъ извѣстно, всегда составляетъ удѣлъ меньшинства.

И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ во всѣхъ прошлыхъ и настоящихъ государствахъ, даже если они обладаютъ самыми демократическими учрежденіями, какъ напримѣръ, Соединенные Штаты въ Сѣверной Америкѣ и Швейцарія? »Народоправство«, несмотря на внѣшній видъ народнаго всемогущества, остается почти всегда въ состояніи фикціи. Въ дѣйствительности меньшинство является правящимъ классомъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ до послѣдней войны за освобожденіе рабовъ и отчасти даже до сихъ поръ — напримѣръ, вся партія нынѣшняго президента Джонсона — правительственной партіей были и остаются, такъ называемые демократы, крайніе сторонники рабства и свирѣпой олигархіи плантаторовъ, безсовѣстные, продажные демагоги, готовые все заклать ради своей жадности, своего зловреднаго честолюбія и которые своимъ отвратительнымъ воздѣйствіемъ и вліяніемъ, которыми они безпрепятственно обладали около пятидесяти лѣтъ кряду, сильно способствовали извращенію политическихъ нравовъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ настоящее время истинно просвѣщенное, великодушное меньшинство, но все же и опять-таки **меньшинстьо**, — партія республиканцевъ, съ успѣхомъ борется съ зловредной политикой демократовъ. Будемъ надѣяться, что его торжество будетъ полнымъ, будемъ на это надѣяться ради блага человѣчества: но какъ бы ни была велика искренность этой партіи свободы, какъ бы ни были возвышенны и великодушны провозглашаемые ею принципы все же мы не бу-

демъ надѣяться, чтобы достигнувъ власти, эта партія отказалась отъ исключительнаго положенія правящаго меньшинства, и чтобы народное самоуправленіе сдѣлалось, наконецъ, дѣйствительностью. Для этого понадобилась бы революція болѣе глубокая, чѣмъ всѣ тѣ, которыя до сихъ поръ потрясли старый и новый міръ.

Въ Швейцаріи, несмотря на всѣ совершившіяся здѣсь демократическія революціи, управляетъ все еще имущій классъ, буржуазія, т. е. меньшинство привилегированное относительно имущества, досуга и образованія. Верховная власть народа, — слово которое намъ, впрочемъ, ненавистно, ибо на нашъ взглядъ всякая верховная власть достойна ненависти, — народное самоуправленіе въ Швейцаріи тоже является фикціей. Народъ обладаетъ здѣсь верховной властью по праву, но не на дѣлѣ, ибо, поглощенный ежедневной работой, не оставляющей ему совсѣмъ досуга, и если не совершенно невѣжественный, то во всякомъ случаѣ сильно уступающій въ образованіи буржуазному классу, онъ принужденъ отдавать въ руки буржуазіи свою фиктивную власть. Единственная выгода, которую онъ изъ нея извлекаетъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, такъ и въ Швейцаріи, это что честолюбивыя меньшинства, политическіе классы не могутъ добиться власти иначе, какъ ухаживая за нимъ, льстя его мимолетнымъ, иногда очень дурнымъ страстямъ и чаще всего обманывая его.

Да не подумаютъ, что мы хотимъ указать преимущество монархіи передъ демократическими учрежденіями. Мы твердо убѣждены, что самая несовершенная республика въ тысячу разъ лучше, чѣмъ самая просвѣщенная монархія, ибо въ республикѣ есть минуты, когда народъ, хотя и вѣчно эксплуатируемый, по крайней мѣрѣ не угнетенъ, между тѣмъ какъ въ монархіяхъ онъ угнетенъ постоянно. И кромѣ того, демократическій режимъ возвышаетъ мало по малу массы до общественной жизни, а монархія никогда

этого не дѣлаетъ. Но хотя мы и отдаемъ предпочтеніе республикѣ, все же мы принуждены признать и провозгласить, что какова бы ни была форма правленія, все же, пока вслѣдствіе наслѣдственнаго неравенства занятій, имуществъ, образованія и правъ, человѣческое общество останется раздѣленнымъ на различные классы, до тѣхъ поръ, будетъ продолжать исключительное правленіе меньшинства и неизбѣжная эксплуатація этимъ меньшинствомъ большинства.

Государство является ничѣмъ инымъ, какъ этимъ владычествомъ и эксплуатаціей, возведеннымъ въ правило и систематизированнымъ. Мы попробуемъ это доказать, разсматривая слѣдствія управленія народными массами какимъ нибудь меньшинствомъ, сколь угодно просвѣщеннымъ и самоотверженнымъ, въ идеальномъ Государствѣ, основанномъ на свободномъ договорѣ.

Разъ условія договора опредѣлены, остается лишь провести ихъ на практикѣ. Предположимъ, что народъ, достаточно мудрый, чтобы признать свою собственную неспособность, имѣетъ еще необходимую прозорливость, чтобы ввѣрять управленіе общественными дѣлами лишь самымъ лучшимъ гражданамъ.

Эти привилегированные индивиды, привилегированы не съ точки зрѣнія права, а лиш на дѣлѣ. Они были выбраны народомъ потому, что они самые просвѣщенные, самые ловкіе, самые мудрые, самые мужественные и самые самоотверженные. Взятые изъ массы гражданъ, которые по предположенію всѣ между собой равны, они не образуютъ собой отдѣльнаго класса, но лишь отдѣльную группу, привилегированную одной природой, и вслѣдствіе этого отличенную народнымъ избраніемъ. Число этихъ людей необходимо весьма ограничено, ибо во всякой странѣ и во всякое время число людей одаренныхъ такими выдающимися качествами, что они словно вынуждаютъ всеобщее уваженіе народа, бываетъ, какъ это показываетъ намъ опытъ, весьма незначительнымъ. Изъ боязни плохихъ выборовъ, народъ долженъ будетъ всегда из-

бирать своихъ правителей изъ вышеназначенныхъ людей.

И вотъ общество уже раздѣляется на двѣ категоріи, чтобы не сказать уже два класса, изъ которыхъ одна, составленная изъ громаднаго большинства граждан, свободно подчиняется правленію своихъ выборныхъ; другая, состоящая изъ незначительнаго числа даровитыхъ натуръ, признанныхъ и избранныхъ народомъ въ качествѣ таковыхъ, уполномочена народомъ управлять имъ. Завися отъ народнаго избранія, эти люди вначалѣ не отличаются отъ массы гражданъ ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ тѣми самыми качествами, которыя снискали имъ довѣріе своихъ соотечественниковъ, и являются среди всей массы гражданъ естественно, самыми полезными и самоотверженными. Они не присваиваютъ еще себѣ никакой привилегіи, никакого особеннаго права, за исключеніемъ права выполнять, покуда этого желаетъ народъ, спеціальныя обязанности, которыя на нихъ возложены. Во всемъ прочемъ, въ образѣ жизни, въ условіяхъ и средствахъ своего существованія, они нисколько не отличаются отъ народа, такъ что между всѣми продолжаетъ царить совершенное равенство.

Но можетъ ли это равенство долго продолжиться? Мы утверждаемъ, что нѣтъ, и нѣтъ ничего легче, какъ это доказать.

Нѣтъ ничего болѣе опаснаго для частной нравственности человѣка, какъ привычка повелѣвать. Самый лучшій, самый просвѣщенный, безкорыстный, великодушный, чистый человѣкъ неизбѣжно испортится при этихъ условіяхъ. Власти присущи два чувства, которыя обязательно производятъ эту деморализацію **презрѣніе къ народнымъ массамъ и преувеличеніе своего собственнаго достоинства.**

Массы, сознавъ свою неспособность къ самоуправленію, выбрали меня въ вожди. Тѣмъ самымъ они открыто признали мое превосходство и свое сравнительное ничтожество. Изъ всей этой толпы людей, въ которой есть лишь два, три человѣка, могущихъ быть

признанными мной за равныхъ, я одинъ способенъ управлять общественными дѣлами. Народъ во мнѣ нуждается, онъ не можетъ обойтись безъ моихъ услугъ, между тѣмъ какъ я довольствуюсь самимъ собой. Итакъ народъ долженъ повиноваться мнѣ для собственнаго своего блага, и снисходя до управленія имъ, я создаю его счастье.

Неправда ли, этого всего совершенно достаточно, чтобы потерять голову и обезумѣть отъ гордости? — Такимъ то образомъ, власть и привычка повелѣвать становятся даже для самыхъ просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ людей источникомъ интеллектуальнаго и моральнаго самообольщенія.

Вся человѣческая мораль, — немного ниже мы постараемся доказать абсолютную истину этого принципа, чье развитіе, объясненіе и самое широкое примѣненіе составляютъ главную цѣль этого сочиненія, — всякая коллективная и индивидуальная мораль существенно покоится на **человѣческомъ уваженіи**. Что подразумѣваемъ мы подъ **человѣческимъ уваженіемъ?** — Признаніе человѣчества, человѣческаго права и человѣческаго достоинства въ каждомъ человѣкѣ, какова бы ни была его раса, его цвѣтъ, степень развитія его ума и даже нравственности. Но могу ли я уважать человѣка, если онъ глупъ, золъ, презрѣненъ? Конечно, если онъ обладаетъ этими качествами, то мнѣ невозможно уважать въ немъ **ихъ**, т. е. его подлость, тупоуміе, глупость. Эти качества меня возмущаютъ и порождаютъ во мнѣ отвращеніе: я пріиму противъ нихъ въ случаѣ надобности самыя энергичныя мѣры, и даже убью этого человѣка, если у меня не останется другихъ средствъ защитить свою жизнь, свое право или то, что мнѣ дорого и мной уважаемо. Но во время самой энергичной, ожесточенной и въ случаѣ нужды смертной борьбы съ этимъ человѣкомъ, я долженъ уважать въ немъ его человѣческую природу. — Только этой цѣной я могу сохранить свое собственное человѣческое достоинство. Однако, если этотъ человѣкъ не признаетъ ни въ комъ этого достоинства, можно ли

признавать его въ немъ? Если онъ своего рода дикій звѣрь, если, какъ это иногда случается, хуже чѣмъ звѣрь, можно ли признавать въ немъ человѣческую природу, не будетъ ли это значить вдаваться въ фикціи. Нѣтъ, ибо каково бы ни было его интеллектуальное и моральное паденіе, органически онъ не является ни идіотомъ, ни безумнымъ, — въ каковыхъ случаяхъ съ нимъ надо было бы обращаться не какъ съ преступникомъ, а какъ съ больнымъ, — онъ въ полномъ обладаніи разсудкомъ и даннымъ ему отъ природы, и слѣдовательно его человѣческая природа, среди самыхъ чудовищныхъ уклоненій, все же весьма реально существуетъ въ немъ, **въ качествѣ всегда открытой для него, покуда онъ живъ, возможности возвыситься до сознанія своей человѣчности, — если только произойдетъ коренная перемѣна въ социальныхъ условіяхъ, дѣлавшихъ его тѣмъ, чѣмъ онъ есть.**

Возьмите самую умную, самую способную обезьяну, поставьте ее въ самыя лучшія человѣческія условія, — и все же вы никогда не сдѣлаете изъ нее человѣка. Возьмите самого закоренѣлаго преступника и самого бѣднаго умомъ человѣка; если только ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ какого нибудь органическаго дефекта, опредѣляющаго его идіотизмъ или неизлѣчимую манію, то прежде всего должны будете признать, что если одинъ сдѣлался преступникомъ, а другой еще не возвысился до сознанія своей человѣчности и своихъ человѣческихъ обязанностей, то **виноваты въ этомъ не они сами, а соціальная среда, въ которой они родились и развились.**

Здѣсь мы касаемся самаго важнаго вопроса соціальной науки и науки о человѣкѣ вообще. Мы уже повторяли неоднократно, что мы **абсолютно отрицаемъ свободу воли**, въ томъ смыслѣ, какой приписываютъ этому слову теологія, метафизика и наука о правѣ, т. е. въ смыслѣ произвольнаго самоопредѣленія индивидуальной воли человѣка, независимо отъ всякихъ естественныхъ и соціальныхъ вліяній.

Мы отрицаемъ существованіе души, существованіе духовной субстанціи независимой и отдѣлимой отъ тѣла. Напротивъ того, мы утверждаемъ, что, **подобно тому какъ тѣло индивида, со всѣми своими способностями и инстинктивными предрасположеніями, является ничѣмъ инымъ, какъ производной отъ всѣхъ и частныхъ причинъ, опредѣлившихъ его индивидуальную организацію, — также точно то, что неправильно называется душой: интеллектуальныя и моральныя качества человѣка являются прямымъ произведеніемъ или, лучше сказать, естественнымъ, непосредственнымъ выраженіемъ этой самой организаціи, и именно выраженіемъ степени органическаго развитія, которой достигъ мозгъ, благодаря стеченію независимыхъ отъ воли причинъ.**

Всякій даже самый ничтожный индивидъ, является произведеніемъ вѣковъ; исторія причинъ, способствовавшихъ его образованію не имѣетъ начала. Если бы мы имѣли даръ, которымъ никто не обладаетъ и не будетъ никогда обладать: даръ познать и охватить безконечное многообразіе трансформацій матеріи или Сущаго, которыя фатально происходили отъ рожденія нашего земного шара до рожденія этого индивида, то мы бы могли, никогда даже не видѣвъ, сказать съ почти математической точностью, какова его органическая природа, опредѣлить до малѣйшихъ подробностей мѣру и характеръ его интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей, — однимъ словомъ его **душу**, въ томъ видѣ, какова она въ часъ его рожденія. Но намъ невозможно анализировать и охватить всѣ эти послѣдовательныя трансформаціи, хотя мы можемъ сказать безъ страха ошибаться, что **всякій человѣческій индивидъ**, въ моментъ своего рожденія, является всецѣло продуктомъ историческаго, т. е. физіологическаго и соціальнаго развитія его расы, народа и касты, — если въ его странѣ существуютъ касты, — его семьи, его предковъ и индивидуальной природы его отца и матери, передавшихъ ему непосредственно, путемъ физіологическаго наслѣдства, — въ качествѣ

исходнаго пункта для него и опредѣленія его индивидуальной природы. — всѣ фатальныя послѣдствія ихъ собственнаго предыдущаго существованія, какъ матеріальнаго такъ и нравственнаго, какъ индивидуальнаго такъ и соціальнаго, включая сюда всѣ ихъ мысли, чувства и поступки, включая всѣ разнообразныя событія ихъ жизни и всѣ большія или малыя происшествія, въ которыхъ они принимали участіе, включая сюда равнымъ образомъ безконечное многообразіе случайностей, которымъ они могли подвергаться*) И со всѣмъ тѣмъ, что они наслѣдовали тѣмъ же способомъ отъ родителей.

Намъ нѣтъ надобности напоминать о томъ, чего никто и не думаетъ отрицать, а именно, что различія расъ, народовъ и даже классовъ и семей, опредѣляются причинами географическими, этнографическими, физіологическими, экономическими — (включая

*) Случайности, которымъ подверженъ зародышъ во время своего развитія въ чревѣ матери, совершенно объясняютъ различіе, часто существующее между дѣтьми тѣхъ же родителей и дѣлаютъ для насъ понятнымъ, какимъ образомъ у умныхъ родителей можетъ быть дитя-идіотъ. Но это всегда лишь несчастное исключеніе, происшедшее вслѣдствіе какой-нибудь случайной, минутной причины. Природа, благодаря несуществованію Бога, никогда не бываетъ капризной, ничего не дѣлаетъ безъ достаточной причины, и никогда не мѣняетъ разъ принятаго направленія и стремленія, если только она не принуждена къ этому превосходной силой, такъ что законъ человѣческаго воспроизведенія, образующаго семейство въ послѣдовательности браковъ, выражается такъ: если бы каждая пара прибавляла къ физіологическому наслѣдству своихъ родителей новое физическое, интеллектуальное и моральное развитіе, то—такъ какъ каждое духовное совершенство является совершенствованіемъ мозга, —каждое вновь рождающееся существо должно бы быть во всѣхъ отношеніяхъ выше своихъ родителей.

сюда два крупные вопроса: вопросъ занятій, т. е. вопросъ раздѣленія коллективнаго труда общества и распредѣленія богатства, и вопросъ питанія, какъ въ отношеніи количества, такъ и въ отношеніи качества) — а также причинами историческими, религіозными, философскими, юридическими, политическими и соціальными; и что всѣ эти причины, комбинируясь различнымъ образомъ для каждой расы, каждой націи и чаще всего, для каждой провинціи и для каждой коммуны, для каждаго класса, для каждой семьи, придаютъ каждой особенную физіономію, т. е. различный физіологическій типъ, совокупность особенныхъ предрасположеній и способностей, — **независимо** отъ воли индивидовъ, входящихъ въ составъ группъ и являющихся ихъ всецѣлымъ продуктомъ.

Такимъ образомъ, каждый человѣческій индивидъ, въ моментъ своего рожденія, является **матеріальной, органической производной** отъ всего разнообразія причинъ, которыя скомбинировавшись произвели его. Его душа, т. е. его органическое предрасположеніе къ развитію чувствъ, идей и воли, — является лишь продуктомъ. Она вполнѣ опредѣляется физіологическимъ, индивидуальнымъ качествомъ его мозговой и нервной системы, которая, какъ и все его остальное тѣло, совершенно зависитъ отъ болѣе или менѣе счастливой комбинаціи этихъ причинъ. Она составляетъ собственно то, что мы называемъ **отличительной, первоначальной природой индивида.**

Существуетъ столько же различныхъ характеровъ, сколько и индивидовъ. Эти индивидуальныя различія проявляются тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе они развиваются, или, лучше сказать, они не только проявляются съ большей силой, они дѣйствительно увеличиваются, по мѣрѣ того, какъ индивиды развиваются, потому что различныя вещи, внѣшнія условія, — однимъ словомъ, тысячи, по болшей части неуловимыхъ, причинъ, воздѣйствующимъ на развитіе индивидовъ, — сами по себѣ весьма различны. Это обусловливаетъ то, что чѣмъ болѣе подвигается въ жизни какой

нибудь индивидъ, тѣмъ болѣе обрисовывается его индивидуальная природа, тѣмъ болѣе онъ отличается, какъ своими достоинствами такъ и недостатками отъ всѣхъ другихъ индивидовъ.

До какой степени индивидуальный характеръ или душа, т. е. индивидуальныя особенности мозгового и нервнаго устройства развиты въ новорожденномъ ребенкѣ? Разрѣшеніе этого вопроса является дѣломъ физіологовъ. Мы знаемъ лишь, что всѣ эти особенности должны быть необходимо наслѣдственными въ томъ смыслѣ, который мы пытались объяснить, т. е. опредѣленными безконечностью самыхъ разнообразныхъ причинъ: матеріальныхъ и моральныхъ, механическихъ и физическихъ, органическихъ и духовныхъ, историческихъ, географическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, большихъ и малыхъ, постоянныхъ и случайныхъ, непосредственныхъ и очень отдаленныхъ въ пространствѣ и во времени, и **чья совокупность комбинируется въ единое живое Существо и индивидуализируется въ первый и въ послѣдній разъ, въ потокѣ вселенскихъ видоизмѣненій, единственно лишь въ этомъ ребенкѣ, который въ чисто индивидуальномъ примѣченіи этого слова, никогда не имѣлъ и никогда не будетъ имѣть себѣ подобнаго.**

Остается узнать до какой степени и въ какомъ смыслѣ этотъ индивидуальный характеръ является дѣйствительно опредѣленнымъ, въ моментъ когда дитя выходитъ изъ чрева матери. Является ли это опредѣленіе лишь матеріальнымъ, или же въ то же время духовнымъ и моральнымъ, хотя бы въ качествѣ лишь естественной способности и тенденціи или инстинктивнаго предрасположенія? Рождается ли дитя умнымъ или глупымъ, добрымъ или злымъ, одареннымъ или лишеннымъ воли, предрасположеннымъ къ развитію того или другого таланта? Можетъ ли онъ унаслѣдовать характер, привычки, недостатки или интеллектуальныя и моральныя качества своихъ родителей и предковъ?

Вотъ вопросы, разрѣшеніе коихъ чрезвычайно трудно, и мы не думаемъ, чтобы физіологія и экспериментальная психологія были бы въ настоящее время достаточно зрѣлыми и развитыми чтобы быть въ состояніи отвѣтить на нихъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Нашъ извѣстный соотечественникъ г. Сѣченовъ говоритъ въ своемъ замѣчательномъ трудѣ дѣятельности мозга, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ, $\frac{999}{1000}$ частей психическаго характера индивида*)

. . . .

. . . .

конечно болѣе или менѣе замѣтныя въ человѣкѣ до его смерти. »Я не утверждаю«, говоритъ онъ, чтобы можно было посредствомъ воспитанія передѣлать дурака въ умнаго человѣка. Это также невозможно, какъ дать слухъ индивиду, рожденному безъ акустическаго нерва. Я думаю лишь, что взявъ съ дѣтства естественно умнаго негра, лапонца или самоѣда, можно бы изъ нихъ сдѣлать при помощи европейскаго воспитанія, въ самой средѣ европейскаго общества, людей, очень мало отличающихся въ психическомъ отношеніи отъ цивилизованнаго европейца.

Устанавливая это отношеніе между $\frac{999}{1000}$ частей психическаго характера, происходящихъ, согласно ему, изъ воспитанія, и только одной тысячной, оставляемой имъ на долю наслѣдственности, г. Сѣченовъ не подразумѣвалъ, конечно, исключеній: геніальныхъ и необыкновенно талантливыхъ людей, или идіотовъ и дураковъ. Онъ говоритъ лишь о громадномъ большинствѣ людей, одаренныхъ обыкновенными или средними способностями. Они являются, съ точки зрѣнія соціальной организаціи самыми интересными, мы сказали бы даже, единственно интересными, — ибо общество создано ими и для нихъ, а не для исключеній, не для геніальныхъ людей, какъ бы ни казалось безмѣрнымъ могущество этихъ послѣднихъ.

---

*) Здѣсь недостаетъ нѣсколькихъ строчекъ (Прим. изд.).

Что насъ особенно интересуетъ въ этомъ вопросѣ, это узнать: могутъ ли, подобно интеллектуальнымъ способностямъ, также и **моральныя качества** — доброта или злость, храбрость или трусость, сила или слабость характера, великодушіе или жадность, эгоизмъ или любовь къ ближнему и другія положительныя или отрицательныя качества этого рода, — могутъ ли они быть физіологически унаслѣдованы отъ родителей, предковъ, или независимо отъ наслѣдства образоваться въ силу какой-либо случайной, извѣстной или неизвѣстной причины, которой подвергся ребенокъ во чревѣ матери? — Однимъ словомъ, можетъ ли ребенокъ принести, рождаясь, какія нибудь **готовыя моральныя предрасположенія?**

Мы этого не думаемъ. Чтобы лучше поставить вопросъ, замѣтимъ во первыхъ, что если бы существованіе **врожденныхъ** моральныхъ качествъ было допустимо, то это могло бы быть лишь при условіи, чтобъ онѣ были связаны въ новорожденномъ ребенкѣ съ какой нибудь физіологической, чисто матеріальной особенностью его организма: дитя, выходя изъ чрева своей матери, не имѣетъ еще ни души, ни ума, ни чувствъ, ни даже инстинктовъ; оно рождается для всего этого; оно является лишь физическимъ существомъ, и его способности и качества, если оно ихъ имѣетъ, могутъ быть лишь анатомическими и физіологическими. Поэтому, для того, чтобы дитя могло родиться добрымъ, великодушнымъ, самоотверженнымъ, смѣлымъ или же злымъ, скупымъ, эгоистомъ и трусомъ, надо бы, чтобы каждое изъ этихъ достоинствъ или недостатковъ соотвѣтствовало какой нибудь матеріальной и, такъ сказать, мѣстной особенности его организма и спеціально его мозга, а такое предположеніе вернуло бы насъ въ системѣ Галля, который думалъ, что онъ нашелъ для каждаго качества и для каждаго недостатка соотвѣтствующія шишки и впадины на черепѣ. Система эта, какъ извѣстно, единогласно отвергнута современными физіологами.

Но если бы она была основательна, что бы отсюда

вытекало? Разъ недостатки и пороки, такъ же какъ и хорошія качества врождены, то остается узнать, могутъ ли они быть побѣждены воспитаніемъ или нѣтъ? Въ первомъ случаѣ вина во всѣхъ преступленіяхъ, сдѣланныхъ людьми, падала бы на общество, не сумѣвшее дать имъ надлежащее воспитаніе, а не на нихъ, могущихъ быть напротивъ того разсматриваемыми, какъ жертвы соціальной непредусмотрительности. Во второмъ случаѣ, разъ **врожденныя предрасположенія** признаны фатальными и непоправными, обществу не остается ничего другого какъ отдѣлаться отъ всѣхъ индивидовъ, запечатлѣнныхъ какимъ нибудь естественнымъ, врожденнымъ порокомъ. Но, дабы не впасть въ отвратительный порокъ лицемѣрія, общество должно бы признать, что оно дѣлаетъ это единственно въ интересахъ своего сохраненія, а не справедливости.

Есть еще одно соображеніе, могущее способствовать уясненію этого вопроса: въ мірѣ интеллектуальномъ и моральномъ, какъ и въ мірѣ физическомъ, существуетъ только положительное; отрицательное не существуетъ, оно не есть что-нибудь само по себѣ, а лишь болѣе или менѣе значительно уменьшеніе положительнаго. Такъ, напримѣръ, холодъ является лишь извѣстнымъ состояніемъ тепла, это лишь относительное отсутствіе, лишь очень значительное уменьшеніе тепла! Такъ же обстоитъ дѣло съ мракомъ, являющимся лишь свѣтомъ уменьшеннымъ до-нельзя . . . Мракъ и холодъ не существуютъ. Въ мірѣ интеллектуальномъ глупость является ничѣмъ инымъ, какъ слабостью ума, а въ нравственности недоброжелательство, жадность, трусость являются лишь доброжелательствомъ, великодушіемъ и храбростью, приведенными не къ нулью, но къ очень малому количеству. Какъ бы мало ни было это количество, все же оно положительное, и которое можетъ быть развито, усиленно, и увеличено, воспитаніемъ въ положительномъ смыслѣ, — что было бы невозможно, если бы пороки или отрицательныя качества являлись отдѣльными свойствами. Тогда ихъ

надо было бы убивать, а не развивать, ибо развитіе ихъ могло бы въ такомъ случаѣ произойти лишь въ отрицательномъ смыслѣ.

Наконецъ, не позволяя себѣ предрѣшать эти важные физіологическіе вопросы, относительно которыхъ мы не скрываемъ своего полнаго невѣжества, прибавимъ лишь, опираясь на единогласный авторитетъ всѣхъ современныхъ физіологовъ, послѣднее соображеніе. Какъ кажется, констатировано и доказано, что въ человѣческомъ организмѣ нѣтъ отдѣльныхъ районовъ и органовъ для инстинктивныхъ, аффективныхъ, моральныхъ и интеллектуальныхъ способностей и что всѣ вырабатываются **въ одной и той же части мозга** посредствомъ **одного и того же нервнаго механизма***). Отсюда съ очевидностью вытекаетъ, что не можетъ быть вопроса различныхъ нравственныхъ или безнравственныхъ предрасположеніяхъ, фатально опредѣляющихъ въ самомъ организмѣ ребенка наслѣдственныя и врожденныя достоинства или пороки, и что **моральная врожденность** ни въ какомъ отношеніи не обособляется отъ **интеллектуальной врожденности**, ибо и та и другая сводятся къ большей или меньшей

*) См. замѣчательную статью Литтре: »О методѣ въ психологіи« въ журналѣ: »Позитивная Философія«. Физіологически установлено, говоритъ знаменитый позитивистъ, **что мозгъ ничего не создаетъ; онъ лишь воспринимаетъ.** Его функціи заключаются въ перерабатываніи того, что ему передается (ощущеніе) въ желанія и идеи; **но самъ не приноситъ своего въ то, что составляетъ сущность этихъ идей и этихъ чувствъ.** По правдѣ сказать, все дается ему извнѣ, ибо органическія состоянія, безъ которыхъ не поддерживается ни индивидуальная, ни коллективная жизнь и безъ которыхъ не было бы и чувства, **являются внѣшними** (для человѣка), и природа осуществляетъ ихъ независимо отъ всякаго мозга и всякой психики, въ растеніяхъ и въ особенности въ низшихъ животныхъ. Отсюда вытекаетъ, что надо отчасти измѣнить смыслъ

степени совершенства, достигнутаго вообще развитіемъ мозга.

»Разъ признаны анатомическія и физіологическія свойства ума«, говоритъ Литтре (стр. 355), »то можно проникнуть въ самую глубь его исторіи. Покуда умъ не былъ видоизмѣненъ и обогащенъ цивилизаціей, онъ обладалъ лишь простыми идеями*), производимыми какъ внутренними, такъ и внѣшними⁑) впечатлѣніями, и находился такимъ образомъ на низшей ступени развитія; для того, чтобы подняться выше, умъ обладаетъ лишь способностью задерживательной и обобщающей⁂), но этого достаточно. Мало по малу образуются сложныя комбинаціи, увеличающія силу и поле мозговой дѣятельности†); наконецъ, подвигаясь все впередъ, человѣкъ доходитъ до крупныхъ интеллектуальныхъ работъ. **Умственная машина** увеличивается и совершенствуется, а безъ машины нельзя сдѣлать ничего значительнаго ни въ интеллектуальной области, ни въ области промышленной.

слова: **субъективное.** Субъективнымъ можетъ быть названо то, что предшествуетъ развитію человѣческаго существа, какъ-то: **я**, идея, чувство, идеалъ. Субъективной можетъ быть названа лишь **перерабатывающая способность нервныхъ клѣтокъ**; во всемъ остальномъ субъективное всегда смѣшано съ объективнымъ (№111, стр. 302).—А на стр. 343—344, Литтре говоритъ еще: »Разсудокъ не является способностью, властвующей надъ принесенными ему впечатлѣніями; его единственное дѣло (чисто физіологическое) состоитъ въ сравненіи ихъ между собой для полученія заклю-

*) Мы сказали бы первичными познаніями или даже простыми представленіями предметовъ.

⁑) Чувственныя впечатлѣнія, получаемыя индивидомъ посредствомъ его нервовъ отъ внѣшнихъ и внутреннихъ предметовъ.

⁂) Удерживаніе простыхъ идей въ памяти и обобщеніе ихъ дѣятельностью мозга.

†) Посредствомъ ассоціаціи простыхъ идей.

По мѣрѣ того, какъ совершается это вырабатываніе, оно призываетъ къ себѣ на помощь важное свойство жизни, а именно **наслѣдственность**, которая способствуетъ закрѣпленію его въ настоящемъ и облегченію въ будущемъ. **Новыя умственныя способности, будучи разъ пріобрѣтенными, передаются** — это экспериментальный фактъ — **потомкамъ подъ формой врожденностей**; врожденностей вторичныхъ, третичныхъ, которыя, въ умственной области, создаютъ породы усовершенствованныхъ человѣческихъ расъ. Это замѣтно, когда встрѣчаются народности, прошедшія чрезъ разное развитіе; низшая или исчезаетъ или лишь медленно достигаетъ до уровня высшей«.

Ниже, процитировавъ слова Люиса: »Мозговая сфера, гдѣ царятъ страсти впечатлительности и та, гдѣ гнѣздятся чисто интеллектуальныя проявленія соединены узами тѣсной и внутренной связи« — Литтре прибавляетъ*):

»**Это совершенное подобіе между интеллектомъ и чувствомъ**, а именно источникомъ гдѣ нервы получа-

---

ченія: но онъ не имѣетъ надъ ними никакой высшей власти. **Галлюцинаціи** доказываютъ это: галлюцинація это созданіе впечатлѣній, не вызванныхъ ничѣмъ объективнымъ. Въ силу болѣзненной игры нервныхъ клѣтокъ, приспособленныхъ къ передачѣ впечатлѣній, призрачныя впечатлѣнія притекаютъ къ интеллектуальному центру (»сѣрое вещество оболочки той части мозга, которая занимаетъ всю верхнюю и нижнюю часть черепнаго углубленія или мозга въ собственномъ смыслѣ«) какъ будто бы они были настоящими. Разсудокъ, воспринимая ихъ, по необходимости работаетъ надъ фиктивнымъ матеріаломъ, и вотъ являются воображаемыя представленія. Кромѣ того, совершенно подобное же доказательство, за исключеніемъ лишь патологическаго элемента, доставляется развитіемъ человѣческихъ идей въ исторіи. **Въ началѣ наблюденія,—за исключеніемъ самыхъ простыхъ,— ошибо-**

*) Стр. 357.

ютъ*), и центромъ гдѣ то, что ими получается, перерабатываемо⁑), вмѣстѣ съ тождественностью этихъ двухъ центровъ, все это означаетъ, что **физіологія чувства не можетъ разниться отъ физіологіи интеллекта.**

»Вслѣдствіе этого, **пришлось отказаться найти въ мозгѣ органы для влеченій и страстей, и признать въ немъ лишь различнаго рода впечатлительныхъ процессовъ, которыхъ то и надлежитъ опредѣлить.**

»Источникомъ идей являются чувственныя впечатлѣнія, источникомъ чувствъ — впечатлѣнія инстинктивныя. Дѣло нервныхъ клѣточекъ заключается въ перерабатываніи въ чувства инстинктивныя впеча-

---

чны, и сужденія тоже ошибочны имъ во слѣдъ. Люди видятъ, что солнце встаетъ на востокѣ и заходитъ на западѣ, и основываясь на этомъ, разсудокъ построетъ невѣрное заключеніе, которое впослѣдствіи исправляется лишь благодаря лучшимъ наблюденіямъ. Если бы разсудокъ былъ первичной, а не вторичной способностью, то человѣческая исторія была бы иной (человѣчество не имѣло бы предкомъ брата гориллы). Тогда бы великія истины были познаваемы раньше всего, и изъ нихъ бы силлогическимъ путемъ вытекали второстепенныя истины: такова и есть теологическая гипотеза« . . . Г. Литтре могъ бы прибавить: а также метафизическая и юридическая.

*) Источникъ, гдѣ нервы почерпаютъ какъ чувственныя, такъ и инстинктивныя впечатлѣнія, или **общій сенсоріумъ**, является, по мнѣнію Литтре и Люиса, **оптическій строй**, куда приходятъ всѣ, какъ внѣшнія, такъ и внутреннія впечатлѣнія—т. е. произведенныя внѣшними предметами, или же явившіяся изъ нѣдръ организма—и который (оптическій слой) »системой волоконъ и соединеній передаетъ эти впечатлѣнія сѣрому веществу оболочки собственно мозга-центра, какъ аффективныхъ, такъ и интеллектуальныхъ способностей« (стр. 340—41).

⁑) Сѣрое вещество мозга, состоящее изъ нервныхъ клѣточекъ: »Установлено, что нервныя клѣточки, составляющія вещество мозга, являясь анатоми-

тлѣнія. Проблема происхожденія чувствъ совершенно паралельна проблемѣ происхожденія идей.

Этотъ родъ мозговой дѣятельности упражняется надъ двумя сортами инстинктивныхъ впечатлѣній, надъ тѣми, которые принадлежатъ къ инстинктамъ поддержанія индивидуальной жизни и надъ тѣми, которыя принадлежатъ къ инстинктамъ поддержанія жизни рода. Первая категорія перерабатывается въ себялюбіе, вторая въ любовь къ другимъ, подъ первобытной формой любви матери къ ребенку и ребенка къ матери.

»Съ этой точки зрѣнія, не излишенъ взглядъ на сравнительную физіологію. У рыбъ, стоящихъ въ мозговомъ отношеніи на самой низшей ступени лѣстницы позвоночныхъ и не знающихъ ни семьи, ни дѣтенышей, инстинктъ остается чисто половымъ. Но чувства, порождаемыя имъ, начинаютъ проявляться въ нѣкоторыхъ млекопитающихся и птицахъ: устанавливается настоящее сожительство, но по большей части оно лишь временно. Также точно обстоитъ дѣло съ зарожденіемъ семейныхъ отношеній между родителями и дѣтенышами. Наконецъ у иныхъ животныхъ, и между прочимъ у человѣка, между различными семьями образуются такого же рода отношенія, какъ между членами одной и той же семьи: тамъ и сямъ, среди животныхъ зарождается общественность. Разъ основанія такимъ образомъ установлены, то нетрудно понять, что первобытныя чувства, по мѣрѣ осложненія существованія, какъ для индивида, такъ и для общества, преобразуются во вторичныя чувства и въ ком-

чески послѣднимъ окончаніемъ нервовъ и мѣстомъ стока всѣхъ внутреннихъ впечатлѣній, предназначены для переработки этихъ впечатлѣній въ идеи; затѣмъ, для сужденія о сходствѣ или различіи уже произведенныхъ идей, для задержанія ихъ въ памяти, для соединенія ихъ въ ассоціаціи. Ни болѣе, ни менѣе. Все интеллектуальное развитіе человѣка имѣетъ своей исходной точкой эти анатомическія и физіологическія условія« (стр. 352).

бинаціи чувствъ, дѣлающіяся столь же нераздѣльными, какъ нераздѣльны въ интеллектѣ ассоціированныя идеи« (стр. 357).

Такимъ образомъ, кажется, установлено, что въ мозгу не существуетъ спеціальныхъ органовъ, ни для различныхъ интеллектуальныхъ способностей, ни для различныхъ моральныхъ качествъ, аффектовъ и страстей, добрыхъ или злыхъ. Слѣдовательно, ни достоинства, ни недостатки не могутъ быть унаслѣдованы, врождены, ибо, какъ мы сказали, эта наслѣдственость и врожденность можетъ быть въ новорожденномъ лишь физіологичной, матеріальной. Въ чемъ же можетъ заключаться прогрессивное исторически передаваемое совершенствованіе мозга, какъ въ интеллектуальномъ, такъ и въ моральномъ отношеніи? Единственно въ гармоничномъ развитіи всей мозговой и нервной системы, т. е. какъ вѣрности, тонкости и живости нервныхъ впечатлѣній, такъ и въ способности мозга перерабатывать эти впечатлѣнія въ чувства, въ идеи и комбинировать, охватывать и удерживать все болѣе и болѣе широкія ассоціации чувствъ и идей.

Весьма вѣроятно, что въ случаѣ если какая нибудь раса, нація, классъ или семья, вслѣдствіе своей отличительной природы, всегда обусловленной ея исторіей, ея географическимъ и экономическимъ положеніемъ, характеромъ ея занятій, величиной и качествомъ ея пищи, такъ же какъ ея политической и соціальной организаціей, однимъ словомъ всей ея жизнью и большей или меньшей степенью ея интеллектуальнаго и моральнаго развитія, — что въ случаѣ если вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій, одна или нѣсколько системъ органическихъ функціи, чья совокупность образуетъ жизнь человѣческаго тѣла, будутъ развиты въ ущербъ всѣмъ прочимъ системамъ, въ родителяхъ, — весьма вѣроятно, почти несомнѣнно, говоримъ мы, что ихъ дитя унаслѣдуетъ въ той или иной степени туже плачевную дисгармонію, — съ возможностью, правда, исправить ея до нѣкоторой степени, благодаря своей собственной будущей работѣ надъ са-

мимъ собой, а иногда, также благодаря соціальнымъ революціямъ, безъ которыхъ установленіе болѣе полной гармоніи въ физіологическомъ развитіи индивидовъ, взятыхъ въ абсолютности, можетъ быть часто невозможнымъ.

Во всякомъ случаѣ, надо сказать, что абсолютная гармонія въ развитіи человѣческаго тѣла, а слѣдовательно и въ развитіи человѣческихъ мускульныхъ, инстинктивныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ способностей, является идеаломъ, который никогда нельзя будетъ осуществить; во первыхъ потому, что исторія физіологически тяготѣетъ болѣе или менѣе (и да придетъ время, когда можно будетъ сказать: все менѣе и менѣе) — надъ всѣми народами и надъ всѣми индивидами; и затѣмъ потому, что всякая семья и всякій народъ являются всегда поставленными въ различныя условія между которыми, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя будутъ всегда противуположны полному и нормальному развитію людей.

Итакъ, то, что передается наслѣдственнымъ путемъ изъ поколѣнія къ поколѣнію, то, что можетъ быть физіологически врожденнымъ въ индивиды, рождающіеся къ жизни, это не достоинства или недостатки, это не идеи или ассоціаціи чувствъ и идей, а единственно лишь мускульный и нервный механизмъ, болѣе или менѣе усовершенствованные и сгармонизованные органы, посредствомъ которыхъ человѣкъ движется, дышетъ, ощущаетъ себя, получаетъ внѣшнія впечатлѣнія и схватываетъ, воображаетъ, судитъ, комбинируетъ, ассоціируетъ и понимаетъ чувства и идеи, являющіяся, ничѣмъ инымъ, какъ тѣми же самыми, какъ внѣшними, такъ и внутренними впечатлѣніями, сгруппированными и переработанными въ началѣ, въ конкретныя представленія, затѣмъ въ абстрактныя понятія, при помощи чисто физіологической и, прибавимъ еще, совершенно непроизвольной дѣятельности мозга.

Ассоціаціи чувствъ и идей, послѣдовательное развитіе и видоизмѣненіе которыхъ составляютъ всю ин-

теллектуальную и моральную часть исторіи человѣчества, не обусловливают образованіе въ человѣческомъ мозгу новыхъ органовъ, соотвѣтствующихъ каждой отдѣльной ассоціаціи, и слѣдовательно не могутъ быть переданы индивидамъ путемъ физіологической наслѣдственности. Физіологически наслѣдуется, лишь все болѣе и болѣе усиленная, расширенная и усовершенствованная способность понимать ихъ и создавать новыя. Но сами ассоціаціи и представляющія ихъ сложныя идеи, какъ напримѣръ, идея бога, отечества, нравственности и т. д., не могутъ быть врожденными и передаются индивидамъ лишь путемъ общественной традиціи и воспитанія. Онѣ схватываютъ ребенка съ перваго дня его рожденія, и такъ какъ онѣ уже воплотились въ окружающей его жизни, во всѣхъ, какъ матеріальныхъ, такъ и моральныхъ подробностяхъ соціальнаго міра, въ которомъ онъ родился, то они проникаютъ тысячью различныхъ способовъ въ его, въ началѣ еще дѣтское, затѣмъ отроческое и юношеское сознаніе, которое рождается, растетъ и образуется подъ ихъ всесильнымъ вліяніемъ.

Беря воспитаніе въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, понимая подъ нимъ не только обученіе и уроки нравственности, но и, главнымъ образомъ, примѣры, являемые ребенку всѣми окружающими лицами; вліяніе всего, что онъ слышитъ, что онъ видитъ; понимая подъ этимъ словомъ, не только умственное образованіе ребенка, но также развитіе его тѣла посредствомъ питанія, гигіены, физическихъ упражненій, — мы скажемъ съ полной увѣренностью, и никто намъ серьезно не будетъ противорѣчить, что всякое дитя, всякій юноша и, наконецъ, всякій взрослый человѣкъ является всецѣлымъ произведеніемъ міра, который вскормилъ его и воспиталъ въ своей средѣ, — произведеніемъ фатальнымъ, невольнымъ и, слѣдовательно, безотвѣтственнымъ.

Человѣкъ приходитъ въ жизнь безъ души, безъ сознанія, безъ тѣни какой нибудь идеи или чувства, но съ организмомъ, чья индивидуальная природа явля-

ется опредѣленной безконечнымъ числомъ обстоятельствъ и условій, предшествовавшихъ самому рожденію воли, и которая (индивидуальная природа) въ свою очередь обусловливаетъ большую или меньшую способность человѣка къ воспріятію и присвоенію чувствъ, идей и ассоціацій чувствъ и идей, выработанныхъ вѣками и переданныхъ каждому какъ **общественное наслѣдство,** при помощи полученнаго каждымъ воспитанія. Плохо это воспитаніе или хорошо, но оно выпадаетъ человѣку помимо его воли, онъ во всемъ этомъ нисколько не отвѣтственъ. Оно преобразуетъ человѣка, насколько это позволяетъ болѣе или менѣе удачная индивидуальная природа послѣдняго, такъ сказать, по своему образу, такъ что человѣкъ думаетъ, чувствуетъ и желаетъ то же самое, что думаютъ, чувствуютъ и хотятъ всѣ его окружающіе.

Но, въ такомъ случаѣ, спросятъ, можетъ быть, какъ же объяснить, что воспитанія, по внѣшности, по крайней мѣрѣ, почти тождественныя, часто производятъ самые различные результаты относительно развитія характера, ума и сердца? А развѣ не различны при рожденіи индивидуальные организмы? Это естественное и врожденное различіе, сколь бы ни было оно мало, является однако положительнымъ и реальнымъ: различіе въ темпераментѣ, въ жизненной энергіи, въ преобладаніи одного чувства, одной группы органическихъ функцій надъ другой, въ естественной живости и способности. Мы постарались доказать, что пороки такъ же какъ и моральныя качества, — факты индивидуальнаго и общественнаго сознанія, — не могутъ быть фактически унаслѣдованы и что никакое физіологическое свойство не можетъ приговорить человѣка ко злу, и сдѣлать его непоправимо неспособнымъ къ добру; но мы не думали отрицать, что есть очень различные индивидуальные организмы, изъ которыхъ одни болѣе счастливо одаренные, способны къ болѣе широкому человѣческому развитію, чѣмъ другіе. Правда, мы думаемъ, что въ настоящее время излишне преувеличиваются естественныя различія ме-

жду индивидами, и что наибольшую часть нынѣ существующихъ различій, надо приписывать не столько природѣ, сколько различному воспитанію, полученному каждымъ.

Для разрѣшенія этого вопроса надо было бы во всякомъ случаѣ, чтобы двѣ науки, могущія его разрѣшить а именно: физіологическая психологія, или наука о мозгѣ, и педагогія, или наука о воспитаніи и общественномъ развитіи мозга, вышли изъ дѣтскаго состоянія, въ которомъ онѣ обѣ еще пребываютъ. Но разъ установлено физіологическое различіе между индивидами, въ какой бы то ни было степени, то съ совершенной очевидностью вытекаетъ, что какая-нибудь система воспитанія, сама по себѣ превосходная, если ее разсматривать абстрактно, можетъ быть хороша для одного и дурна для другого.

Для того, чтобы быть совершеннымъ, воспитаніе должно бы быть гораздо болѣе индивидуализированнымъ, чѣмъ оно является теперь: индивидуализировано въ духѣ свободы и единственно посредствомъ уваженія свободы, даже и въ дѣтяхъ. Оно должно стремиться не къ дрессировкѣ характера, ума и сердца, а къ ихъ пробужденію къ независимой и свободной дѣятельности. Оно должно не имѣть другой цѣли, какъ развитіе свободы, не имѣть другого культа, или лучше сказать, другой морали, другого объекта уваженія, какъ свободу каждаго и всѣхъ; какъ простую справедливость, не юридическую, а человѣческую; какъ простой разумъ, не теологическій, не метафизическій, а научный: и, наконецъ, оно должно основываться на трудѣ, какъ мускульномъ, такъ и нервномъ; на трудѣ, какъ первомъ и обязательномъ для всѣхъ, основаніи всякаго достоинства, всякой свободы и права. Такое воспитаніе, широко распространенное на всѣхъ, на женщинъ, какъ и на мужчинъ, при экономическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, основанныхъ на точной справедливости, такое воспитаніе заставило бы исчезнуть много такъ называемыхъ естественныхъ различій.

Намъ могутъ возразить: хорошо, пусть современное воспитаніе несовершенно, но во всякомъ случаѣ имъ однимъ нельзя объяснить тотъ неоспоримый фактъ, что часто въ средѣ семействъ, наиболѣе лишенныхъ нравственнаго чувства, можно встрѣтить личностей, поражающихъ насъ благородствомъ своихъ инстинктовъ и чувствъ, и что напротивъ того еще чаще, въ средѣ самыхъ развитыхъ въ нравственномъ и интеллектуальномъ отношеніи семей, встрѣчаются индивиды, низменные по уму и по сердцу. Но это лишь видимое противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ, хотя мы и сказали, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ, человѣкъ является всецѣло произведеніемъ соціальныхъ условій, въ средѣ которыхъ онъ развивается; хотя мы и оставили сравнительно малую долю вліянія физіологическому наслѣдству, естественнымъ качествамъ, съ которыми человѣкъ уже рождается, тѣмъ не менѣе, мы не отрицали и этого вліянія. Мы признали даже, что въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, въ людяхъ геніальныхъ и очень талантливыхъ, такъ же, какъ въ идіотахъ и въ людяхъ нравственно очень испорченныхъ, это вліяніе или естественное опредѣленіе развитія индивида — опредѣленіе столь же фатальное, какъ и вліяніе воспитанія и общества, — можетъ быть очень велико. Послѣднее слово относительно всѣхъ этихъ вопросовъ принадлежатъ физіологіи мозга, а эта послѣдняя еще не достигла той степени развитія, чтобы быть въ состояніи разрѣшить ихъ даже приблизительно. Единственная вещь, которую мы можемъ сегодня съ увѣренностью утверждать, такъ это то что, всѣ эти вопросы бьются между двумя фатализмами: фатализмомъ естественнымъ, органическимъ, физіологически наслѣдственнымъ, и фатализмомъ общественнаго, экономическаго и политическаго устройства каждой страны. Между этими двумя фатализмами нѣтъ мѣста для свободы воли.

Но помимо естественнаго, положительнаго или отрицательнаго характера индивида, который можетъ поставить его въ большее или меньшее противорѣчіе

съ духомъ, царящимъ въ семьѣ, могутъ существовать для каждаго отдѣльнаго случая еще другія тайныя причины, которыя въ большинствѣ случаевъ такъ и остаются невѣдомым, но которыя должны быть нами приняты, тѣмъ не менѣе, въ разсчетъ. Стеченіе особыхъ обстоятельствъ, неожиданное событіе, иногда даже очень незначительный самъ по себѣ случай: нечаянная встрѣча какого нибудь человѣка, книга, попавшаяся въ руки даннаго индивида въ надлежащій моментъ — все это, въ ребенкѣ, въ подросткѣ, въ юношѣ, чье воображеніе кипитъ и еще совершенно открыто для впечатлѣній жизни, можетъ произвести коренной переворотъ какъ къ добру, такъ и ко злу. Прибавьте упругость, свойственную всѣмъ молодымъ характерамъ, въ особенности когда они одарены извѣстной естественной энергіей, которая заставляетъ ихъ реагировать противъ излишне повелительныхъ и настойчиво деспотичныхъ вліяній, и благодаря которой иногда даже избытокъ зла можетъ породить добро.

Можетъ ли въ свою очередь породить зло избытокъ добра или то, что обыкновенно называется этимъ именемъ? Да, когда добро налагается, какъ деспотическій, абсолютный законъ, религіозный доктринерно-философскій, политическій, юридическій, соціальный или семейно-патріархальный, — однимъ словомъ, когда, сколь бы оно ни было или не казалось хорошимъ, оно налагается на индивида въ качествѣ отрицанія свободы, и не является ея продуктомъ. Но въ такомъ случаѣ возстаніе противъ добра, налагаемаго такими способами, является не только естественнымъ, но и законнымъ; возстаніе это, не только не зло, а, напротивъ, добро; ибо не существуетъ добра внѣ свободы, а свобода является источникомъ и абсолютнымъ условіемъ всякаго добра, которое истинно достойно этого слова: **вѣдь добро — это ничто иное какъ свобода***).

*) На этомъ кончается аргументація первой части »Антитеологизма«. Изъ второй части сохранилось только начальныя двадцать семь строчекъ, которыя читатель найдетъ въ приложеніи въ концѣ книги.

Двѣ Статьи изъ журналовъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ

I.

ПОЛИТИКА ИНТЕРНАЦІОНАЛА*).

»Мы думали до сихъ поръ«, говоритъ газета »La Montagne«, »что какъ политическія, такъ и религіозныя убѣжденія человѣка находятся въ полнѣйшей независимости отъ принадлежности его къ Интернаціоналу. Что касается насъ, то мы придерживаемся такой точки зрѣнія«.

На первый взглядъ можетъ показаться, что г. Куллери**) правъ. Дѣйствительно, Интернаціоналъ, принимая новаго члена въ свою среду, не спрашиваетъ у него религіозенъ ли онъ или атеистъ, принадлежитъ ли онъ къ той или другой политической партіи. Онъ просто спрашиваетъ у него: рабочій ли ты? И если нѣтъ, то хочешь ли, чувствуешь ли потребность и силу искренно и всецѣло отдаться дѣлу рабочихъ, посвятить себя ему, оставляя въ сторонѣ всякія другія стремленія, идущія въ разрѣзъ съ интересами рабочихъ?

---

*) Въ первые напечатана въ газетѣ »Egalite«, въ августѣ 1869 г.

**) Куллери—главный редакторъ цитированной газеты, членъ Интернаціонала, хотя въ социалистическомъ отношеніи очень неопредѣленная личность [Прим. изд.].

Чувствуешь ли ты, что рабочіе, которые производять всѣ богатства міра, которые являются творцами цивилизаціи, которые завоевали всѣ буржуазные свободы, сами осуждены выносить нищету, невѣжество и рабство? Понялъ ли ты, что главной причиной всѣхъ несчастій рабочаго класса, является нищета? И что эта нищета составляющая удѣлъ рабочихъ всего міра, является необходимымъ слѣдствіемъ экономическаго строя современнаго общества, а именно, слѣдствіемъ порабощенія труда, т. е. пролетаріата — капиталомъ, т. е. буржуазіей?

Понялъ ли ты, что между пролетаріатомъ и буржуазіей всегда существуетъ непримиримый антагонизмъ, такъ какъ онъ является неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ихъ взаимныхъ отношеній? Что благоденствіе буржуазнаго класса несовмѣстимо съ благосостояніемъ и свободой рабочихъ, ибо оно основано на эксплуатаціи и рабствѣ труда и, что по той же причинѣ, процвѣтаніе и развитіе чувства человѣческаго достоинства въ рабочихъ массахъ требуетъ уничтоженія буржуазіи, какъ отдѣльнаго класса? Что, слѣдовательно, борьба между пролетаріатомъ и буржуазіей — неизбѣжна и можетъ окончиться только съ уничтоженіемъ послѣдней?

Понялъ ли ты, что ни одинъ рабочій, какъ бы развитъ и энергиченъ онъ не былъ, не способенъ въ отдѣльности бороться противъ столь хорошо организованнаго могущества буржуазіи, представителемъ и опорой которой является государство, — всякое государство? Что для того, чтобы стать сильнымъ, ты долженъ объединиться не съ буржуазіей, что было бы съ твоей стороны глупостью или преступленіемъ, такъ какъ всѣ буржуа, какъ таковые, наши непримиримые враги; и не съ рабочими-измѣнниками, которые настолько подлы, что готовы испрашивать благосклонность буржуазіи, — но объединиться съ честными энергичными рабочими, искренно стремящимися къ тому, чего жаждешь и ты?

Понялъ ли ты, что, имѣя передъ собою могучую коалицію всѣхъ привилегированныхъ классовъ, всѣхъ собственниковъ, капиталистовъ и всѣхъ государствъ міра, отдѣльный изолированный союзъ, мѣстный или національный, принадлежащій хотя бы къ одной изъ величайшихъ странъ Европы, никогда не можетъ побѣдить; и для того, чтобы устоять противъ этой коалиціи и сокрушить ее, необходимо объединеніе всѣхъ рабочихъ организацій, мѣстныхъ и національныхъ, въ одинъ всемірный союзъ, необходимъ **великій международный союзъ рабочихъ всѣхъ странъ?**

Если ты это чувствуешь, если ты это все хорошо понялъ и если ты дѣйствительно всего этого хочешь — прійди къ намъ, каковы бы ни были твои политическія и религіозныя убѣжденія. Но для того, чтобы мы тебя приняли, ты долженъ намъ обѣщать: во первыхъ, подчинять отнынѣ твои личные интересы, даже интересы твоей семьи, а также и проявленія твоихъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, высшимъ интересамъ нашего союза: борьбѣ труда съ капиталомъ, рабочихъ съ буржуазіей на экономической почвѣ; во вторыхъ, никогда не вступать въ сдѣлки съ буржуазіей въ виду личныхъ выгодъ; въ третьихъ, никогда не стремиться возвыситься изъ-за личныхъ выгодъ надъ рабочей массой, что сдѣлало бы изъ тебя буржуа — врага и эксплуататора пролетаріата, такъ какъ вся разница между буржуа и рабочими та, что первые ищутъ своего блага всегда внѣ коллективности, а вторые ищутъ и желаютъ добыть его вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые работаютъ и которыхъ эксплуатируетъ классъ буржуазіи; въ четвертыхъ, быть всегда вѣрнымъ рабочей солидарности, такъ какъ на малѣйшую измѣну этой солидарности Интернаціоналъ смотритъ, какъ на величайшее преступленіе и какъ на величайшую гнусность, которую только можетъ совершить рабочій. Однимъ словомъ, ты долженъ вполнѣ и искренно принять наши общіе статуты, ты долженъ дать торжественное обѣщаніе сообразовать съ ними отнынѣ всѣ твои дѣйствія и всю твою жизнь.

Мы думаемъ, что основатели Интернаціонала поступили очень умно, не касаясь первоначально въ программѣ Союза политическихъ и религіозныхъ вопросовъ. У нихъ самихъ были, несомнѣнно, ясные и опредѣленные политическіе и антирелигіозные взгляды, но они воздержались отъ занесенія ихъ въ программу, такъ какъ главной ихъ цѣлью было прежде всего объединеніе рабочихъ массъ всего цивилизованнаго міра, ради общаго дѣла. Они должны были искать общаго основанія, рядъ простыхъ принциповъ, на которыхъ могли бы сойтись всѣ рабочіе, каковы бы ни были ихъ политическія и религіозныя заблужденія, лишь бы они были дѣйствительные рабочіе, т. е. тяжело эксплуатируемые и страдающіе.

Если бы они подняли знамя какой нибудь политической или антирелигіозной школы, они никогда не объединили бы рабочихъ Европы, но еще болѣе разъединили бы ихъ. Такъ какъ благодаря невѣжеству рабочихъ, корыстолюбивая и въ высшей степени развращающая пропаганда священниковъ, правительствъ и всѣхъ буржуазныхъ политическихъ партій не исключая и наиболѣе красныхъ, распространила множество ложныхъ взглядовъ среди рабочихъ массъ, и эти ослѣпленныя массы, къ несчастью, еще слишкомъ часто увлекаются всякими измышленіями, имѣющими цѣлью заставить ихъ добровольно и глупо, въ ущербъ своимъ интересамъ, служить интересамъ привилегированныхъ классовъ.

Впрочемъ, до сихъ поръ существуетъ слишкомъ большая разница въ степени промышленнаго, политическаго, умственнаго и нравственнаго развитія рабочихъ массъ разныхъ странъ, чтобы можно было ихъ объединить въ настоящее время одной и той же политической и антирелигіозной программой. Сдѣлать такую программу программой Интернаціонала, а также и необходимымъ условіемъ вступленія въ этотъ союзъ значило бы организовать секту, а не всемірный союзъ, значило бы погубить Интернаціоналъ.

Есть еще другая причина, заставившая удалить вначалѣ изъ программы Интернаціонала, по крайней мѣрѣ кажущимся образомъ, и только кажущимся образомъ, всякую политическую тенденцію.

До сихъ поръ, со времени возникновенія исторіи, не было еще политики народа; подъ словомъ »народъ« мы подразумѣваемъ »рабочую чернь«, которая кормитъ весь міръ своимъ трудомъ. До сихъ поръ существовала политика только привилегированныхъ классовъ. Эти классы пользовались мускульной силой народа, чтобы свергать другъ друга съ трона и занимать мѣсто свергнутыхъ. Народъ въ свою очередь всегда принималъ сторону однихъ противъ другихъ, только въ смутной надеждѣ, что по крайней мѣрѣ, какая нибудь изъ этихъ политическихъ революцій, изъ которыхъ ни одна не могла обойтись безъ него, но ни одна не была совершена для него, принесетъ ему нѣкоторое облегченіе въ его нищетѣ и въ его вѣковомъ рабствѣ. И онъ всегда обманывался. Даже великая французская революція, и та его обманула. Она убила дворянскую аристократію, но посадила на ея мѣсто буржуазію; народъ не зовется больше ни рабомъ, ни крѣпостнымъ, онъ провозглашенъ свободнымъ, обладающимъ всѣми правами, но фактически его рабство и нищета остались все тѣми же.

И они останутся тѣми же, до тѣхъ поръ, пока народныя массы будутъ служить орудіемъ буржуазной политики, будетъ ли эта политика называться консервативной, либеральной, прогрессивной, радикальной и даже если она придастъ себѣ самый революціонный видъ. Ибо всякая буржуазная политика, каковы бы ни были ея цвѣтъ и названіе, можетъ имѣть въ сущности только одну цѣль: удержаніе господства буржуазіи; господство же буржуазіи — есть рабство пролетаріата.

Что же долженъ былъ дѣлать Интернаціоналъ? Онъ долженъ былъ прежде всего устранить рабочую массу отъ всякой буржуазной политики, долженъ былъ исключить изъ своей программы всѣ буржуазно-поли-

тическія программы. Но въ моментъ его возникновенія во всемъ мірѣ не было иной политики, кромѣ политики церкви, монархіи, аристократіи или буржуазіи. Послѣдняя, въ особенности политика радикальной буржуазіи, была несомнѣнно болѣе либеральной и гуманной, нежели всѣ другія, но всѣ онѣ были одинаково основаны на эксплуатаціи рабочихъ массъ и не имѣли въ дѣйствительности другой цѣли, какъ оспаривать другъ у друга монополію этой эксплуатаціи. Интернаціоналъ долженъ былъ, стало быть, начать съ расчистки почвы, и, такъ какъ всякая политика съ точки зрѣнія освобожденія труда была запятнена реакціонными элементами, Интернаціоналъ долженъ былъ выбросить изъ своей среды всѣ извѣстныя политическія системы, чтобы основать на этихъ развалинахъ буржуазнаго міра настоящую политику рабочихъ, политику Международнаго Союза.

II.

Основатели Международнаго Союза Рабочихъ поступили тѣмъ болѣе умно, избѣгая класть въ основу этого союза принципы политическіе и философскіе, и придавая ему вначалѣ характеръ исключительно экономической борьбы труда съ капиталомъ, что они были увѣрены, что когда рабочій вступитъ на эту почву, что когда, проникаясь сознаніемъ своего права и своей численной силы, онъ начнетъ совмѣстно со своими товарищами борьбу противъ буржуазной эксплуатаціи, — онъ въ силу естественнаго хода вещей и развитія борьбы дойдетъ скоро до признанія всѣхъ политическихъ, философскихъ и соціалистическихъ принциповъ Интернаціонала, которые, въ сущности, являются только истиннымъ выраженіемъ его исходной точки и его цѣли.

Мы изложили эти принципы въ нашихъ послѣднихъ номерахъ*). Съ политической и соціальной точки зрѣнія они имѣютъ необходимымъ слѣдствіемъ, уни-

*) Въ »Egalite«, 1869.

чтоженіе классовъ, а слѣдовательно класса буржуазіи, являющійся въ настоящее время господствующимъ классомъ; уничтоженіе всѣхъ территоріальныхъ государствъ, всѣхъ политическихъ отечествъ и созданіе на ихъ развалинахъ великой международной федераціи всѣхъ производительныхъ группъ, національныхъ и мѣстныхъ. Что же касается философской точки зрѣнія, то, имѣя въ виду осуществленіе человѣческаго идеала, человѣческаго счастья, равенства, справедливости и свободы на землѣ, они дѣлаютъ тѣмъ самымъ безполезными всякія упованія на небо и надежды на лучшее будущее на томъ свѣтѣ, и будутъ имѣть, стало быть, столь же необходимымъ слѣдствіемъ — уничтоженіе всѣхъ культовъ и религіозныхъ системъ.

Объявите прежде всего эти обѣ цѣли невѣжественнымъ рабочимъ, обремененнымъ ежедневной работой и деморализованнымъ, какъ бы въ тюрьму заключеннымъ, въ рамки развратныхъ доктринъ, которыми правительство, въ союзѣ со всѣми привилегированными кастами — священниками, дворянствомъ, буржуазіей — ихъ щедро осыпаетъ, и вы ихъ испугаете. Они, быть можетъ, васъ оттолкнутъ, не подозрѣвая, что всѣ эти идеи суть ничто иное, какъ самое точное выраженіе ихъ собственныхъ интересовъ, что цѣли эти заключаютъ въ себѣ осуществленіе наиболѣе дорогихъ ихъ желаній, и что напротивъ, политическіе и религіозные предразсудки, во имя которыхъ они ихъ отвергнутъ, быть можетъ, — являются прямой причиной продолженія ихъ рабства и нищеты.

Нужно отличать предразсудки народныхъ массъ отъ предразсудковъ привилегированнаго класса. Предразсудки массъ, какъ мы только что это показали, основаны на ихъ невѣжествѣ и они совершенно противоположны ихъ интересамъ, тогда какъ предразсудки буржуазіи основаны именно на интересахъ этого класса и только благодаря коллективному эгоизму буржуазіи могутъ устоять противъ разлагающаго вліянія самой буржуазной науки.

Народъ хочетъ, но не знаетъ; буржуазія знаетъ, но не хочетъ. Кто изъ нихъ неизлѣчимъ? Несомнѣнно буржуазія.

Общее правило: можно только обратить тѣхъ, кто чувствуетъ потребность въ этомъ, только тѣхъ, кто уже носитъ въ глубинѣ своихъ инстинктовъ, въ условіяхъ своего бѣдственнаго существованія, внѣшнихъ или внутреннихъ, то, что вы хотите имъ дать; но не тѣхъ, кто не ощущаетъ никакой потребности въ перемѣнѣ, и не тѣхъ также, которые, несмотря на то, что желаютъ выйти изъ положенія, коимъ они недовольны, въ силу своихъ нравственныхъ, умственныхъ и общественныхъ привычекъ, стремится искать перемѣнъ въ такой сферѣ, которая ничего не имѣетъ общаго съ міромъ вашихъ идей.

Попробуйте обратить въ соціализмъ дворянина, стремящагося къ богатству, буржуа, желающаго стать дворяниномъ или даже рабочаго, который всѣми силами души своей стремится къ тому, чтобы стать буржуа! Обратите настоящаго или воображаемаго аристократа ума, ученаго, полу-ученаго, четверть-ученаго, десятую, сотую часть ученаго, которые всѣ полны ученаго чванства и часто, только потому что имѣли счастье коекакъ осилить нѣсколько книгъ, полны высокомѣрнаго прѣзрѣнія къ безграмотнымъ массамъ и воображаютъ, что призваны образовать новую господствующую, т. е. эксплуатирующую касту.

Никакія разсужденія, никакая пропаганда никогда не будутъ въ состояніи обратить этихъ несчастныхъ. Чтобы убѣдить ихъ, существуетъ только одно средство: это — уничтоженіе самой возможности существованія привилегій, всякаго господства и всякой эксплуатаціи; это — соціальная революція, которая, сметая все, что составляетъ неравенство въ мірѣ, сдѣлаетъ ихъ нравственными, принудивъ искать счастья въ равенствѣ и солидарности.

Иначе обстоитъ дѣло съ дѣйствительными рабочими. Подъ дѣйствительными рабочими мы подразумѣваемъ всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно задавлены

бременемъ труда, всѣхъ тѣхъ, положеніе которыхъ настолько непрочно и жалко, что никому изъ нихъ, исключая развѣ какіе нибудь рѣдкіе случаи, не можетъ даже придти въ голову мысль добыть для **себя самого**, и только для себя, лучшее положеніе при существующихъ экономическихъ условіяхъ и въ современной соціальной средѣ стать, напримѣръ, въ свою очередь, хозяиномъ или государственнымъ совѣтникомъ. Мы включаемъ безусловно въ ту же категорію, рѣдкихъ и благородныхъ рабочихъ, которые, имѣя возможность возвыситься надъ рабочимъ классомъ, не хотятъ этимъ воспользоваться, предпочитая лучше выносить еще нѣкоторое время, вмѣстѣ со своими товарищами по несчастью, буржуазную эксплуатацію, нежели стать самимъ эксплуататорами. Этихъ нѣтъ надобности обращать: они чистые соціалисты.

Мы говоримъ объ огромной массѣ рабочихъ, которые, изнуренные ежедневной работой, невѣжественны и несчастны. Эта масса, каковы бы ни были ея политическіе и религіозные предразсудки, сдѣлавшіеся отчасти преобладающимъ элементомъ въ ея сознаніи, благодаря стараніямъ буржуазіи, является **безсознательно соціалистической**. Она инстинктивно въ силу самаго своего положенія гораздо серьезнѣе и глубже соціалистична, чѣмъ всѣ научные и буржуазные соціалисты вмѣстѣ взятые. Она является соціалистичной въ силу всѣхъ условій своего матеріальнаго существованія, въ силу всѣхъ потребностей своего существа, а не въ силу потребности мысли, какъ это происходитъ у послѣднихъ; въ дѣйствительной жизни, потребности перваго рода имѣютъ гораздо большую силу, чѣмъ потребности мысли, которая здѣсь, какъ и повсюду, всегда является выраженіемъ личности, отраженіемъ ея послѣдовательнаго развитія, но никогда не можетъ быть ея принципомъ.

У рабочихъ нѣтъ недостатка ни въ реальности, ни въ необходимости соціалистическихъ стремленій, имъ недостаетъ лишь соціалистической мысли: то, къ чему каждый рабочій стремится всей своей душой, это -

вполнѣ человѣческое существованіе, какъ въ смыслѣ матеріальнаго благосостоянія, такъ и въ смыслѣ умственнаго развитія, существованіе, основанное на справедливости, т. е. на равенствѣ и свободѣ каждаго и всѣхъ въ трудѣ: этотъ идеалъ, являющійся инстинктивно у того, кто живетъ своимъ собственнымъ трудомъ, не можетъ, конечно, осуществиться при современномъ политическомъ и соціальномъ строѣ, покоящимся на несправедливости и циничной эксплуатаціи рабочихъ массъ. А потому каждый настоящій рабочій необходимо является революціонеромъ и соціалистомъ, ибо его освобожденіе можетъ осуществиться только посредствомъ ниспроверженія всего того, что существуетъ нынѣ. Или эта организація несправедливости со всѣми выставленными на показъ своими криводушными законами, должна погибнуть, или же рабочія массы будутъ осуждены на вѣчное рабство.

Въ этомъ заключается соціалистическая мысль, зародышъ которой находится въ инстинктѣ каждаго дѣйствительнаго рабочаго. Цѣль, значитъ, состоитъ въ томъ, чтобы дать рабочему полное сознаніе того, что онъ хочетъ, пробудить въ немъ мысль, соотвѣтствующую его инстинкту, ибо когда мысль рабочихъ массъ поднимется до уровня ихъ инстинкта, воля ихъ опредѣлится и могущество ихъ станетъ несокрушимо.

Что еще мѣшаетъ болѣе быстрому развитію этой спасительной мысли въ средѣ рабочихъ массъ? — Безъ сомнѣнія, ихъ невѣжество и, въ значительной степени, ихъ политическіе и религіозные предразсудки, при помощи которыхъ заинтересованные въ этомъ классы, стараются затемнять ихъ природное сознаніе и умъ. Какимъ же образомъ разсѣять ихъ невѣжество, какъ разрушить ихъ гибельные предразсудки? Посредствомъ образованія и пропаганды.

Это, конечно, прекрасное средство. Но при существующемъ положеніи рабочихъ массъ они недостаточны. Рабочій слишкомъ задавленъ трудомъ и ежедневными заботами, чтобы удѣлять достаточное время на образованіе. Да и кто, впрочемъ, будетъ вести эту про-

паганду? Тѣ немногіе искренніе соціалисты, вышедшіе изъ буржуазіи, которые, несомнѣнно полные благородныхъ желаній, — съ одной стороны, въ силу своей немногочисленности, не могутъ придать пропагандѣ необходимую ширату, а съ другой стороны, принадлежа по своему соціальному положенію къ иному міру, не могутъ имѣть на рабочую среду должнаго вліянія, возбуждая при этомъ къ себѣ ея болѣе или менѣе справедливое недовѣріе.

»Освобожденіе рабочихъ есть дѣло самихъ рабочихъ« сказано въ предисловіи къ нашимъ общимъ статутамъ. Это тысячу разъ правда. Это главная основа нашего Союза. Но рабочіе въ большинствѣ случаевъ невѣжественны, они еще пока совершенно не владѣютъ теоріей. Слѣдовательно имъ остается только одинъ путь, **путь практическаго освобожденія**. Какова же можетъ и должна быть эта практика? Существуетъ только одна: это — солидарная борьба рабочихъ противъ хозяевъ. Это — **трэдъ-юніоны, организація, организаціи и федераціи кассъ сопротивленія.**

III.

Если Интернаціоналъ въ началѣ проявляетъ снисходительность къ пагубнымъ и реакціоннымъ идеямъ въ области политики и религіи, которыя могутъ быть у рабочихъ, входящихъ въ его среду, то это вовсе не въ силу безразличнаго отношенія къ этимъ идеямъ. Это нельзя назвать равнодушіемъ, такъ какъ онъ ненавидитъ и отталкиваетъ ихъ всѣми силами, такъ какъ всякая реакціонная идея является разрушеніемъ самаго принципа Интернаціонала, какъ это было доказано въ предыдущихъ статьяхъ.

Подобная снисходительность, повторяемъ еще разъ, внушена ему глубокой мудростью. Зная прекрасно, что всякій дѣйствительный рабочій является соціалистомъ, въ силу условій, необходимо присущихъ его бѣдственному существованію, и, что его реакціонныя идеи могутъ быть только слѣдствіемъ его невѣжества, Интернаціоналъ разсчитываетъ, что рабочій можетъ

освободиться отъ нихъ, при помощи коллективнаго опыта, который онъ пріобрѣтетъ, въ лонѣ Интернаціонала, а главное, благодаря развитію коллективной борьбы рабочихъ противъ хозяевъ.

Дѣйствительно, разъ рабочій, начиная вѣрить въ возможность, радикальнаго переустройства экономическаго строя, совмѣстно со своими товарищами принимается горячо бороться за уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы, когда онъ начинаетъ сильно заинтересовываться этой чистой матеріальной борьбой, можно съ увѣренностью сказать, что въ скоромъ времени этотъ рабочій покинетъ всѣ свои небесныя мечтанія и, что, привыкая все болѣе и болѣе разсчитывать на коллективныя силы рабочихъ, онъ долженъ будетъ отказаться отъ помощи неба. Мѣсто религіи въ его умѣ займетъ соціализмъ. Также будетъ и съ его реакціонными политическими взглядами. Они утратятъ свою главную опору, по мѣрѣ того, какъ сознаніе рабочаго станетъ освобождаться отъ религіознаго давленія. Съ другой стороны, экономическая борьба, развиваясь и расширяясь все болѣе и болѣе, заставитъ его узнать на практикѣ и посредствомъ коллективнаго опыта, всегда являющагося поучительнѣе и шире всякаго отдѣльнаго опыта, своихъ настоящихъ враговъ — привилегированные классы, включая сюда духовенство, буржуазію, дворянство и государство. Это послѣднее существуетъ только для того, чтобы блюсти привилегіи всѣхъ этихъ классовъ и всегда неизбѣжно становится на ихъ сторону противъ пролетаріата.

Рабочій, вступивъ, такимъ образомъ, въ борьбу, въ концѣ концовъ пойметъ существующій непримиримый антагонизмъ между этими оплотами реакціи и своими самыми дорогими для него человѣческими интересами; и, дойдя до этой степени сознанія, онъ ясно и опредѣленно заявитъ себя соціалистомъ и революціонеромъ.

Не такъ дѣло обстоитъ съ буржуазіей. Всѣ ея интересы противоположны экономическому переустрой-

ству общества, и если идеи ея тоже противорѣчатъ этому переустройству и если онѣ реакціонны, или, какъ теперь выражаются болѣе вѣжливо, умѣренны; если умъ и сердце ея отталкиваютъ тотъ великій актъ справедливости и освобожденія, который мы называемъ соціальной революціей; если эти буржуа питаютъ отвращеніе къ истинному соціальному равенству, т. е. къ равенству политическому, соціальному и экономическому одновременно; если въ глубинѣ души они хотятъ сохранить для самихъ себя, для своего класса или для своихъ дѣтей, хотя бы одну единственную привилегію, хотя бы только привилегію ума, какъ мы видимъ это у буржуазныхъ соціалистовъ; если они не возненавидятъ не только всей логикой своего ума, но и всей силой своего чувства, существующій порядокъ вещей, — тогда можно быть увѣреннымъ, что они останутся реакціонерами, врагами рабочаго дѣла на всю жизнь. И ихъ нужно отстранить отъ Интернаціонала.

Ихъ надо держать отъ Интернаціонала какъ можно дальше, такъ какъ, проникая туда, они не могутъ имѣть другой цѣли, какъ произвести деморализацію въ его средѣ и свести его съ истиннаго пути. Впрочемъ, есть безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать, приходитъ ли къ нимъ буржуа, желающій быть принятымъ въ ихъ ряды, искренно, безъ тѣни фальши, безъ малѣйшей задней мысли. Этимъ признакомъ служитъ та связь, которую онъ сохранилъ съ буржуазнымъ міромъ.

Антагонизмъ, существующій между рабочимъ міромъ и буржуазіей, принимаетъ все болѣе и болѣе рѣзкій характеръ. Всякій серьезно думающій человѣкъ, чувства и представленія котораго не искажены вліяніемъ, часто безсознательнымъ, пристрастныхъ софистовъ, долженъ въ настоящее время понимать, что никакое примиреніе между рабочими и буржуазіей немыслимо. Рабочіе хотятъ равенства, буржуазія — неравенства. Ясно, что одно уничтожаетъ другое. Поэтому огромное большинство буржуазіи, капиталистовъ и собственниковъ, имѣющихъ смѣлость откро-

венно заявить о своихъ желаніяхъ, показываютъ съ такой же искренностью и смѣлостью свою ненависть и къ современному движенію рабочаго класса. Это — враги рѣшительные и искренніе; ихъ мы знаемъ, и это хорошо.

Но есть другая категорія буржуа, которые не обладаютъ ни подобной смѣлостью, ни подобной искренностью. Являясь врагами соціальной ломки, къ которой мы стремимся всей силой нашей души, какъ къ великому акту справедливости, какъ къ необходимому основанію раціональной и равноправной организаціи общества, эти буржуа, какъ и всѣ другіе, хотятъ сохранить экономическое неравенство, этотъ вѣчный источникъ всѣхъ прочихъ неравенствъ. И въ то же время, они утверждаютъ, что, какъ и мы, они стремятся къ полному освобожденію трудящихся и труда. Они отстаиваютъ съ увлеченіемъ, достойнымъ самыхъ реакціонныхъ буржуа, самую причину рабства пролетаріата, — отдѣленіе труда отъ недвижимой или капиталистической собственности, представители которой являются различные классы. И несмотря на это, они выступаютъ апостолами освобожденія рабочаго класса изъ подъ гнета собственности и капитала!

Обманываются ли они сами, или другихъ обманываютъ? Нѣкоторые искренно ошибаются; многіе обманываютъ другихъ; огромное большинство въ одно и то же время и сами обманываются, и другихъ обманываютъ. Всѣ принадлежатъ къ разряду радикальныхъ буржуа и буржуазныхъ соціалистовъ, которые основали »Лигу Мира и Свободы«!

Соціалистическая ли эта Лига? — Вначалѣ и въ теченіи перваго года своего существованія, она, какъ мы уже имѣли случай указать, съ ужасомъ отворачивалась отъ соціализма. Въ прошломъ году на своемъ конгрессѣ въ Бернѣ, она торжественно отвергла принципъ экономическаго равенства. Теперь же, чувствуя приближеніе смерти и желая еще немного продлить свое существованіе, понявъ наконецъ, что отнынѣ никакая политическая жизнь немыслима безъ соціаль

наго вопроса, она называетъ себя соціалистической: она стала буржуазно-соціалистической, а это означаетъ, что она хочетъ на основѣ **экономическаго неравенства** разрѣшить всѣ соціальные вопросы. Она хочетъ, она должна сохранить процентъ на капиталъ и земельную ренту, и она думаетъ вмѣстѣ съ этимъ освободить рабочихъ. Она хочетъ воплотить абсурдъ.

Зачѣмъ ей понадобилось это дѣлать? Что заставило ее предпринять столь безсмысленное, столь безплодное дѣло? Не трудно это понять.

Значительная часть буржуазіи устала отъ господства цезаризма и милитаризма, вызваннаго ею же самой въ 1848 году изъ страха передъ пролетаріатомъ. Вспомните только іюньскіе дни, предвѣстники декабрьскихъ; вспомните Національное Собраніе, которое послѣ іюньскихъ дней, единогласно, за исключеніемъ одного члена, покрыло руганью и проклятіями великаго и, можно сказать, героическаго соціалиста Прудона, единственнаго человѣка, имѣющаго смѣлость бросить соціалистическій вызовъ этому бѣшеному стаду буржуевъ — консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ. Не нужно забывать, что среди всѣхъ этихъ ругателей Прудона, есть масса гражданъ, живыхъ теперь, которые, попавши въ огонъ декабрьскихъ преслѣдованій, съ тѣхъ поръ сдѣлались мучениками свободы.

Безъ всякаго сомнѣнія, буржуазія вся цѣликомъ, включая сюда и радикальную буржуазію — не была въ собственномъ смыслѣ слова творцомъ цезарскаго деспотизма и милитаризма, результаты которыхъ она въ настоящее время оплакиваетъ. Воспользовавшись ими противъ пролетаріата, она хотѣла бы теперь избавиться отъ нихъ. Нѣтъ ничего естественнѣе: этотъ режимъ ее унижаетъ и раззоряетъ. Но какъ отъ нихъ избавиться? Нѣкогда она была смѣла и рѣшительна, за ней была сила побѣдъ; теперь, она труслива и слаба: она чувствуетъ, что одна она ничего сдѣлать не въ состояніи, что ей нужна помощь. Эту помощь можетъ

оказать только пролетаріатъ, — слѣдовательно, его нужно привлечь на свою сторону.

Но какъ его привлечь? Обѣщаніемъ свободы и политическаго равенства? Это — слова, которыя не трогаютъ больше рабочихъ. Они научились дорогой цѣной, они поняли тяжкимъ опытомъ, что эти слова ничего иного для нихъ не означаютъ, какъ сохраненіе рабства экономическаго, часто даже болѣе тяжелаго, чѣмъ оно было раньше. Если, стало быть, вы хотите затронуть чувство этихъ несчастныхъ милліоновъ рабовъ труда, то говорите объ экономическомъ освобожденіи. Нѣтъ больше ни одного рабочаго, который бы не зналъ теперь, что это является для него единственнымъ, серьезнымъ и реальнымъ основаніемъ всѣхъ другихъ освобожденій. Слѣдовательно, имъ нужно говорить объ экономическихъ преобразованіяхъ общества.

Ну, что-жъ, сказали себѣ члены Лиги Мира и Свободы, будемъ говорить объ этомъ, назовемъ себя тоже соціалистами. Будемъ обѣщать имъ экономическія и соціальныя реформы, но съ условіемъ, чтобы они уважали основы цивилизаціи и буржуазнаго всемогущества: частную и наслѣдственную собственность, процентъ на капиталъ, земельную ренту. Убѣдимъ ихъ, что только при этихъ условіяхъ, которыя, впрочемъ, обезпечиваютъ намъ господство, а рабочимъ рабство, рабочій можетъ быть освобожденъ.

Убѣдимъ ихъ еще въ тому, что для осуществленія всѣхъ соціальныхъ реформъ, нужно прежде всего совершить хорошую политическую революцію, исключительно политическую, такую красную, какую имъ только будетъ угодно, съ политической точки зрѣнія, — съ массой отрубленныхъ головъ, если это будетъ необходимо, — но съ сохраненіемъ полнѣйшаго уваженія къ священной собственности. Однимъ словомъ, чистъ якобинскую революцію, которая сдѣлаетъ насъ господами положенія. А разъ мы окажемся хозяевами положенія, то мы дадимъ рабочимъ то . . . что мы сможемъ и захотимъ дать.

Это безошибочный признакъ, по которому рабочіе могутъ узнать фальшиваго соціалиста, соціалиста буржуазнаго: если, говоря имъ о революціи или о соціальномъ переворотѣ, онъ говоритъ имъ, что политическій переворотъ **долженъ предшествовать** перевороту экономическому; если онъ отрицаетъ, что обѣ эти революціи должны совершиться одновременно, или, что политическая революція не должна быть ничѣмъ инымъ, какъ только немедленнымъ и прямымъ осуществленіемъ полной и всецѣлой соціальной ликвидаціи, — пусть рабочіе повернутъ ему спину, потому что, или онъ просто глупъ, или лицемѣрный эксплуататоръ.

Международной союзъ рабочихъ, чтобы остаться вѣрнымъ своему принципу и не сойти съ единственнаго пути, который можетъ довести его до цѣли, долженъ остерегаться, главнымъ образомъ, вліянія двухъ родовъ буржуазныхъ соціалистовъ: сторонниковъ **буржуазной политики, включая сюда и буржуазныхъ революціонеровъ**, и сторонниковъ **буржуазной коопераціи**, или такъ называемыхъ **практическихъ людей**. Разсмотримъ сперва первыхъ.

Экономическое освобожденіе, сказали мы въ предыдущемъ номерѣ, есть основа всякаго другого освобожденія. Мы резюмировали въ этихъ словахъ всю политику Интернаціонала.

Дѣйствительно, въ предпосылкахъ къ статутамъ мы читаемъ слѣдующее заявленіе:

»**Подчиненіе труда капиталу есть источникъ всякаго рабства: политическаго, нравственнаго и матеріальнаго**, и по этой причинѣ, экономическое освобожденіе рабочихъ есть великая цѣль, которой должно быть подчинено всякое политическое движеніе«.

Само собой разумѣется, что всякое политическое движеніе, которое не ставитъ непосредственной и прямой цѣлью **окончательное и полное** экономическое освобожденіе рабочихъ и которое не начертало на своемъ знамени ясно и опредѣленно принципъ **экономическаго равенства**, означающаго **полное возвраще-**

ніе капитала труду или же **соціальную ликвидацію,** что всякое такое политическое движеніе есть буржуазное и, какъ таковое, должно быть исключено изъ Интернаціонала.

Слѣдовательно, безъ всякаго сожалѣнія должна быть исключена политика буржуазныхъ демократовъ или буржуазныхъ соціалистовъ, которые, заявляя, что »политическая свобода есть **предварительное** условіе экономическаго освобожденія«, могутъ понимать подъ этими словами лишь слѣдующее: реформы или революціи политическія должны предшествовать реформамъ или революціямъ экономическимъ: рабочіе должны, слѣдовательно, войти въ союзъ съ буржуазіей, болѣе или менѣе радикальной для совершенія вмѣстѣ съ ней сперва первыхъ, чтобы потомъ произвести противъ нея послѣднія.

Мы громко протестуемъ противъ этой пагубной теоріи, которая можетъ привести рабочихъ только къ тому, чтобы заставить ихъ лишній разъ служить орудіемъ противъ себя самихъ и предоставить ихъ снова буржуазной эксплуатаціи.

Завоевать политическую свободу **сначала** — означаетъ ничто иное, какъ завоевать сначала ее одну, оставляя, по крайней мѣрѣ, въ первые дни, старыя экономическія и соціальныя отношенія, т. е. сохраняя собственность и капиталистовъ, дерзко выставляющихъ свои богатства, и рабочихъ съ ихъ нищетой.

Но, говорятъ, разъ эта свобода будетъ завоевана, она послужитъ рабочимъ орудіемъ въ дѣлѣ завоеванія впослѣдствіи, **равенства** или **экономической справедливости.**

Свобода, дѣйствительно, прекрасное и могущественное орудіе; но вопросъ въ томъ, могутъ ли рабочіе дѣйствительно воспользоваться ею, будетъ ли она дѣйствительно въ ихъ рукахъ, или же, какъ это было всегда до сихъ поръ, ихъ **политическая свобода** будетъ только обманчивой внѣшностью, фикціей.

Рабочій, которому въ его настоящемъ экономическомъ положеніи стали бы говорить о политической свободѣ, могъ бы отвѣтить припѣвомъ извѣстной пѣсни:

Не говорите о свободѣ,
Нищета есть рабство!

И дѣйствительно, надо быть влюбленнымъ въ иллюзію, чтобы воображать, что рабочій при тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ онъ теперь находится, сможетъ полностью и дѣйствительнымъ образомъ воспользоваться своей политической свободой? Ему недостаетъ для этого двухъ маленькихъ вещицъ, досуга и матеріальныхъ средствъ.

Впрочемъ, не видѣли ли мы это во Франціи на другой день послѣ революціи 1848 года, революціи, наиболѣе радикальной, какую только можно пожелать съ политической точки зрѣнія.

Французскіе рабочіе, конечно, не были ни равнодушными, ни безтолковыми и, несмотря на самое широкое всеобщее избирательное право, они должны были предоставить буржуазіи свободу дѣйствій. Почему? Потому что имъ недоставало матеріальныхъ средствъ, необходимыхъ для того, чтобы политическая свобода стала реальностью, потому что они оставались рабами труда подъ угрозой голода, въ то время какъ буржуа-радикалы, либералы и даже консерваторы, — одни уже республиканцы другіе, ставшіе ими потомъ, разъѣзжали, агитировали, говорили, дѣйствовали и конспирировали свободно, кто благодаря своимъ доходамъ или выгодному буржуазному положенію, а кто благодаря государственному бюджету, который, конечно, былъ сохраненъ и даже увеличенъ больше чѣмъ когда либо.

Извѣстно, что вышло отсюда: сначала іюньскіе дни, потомъ, какъ необходимое слѣдствіе, декабрьскіе.

Но скажутъ намъ, рабочіе, наученные опытомъ не пошлютъ больше буржуа въ учредительныя и законодательныя собранія, они пошлютъ туда простыхъ ра-

бочихъ; какъ бы они ни были бѣдны, они могутъ дать необходимое содержаніе своимъ депутатамъ. Знаете ли, что изъ этого выйдетъ? То, что рабочіе-депутаты, попавшіе въ условія буржуазнаго существованія и въ атмосферу чисто буржуазныхъ политическихъ идей, фактически переставъ быть рабочими, становясь людьми государственными, сдѣлаются буржуями и, быть можетъ, станутъ буржуазнѣе самихъ буржуа. Не люди создаютъ положеніе, а наоборотъ, положеніе — людей. А мы знаемъ по опыту, что **рабочій-буржуа** бываетъ часто не менѣе эгоистиченъ, чѣмъ **буржуа-эксплуататоръ;** не менѣе вреденъ для Союза, чѣмъ буржуа-соціалисты; не менѣе смѣшнымъ въ своемъ чванствѣ, чѣмъ облагороженные буржуа.

Что бы ни дѣлали и ни говорили, до тѣхъ поръ пока рабочій останется при настоящихъ условіяхъ существованія, для него будетъ немыслима свобода, и тѣ, которые зовутъ его къ завоеванію политической свободы, не касаясь предварительно жгучихъ вопросовъ соціализма, не произнеся словъ »**соціальная ликвидація**«, заставляющихъ блѣднѣть всѣхъ буржуа, тѣ просто говорятъ рабочему: добудь сначала эту свободу для насъ, чтобы мы потомъ могли воспользоваться ею противъ тебя.

Но вѣдь у нихъ добрыя и искреннія намѣренія, у этихъ радикальныхъ буржуа, скажутъ намъ. — Нѣтъ такихъ добрыхъ и искренныхъ намѣреній, которыя могли бы устоять противъ вліянія положенія и, такъ какъ мы сказали, что даже рабочіе, попавшіе въ буржуазныя условія неизбѣжно, становятся буржуями, то тѣмъ болѣе буржуа, оставшіеся въ этихъ условіяхъ, останутся буржуями.

Если буржуа, охваченный страстнымъ желаніемъ справедливости, равенства и гуманности, хочетъ серьезно трудиться надъ освобожденіемъ пролетаріата, пусть онъ начнетъ съ того, что порветъ съ буржуазіей всѣ свои политическія и соціальныя связи, всякія отношенія, возникшія на почвѣ матеріальныхъ или умственныхъ интересовъ, на почвѣ чувства и тщеславія.

Пусть онъ пойметъ сначала, что никакое примиреніе невозможно между пролетаріатомъ и этимъ классомъ, который, живя только эксплуатаціей другихъ, является естественнымъ врагомъ пролетаріата.

Отойдя окончательно отъ буржуазнаго міра, пусть онъ станетъ подъ знамя рабочихъ, на которомъ написаны слѣдующія слова: »Справедливость, Равенство и Свобода для всѣхъ. Уничтоженіе классовъ посредствомъ экономическаго уравненія всѣхъ. Соціальная ликвидація«. — Онъ будетъ желаннымъ гостемъ. Что же касается буржуазныхъ соціалистовъ и рабочихъ-буржуа, которые будутъ говорить намъ о соглашеніи между буржуазной политикой и соціализмомъ рабочихъ, мы можемъ только дать такой совѣтъ послѣднимъ: отойди отъ нихъ.

Такъ какъ буржуазные соціалисты стараются въ настоящее время организовать, пользуясь **приманкои соціализма**, громадную рабочую агитацію, для завоеванія политической свободы, которой, какъ мы только что видѣли, воспользуется только буржуазія; такъ какъ рабочія массы, дошедшія до истиннаго пониманія своего положенія, озаренныя и движимыя принципомъ Интернаціонала, уже организуются и начинаютъ представлять дѣйствительную силу, не національную, а интернаціональную, и не для того, чтобы дѣлать буржуазное дѣло, а свое собственное, такъ какъ даже для того, чтобы осуществить буржуазный идеалъ полной политической свободы съ республиканскими учрежденіями, необходима революція, а никакая революція не можетъ восторжествовать безъ содѣйствія народной силы, — нужно чтобы эта сила, переставъ загребать жаръ для господъ буржуа, стала служить отнынѣ только торжеству народнаго дѣла, дѣлу всѣхъ тѣхъ, кто трудится, противъ всѣхъ тѣхъ, кто эксплуатируетъ чужой трудъ.

Международный Союзъ Рабочихъ, вѣрный своему принципу, никогда не протянетъ руки политической агитаціи, не имѣющей своей непосредственной и прямой цѣлью — **полное экономическое освобожденіе ра-**

бочихъ, т. е. уничтоженіе буржуазіи, какъ класса экономически обособленнаго отъ массы, и не поможетъ никакой революціи, которая съ перваго же дня, съ перваго же часа не начертаетъ на своемъ знамени — **соціальная ликвидація.**

Но революціи не импровизируются. Онѣ не дѣлаются по волѣ отдѣльныхъ личностей, ни даже самыхъ могущественныхъ ассоціацій. Онѣ, независимо отъ всякой воли и отъ всякой конспираціи, всегда происходятъ въ силу хода самихъ вещей. Ихъ можно предвидѣть, иногда предчувствовать ихъ приближеніе, но никогда нельзя ускорить ихъ взрывъ.

Убѣжденные въ этой истинѣ, мы ставимъ себѣ вопросъ: какой политикѣ долженъ слѣдовать Интернаціоналъ въ теченіи этого болѣе или менѣе длиннаго періода времени, отдѣляющаго насъ отъ той ужасной соціальной революціи, которую мы всѣ теперь предчувствуемъ?

Отбрасывая согласно своимъ статутамъ всякую національную и мѣстную политику, Интернаціоналъ придаетъ рабочей агитаціи всѣхъ странъ характеръ **исключительно экономическій.** Ставя какъ цѣль, уменьшеніе рабочаго времени и увеличеніе заработной платы, какъ средство **объединеніе рабочихъ массъ** и организацію **кассъ сопротивленія.**

Онъ будетъ пропагандировать свои принципы, такъ какъ эти принципы, будучи чистѣйшимъ выраженіемъ коллективныхъ интересовъ рабочихъ всего міра, являются его душой и составляютъ всю жизненную силу Союза. Онъ поведетъ широко эту пропаганду, не считаясь съ буржуазной щекотливостью, чтобы каждый рабочій, выходя изъ состоянія умственной и нравственной неподвижности, въ которой его стараются удержать, понялъ положеніе дѣлъ и зналъ, что онъ долженъ хотѣть и при какихъ условіяхъ можетъ завоевать себѣ человѣческія права.

Онъ долженъ будетъ вести эту пропаганду тѣмъ болѣе искренно и энергично, что въ немъ самомъ мы часто наталкиваемся на такія вліянія, которыя, пока-

зывая свое презрѣніе къ этимъ принципамъ, хотѣли бы заставить ихъ сойти за ненужную теорію и стараются вернуть рабочихъ къ политическому, экономическому и религіозному катехизису буржуазіи.

Онъ, наконецъ, расширится и прочно организуется, переступивъ границы всѣхъ странъ, чтобы въ моментъ, когда, наступившая въ силу естественнаго хода вещей, революція вспыхнетъ, нашлась бы реальная сила, знающая, что она должна дѣлать, и въ силу этого, способная взять революцію въ свои руки и придать ей направленіе спасительное для народа: серьезная международная организація рабочихъ союзовъ всѣхъ странъ, способная замѣнить этотъ отходящій политическій міръ государствъ и буржуазіи.

Мы заканчиваемъ это точное изложеніе политики Интернаціонала воспроизведеніемъ послѣдняго параграфа предпосылокъ къ нашимъ общимъ статутамъ:

»Движеніе совершающееся среди рабочихъ промышленныхъ странъ Европы, пробуждая новыя надежды, даетъ торжественное предупрежденіе не впадать въ старыя ошибки«.

Къ товарищамъ Международной Ассоціаціи Рабочихъ (Локля и Шо-де-Фонда)

Первое Письмо.

Друзья и братья,

Прежде чѣмъ покинуть ваши горы, я чувствую потребность еще разъ выразить вамъ письменно мою глубокую благодарность за сдѣланный мнѣ вами братскій пріемъ. Развѣ это не удивительно, что какой-то человѣкъ, русскій, бывшій дворянинъ, котораго вы до послѣдняго времени совершенно не знали, и чья нога въ первый разъ ступаетъ на вашу землю, является окруженный, тотчасъ по своемъ прибытіи, нѣсколькими сотнями братьевъ! Подобное чудо въ настоящее время можетъ быть сотворено лишь Международной Ассоціаціей Рабочихъ, и это по простой причинѣ: она одна теперь являетъ въ себѣ историческую жизнь и творческую мощь къ политическому и соціальному будущему. Тѣ, кто соединены живой мыслью, живой волей и великимъ общимъ стремленіемъ, являются дѣйствительно братьями, даже если они между собой незнакомы.

Было время, когда буржуазія, обладая такой же жизненной мощью и являясь единственнымъ историческимъ классомъ, представляла подобное зрѣлище братства и единенія, какъ въ дѣйствіяхъ, такъ и въ мысляхъ. То было хорошимъ временемъ этого класса, безъ сомнѣнія всегда почтеннаго, но съ тѣхъ поръ

превратившагося въ нѣчто тупое, безплодное и слабосильное. Тогда была эпоха его самого энергичнаго развитія. Такова была буржуазія до великой революціи 1793-го года; таковой была она еще, но въ меньшей мѣрѣ, до революцій 1830 и 1818 года. Тогда предъ буржуазіей былъ цѣлый міръ для покоренія, было мѣсто, которое ей надо было занять въ обществѣ, и, организованная для боя, умная, смѣлая, чувствуя себя представительницей всеобщаго права, она обладала непреоборимымъ всемогуществомъ; она одна совершила три революціи: противъ соединенныхъ силъ монархіи, дворянства и духовенства.

Въ то время буржуазія тоже создала всемірную, могучую интернаціональную ассоціацію: Франкъ-Масонство.

Очень ошибся тотъ, кто судилъ бы о Франкъ-Масонствѣ прошлаго вѣка или даже сначала этого вѣка, по тому, чѣмъ оно является теперь. Учрежденіе по преимуществу буржуазное, Франкъ-Масонство въ своемъ растущемъ могуществѣ и потомъ въ своемъ упадкѣ, было, какъ бы выраженіемъ интеллектуальнаго развитія, могущества и упадка буржуазіи. Въ настоящее время, ниспавъ до печальной роли старой интриганки и болтуньи, оно ничтожно, безполезно, иногда вредно и всегда смѣшно, между тѣмъ какъ до 1830 и въ особенности до 1793 года, оно соединяло въ себѣ, за малымъ числомъ исключеній, всѣ выдающіеся умы, всѣ самыя пылкія сердца, самыя гордыя воли, самые смѣлые характеры и, представляло собой дѣятельную могучую и истинно полезную организацію. Это было мощное воплощеніе и осуществленіе на практикѣ гуманитарной идеи XVIII вѣка. Всѣ эти великіе принципы свободы, равенства, братства, политическаго разума и человѣческой справедливости, выработанные теоретически философіей этого вѣка, сдѣлались въ средѣ Франкъ-Масонства практическими догматами и основаніями новой морали и политики, — душой гигантскаго предпріятія разрушенія и обновленія. Франкъ-Масонство было въ то время не бо-

лѣе, не менѣе, какъ всемірнымъ конспиративнымъ союзомъ революціонной буржуазіи противъ феодальной, монархической и божеской тиранніи. — Это было Интернаціоналомъ буржуазіи.

Извѣстно, что всѣ главные дѣятели первой революціи были Франкъ-Масонами, и что, когда эта революція разразилась, она встрѣтила, благодаря Франкъ-Масонству, друзей и преданныхъ, могущественныхъ союзниковъ во всѣхъ другихъ странахъ, что конечно сильно помогло ея торжеству. Но равно очевидно, что торжество революціи убило Франкъ-Масонство, ибо, послѣ того, какъ революція въ значительной мѣрѣ выполнила пожеланія буржуазіи и поставила ее на мѣсто родовой аристократіи, буржуазія, бывшая долгое время утѣсняемымъ и эксплуатируемымъ классомъ, естественно сдѣлалась въ свою очередь классомъ привилегированнымъ, эксплуататорскимъ, протѣсняющимъ консервативнымъ и реакціоннымъ, сдѣлалась другомъ и самой надежной поддержкой Государства. Послѣ захвата власти первымъ Наполеономъ, Франкъ-Масонство сдѣлалось, въ большинствѣ странъ европейскаго континента, императорскимъ учрежденіемъ.

Реставрація его отчасти воскресила. Буржуазія, видя себя угрожаемой возвращеніемъ стараго режима, вынужденная уступить церкви и дворянству мѣсто, завоеванное ею въ первую революцію, принуждена была снова сдѣлатся революціонной. Но какая разница между этимъ подогрѣтымъ революціонаризмомъ и горячимъ, могучимъ революціонаризмомъ, вдохновлявшимъ ее въ концѣ прошлаго столѣтія! Тогда буржуазія была искренна, она серьезно и наивно вѣрила въ права человѣка, она была двигаема, вдохновляема геніемъ разрушенія и обновленія, она была въ полной силѣ духа и въ полномъ развитіи силъ; она еще не подозрѣвала, что бездна отдѣляетъ ее отъ народа; она себя считала, чувствовала, она дѣйствительно была представительницей народа. Реакція термидора и конспирація Бабефа навсегда лишили ее этой иллюзіи. — Бездна, раздѣляющая рабочій народъ отъ эксплуа-

тирующей, властвующей и благоденствующей буржуазіи. открылась, и чтобы заполнить эту бездну надо пожертвовать не болѣе не менѣе, какъ всѣмъ классомъ буржуазіи, всѣмъ привилегированнымъ существованіемъ буржуа.

Поэтому не вся буржуазія въ ея цѣломъ, а только часть ея возобновила послѣ реставраціи, конспирацію противъ дворянскаго, клерикальнаго режима и легитимныхъ королей.

Въ ближайшемъ своемъ письмѣ, я предъ вами раскрою, если вы мнѣ позволите, свои мысли относительно послѣдней фазы конституціоннаго либерализма и буржуазнаго карбонаризма.

Второе Письмо.

Я сказалъ въ предыдущемъ письмѣ, что реакціонныя, легитимистическія, феодальныя и клерикальныя попытки возбудили снова къ жизни революціонный духъ буржуазіи, но что между этимъ новымъ духомъ и тѣмъ, который одушевлялъ ее до 1793 года, была громадная разница. Буржуа прошедшаго столѣтія были гигантами, въ сравненіи съ которыми самые смѣлые изъ буржуа этого столѣтія кажутся лишь пигмеями.

Чтобы въ этомъ убѣдиться, надо только сравнить ихъ программы. Какова была программа философіи и великой революціи XVIII столѣтія? Не болѣе не менѣе какъ полное освобожденіе всего человѣчества; осуществленіе для каждаго и всѣхъ права и дѣйствительной и полной свободы посредствомъ всеобщаго политическаго и соціальнаго уравненія: торжество человѣчности на развалинахъ божескаго міра; царство свободы и братства на землѣ. — Ошибкой этой философіи и этой революціи было непониманіе, что осуществленіе человѣческаго братства невозможно пока существуютъ Государства, и что дѣйствительное уничтоженіе классовъ и политическое и соціальное уравненіе индивидовъ, возможны не иначе, какъ при уравненіи для всѣхъ и каждаго экономическихъ средствъ,

образованія, обученія, работы и жизни. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливо упрекать XVIII вѣкъ за то, что онъ этого не понялъ. Общественныя науки не создаются, не изучаются съ помощью однихъ книгъ; онѣ нуждаются въ великихъ урокахъ исторіи, и надо было сдѣлать революціи 1789 и 1793 годовъ, надо было снова повторить опыты 1830 и 1848 годовъ, чтобы прійти къ этому, отнынѣ несокрушимому заключенію, что всякая политическая революція, не ставящая себѣ **немедленной и прямой** цѣлью экономическое равенство, является, съ точки зрѣнія народныхъ интересовъ и правъ, ничѣмъ инымъ, какъ лицемѣрной и замаскированной реакціей.

Эта столь очевидная и простая истина была еще неизвѣстной въ концѣ XVIII столѣтія, и когда Бабефъ выдвинулъ экономическій и соціальный вопросъ, сила революціи была уже исчерпана. Тѣмъ не менѣе этой послѣдней принадлежитъ безсмертная честь провозглашенія самой великой цѣли, изъ всѣхъ когда нибудь поставленныхъ въ исторіи, — освобожденія всего человѣчества въ его цѣломъ.

Какую же преслѣдуетъ цѣль, въ сравненіи съ этой громадной программой, программа революціоннаго либерализма въ эпоху Реставраціи и Іюльской монархіи? Пресловутую благоразумную свободу, очень скромную, очень упорядоченную, очень ограниченную, приноровленную какъ разъ къ ослабѣвшему темпераменту полунасыщенной буржуазіи, которая, уставши отъ сраженій и ощущая нетерпѣніе благоденствовать, уже чувствовала себя угрожаемой не сверху, но снизу, и съ безпокойствомъ видѣла появленіе на горизонтѣ, словно черной массы безчисленныхъ милліоновъ эксплуатируемыхъ пролетаріевъ, уставшихъ терпѣть и готовящихся потребовать осуществленіе своего права.

Съ начала настоящаго столѣтія возникающій призракъ, названный позже краснымъ страшилищемъ, этотъ ужасный призракъ права всѣхъ, противуположнаго привилегіямъ счастливаго класса, эта народ-

ная справедливость и народный разумъ, которые въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи должны обратить въ прахъ софизмы буржуазной экономіи, юриспруденціи, политики и метафизики, становятся посреди современныхъ тріумфовъ буржуазіи, помѣхою ея счастью, ослабляютъ ея увѣренность, ея умъ.

А вѣдь при Реставраціи, соціальный вопросъ былъ еще почти невѣдомъ или, лучше сказать, забытъ. Было нѣсколько отдѣльныхъ великихъ мечтателей, какъ Сенъ-Симонъ, Робертъ Овенъ, Фурье, чьи геніи или великія сердца отгадали необходимость радикальной переработки экономической организаціи общества. Вокругъ каждаго изъ нихъ группировалось малое число пылкихъ и преданныхъ учениковъ, составляя какъ бы нѣсколько небольшихъ церквей, но они были столь же неизвѣстны, какъ ихъ учители и не имѣли никакого вліянія на окружающій міръ. Было еще коммунистическое завѣщаніе Бабефа, переданное его славнымъ товарищемъ и другомъ, Буонаротти, самымъ энергичнымъ пролетаріемъ, посредствомъ тайной народной организаціи. Но тогда это было еще подземной работой, чье проявленіе дало себя почувствовать только позже, при Іюльской монархіи; во время Реставраціи она совершенно не была замѣчена буржуазнымъ классомъ. Народъ, рабочія массы, оставались спокойными и ничего еще для себя самихъ не требовали.

Очевидно, что если страшилище народной справедливости имѣло въ эту эпоху какое либо бытіе, то оно могло жить лишь въ грѣшной совѣсти буржуа. Откуда явилась эта грѣшная совѣсть? Или буржуа, жившие при Реставраціи были, какъ индивиды, болѣе злы, чѣмъ ихъ отцы, сдѣлавшіе революціи 1789 и 1793 г.? Нисколько. Это были почти одинаковые люди, но только поставленные въ другую среду, въ другія политическія условія, обогащенные новой опытностью и слѣдовательно, имѣющіе другую совѣсть.

Буржуа прошлаго столѣтія искренно вѣрили, что освобождая самихъ себя отъ монархическаго, клерикальнаго и феодальнаго ига, они освободятъ вмѣстѣ

съ собой весь народъ. И это наивное, искренное вѣрованіе и было источникомъ ихъ геройской смѣлости и ихъ невѣроятной мощи. Они чувствовали свое единеніе со всѣми, и шли на приступъ, неся въ себѣ всеобщую силу и право. Благодаря этому праву и этой народной мощи, которая, такъ сказать, воплотилась тогда въ этомъ классѣ, буржуа прошлаго столѣтія могли взойти и овладѣть крѣпостью политическаго права, составлявшей предметъ вожделѣнія ихъ отцовъ въ продолженіи стольких столѣтій. Но въ то мгновеніе, какъ они водрузили на ней свое знамя, новый свѣтъ озарилъ ихъ умъ. Какъ только они завоевали власть, они начали понимать, что между ихъ буржуазными интересами и интересами народныхъ массъ нѣтъ ничего общаго, что напротивъ между ними есть радикальное противорѣчіе, и что могущество и исключительное процвѣтаніе класса собственниковъ могутъ опираться лишь на несчастьи и политической и соціальной зависимости пролетаріата.

Съ тѣхъ поръ отношенія между буржуазіей и народомъ коренным образомъ измѣнились, и еще раньше чѣмъ рабочіе поняли, что буржуа, болѣе по необходимости, чѣмъ по злой волѣ, являются ихъ естественными врагами, буржуа уже достигли сознанія этого фатальнаго антагонизма. Это то сознаніе я и называю нечистой совѣстью буржуа.

Треье Письмо.

Какъ я сказалъ, нечистая совѣсть буржуа парализовала съ начала столѣтія, все интеллектуальное и моральное движеніе буржуазіи. Я поправляюсь и замѣняю слово **парализовала**, словомъ **извратила.** Ибо было бы неправильно обозвать параличнымъ или лишеннымъ движенія тотъ умъ, который, перейдя отъ теоріи къ приложенію позитивныхъ наукъ, создалъ чудеса современной промышленности, пароходы, желѣзныя дороги и телеграфъ; который, съ другой стороны, открылъ новую науку — статистику, и доведя политическую экономію и историческую критику раз-

витія богатства и цивилизаціи народовъ до ихъ послѣднихъ выводовъ, положилъ основаніе новой философіи — соціализму, являющемуся съ точки зрѣнія интересовъ буржуазіи ничѣмъ инымъ, какъ великодушнымъ самоубійствомъ, отрицаніемъ всего буржуазнаго міра.

Параличъ наступилъ лишь позже, съ 1848 года, когда буржуазія, испуганная результатами своихъ прежнихъ работъ, сознательно бросилась назадъ, и отрекшись, ради сохраненія богатства, отъ всякой мысли и всякой воли, подчинилась военнымъ покровителямъ и отдалась душой и тѣломъ самой полной реакціи. Съ этого времени, она болѣе ничего не изобрѣла, она потеряла вмѣстѣ со смѣлостью и творческую мощь. Она не обладаетъ болѣе даже инстинктомъ самосохраненія, ибо все что она сдѣлала и все что она дѣлаетъ для своего спасенія, фатально толкаетъ ее въ бездну.

До 1848 года она была еще въ полной силѣ духа. Правда, этотъ духъ уже не обладалъ той жизненной силой, съ помощью которой, отъ XVI-го до XVIII-го вѣка, онъ создалъ цѣлый новый міръ. Это уже не былъ героическій духъ класса, который обладалъ всѣми дерзновеніями, ибо долженъ былъ все завоевать: теперь это былъ благоразумный и разсудочный духъ новаго собственника, который, пріобрѣтя горячо желанное имущество, долженъ теперь заботиться о его процвѣтаніи и цѣнности. Характерной чертой буржуазнаго духа первой половины столѣтія является почти исключительно утилитарная тенденція.

Его въ этомъ упрекали и упреки эти несправедливы. Я напротивъ думаю, что буржуазія оказала человѣчеству послѣднюю великую услугу, проповѣдуя, гораздо больше собственнымъ примѣромъ, чѣмъ теоріями, культъ, или лучше сказать, уваженіе къ матеріальнымъ интересамъ. Въ сущности, эти интересы всегда имѣли въ мірѣ преобладающее значеніе; но раньше они маскировались подъ видомъ лицемѣрнаго и не-

здороваго идеализма, который именно и дѣлалъ ихъ нездоровыми и отталкивающими.

Тотъ, кто хоть немного занимался исторіей не могъ не замѣтить, что въ основаніи самыхъ абстрактныхъ, высокихъ и идеальныхъ теологическихъ споровъ и религіозныхъ войнъ, всегда былъ какой нибудь крупный матеріальный интересъ. Всѣ расовыя, національныя, государственныя и классовыя войны, никогда не имѣли другой цѣли, кромѣ владычества, являющагося необходимой гарантіей и условіемъ обладанія имуществомъ и пользованія имъ. Человѣческая исторія, разсматриваемая съ этой точки зрѣнія, является ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ великой жизненной борьбы, составляющей, согласно Дарвину, основной законъ органической природы.

Въ животномъ мірѣ эта борьба происходитъ безъ мыслей и безъ фразъ, она не имѣетъ здѣсь также и разрѣшенія; пока земля будетъ существовать, животныя, плотоядныя по преимуществу, начали свою исторію съ людоѣдства. — Теперь они стремятся ко всемірной ассоціаціи, къ коллективному производству и потребленію.

Но между этими двумя крайними точками, какая кровавая и ужасная трагедія! И эта трагедія нами еще не окончена. Послѣ людоѣдства наступило рабство; послѣ рабства, крѣпостное состояніе; послѣ крѣпостного состоянія, работа по найму, которую долженъ смѣнить во первыхъ, страшный день возмездія, а позже, много позже, эра братства. Вотъ фазы, чрезъ которыя животная борьба за жизнь постепенно перерабатывается, въ исторіи, въ человѣческую организацію жизни.

И среди этой братоубійственной борьбы людей противъ людей, среди этого взаимнаго пожиранія другъ друга, среди этого рабства и этой эксплуатаціи однихъ другими, которая, мѣняя названія и формы, продолжалась непрерывно изъ вѣка въ вѣкъ до нашихъ дней, какую роль играла религія? Она всегда освящала насиліе и придавала ему форму права. Она перенесла

человѣчность, справедливость и братство на фиктивное небо, чтобы предоставить землю царству несправедливости и грубой силы. Она благословляла счастливыхъ разбойниковъ, и чтобы сдѣлать ихъ счастье еще болѣе полнымъ, она проповѣдывала ихъ безчисленнымъ жертвамъ, т. е. народу, самоотреченіе и послушаніе. И чѣмъ болѣе идеалъ, обожаемый ею на небѣ, казался прекраснымъ, тѣмъ болѣе дѣйствительность на землѣ становилась ужасной. Ибо въ природѣ каждаго идеализма, какъ религіознаго, такъ и метафизическаго, заложено презрѣніе къ реальному міру, а презирая его, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ его эксплуатируетъ, — откуда вытекаетъ, что всякій идеализмъ необходимо порождаетъ лицемѣріе.

Человѣкъ — матерія, и не можетъ безнаказанно презирать матерію. Онъ животное, и не можетъ уничтожить свою животность; но онъ можетъ и долженъ ее переработать и очеловѣчить черезъ свободу, т. е. черезъ комбинированное дѣйствіе справедливости и разума, которые могутъ имѣть вліяніе на эту животность только потому, что они являются ея произведеніемъ и высшимъ выраженіемъ. Напротивъ того, всякій разъ, что человѣкъ хотѣлъ отвлечься отъ своей животности, онъ становился ея игрушкой и рабомъ, а чаще всего даже лицемѣрнымъ служителемъ, — свидѣтельствомъ чему служатъ священники самой идеальной и самой нелѣпой изъ религій — католицизма.

Сравните ихъ хорошо извѣстную безнравственность съ ихъ обѣтомъ цѣломудрія; сравните ихъ ненасытную жадность съ ихъ ученіемъ объ отреченіи отъ благъ сего міра, — и согласитесь, что не существуетъ болѣе матеріалистичныхъ существъ, чѣмъ эти проповѣдники христіанскаго идеализма. Да и сейчасъ, какой вопросъ волнуетъ церковь? Вопросъ о сохраненіи своего имущества, угрожаемаго конфискаціей со стороны Государства, этой новой Церкви, являющейся выраженіемъ политическаго идеализма.

Политическій идеализмъ не менѣе нелѣпъ, не менѣе вреденъ, не менѣе лицемѣренъ, чѣмъ идеализмъ

религіозный, коего онъ является лишь разновидностью, лишь свѣтскимъ и земнымъ выраженіемъ и приложеніемъ. Государство. это младшій братъ Церкви; а патріотизмъ, эта государственная добродѣтель, этотъ культъ Государства, является лишь отраженіемъ божественнаго культа.

Добродѣтельный человѣкъ, согласно принципамъ идеальной, религіозной и политической школы, долженъ служить Богу и жертвовать собой ради Государства. И вотъ эту-то доктрину буржуазный **утилитаризмъ** съ начала столѣтія и сталъ оцѣнивать по достоинству.

Четвертое Письмо.

Одной изъ величайшихъ заслугъ буржуазнаго утилитаризма было, какъ я уже сказалъ, убійство религіи Государства, убійство патріотизма.

Патріотизмъ, какъ извѣстно, античная добродѣтель, рожденная среди греческихъ и римскихъ республикъ, гдѣ въ дѣйствительности никогда не было другой религіи, кромѣ религіи Государства, другого предмета поклоненія кромѣ Государства.

Что такое Государство? Метафизика и доктора права отвѣчаютъ намъ, что это то, что принадлежитъ всѣмъ; интересы, общее благо и право всѣхъ въ противуположеніи раздѣляющему дѣйствію эгоистичныхъ интересовъ и страстей каждаго. Это земная справедливость, земное осуществленіе морали и добродѣтели. Слѣдовательно, для индивидовъ не можетъ быть болѣе высокаго подвига и болѣе великой обязанности, какъ продавать себя, жертвовать собой и въ случаѣ нужды умирать ради торжества, ради могущества Государства.

Вотъ въ немногихъ словахъ вся теологія Государства. Посмотримъ теперь, не скрываетъ ли эта политическая теологія, также какъ и теологія религіозная, подъ очень красной и поэтической внѣшностью, очень обыкновенныя и грязныя реальности.

Проанализируемъ сперва самую идею государ-

ства, взявъ ее таковой, какъ намъ ее представляютъ его восхвалители. Это пожертвованіе естественной свободой и интересами каждаго, какъ индивидъ, такъ и сравнительно меньшихъ коллективныхъ единицъ — ассоціацій, коммунъ и провинцій — ради интересовъ и свободы всѣхъ, ради благоденствія великаго цѣлаго. Но это общее, это великое цѣлое, что оно такое въ дѣйствительности? Это совокупность всѣхъ индивидовъ и всѣхъ болѣе узкихъ человѣческихъ обществъ, которые его составляютъ. Но разъ, чтобы его составить и соподчиниться въ немъ, всѣ индивидуальные и мѣстные интересы должны быть пожертвованы, то чѣмъ же является въ дѣйствительности то цѣлое, которое въ идеѣ должно быть ихъ представителемъ? Оно не является живымъ единствомъ, предоставляющемъ каждому свободно дышать и дѣлающемся тѣмъ болѣе богатымъ, могучимъ и свободнымъ, чѣмъ шире развертываются въ его лонѣ, свобода и счастье каждаго: оно не является естественнымъ человѣческимъ обществомъ, которое утверждаетъ и увеличиваетъ жизнь каждаго посредствомъ жизни всѣхъ: — напротивъ того, оно является закланіемъ всѣхъ отдѣльныхъ индивидовъ и всѣхъ мѣстныхъ ассоціацій, абстракціей, убивающей живое общество ограниченіемъ или, лучше сказать, полнымъ отрицаніемъ жизни и права всѣхъ частей, составляющихъ общее цѣлое, во имя выдуманнаго и фиктивнаго общаго цѣлаго. Таково Государство, этотъ алтарь политической религіи, на которомъ постоянно происходитъ закланіе естественнаго общества. Это всепожиратель, живущій человѣческими жертвами, подобно Церкви. Государство, повторяю еще разъ, — меньшій братъ Церкви.

Чтобы доказать тождество Церкви и Государства, я прошу читателя констатировать фактъ, что какъ Церковь, такъ и Государство основаны существеннымъ образомъ на идеѣ пожертвованія жизнью и естественнымъ правомъ, и что они исходятъ изъ одного и того же принципа. Принципъ этотъ, это прирожденная порочность людей, не могущая быть побѣжденной

ничѣмъ, кромѣ какъ божьей благодатью и смертью въ Богѣ естественнаго человѣка, согласно Церкви, а согласно Государству, ничѣмъ инымъ, кромѣ какъ закономъ и закланіемъ индивида на алтарѣ Государства. И Церковь и Государство стремятся пересоздать человѣка, первая, во святого, второе въ гражданина. Но естественный человѣкъ долженъ умереть, ибо его осужденіе единогласно постановлено, какъ религіей Церкви, такъ и религіей Государства.

Таковы въ ихъ идеальной чистотѣ тождественныя теоріи Церкви и Государства. Это чистыя абстракціи, но всякая историческая абстракція предполагаетъ историческіе факты. Эти факты, какъ я уже сказалъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ, обладаютъ очень реальной, очень грубой природой: это насиліе, грабежъ, порабощеніе, завоеваніе. Человѣкъ такъ созданъ, что онъ не довольствуется тѣмъ, чтобы дѣйствовать, онъ чувствуетъ потребность объяснять и узаконять, передъ своей собственной совѣстью и въ глазахъ своего міра, то, что онъ дѣлаетъ. Религія явилась, чтобы благословлять совершившіеся факты и, благодаря этому благословенію, несправедливый и грубый фактъ обратился въ право. Юридическая наука и политическое право, какъ извѣстно, въ началѣ вытекли изъ теологіи, позже изъ метафизики, которая является ничѣмъ инымъ, какъ замаскированной теологіей, имѣющей смѣшную претензію не быть нелѣпой. Метафизика старалась, но тщетно, придать имъ характеръ науки.

Разсмотримъ теперь, какую роль играли и продолжаетъ играть въ реальной жизни, въ человѣческомъ обществѣ, абстракція Государства, параллельная исторической абстракціи, называемой Церковью?

Государство, сказалъ я, по самой сущности своей, есть громадное кладбище, гдѣ происходитъ самопожертвованіе, смерть и погребеніе всѣхъ проявленій индивидуальной и мѣстной жизни, всѣхъ интересовъ частей, которыя то и составляютъ, всѣ вмѣстѣ, общество. Это алтарь, на которомъ реальная свобода и бла-

годенствіе народовъ приносятся въ жертву политическому величію; и чѣмъ это пожертвованіе болѣе полно, тѣмъ Государство совершеннѣй. Я отсюда заключаю, и это мое убѣжденіе, что Русская имперія, это Государство по преимуществу, это, безъ реторики и безъ фразъ, самое совершенное Государство въ Европѣ. Напротивъ того, всѣ Государства, въ которыхъ народы могутъ еще дышать, являются съ точки зрѣнія идеала, Государствами несовершенными, подобно тому какъ всѣ другія Церкви, по сравненію съ римско-католической Церковью, являются неудавшимися Церквами.

Государство, сказалъ я, это абстракція, пожирающая народную жизнь; но для того, чтобы абстракція могла родиться, развиться и продолжать существовать въ реальномъ мірѣ, надо, чтобы существовало реальное коллективное тѣло, заинтересованное въ ея существованіи. Таковымъ не можетъ быть большинство народа, ибо оно именно является жертвой Государства; нуждаться въ немъ можетъ лишь привилегированная группа, жреческое сословіе Государства, правящій и обладающій собственностью классъ, являющійся въ Государствѣ тѣмъ же, чѣмъ въ Церкви является священно-служительскій классъ религіи, священники.

И въ самомъ дѣлѣ, что видимъ мы въ продолженіе всей исторіи? Государство было всегда принадлежностью какого нибудь привилегированнаго класса: священно-служительскаго, дворянскаго или буржуазнаго; наконецъ, когда всѣ другіе классы истощаются, выступаетъ на сцену классъ бюрократовъ и тогда государство падаетъ или, если угодно, возвышается до положенія машины. Но для существованія Государства непремѣнно нужно, чтобы какой нибудь привилегированный классъ былъ заинтересованъ въ его существованіи. И вотъ отдѣльный интересъ этого привилегированнаго класса и есть именно то, что называется **патріотизмомъ**.

Пятое Письмо.

Былъ ли когда либо патріотизмъ, въ томъ сложномъ смыслѣ, который придаютъ этому слову, народной страстью или добродѣтелью?

Имѣя въ рукахъ исторію, я не колеблясь, отвѣчаю на этотъ вопросъ рѣшительнымъ **нѣтъ**, и чтобы доказать читателю, что я не ошибаюсь, отвѣчая такимъ образомъ, я прошу у него позволенія проанализировать главнѣйшіе элементы, которые входя другъ съ другомъ въ болѣе или менѣе различныя соединенія, составляютъ то, что называется патріотизмомъ.

Таковыхъ элементовъ четыре: 1) Естественный или физіологическій элементъ; 2) экономическій элемент; 3) политическій элементъ; и 4) религіозный или фанатическій элементъ.

Физіологическій элементъ является главнымъ основаніемъ всякаго, наивнаго, инстинктивнаго и грубаго патріотизма. Это страсть естественная и которая, именно потому, что она слишкомъ естесвенная, т. е. совершенно животна, находится въ жесточайшемъ противорѣчіи со всей политикой, и, что много хуже, сильно затрудняетъ экономическое, научное и гуманное развитіе общества.

Естественный патріотизмъ, явленіе совершенно звѣриное, встрѣчающееся въ различныхъ степеняхъ въ животномъ и даже, можно отчасти сказать, въ растительномъ царствѣ. Понятый въ этомъ смыслѣ, патріотизмъ — губительная война и первое проявленіе въ человѣчествѣ той великой и роковой борьбы за жизнь, которая наполняетъ все развитіе, всю жизнь естественнаго реальнаго міра, — борьбы непрестанной, всемірнаго пожиранія другъ друга, которое питаетъ каждаго индивида, каждую породу мясомъ и кровью индивидовъ другихъ породъ, и которое, фатально возобновляясь съ каждымъ часомъ, съ каждымъ мгновеніемъ, позволяетъ жить и развиваться самымъ совершеннымъ, сильнымъ и умнымъ породамъ на счетъ другихъ.

Тѣ, кто занимаются земледѣліемъ или садоводствомъ знаютъ, какъ трудно уберечь свои посадки противъ паразитныхъ породъ, которыя отнимаютъ у нихъ свѣтъ и необходимые для питанія химическіе элементы земли. Наиболѣе могучее растеніе то, которое всего лучше приноровлено къ спеціальнымъ условіямъ климата и почвы, развивается всегда со сравнительно большей силой и естественно стремится задушить всѣ другія. Это молчаливая, но неустанная борьба, и надо всю энергію вмѣшательства человѣка, чтобы защитить предпочитаемыя имъ растенія отъ этого нашествія.

Въ животномъ царствѣ продолжается та же борьба, только съ большимъ драматическимъ оживленіемъ и шумомъ. Здѣсь уже не молчаливое, незамѣтное задушеніе. Здѣсь течетъ кровь, и мучимое, раздираемое, пожираемое животное наполняетъ воздухъ криками. Наконецъ, человѣкъ, животное говорящее, вноситъ въ эту борьбу первую фразу, и фраза эта называется патріотизмомъ.

Борьба за жизнь въ растительномъ и животномъ царствѣ, не есть лишь борьба между индивидами; это борьба между народами, группами и семействами, борьба однихъ противъ другихъ. Во всякомъ живомъ существѣ есть два инстинкта, два главныхъ интереса: желаніе пищи и желаніе воспроизведенія. Съ точки зрѣнія питанія, каждый индивидъ является естественнымъ врагомъ всѣхъ другихъ, безъ принятія въ разсчетъ семейныхъ и родовыхъ связей. Поговорка, что волки не ѣдятъ другъ друга справедлива лишь до тѣхъ поръ, покуда волки находятъ для своего питанія животныхъ, принадлежащихъ къ другимъ породамъ, но мы знаемъ, что какъ только въ этихъ послѣднихъ ощущается недостатокъ, волки преспокойно пожираютъ другъ друга. Кошки, свиньи и еще многія другія животныя часто съѣдаютъ своихъ собственныхъ дѣтей, и нѣтъ животнаго, которое бы этого не сдѣлало, принужденное голодомъ. А человѣческія общества, не начали ли они съ людоѣдства? И кто не слыхалъ печаль-

ныхъ исторій о потерпѣвшихъ крушеніе морякахъ, которые потерявшись среди океана, носясь на хрупкомъ суднѣ и будучи лишены пищи, бросали жребій, кто изъ нихъ долженъ быть пожертвованъ и съѣденъ другими. Наконецъ, развѣ мы не видѣли при послѣднемъ большомъ голодѣ, опустошившемъ Алжиръ, матерей которыя съѣдали собственныхъ дѣтей?

Дѣло въ томъ, что голодъ это жестокій и непобѣдимый деспотъ, и необходимость питаться, необходимость чисто индивидуальная, является первымъ закономъ, главнымъ условіемъ жизни. Это основаніе всей человѣческой и соціальной жизни, точно такъ же, какъ и жизни растительной и животной. Возстаніе противъ необходимости питанія равносильно отрицанію всей жизни, самоприговору къ небытію.

Но на ряду съ этимъ основнымъ закономъ живой природы, есть и другой столь же существенный, — законъ воспроизведенія. Первый стремится къ сохраненію индивидовъ, второй къ созданію семействъ, группъ и породъ. Индивиды, побуждаемые естественной необходимостью, стремятся соединиться, для цѣлей воспроизведенія, съ индивидами, которые по организмѣ близки къ нимъ, подобны имъ. Бываетъ различіе организмовъ, дѣлающія соединеніе безплоднымъ или даже невозможнымъ. Эта невозможность очевидна между царствомъ растительнымъ и царствомъ животнымъ; но даже и въ этомъ послѣднемъ, соединеніе четвероногихъ, напримѣръ, съ птицами, рыбами, пресмыкающимися или насѣкомыми равнымъ образомъ невозможно.

Ограничившись одними четвероногими, мы найдемъ ту же невозможность между различными группами, и такимъ образомъ приходимъ къ заключенію, что возможность соединенія и воспроизведенія можетъ быть осуществленной для индивида лишь въ очень ограниченной сферѣ индивидовъ, которые, будучи одарены организмомъ тождественнаго или близкаго къ организму перваго, составляютъ вмѣстѣ съ нимъ ту же группу или то же семейство.

Такъ какъ инстинктъ воспроизведенія составляетъ единственную связь солидарности, могущую существовать между индивидами животнаго міра, то тамъ, гдѣ эта способность прекращается, прекращается и всякая животная солидарность. Все, остающееся внѣ группы, въ средѣ которой для индивида возможно воспроизведеніе, составляетъ другую породу, совершенно чуждый міръ, міръ враждебный и приговоренный къ уничтоженію; все, что находится внутри, составляетъ широкое отечество породы, — какъ напримѣръ, для людей, человѣчество.

Но уничтоженіе и пожираніе одного живого индивида другимъ встрѣчаются не только внѣ того ограниченнаго міра, который мы назвали широкимъ отечествомъ породы. Внутри этого міра они свирѣпствуютъ съ такой же, а иногда и съ большей силой, какъ вслѣдствіе противоборства и стѣсненія, которыя они здѣсь находятъ, такъ и потому, что къ сраженіямъ изъ-за голода присоединяются столь же ожесточенныя сраженія изъ-за любви.

Кромѣ того, каждая порода животныхъ подраздѣляется на различныя групны и семейства, видоизмѣняясь подъ вліяніемъ географическихъ и климатологическихъ условій различныхъ странъ, среди которыхъ она живетъ. Большее или меньшее различіе условій жизни опредѣляетъ соотвѣтственное различіе въ организмы индивидовъ, принадлежащихъ къ одной и той же породѣ. Кромѣ того извѣстно, что всякій животный индивидъ естественно стремится соединиться съ индивидомъ, наиболѣе схожимъ съ нимъ, откуда естественно вытекаетъ развитіе большого числа видоизмѣненій въ каждой породѣ. А такъ какъ различія, опредѣляющія эти видоизмѣненія, основаны главнымъ образомъ на воспроизведеніи, такъ какъ воспроизведеніе есть единственное основаніе всей животной солидарности, то, очевидно, широкая солидарность породы должна подраздѣляться на множество болѣе ограниченныхъ солидарностей и широкое отечество

породы разбиваться на массу маленькихъ животныхъ отечествъ, враждебныхъ и уничтожающихъ другъ друга.

Шестое Письмо.

Естественный или физiологическiй патрiотизмъ.

I.

Я показалъ въ моемъ предыдущемъ письмѣ, что патрiотизмъ, поскольку это естественная страсть, вытекаетъ изъ физiологическаго закона, а именно изъ закона, опредѣляющаго раздѣленiе живыхъ существъ на породы, семейства и группы.

Страсть патрiотическая, очевидно страсть общественная. Чтобы найти ея яснѣйшее выраженiе въ животномъ мiрѣ, надо обратиться къ породамъ животныхъ, которыя подобно человѣку, одарены природой въ высокой общественной мѣрѣ: напримѣръ, къ муравьямъ, къ пчеламъ, къ бобрамъ и ко многимъ другимъ животнымъ, обладающимъ общими, неподвижными жилищами, а также къ животнымъ, бродящимъ въ стадахъ. Животныя, имѣющiя общее, неподвижное жилище, служатъ иллюстрацiей патрiотизма земледѣльческихъ народовъ, а животныя, бродящiя въ стадахъ — патрiотизма кочевыхъ народовъ, понятно, патрiотизма лишь въ его естественномъ, физiологическомъ элементѣ.

Очевидно, патрiотизмъ первыхъ полнѣе патрiотизма послѣднихъ. Этотъ послѣднiй устанавливаетъ лишь солидарность индивидовъ въ стадѣ, между тѣмъ, какъ первый создаетъ еще связь индивидовъ съ почвой и жилищемъ, въ которомъ они обитаютъ. Привычка — эта вторая натура какъ людей, такъ и животныхъ — и образъ жизни гораздо опредѣленнѣе, устойчивѣе у животныхъ общественныхъ и осѣдлыхъ, чѣмъ среди бродячихъ стадъ; а изъ этихъ-то особенностей въ привычкахъ и въ образѣ жизни и составляется главный элементъ патрiотизма.

Естественный патріотизмъ можно опредѣлить такъ: инстинктивная, машинальная и совершенно лишенная критики привязанность общественно принятому, наслѣдственному, традиціонному образу жизни, и столь же инстинктивная, машинальная враждебность ко всякому другому образу жизни; любовь къ своему и къ своимъ и ненависть ко всему, имѣющему чуждый характеръ. Стало быть, патріотизмъ, съ одной стороны коллективный эгоизмъ, а съ другой стороны — война.

Такая солидарность недостаточно сильна, чтобы индивиды-члены животной общины не пожирали другъ друга въ случаѣ нужды; но она достаточно сильна, чтобы индивиды, забывъ междуусобія, соединялись всякій разъ, какъ имъ грозитъ вторженіе чужой общины.

Посмотрите, напримѣръ, на собакъ какой нибудь деревни. Собаки въ естественномъ состояніи не составляютъ коллективныхъ республикъ; предоставленныя собственнымъ инстинктамъ, онѣ живутъ, подобно волкамъ, въ бродячихъ стаяхъ, и только подъ вліяніемъ человѣка обращаются въ осѣдлыхъ животныхъ. Но прикрѣпленныя къ мѣсту, онѣ составляютъ въ каждой деревнѣ своего рода республику, основанную не на коммунистическомъ строѣ, а на индивидуальной свободѣ, согласно девизу, столь любимому буржуазными экономистами: каждый за себя и чертъ побери оплошавшаго. У собакъ безграничная свобода и попустительство, конкуренція, безустанная, безжалостная война, въ которой болѣе сильный всегда кусаетъ болѣе слабаго, — совершенно какъ въ буржуазныхъ республикахъ. Но пусть только собака сосѣдней деревни выглянетъ на ихъ улицѣ, и вы тотчасъ увидите, какъ всѣ эти ссорящіеся сограждане толпой бросятся на несчастнаго иностранца.

Не есть ли это точная копія или, лучше сказать оригиналъ, ежедневно копируемый человѣческимъ обществомъ? Не есть ли это самое полное проявленіе того естественнаго патріотизма, о которомъ я сказалъ и осмѣливаюсь повторить, что это чисто звѣриная

страсть? Ея звѣрный характеръ несомнѣненъ, ибо собаки безспорно звѣри, а человѣкъ, будучи животнымъ подобно собакѣ и другимъ земнымъ животнымъ, но только животнымъ, одареннымъ физіологической способностью думать и говорить, начинаетъ свою исторію со звѣринаго состоянія и только съ теченіемъ вѣковъ завоевываетъ и создаетъ свою человѣчность.

Разъ мы знаемъ происхожденіе человѣка, насъ не должна удивлять его звѣриность, являющаяся естественнымъ фактомъ въ серіи естественныхъ фактовъ; насъ не должна она и возмущать. Отсюда, однако, нисколько не вытекаетъ, чтобы противъ нея не надо было бороться съ самой большой энергіей, ибо вся человѣческая жизнь ничто иное, какъ непрерывная борьба съ естественной звѣриностью человѣка ради его человѣчности.

Я хотѣлъ лишь констатировать, что патріотизмъ, восхваляемый намъ поэтами, политиками всѣхъ школъ, правительствами и всѣми привилегированными классами, какъ высшая и идеальная добродѣтель, имѣетъ корень не въ человѣческихъ, но въ звѣрныхъ свойствахъ человѣка.

И дѣйствительно, безраздѣльное, всецѣлое царствованіе естественнаго патріотизма мы видимъ въ началѣ исторіи и въ наименѣе цивилизованныхъ частяхъ человѣческаго общества. Конечно, въ человѣческихъ обществахъ патріотизмъ является гораздо болѣе сложнымъ чувствомъ, чѣмъ въ другихъ животныхъ обществахъ, по той простой причинѣ, что жизнь человѣка, животнаго мыслящаго и одареннаго словомъ, обнимаетъ несравненно больше предметовъ, чѣмъ жизнь животныхъ другихъ породъ. Къ чисто физическимъ привычкамъ и обычаямъ въ немъ присоединяются еще традиціи, болѣе или менѣе абстрактныя, интеллектуальныя и моральныя, — цѣлая масса истинныхъ и ложныхъ представленій вмѣстѣ съ различными, религіозными, экономическими, политическими и соціальными обычаями. Все это элементы патріотизма естественнаго, и отъ характера ихъ взаимныхъ

комбинацій зависитъ разнообразіе склада жизни, мышленія и дѣятельности даннаго общества.

Но какова бы ни была разница, въ отношеніи количества и качества охватываемыхъ ими объектовъ, между естественнымъ патріотизмомъ человѣческихъ и звѣриныхъ обществъ, общее между ними то, что и тотъ и другой являются инстинктивными, традиціонными, привычными, общественными страстями, чья интенсивность нисколько не зависитъ отъ природы ихъ содержанія. Напротивъ того, можно сказать, что чѣмъ это содержаніе менѣе сложно, чѣмъ оно проще, тѣмъ сильнѣе и исключительнѣе патріотическое чувство, которое служитъ его проявленіемъ и выраженіемъ.

Животное, очевидно, гораздо болѣе привязано къ наслѣдственнымъ обычаямъ общества, къ которому оно принадлежитъ, чѣмъ человѣкъ. У животнаго эта патріотическая привязанность фатальна: животное не можетъ само собой отъ нее освободиться, и, если освобождается иногда, то только подъ вліяніемъ человѣка. Точно также въ человѣческихъ обществахъ, чѣмъ менѣе развита цивилизація, чѣмъ менѣе сложно основаніе соціальной жизни, тѣмъ сильнѣе проявляется естественный патріотизмъ, т. е. инстинктивная привязанность индивидовъ ко всѣмъ матеріальнымъ, интеллектуальнымъ и моральнымъ привычкамъ, составляющимъ обычную, традиціонную жизнь отдѣльной общины, и ненависть ко всему чужому и отличающемуся. Откуда вытекаетъ, что естественный патріотизмъ обратно пропорціоналенъ развитію цивилизаціи, т. е. торжеству человѣчности въ человѣческихъ обществахъ.

Никто не будетъ отрицать, что естественный, инстинктивный патріотизмъ несчастныхъ племенъ ледовитаго пояса, едва затронутыхъ человѣческой цивилизаціей и чья даже матеріальная жизнь очень бѣдна, безконечно сильнѣе, безконечно исключительнѣе, чѣмъ патріотизмъ француза, англичанина или напримѣръ нѣмца. Нѣмецъ, англичанинъ, французъ вездѣ могутъ жить и акклиматизироваться, между тѣмъ уро-

женецъ полярныхъ странъ умеръ бы въ скоромъ времени отъ тоски по родинѣ, если бы его удерживали вдали отъ нее. И однако, что можетъ быть болѣе ничтожнымъ, менѣе человѣчнымъ, чѣмъ его существованіе! А это служитъ лишнимъ доказательствомъ, что интенсивность естественнаго патріотизма является показателемъ не человѣчности, а звѣриности.

На ряду съ положительнымъ элементомъ патріотизма, заключающемся въ инстинктивной привязанности индивидовъ къ опредѣленному образу существованія, свойственному той общинѣ, къ которой они принадлежать, существуетъ еще отрицательный элементъ, столь же существенный какъ и первый и неотдѣлимый отъ него; это равно инстинктивное отвращеніе ко всему чуждому — отвращеніе инстинктивное и слѣдовательно совершенно звѣриное; да, въ самомъ дѣлѣ, звѣриное, ибо это отвращеніе тѣмъ энергичнѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ менѣе тотъ, который его испытываетъ, думалъ и понималъ, чѣмъ менѣе онъ человѣкъ.

Въ настоящее время это патріотическое отвращеніе ко всему иностранному встрѣчается только у дикихъ народовъ; въ Европѣ его можно найти у полудикаго населенія, которое буржуазная цивилизація не удостоила просвѣтить, хотя она и не забываетъ его эксплуатировать. Въ самыхъ большихъ столичныхъ городахъ Европы, въ Парижѣ и особенно въ Лондонѣ есть улицы, предоставленныя нищенскому населенію, котораго никогда даже не касались лучи просвѣщенія. Достаточно появленія на этихъ улицахъ иностранца, чтобы его окружила толпа несчастныхъ человѣческихъ существъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, едва одѣтыхъ и носящихъ во всей своей внѣшности слѣды самой ужасной нищеты и самого глубокаго паденія; они осыпаютъ новоприбывшаго ругательствами, иногда даже побоями, и единственно потому, что онъ иностранецъ. Развѣ подобнаго рода грубый и дикій патріотизмъ не является самымъ кричащимъ отрицаніемъ всего, что называется человѣчностью?

И однако есть весьма просвѣщенныя буржуазныя газеты, какъ напрмѣръ, Journal de Geneve, которыя не чувствуютъ никакого стыда эксплуатировать столь мало человѣческій предразсудокъ и столь всецѣло звѣриную страсть. Я однако долженъ отдать имъ справедливость и охотно сознаюсь, что, эти газеты эксплуатируютъ патріотизмъ, нисколько его не раздѣляя и единственно лишь потому, что имъ выгодно его эксплуатироват, подобно тому какъ поступаютъ въ настоящее время почти всѣ священники всѣхъ религій, проповѣдующіе религіозныя нелѣпости, сами не вѣря въ нихъ и единственно лишь потому, что это въ интересахъ привилегированныхъ классовъ, чтобы народныя массы продолжали вѣрить.

Когда Journal de Geneve не находитъ уже болѣе аргументовъ и доказательствъ, тогда газета говоритъ: эта вещь, эта идея, этотъ человѣкъ намъ **чужды**, и она имѣетъ столь низкое представленіе о своихъ соотечественникахъ, что питаетъ надежду, что достаточно будетъ этого страшнаго слова **чуждый**, чтобы они, позабывъ все, и здравый смыслъ и человѣчность и справедливость, стали на ея сторону.

Я самъ не женевецъ, но я слишкомъ уважаю жителей Женевы, чтобы не думать, что Journal ошибается на ихъ счетъ. Они, конечно не захотятъ пожертвовать человѣчностью ради звѣрности, эксплуатируемой коварствомъ.

II.

Я сказалъ, что патріотизмъ, поскольку онъ инстинктивенъ или естественъ, имѣетъ всѣ свои корни въ животной жизни и не представляетъ ничего другого, кромѣ извѣстной комбинаціи коллективныхъ привычекъ: матеріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ, экономическихъ, политическихъ и соціальныхъ, развитыхъ традиціей или исторіей, въ данномъ обществѣ. Эти привычки, какъ я прибавилъ еще, могутъ быть хороши или плохи; причемъ объектъ этого инстинктивнаго чувства—патріотизма, не имѣетъ никако-

го вліянія на степень его интенсивности. Даже если бы пришлось допустить въ этомъ отношеніи извѣстную разницу, то она скорѣе склонялась бы на сторону худыхъ, чѣмъ хорошихъ качествъ. Ибо— по причинѣ животнаго происхожденія всякаго человѣческаго общества, и въ силу той инертности, которая имѣетъ столь же широкое поле дѣйствія въ интеллектуальномъ и моральномъ мірѣ, какъ и въ мірѣ матеріальномъ, — во всякомъ обществѣ, которое еще не вырождается, а напротивъ, прогрессируетъ и идетъ впередъ, плохія привычки, имѣя за себя первенство по времени, вкоренны болѣе глубоко, чѣмъ хорошія. Это намъ объясняетъ почему изъ общей суммы нынѣшнихъ общественныхъ привычекъ, въ самыхъ передовыхъ странахъ цивилизованнаго міра, по крайней мѣрѣ девять десятыхъ никуда не годятся.

Да не воображаютъ, что я вздумалъ объявить войну всеобщему обычаю общества и людей управляться привычками. Какъ и во многихъ другихъ вещахъ, люди въ этомъ лишь фатально повинуются естественному закону, а возставать противъ естественныхъ законовъ было бы нелѣпо. Дѣйствіе привычекъ въ интеллектуальной и моральной жизни индивидовъ и обществъ подобно дѣйствію растительныхъ силъ въ жизни органической. Какъ то, такъ и другое являются условіями существованія и реальности. Какъ добро, такъ и зло должны, чтобы сдѣлаться реальной вещью, перейти въ привычку, какъ въ индивидуальномъ человѣкѣ, такъ и въ обществѣ. Всѣ упражненія, которымъ предаются люди, не имѣютъ другой цѣли, и самыя лучшія вещи не могутъ укорениться въ человѣкѣ и сдѣлаться его второй природой иначе, какъ въ силу привычки. Легкомысленно возставать противъ нее, ибо это фатальная сила, которую не смогли бы уничтожить никакой умъ и никакая воля. Но, если просвѣщенные разумомъ нашего вѣка и нашимъ представленіемъ объ истинной справедливости, мы серьезно пожелаемъ сдѣлаться людьми, то намъ остается только одно: постоянно направлять силу воли, т. е. привычку хотѣть,

развитую въ насъ независимыми отъ насъ обстоятельствами, къ искорененію плохихъ привычекъ и къ насажденію на ихъ мѣсто хорошихъ. Чтобы очеловѣчить цѣлое общество, надо безпощадно уничтожать всѣ причины, всѣ политическія, экономическія и соціальныя условія, порождающія въ индивидахъ зло, и замѣстить ихъ такими условіями, которыя бы развили въ этихъ самыхъ индивидахъ привычку и практическое примѣненіе добра.

Съ точки зрѣнія современнаго сознанія, съ точки зрѣнія человѣчности и справедливости, которыя, наконецъ поняты нами, благодаря прошедшему развитію исторіи, — патріотизмъ является привычкой дурной, узкой и злополучной, ибо онъ является отрицаніемъ человѣческаго равенства и солидарности. Соціальный вопросъ, практически выставленный въ настоящее время рабочимъ міромъ Европы и Америки, и разрѣшеніе котораго возможно не иначе, какъ съ уничтоженіемъ границъ Государствъ, необходимо стремится искоренить эту традиціонную привычку изъ сознанія работниковъ всѣхъ странъ. Ниже я покажу, что уже съ начала столѣтія эта привычка была сильно поколеблена въ сознаніи высшей финансовой, торговой и промышленной буржуазіи, благодаря удивительному и совершенно международному развитію богатствъ и ея экономическихъ интересовъ. Но прежде я долженъ показать, какимъ образомъ, гораздо раньше этой буржуазной революціи, инстинктивный, естественный патріотизмъ, являющійся по самой природѣ своей очень узкимъ, очень ограниченнымъ чувствомъ и чисто мѣстной общественной привычкой, потерпѣлъ въ самомъ началѣ исторіи глубокое измѣненіе, извращеніе и уменьшеніе, благодаря послѣдовательному образованію политическихъ Государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, патріотизмъ, поскольку это чисто естественное чувство, т. е. продуктъ реально-солидарной жизни общины, еще не ослабленный разсужденіемъ и дѣйствіемъ экономическихъ и политическихъ интересовъ, а также религіозныхъ абстракцій, такой

патріотизмъ, если и не вполнѣ, то въ громадной своей части животный, можетъ обнимать лишь очень ограниченный міръ: одно племя, одну деревню. Въ началѣ исторіи, какъ и нынѣ у дикихъ народовъ, не было ни націй, ни національныхъ языковъ, ни національныхъ культовъ, — т. е. не было отечествъ въ политическомъ смыслѣ этого слова. Каждое мѣстечко, каждая деревня имѣла свой собственный языкъ, своего бога, своего священника или колдуна. Это было ничто иное, какъ размножившаяся, расширившаяся семья, и будучи въ войнѣ со всѣми, отрицала своимъ существованіемъ все остальное человѣчество. Таковъ естественный патріотизмъ въ своей энергичной и наивной неподкрашенности.

Мы встрѣчаемъ еще остатки этого патріотизма въ нѣкоторыхъ изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы, напримѣръ, въ Италіи, особенно южныхъ областяхъ итальянскаго полуострова, гдѣ строеніе почвы, горы и море создаютъ преграды между долинами, общинами и городами, отдѣляютъ ихъ, изолируютъ и дѣлаютъ почти совершенно чуждыми другъ другу. Прудонъ замѣтилъ съ большой основательностью въ своей брошюрѣ объ итальянскомъ единствѣ, что это единство является покуда еще только идеей и чисто буржуазной, но нисколько не народной страстью; что по крайней мѣрѣ деревенское населеніе осталось донынѣ по отношенію къ этому единству совершенно равнодушно, а я прибавлю, даже враждебно, ибо это единство, входя съ одной стороны въ противорѣчіе съ мѣстными патріотизмами, съ другой стороны ничего до сихъ поръ не принесло населенію, кромѣ безжалостной эксплуатаціи, гнета и разоренія.

Не видимъ ли мы часто даже въ Швейцаріи, особенно въ отсталыхъ кантонахъ, борьбу мѣстнаго патріотизма противъ кантональнаго, а послѣдняго противъ національнаго патріотизма, имѣющаго своимъ объектомъ всю республиканскую конфедерацію въ ея цѣлости?

Въ заключеніе, въ видѣ резюмэ всего сказаннаго, я повторяю, что патріотизмъ, какъ естественное чувство, будучи по своей сущности чувствомъ мѣстнымъ, является серьезнымъ препятствіемъ къ образованію Государствъ, и что, слѣдовательно, эти послѣднія, а съ ними и цивилизація, не могли основаться иначе какъ уничтоживъ, если и не вполнѣ, то въ значительной мѣрѣ, эту животную страсть.

III.

Разсмотрѣвъ патріотизмъ съ естественной точки зрѣнія и показавъ, что **съ этой точки зрѣнія**, патріотизмъ является съ одной стороны чувствомъ собственно звѣринымъ или животнымъ, и что съ другой стороны, онъ — явленіе существенно мѣстное, ибо онъ можетъ обнять лишь очень ограниченное пространство міра, гдѣ лишенный цивилизаціи человѣкъ проводитъ свою жизнь, — я перехожу теперь къ анализу исключительно человѣческаго патріотизма, патріотизма экономическаго, политическаго и религіознаго.

Это фактъ, констатированный натуралистами и теперь уже сдѣлавшійся аксіомой, что количество всякаго животнаго населенія всегда соотвѣтствуетъ количеству средствъ къ пропитанію, находящихся въ обитаемой этимъ населеніемъ странѣ. Населеніе увеличивается всякій разъ, какъ эти средства встрѣчаются въ большемъ количествѣ; оно уменьшается съ уменьшеніемъ этого количества. Когда животное населеніе съѣдаетъ всѣ запасы страны, оно переселяется. Но это переселеніе, разрывая всѣ старыя привычки, всѣ ежедневные усвоенные жизненные обычаи, и принуждая искать, безъ всякаго знанія и мысли, инстинктивно и совершенно на удачу, средства пропитанія въ совершенно незнакомыхъ странахъ, всегда сопровождается лишеніями и страшными мученіями. Большая часть переселяющагося животнаго населенія умираетъ съ голоду, и часто служитъ пищей остающимся въ живыхъ; только меньшей части удается ак-

климатизироваться и разыскать новыя средства къ пропитанію въ новой странѣ.

Отсюда возникаютъ войны, войны между породами, питающимися одними и тѣми же вещами, войны между породами, которыя, чтобы питаться, должны пожирать другъ друга. Разсматриваемый съ этой точки зрѣнія, животный міръ является ничѣмъ инымъ, какъ кровавой гекатомбой, ужасной и плачевной трагедіей, написанной голодомъ.

Тѣ, кто признаетъ существованіе Бога-творца, и не подозрѣваютъ, какой они дѣлаютъ ему комплиментъ, выставляя его творцомъ **этого міра**. Какъ всемогущій, всемудрый, всеблагой Богъ не могъ прійти ни къ чему другому, какъ къ созданію подобнаго міра — страшилища.

Правда, теологи имѣютъ превосходный аргументъ для объясненія этого возмутительнаго противорѣчія. Міръ былъ созданъ совершеннымъ, говорятъ они; въ немъ царила вначалѣ абсолютная гармонія, до того времени, какъ человѣкъ согрѣшилъ, а разгнѣванный на него Богъ проклялъ человѣка и міръ.

Это объясненіе тѣмъ болѣе наставительно, что оно полно нелѣпостей, а, какъ извѣстно, въ нелѣпомъ то и состоитъ сила теологовъ. Для нихъ, чѣмъ какая нибудь вещь болѣе нелѣпа, невозможна, тѣмъ она истиннѣе. Вся религія ничто другое, какъ обожествленіе нелѣпаго.

Совершенный Богъ сотворилъ совершенный міръ, но вотъ это совершенство поскальзывается и навлекаетъ на себя проклятіе творца; послѣ этого абсолютное совершенство дѣлается абсолютнымъ несовершенствомъ. Какимъ образомъ совершенство могло сдѣлаться несовершенствомъ? На это отвѣтятъ, что такъ случилось именно потому, что міръ, хотя и совершенный при сотвореніи, тѣмъ не менѣе не былъ абсолютнымъ совершенствомъ, ибо абсолютенъ одинъ Богъ, Высшее Совершенство. Міръ былъ совершененъ лишь относительно и въ сравненіи съ тѣмъ, каковъ онъ теперь.

Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ употреблять слово совершенство, слово, не примѣнимое ни къ чему относительному? Развѣ совершенство можетъ быть не абсолютнымъ? Скажите лучше, что Богъ сотворилъ міръ несовершеннымъ, но лучшимъ, чѣмъ онъ есть въ настоящее время. Но если онъ былъ лишь относительно лучшимъ, если онъ не былъ совершеннымъ, то онъ не являлъ въ себѣ той гармоніи и абсолютнаго міра, разсказами о которыхъ господа теологи намъ протрещали уши. И въ такомъ случаѣ, мы спросимъ у нихъ: развѣ не долженъ творецъ, по вашимъ собственнымъ словамъ, быть оцѣниваемъ по своему творенію, какъ работникъ по совершенной имъ работѣ? Творецъ несовершенной вещи очевидно несовершененъ: разъ міръ былъ созданъ несовершеннымъ, то Богъ, его творецъ, очевидно несовершененъ. Ибо фактъ сотворенія несовершеннаго міра можетъ быть объясненъ лишь его немудростью, или немощностью, или же злобой.

Мнѣ возразятъ, что міръ былъ совершененъ, но только менѣе совершененъ, чѣмъ Богъ. На это я отвѣчу, что когда дѣло идетъ о совершенствѣ, то нельзя говорить о большемъ или меньшемъ; совершенство полно, всецѣло, абсолютно, или же оно вовсе не существуетъ. Итакъ, если міръ былъ менѣе совершененъ, чѣмъ Богъ, міръ былъ несовершеннымъ; откуда вытекаетъ, что Богъ, творецъ несовершеннаго міра, былъ самъ несовершененъ, что онъ и теперь несовершененъ, что онъ никогда не былъ Богомъ, что Богъ не существуетъ.

Чтобы спасти существованіе Бога, господа теологи будутъ принуждены согласиться, что созданный имъ міръ былъ при сотвореніи совершеннымъ. Но тогда я имъ поставлю два маленькихъ вопроса. Во-первыхъ, если міръ былъ совершеннымъ, то какимъ образомъ два совершенства могли существовать внѣ другъ друга? Совершенство можетъ быть лишь едино; оно не терпитъ двойственности, ибо въ двойственности одно ограничивается другимъ и становится такимъ образомъ несовершеннымъ. Значитъ, если міръ былъ

совершененъ, то не было Бога ни превыше его, ни даже внѣ его, — самъ міръ былъ Богомъ. Второй вопросъ: Если міръ былъ совершененъ, то какимъ образомъ онъ могъ низпасть? Хорошее совершенство, могущее измѣниться и исчезнуть! И, если признать, что совершенство можетъ низпасть, то значитъ и Богъ можетъ низпасть! Другими словами Богъ, конечно, существовалъ въ вѣрующемъ воображеніи людей, но человѣческій разумъ, все болѣе и болѣе торжествующій въ исторіи, обрекаетъ его на уничтоженіе.

И сверхъ всего, какъ онъ страненъ, этотъ Богъ христіанъ! Онъ сотворилъ человѣка такимъ образомъ, чтобы тотъ могъ, чтобы тотъ **долженъ** былъ согрѣшить и низпасть. Богъ, имѣя между своими безконечными аттрибутами всевѣдѣніе, не могъ не знать, творя человѣка, что тотъ согрѣшитъ; а, разъ Богъ это зналъ, человѣкъ долженъ былъ пасть: иначе онъ дерзко уличилъ бы во лжи божественное всевѣдѣніе. Тогда, зачѣмъ говорятъ о человѣческой свободѣ? Здѣсь была фатальность! Повинуясь этому фатальному влеченію, — самый простодушный отецъ семейства и тотъ на мѣстѣ Бога могъ бы это предвидѣть, — человѣкъ грѣшитъ: и вотъ божеское совершенство вдругъ впадаетъ въ ужасный гнѣвъ, столь же смѣшной, какъ и отвратительный. Богъ проклинаетъ не только тѣхъ, кто преступилъ его законъ, но и все ихъ потомство, хотя оно въ то время еще не существовало, и слѣдовательно, было совершенно невинно въ грѣхѣ нашихъ прародителей. Не удовольствовавшись этой возмутительной несправедливостью, онъ проклинаетъ еще ни въ чемъ неповинный, гармоничный міръ и дѣлаетъ его вмѣстилищемъ всѣхъ ужасовъ и преступленій, мѣстомъ постоянной бойни. Потомъ, рабски связанный собственнымъ гнѣвомъ и проклятіемъ, изреченнымъ имъ противъ міра и людей, противъ своего собственнаго творенія, что же дѣлаетъ Богъ, вспомня наконецъ, что онъ Богъ любви? Ему недостаточно, что онъ наполнилъ ради своего гнѣва кровью цѣлый міръ; этотъ кровавый Богъ проливаетъ еще кровь своего един-

ственнаго Сына; онъ жертвуетъ имъ подъ предлогомъ примиренія міра съ своимъ божескимъ Величествомъ! И если бы еще это удалось! Но нѣтъ, міръ природы и человѣчество остаются столь же раздираемыми и окровавленными, какъ и до этого чудовищнаго искупленія. Откуда съ очевидностью вытекаетъ, что Богъ христіанъ, подобно всѣмъ предшествовавшимъ ему Богамъ, является Богомъ столь же безсильнымъ, какъ и жестокимъ, столь же нелѣпымъ, какъ и злымъ.

И такія то нелѣпости хотятъ навязать нашей свободѣ, нашему разуму! Посредствомъ подобныхъ чудовищностей претендуютъ воспитать, очеловѣчить людей! Когда же господа теологи возымѣютъ достаточно смѣлости, чтобы открыто отказаться не только отъ разума, но и отъ человѣчности? Недостаточно сказать съ Тертулліаномъ: »Credo, quia absurdum« — вѣрю, хотя нелѣпость; они должны еще постараться навязать намъ, если возможно, христіанство съ помощью кнута, какъ это дѣлаетъ всероссійскій царь, съ помощью костровъ, какъ Кальвинъ, съ помощью Святой Инквизиціи, какъ добрые католики, посредствомъ насилій, пытокъ и казней, которыми такъ бы желали имѣть возможность пользоваться священники всѣхъ религій. Пусть они испробуютъ всѣ эти прекрасныя средства, но пусть не льстятъ себя надеждой, какимъ бы то ни было образомъ восторжествовать надъ нами.

Что касается до насъ, предоставимъ разъ навсегда всѣ эти божественныя нелѣпости и ужасы тѣмъ, кто безумно вѣритъ, что еще долго можно будетъ во имя ихъ эксплуатировать народъ и рабочія массы. Возвратимся къ нашему чисто человѣческому разуму и будемъ всегда помнить, что человѣческое просвѣщеніе, единственное могущее насъ просвѣтить, освободить, сдѣлать достойными и счастливыми, является не при началѣ, но въ концѣ исторіи и что человѣкъ въ своемъ историческомъ развитіи, вышелъ изъ животности, чтобы достичь мало по малу человѣчности. Не будемъ же никогда смотрѣть вспять, но всегда впередъ, ибо впереди наше солнце и наше спасеніе. И

если позволительно, если даже полезно иногда оглянуться назадъ, то только для того, чтобы констатировать, чѣмъ мы были и чѣмъ не должны уже болѣе быть, что мы дѣлали и чего не должны уже болѣе дѣлать.

Естественный міръ является всегдашней ареной не прекращающейся борьбы, борьбы за жизнь. Намъ нечего спрашивать себя, почему это такъ. Не мы это сдѣлали, мы нашли это, рождаясь въ жизнь. Это наша естественная исходная точка, и мы въ этомъ нисколько не отвѣтственны. Намъ достаточно знать, что такъ было и вѣроятно всегда будетъ. Гармонія устанавливается въ этомъ мірѣ черезъ борьбу, черезъ торжество однихъ, черезъ пораженіе и чаще всего смерть другихъ. Ростъ и развитіе породъ ограничены ихъ собственнымъ голодомъ и аппетитами другихъ породъ, т. е. страданіемъ и смертью. Мы не говоримъ съ христіанами, что земной шаръ долина плача, но мы должны согласиться, что земля наша совсѣмъ не такая нѣжная мать, какъ иные разсказываютъ, и что живыя существа должны имѣть не мало энергіи, чтобы жить на ней. Въ естественномъ мірѣ сильные выживаютъ, а слабые гибнутъ, и первые выживаютъ только потому, что вторые гибнутъ.

Возможно ли, чтобы этотъ фатальный законъ естественной жизни, былъ столь же неизбѣженъ въ мірѣ человѣческомъ и соціальномъ?

IV.

Приговорены ли люди самой своей природой къ пожиранію другъ друга, чтобы жить, подобно тому, какъ это дѣлаютъ животныя другихъ породъ?

Увы! въ колыбели человѣческой цивилизаціи мы находимъ людоѣдство. Начиная съ этого же времени и не прекращаясь до нынѣ ведутся всеуничтожащія войны, войны расъ и народовъ: войны завоевательныя, войны равновѣсія, войны политическія и войны религіозныя, войны во имя »великихъ идей«, подоб-

ныя той, которую ведетъ Францiя, направляемая своимъ теперешнимъ императоромъ*) и войны патрiотическiя, подобныя тѣмъ, которыя задумываютъ нынѣ съ одной стороны пангерманскiй министръ въ Берлинѣ и съ другой стороны панславистскiй царь въ Петербургѣ.

И въ основанiи всего этого, подъ всѣми лицемѣрными фразами, которыми пользуются, чтобы придать себѣ внѣшнiй видъ человѣчности и правоты, что мы находимъ? Всегда одинъ и тотъ же экономическiй вопросъ: **стремленiе однихъ жить и благоденствовать на счетъ другихъ.** Все остальное лишь притворство. Невѣжды, простецы и дураки даются на эту удочку, но ловкiе люди, управляющiе судьбами государствъ, знаютъ очень хорошо, что въ основанiи всѣхъ войнъ есть только одинъ движущiй поводъ: грабежъ, завоеванiе чужого богатства и порабощенiе чужого труда.

Такова жестокая и грубая дѣйствительность, которую добрые Боги всѣхъ религiй, Боги войны всегда благословляли; начиная съ Еговы, бога Евреевъ, вѣчнаго Отца нашего Господа Iисуса Христа, который приказалъ своему избранному народу избить всѣхъ жителей Обѣтованной земли, — и кончая католическимъ Богомъ, представленнымъ папами, которые въ вознагражденiе за избiенiе язычниковъ, магометанъ и еретиковъ, подарили землю этихъ несчастныхъ ихъ счастливымъ убiйцамъ, еще дымящимся въ ихъ крови. Для жертвъ — адъ; для палачей — имущество и земли убитыхъ, — такова цѣль самыхъ священныхъ войнъ, религiозныхъ войнъ.

Очевидно, что, по крайней мѣрѣ до сего времени, человѣчество не было исключенiемъ изъ общаго закона животнаго мiра, который приговариваетъ всѣ живыя существа пожирать другъ друга, чтобы жить. Только соцiализмъ, какъ я постараюсь это показать въ продолженiи этихъ писемъ, только соцiализмъ, ставя на мѣсто политической, юридической и божеской

*) Наполеонъ III.

справедливости, справедливость человѣческую, замѣщая патріотизмъ всемірной солидарностью людей, а экономическую конкуренцію международной организаціей общества, всецѣло основаннаго на трудѣ, можетъ положить конецъ войнѣ, этому грубому проявленію человѣческой животности.

Но до тѣхъ поръ пока онъ не восторжествовалъ на землѣ, тщетно будутъ протестовать всѣ буржуазные конгрессы мира и свободы, тщетно будутъ предсѣдательствовать на нихъ всѣ Викторы Гюго всего свѣта; люди будутъ продолжать раздирать другъ друга, какъ дикія животныя.

Хорошо доказано, что человѣческая исторія, подобно исторіи всѣхъ другихъ животныхъ породъ, началась съ войны. Война эта, не имѣвшая и не имѣющая другой цѣли, кромѣ завоеванія средствъ къ жизни, имѣла различныя фазы развитія, параллельныя различнымъ фазамъ цивилизаціи, т. е. развитія человѣческихъ потребностей и средствъ къ ихъ удовлетворенію.

Въ началѣ человѣкъ, это всеядное животное, жилъ подобно другимъ животнымъ, плодами и овощами, охотой и рыбной ловлей. Въ продолженіи многихъ вѣковъ, конечно, человѣкъ охотился и ловилъ рыбу такъ, какъ это дѣлаютъ и нынѣ животныя, т. е. безъ помощи другихъ орудій, кромѣ тѣхъ, которыми его одарила природа. Воспользовавшись въ первый разъ самымъ грубымъ орудіемъ, простой палкой или камнемъ, онъ уже совершилъ актъ размышленія и выказалъ себя, понятно, нисколько этого не подозрѣвая, животнымъ мыслящимъ — человѣкомъ. Ибо самое простое орудіе должно быть соотвѣтственнымъ намѣченной для достиженія посредствомъ него цѣли, и слѣдовательно пользованіе имъ предполагаетъ извѣстную сообразительность ума, сообразительность, которая существенно отличаетъ человѣка животное отъ всѣхъ другихъ земныхъ животныхъ. Благодаря этой способности мыслить, разсуждать, изобрѣтать, человѣкъ усовершенствовалъ, правда очень медленно, впродолженіи мно-

гихъ вѣковъ, свои оружія, и чрезъ то обратился въ охотника или въ вооруженнаго дикаго звѣря.

Достигши этой первой ступени цивилизаціи, маленькія группы людей, естественно, могли питаться съ большей легкостью, убивая живыя существа, не исключая людей, тоже служившихъ имъ на пищу, чѣмъ животныя, лишенныя орудій охоты и войны. А такъ какъ размноженіе животныхъ породъ всегда прямо пропорціонально количеству средствъ пропитанія, то очевидно, число людей должно было увеличиваться въ большей пропорціи, чѣмъ число животныхъ другихъ породъ, и наконецъ долженъ былъ наступить моментъ, когда невоздѣланная природа не была уже въ состояніи прокормить всѣхъ людей.

Если бы человѣческій разумъ не обладалъ способностью прогресса; если бы онъ не развивался все больше и больше, съ одной стороны опираясь на традицію, сохраняющую на пользу будущихъ поколѣній знанія, добытыя прошлыми поколѣніями, а съ другой стороны все расширяясь, благодаря дару слова, неотдѣлимаго отъ дара мысли: если бы онъ былъ одаренъ неограниченной способностью изобрѣтать все новые способы для защиты человѣческаго существованія противъ враждебныхъ ему силъ природы, — то эта недостаточность природы явилась бы непреодолимой гранью для размноженія человѣческой породы.

Но благодаря этой драгоцѣнной способности, позволяющей ему познавать, размышлять и понимать, человѣкъ можетъ перешагнуть чрезъ естественную границу, останавливающую развитіе всѣхъ другихъ животныхъ породъ. Когда естественные источники истощились, онъ создалъ искуственные. Пользуясь не своей физической силой, но превосходствомъ своего ума, онъ началъ не просто убивать животныхъ, чтобы ихъ немедленно сожрать, а ихъ подчинять, приручать, и какъ бы воспитывать, чтобы сдѣлать пригодными для своихъ цѣлей. И такимъ то образомъ, на протяженіи вѣковъ и до нынѣ, группы охотниковъ обращаются въ группы пастуховъ.

Этотъ новый источникъ пропитанія, естественно, еще умножилъ человѣческую породу, что привело ее къ необходимости создать новыя средства къ поддержанію жизни. Когда эксплуатація животныхъ стала недостаточной, люди стали эксплуатировать землю. Такимъ образомъ, бродячіе и кочевые народы обратились на протяженіи многихъ вѣковъ въ народы земледѣльческіе.

Въ этотъ то періодъ исторіи и устанавливается, собственно говоря, рабовладѣльчество. Люди, бывшіе самыми, что ни на есть, дикими звѣрями, начали съ пожиранія убитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ непріятелей. Но, когда они начали понимать всю выгоду заставлять животныхъ себѣ служить и эксплуатировать ихъ, а не убивать сейчасъ же, то они должны были скоро понять, что можно извлечь пользу и изъ услугъ человѣка, самаго умнаго изъ земныхъ животныхъ. Побѣжденный врагъересталъ быть пожираемъ, но сталъ обращаемъ въ рабство и принуждаемъ исполнять работу, необходимую для пропитанія своего хозяина.

Трудъ пастушескихъ народовъ столь легокъ и простъ, что для него почти не требуется работы рабовъ. Поэтому мы видимъ, что у кочующихъ и пастушескихъ народовъ число рабовъ очень ограничено, чтобъ не сказать равно нулю. Другое дѣло у народовъ осѣдлыхъ и земледѣльческихъ. Земледѣліе требуетъ настойчиваго, ежедневнаго и тягостнаго труда. Свободный человѣкъ лѣсовъ степей, охотникъ или скотоводъ, берется за земледѣліе съ большимъ отвращеніемъ. Поэтому мы видимъ и въ настоящее время, напримѣръ, у дикихъ народовъ Америки, что самыя тягостныя и отвратительныя домашнія работы возлагаются на существо сравнительно слабое, на женщину. Мужчины не знаютъ другихъ занятій, кромѣ охоты и войны, которыя даже и въ нашей цивилизаціи считаются самыми благородными занятіями, и презирая всякій другой трудъ, лѣниво лежатъ, куря свои трубки, между тѣмъ какъ ихъ несчастныя жены, эти есте-

ственныя рабыни грубаго человѣка, изнемогають подъ тяжестью своего ежедневнаго труда.

Шагъ впередъ въ цивилизаціи, и работа жены возлагается на раба. Подъяремное животное, одаренное умомъ, оно принуждается нести всю тягость тѣлесной работы и даетъ своему господину возможность досуга и интеллектуальнаго и моральнаго развитія.

Богъ и Государство

Якобинскіе абсолютисты и революціонеры школы Жанъ-Жака Руссо и Робеспьера провозглашаютъ угрожающую и безчеловѣчную теорію абсолютнаго права Государства во имя фикціи, называемой то коллективнымъ интересомъ, то коллективнымъ правомъ или коллективными волей и свободой, между тѣмъ какъ абсолютисты-монархисты основываютъ право Государства съ гораздо большей логической послѣдовательностью на Божьей милости. Либеральные доктринеры, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ въ серьезъ либеральныя теоріи, исходятъ изъ принципа индивидуальной свободы и, какъ извѣстно, вначалѣ объявляютъ себя противниками принципа Государства. Они первые сказали, что правительство, т. е. совокупность чиновниковъ, такъ или иначе организованныхъ и облеченныхъ спеціальной обязанностью выполнять дѣятельность Государства, — является необходимымъ **зломъ**, и что вся цивилизація заключается въ уменьшеніи правъ и аттрибутовъ правительства. Тѣмъ не менѣе, мы видимъ, что на практикѣ, всякій разъ, что существованіе Государства становится дѣйствительно подъ вопросомъ, — либеральные доктринеры выказываютъ себя не менѣе фанатическими приверженцами абсолютнаго права Государства, чѣмъ абсолютисты монархическіе или якобинскіе.

Ихъ поклоненіе Государству, повидимому, столь противорѣчащее ихъ либеральнымъ принципамъ, объясняется двояко: во первыхъ, **практически** — инте-

ресами ихъ класса, ибо громадное большинство либеральныхъ доктринеровъ принадлежитъ къ буржуазіи. Этотъ столь многочисленный и почтенный классъ не желалъ бы ничего лучшаго, какъ присвоить самому себѣ право или скорѣе привилегію самой полной анархіи; вся его соціальная экономія, реальная основа его политическаго существованія, не имѣетъ, какъ извѣстно, другихъ законовъ, кромѣ этой анархіи, выражаемой въ этихъ, сдѣлавшихся столь знаменитыми, словахъ: »Laissez faire et laissez passer« *). Но буржуазія любитъ анархію только для себя одной и при условіи, чтобы массы, »слишкомъ невѣжественныя, чтобы пользоваться ею безъ злоупотребленія«, оставались подчиненными строгой дисциплинѣ Государства. Ибо, если бы массы, уставши работать на другихъ, возстали бы, то все политическое и соціальное существованіе буржуазіи рухнуло бы. И вотъ, мы видимъ вездѣ и всегда, что, когда массы работниковъ начинаютъ волноваться, самые восторженые либералы-буржуа тотчасъ же дѣлаются изступленными сторонниками всемогущества Государства. А такъ какъ возбужденное состояніе народныхъ массъ дѣлается теперь все возрастающей и хронической болѣзнью, то мы и видимъ, что либералы-буржуа обращаются все болѣе и болѣе, даже въ самыхъ свободныхъ странахъ, къ культу абсолютной власти.

На ряду съ этой практической причиной, есть причина чисто **теоретическая**, которая тоже заставляетъ самыхъ искреннихъ либераловъ возвращаться постоянно къ культу Государства. Они и называются либералами, потому что они берутъ индивидуальную свободу за основаніе и исходную точку своей теоріи, и именно вслѣдствіе того, что это ихъ исходная точка и основаніе, они должны прійти, по роковой послѣдовательности, къ признанію абсолютнаго права Государства.

Индивидуальная свобода не есть, говорятъ они, твореніе, историческій продуктъ общества. Они утвер-

*) Предоставьте вещи ихъ естественному теченію.

ждають, что она предшествуеть всякому обществу, и что всякій человѣкъ приноситъ ее, рождаясь, вмѣстѣ со своей безсмертной душой, какъ даръ Бога. Откуда слѣдуетъ, что человѣкъ представляетъ изъ себя нѣчто, что онъ вполнѣ онъ самъ, и является всецѣлымъ, какъ абсолютнымъ существомъ, только находясь внѣ общества. Будучи свободенъ самъ по себѣ раньше и помимо общества, онъ можетъ учредить это послѣднее свободнымъ актомъ и посредствомъ какъ бы нѣкотораго контракта, инстинктивнаго и молчаливаго или сознательнаго и оформленнаго. Однимъ словомъ, по этой теоріи, не индивиды творятся обществомъ, а напротивъ сами его творятъ, побуждаемые какой либо внѣшней потребностью, напримѣръ, работой или войной.

Какъ видно, по этой теоріи, общество, въ собственномъ смыслѣ слова, не существуетъ; естественное человѣческое общество, исходная точка всякой человѣческой цивилизаціи, единственная среда, въ которой можетъ реально рождаться и развиваться личность и свобода людей, для этой теоріи совершенно неизвѣстно. Она признаетъ съ одной стороны, лишь индивидовъ, которые свободны сами по себѣ, съ другой стороны то условное общество, которое учреждено волей индивидовъ и основано на оформленномъ или молчаливомъ контрактѣ, т. е. Государство. (Они знаютъ очень хорошо, что ни одно историческое Государство не имѣло своей основой контракта, что всѣ они были основаны насиліемъ и завоеваніемъ. Но эта фикція свободнаго контракта, какъ основы Государства, имъ необходима, и они ее себѣ разрѣшаютъ безъ долгихъ церемоній).

Люди, условно объединенные въ Государство, являются въ этой теоріи существами совершенно странными и полными противорѣчій. Одаренные безсмертной душой и свободой или свободной волей, которыя отъ нихъ неотдѣлимы, они являются, съ одной стороны, существами безконечными, абсолютными и, какъ таковыя, самодовлѣющими въ себѣ самихъ, могущими довольствоваться самими собой и не нуждающи-

мися ни въ комъ, даже въ Богѣ, ибо, будучи безмертными и безконечными они сами Боги. Съ другой стороны, они существа очень грубо матеріальныя, слабыя, несовершенныя, ограниченныя и всецѣло подчиненныя внѣшней природѣ, которая ихъ носитъ, окружаетъ и рано или поздно уноситъ на тотъ свѣтъ. Созерцаемые съ первой точки зрѣнія, они имѣютъ столь мало нужды въ обществѣ, что это послѣднее представляется скорѣе нѣкоторымъ препятствіемъ къ полнотѣ ихъ существованія, къ совершенной свободѣ. И мы видимъ, начиная съ первыхъ временъ христіанства, святыхъ и непреклонныхъ людей, которые, серьезно заботясь о безсмертіи и спасеніи своихъ душъ, разорвали свои связи съ обществомъ и, избѣгая всякаго общенія съ людьми, искали въ уединеніи совершенство, добродѣтель Бога. Они признали съ большой разумностью, съ большой логической послѣдовательностью общество источникомъ порчи, а совершенное уединеніе души условіемъ всѣхъ добродѣтелей. Если они выходили иногда изъ своего одиночества, то не вслѣдствіе потребности, но по великодушію, по христіанскому милосердію къ людямъ, которые, продолжая портиться въ общественной средѣ, нуждались въ ихъ совѣтахъ, въ ихъ молитвахъ и въ ихъ руководительствѣ. Это дѣлалось всегда для спасенія другихъ, никогда для собственнаго усовершенствованія. Они рисковали, напротивъ того, погубить свои души, возвращаясь въ общество, отъ котораго они съ отвращеніемъ бѣжали, какъ изъ школы всяческой испорченности, и, какъ только ихъ святое дѣло бывало закончено, они возвращались какъ можно скорѣе въ пустыню, чтобы тамъ снова пріобрѣсти, полупотерянное уже было, совершенство, чрезъ непрерывное созерцаніе своего индивидуальнаго существа, своей одинокой души, въ присутствіи одного Бога.

Это примѣръ, которому всѣ, вѣрящіе еще теперь въ безсмертіе души, въ прирожденную свободу или въ свободную волю, должны бы слѣдовать, если только они желаютъ спасти свои души и достойно пригото-

вить ихъ къ вѣчной жизни. Я повторяю еще разъ: святые анахореты, достигавшіе, вслѣдствіе своей изолированности, полнаго отупѣнія, были совершенно логичны. Разъ душа безсмертна, т. е. безконечна въ своей сущности, свободна и самодовлѣюща, она должна довольствоваться сама собой. Только временныя, ограниченныя и конечныя существа могутъ взаимно дополнять другъ друга; безконечное не терпитъ дополненія. Встрѣчая другого, такое существо чувствуетъ себя какъ бы урѣзаннымъ; оно должно избѣгать его, игнорировать все, что не является имъ самимъ. Строго говоря, безсмертная душа, какъ я уже сказалъ, должна бы обходиться даже безъ Бога. Существо, безконечное въ себѣ самомъ, не можетъ признавать наряду съ собой другое, равное себѣ, и еще менѣе можетъ признавать какое либо существо превыше себя. Всякое существо, которое было бы столь же безконечно, какъ оно и которое не было бы имъ, полагало бы ему предѣлъ и слѣдовательно обращало бы его въ конечное и обусловленное извнѣ существо. Признавая внѣ себя существо столь же безконечное, какъ она сама, безсмертная душа, тѣмъ самымъ необходимо признаетъ себя существомъ конечнымъ. Ибо безконечное является дѣйствительно таковымъ, лишь когда оно объемлетъ все и ничего не оставляетъ внѣ себя. Съ еще большей неизбѣжностью безконечное существо не можетъ, не должно признавать существо превыше себя. Безконечность не допускаетъ никакой относительности, никакой степени, и слова: высшая безконечность, низшая безконечность заключаютъ въ себѣ нелѣпость; Богъ является именно нелѣпостью. Теологія, имѣющая привилегію быть нелѣпой и вѣрящая въ вещи именно потому, что онѣ нелѣпы, поставила надъ человѣческими душами, безсмертными и слѣдовательно безконечными, высшую, абсолютную безконечность Бога. Но, чтобы поправить себя, она измыслила Сатану, который представляетъ собой именно бунтъ безконечнаго существа противъ существованія абсолютной безконечности, противъ Бога

И подобно тому, какъ Сатана возмутился противъ высшей безконечности Бога, такъ же точно святые, христіанскіе анахореты, слишкомъ смиренные, чтобы бунтовать противъ Бога, бунтовали противъ равной безконечности людей, противъ общества.

Они объявили съ большой основательностью, что они въ немъ не нуждаются, чтобы спастись; и что разъ, по странной фатальности, они являются безконечностями . . .*) и ниспавшими, то общество Бога, созерцаніе самихъ себя въ присутствіи этой абсолютной безконечности ихъ удовлетворяетъ.

И я объявляю еще разъ, что это примѣръ для подражанія всѣмъ, кто вѣритъ въ безсмертіе души. Съ этой точки зрѣнія, общество не можетъ имъ дать ничего, кромѣ вѣрной гибели. Въ самомъ дѣлѣ, что даетъ оно людямъ? Во-первыхъ матеріальныя богатства, не могущія быть добытыми, въ достаточномъ количествѣ, иначе какъ черезъ коллективный трудъ. Но для того, кто вѣритъ въ вѣчное существованіе, не должны ли эти богатства быть предметомъ презрѣнія? Развѣ Іисусъ Христосъ не сказалъ своимъ ученикамъ: »Не собирайте сокровищъ на землѣ, ибо гдѣ ваши сокровища, тамъ и ваше сердце«, — а въ другой разъ: »Легче толстой веревкѣ (по другому варіанту, верблюду) пройти въ игольное ушко, чѣмъ богатому въ царство небесное«. (Воображаю мину, которую должны дѣлать благочестивые и богатые буржуа протестанты Англіи, Америки, Германіи и Швейцаріи, читая эти слова, столь рѣшительные и столь непріятные для нихъ).

Іисусъ Христосъ правъ; между жадностью къ матеріальнымъ богатствамъ и спасеніемъ безсмертныхъ душъ, есть абсолютная непримиримость. Въ такомъ случаѣ, если только дѣйствительно вѣришь въ безсмертіе души, не лучше ли отказаться отъ комфорта и роскоши, доставляемыхъ обществомъ, и питаться

*) Слово не могущее быть прочитаннымъ въ рукописи (de.... ques).

кореньями по примѣру анахоретовъ, спасившихъ на вѣчность свою душу, чѣмъ погубить ее ради нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, наполненныхъ матеріальными удовольствіями. Это вычисленіе столь просто, столь очевидно вѣрно, что мы принуждены думать, что благочестивые и богатые буржуа, банкиры, фабриканты, купцы, обдѣлывающіе такъ хорошо свои дѣла, пользуясь, вы знаете какими средствами, и тѣмъ не менѣе имѣя всегда на устахъ слова Евангелія, — нисколько не разсчитываютъ на безсмертіе своихъ душъ, великодушно предоставляя его пролетаріату, а себѣ смиренно оставляя тѣ ничтожныя, матеріальныя блага, которыя они собираютъ на этой землѣ.

Помимо матеріальныхъ благъ что еще даетъ общество? Чувственныя, человѣческія, земныя склонности, образованіе и культуру ума, всѣ эти вещи, громадныя съ человѣческой, преходящей и земной точки зрѣнія, на которыя въ сравненіи съ вѣчностью, безсмертіемъ, Богомъ, равны нулю. Развѣ самая великая человѣческая мудрость не безуміе сравнительно съ Богомъ?

Легенда восточной Церкви разсказываетъ, что два святые анахорета добровольно заключившіеся въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на пустынномъ островѣ, удаляясь даже другъ отъ друга и проводя дни и ночи въ созерцаніи и молитвѣ, дошли до потери живой рѣчи; изъ всѣхъ ранѣе имъ знакомыхъ словъ они сохранили только три или четыре, взятыя вмѣстѣ оставались безъ смысла, но тѣмъ не менѣе прекрасно выражали передъ Богомъ самыя высокія стремленія ихъ душъ. Они питались, конечно, кореньями, какъ травоядныя животныя. Съ человѣческой точки зрѣнія эти два человѣка были слабоумными или безумцами, но съ точки зрѣнія божественной, съ точки зрѣнія вѣры въ безсмертіе души, они выказали себя гораздо болѣе глубокими вычислителями, чѣмъ Галилей и Ньютонъ: Пожертвовали нѣсколькими десятками лѣтъ земного благоденствія и свѣтскаго ума,

дабы получить вѣчное блаженство и божественную мудрость.

Такимъ образомъ, человѣкъ, поскольку онъ одаренъ безсмертной душой, безконечностью и свободой, присущими этой душѣ, является существомъ въ высшей степени антисоціальнымъ. И если бы онъ былъ всегда благоразуменъ, если бы, исключительно занятый своимъ безсмертіемъ, онъ былъ настолько уменъ, что бы презирать всѣ блага, влеченія и суеты этой земли, то онъ бы никогда не вышелъ изъ состоянія божественной невинности или слабоумія, и никогда бы не создалъ общества. Однимъ словомъ, Адамъ и Ева никогда бы не вкусили плодъ древа познанія, и мы бы жили всѣ какъ звѣри въ земномъ раю, предназначенномъ Богомъ для нихъ. Но какъ только люди захотѣли познавать, образовываться, очеловѣчиться, думать, говорить и пользоваться матеріальными благами, они необходимо должны были выйти изъ одиночества и составить общество. Ибо насколько они **внутренно** безконечны, безсмертны, свободны, настолько же **внѣшнимъ образомъ** они ограниченны, смертны, слабы и зависимы отъ внѣшняго міра.

Разсматривая съ точки зрѣнія земного, т. е. реальнаго, а не фиктивнаго существованія, огромное большинство людей представятъ зрѣлище такого униженія, такой бѣдности подвиговъ, воли и ума, что надо обладать дѣйствительно большой способностью къ самообману, чтобы отыскать въ нихъ безсмертную душу и проблескъ свободной воли. Они являются предъ нами существами, всецѣло и фатально обусловленными: обусловленными прежде всего внѣшней природой, характеромъ почвы и всѣми матеріальными условіями своего существованія, безчисленными отношеніями политическими, религіозными и соціальными, а равно обычаями, привычками, законами, цѣлымъ міромъ предразсудковъ и мыслей, медленно скопленныхъ предыдущими вѣками, и которые они получаютъ, рождаясь среди общества, коего они никогда не являются творцами, но напротивъ того, сперва пло-

домъ, а потомъ орудіями. На тысячу людей можно найти развѣ одного, о которомъ можно бы сказать, съ точки зрѣнія относительной, а не абсолютной, что онъ желаетъ и думаетъ самостоятельно. Огромное большинство людей, не только среди **невѣжественныхъ массъ**, но и среди цивилизованныхъ и привилегированныхъ классовъ, желаютъ и думаютъ только то, что свѣтъ вокругъ нихъ желаетъ и думаетъ; они полагаютъ, конечно, что желают и мыслятъ сами по себѣ, но дѣйствительно они лишь рабски, рутинерски, съ совершенно незначущими и ничтожными измѣненіями, повторяютъ мысли и желанія другихъ. Это рабство, эта рутина, неисчерпаемые источники общихъ мѣстъ, это отсутствіе бунта воли и это отсутствіе инициативы мысли индивидовъ являются главными причинами въ отчаяніе приводящей медленности историческаго развитія человѣчества. Для насъ, матеріалистовъ или реалистовъ, не вѣрящихъ ни въ безсмертіе души, ни въ свободную волю, эта медленность, какъ она ни печальна, представляется явленіемъ естественнымъ. Потомокъ гориллы, человѣкъ только съ большимъ трудомъ доходитъ до сознанія своей человѣчности и реализаціи своей свободы. Вначалѣ онъ не можетъ имѣть ни этого сознанія, ни этой свободы; онъ рождается дикимъ звѣремъ и рабомъ, и очеловѣчивается и эмансипируется постепенно и лишь въ средѣ общества, которое необходимо предшествуетъ рожденію его мысли, слова и воли; онъ можетъ создать его только коллективными усиліями всѣхъ прошедшихъ и настоящихъ членовъ этого общества, которое такимъ образомъ является основой и исходной точкой его человѣческаго существованія. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ осуществляетъ свою индивидуальную свободу и свою личность, лишь будучи дополненъ всѣми индивидами, которыми онъ окруженъ, и только благодаря работѣ и коллективному могуществу общества, безъ котораго онъ бы конечно остался самымъ тупымъ и несчастнымъ животнымъ изъ всѣхъ хищниковъ, населяющихъ землю. Въ системѣ матеріалистовъ, един-

ственной естественной и логичной, общество не только не уменьшаетъ и не ограничиваетъ свободу личности, но напротивъ создаетъ ее. Оно — коренъ и дерево, а свобода его плодъ. И потому, во всякой эпохѣ, человѣкъ долженъ искать свою свободу не въ началѣ, а въ кнцѣ исторіи, и можно сказать, что дѣйствительное и полное освобожденіе каждаго человѣческаго индивида является великой цѣлью исторіи, ея прекраснѣйшимъ вѣнцомъ.

Совершенно иная точка зрѣнія идеалистовъ. Въ ихъ системѣ человѣкъ рождается существомъ безсмертнымъ и свободнымъ, а кончаетъ тѣмъ, что становится рабомъ. Въ качествѣ безсмертнаго и свободнаго, всецѣлаго и самодовлѣющаго духа, онъ не нуждается въ обществѣ; откуда слѣдуетъ, что если онъ входитъ въ него, то только вслѣдствіе извѣстнаго рода паденія, или потому что онъ забываетъ и теряетъ сознаніе своего безсмертія и своей свободы. Существо противорѣчивое, внутренне безконечное, какъ духъ, и между тѣмъ зависимое, недостаточное и матеріальное съ внѣшней стороны, онъ долженъ входитъ въ сообщество не ради потребностей своей души, но для сохраненія своего тѣла. Значитъ, общество учреждается лишь посредствомъ пожертвованія интересами и независимостью души ради презрѣнныхъ нуждъ тѣла. Это истинное паденіе и обращеніе въ рабство для индивида, внутренне безсмертнаго и свободнаго; это, по крайней мѣрѣ, частичное отреченіе отъ первоначальной свободы.

Извѣстна священная фраза, которая на жаргонѣ всѣхъ сторонниковъ Государства и юридическаго права, выражаетъ это паденіе и пожертвованіе, этотъ первый фатальный шагъ къ человѣческому рабству. Индивидъ, пользуясь всецѣлой свободой въ природномъ состояніи, т. е. раньше чѣмъ станетъ членомъ какого бы то ни было общества, входя въ это послѣднее, жертвуетъ частью своей свободы, дабы общество гарантировало ему остатокъ. Если спросить объясненіе этой фразы, отвѣчаютъ, обыкновенно, слѣдующей:

»Свобода каждаго человѣческаго индивида не должна имѣть другихъ границъ, кромѣ свободы всѣхъ другихъ индивидовъ«.

Повидимому, ничего не можетъ быть справедливѣе, не правда ли? А между тѣмъ эта теорія содержитъ въ зародышѣ всѣ теоріи деспотизма. Согласно съ основной идеей идеалистовъ всѣхъ школъ и противно всѣмъ реальнымъ фактамъ, человѣческій индивидъ выводится, какъ существо совершенно свободное постольку, и единственно постольку, поскольку онъ остается внѣ общества; откуда слѣдуетъ, что это послѣднее, разсматриваемое и понятое единственно какъ общество юридическое и политическое, т. е. какъ Государство, является отрицаніемъ свободы. Вотъ результатъ идеализма. Онъ совершенно противуположенъ выводамъ матеріализма, который, согласно съ тѣмъ, что происходитъ въ реальномъ мірѣ, заставляетъ индивидуальную свободу людей вытекать изъ общества, какъ естественное слѣдствіе коллективнаго развитія человѣчества.

Матеріалистическое, реалистическое и коллективистическое опредѣленіе свободы, совершенно противуположное опредѣленію идеалистовъ, таково: Человѣкъ становится человѣкомъ и достигаетъ сознанія и осуществленія своей человѣчности, лишь въ обществѣ и единственно коллективнымъ дѣйствіемъ всего общества; онъ освобождается отъ ига внѣшней природы лишь благодаря коллективному или соціальному труду, который одинъ только въ состояніи переработать поверхность земли въ мѣстопребываніе, благопріятное для развитія человѣчества; и безъ этого матеріальнаго освобожденія не можетъ быть ни для кого освобожденія интеллектуальнаго и моральнаго. Человѣкъ не можетъ освободиться отъ ига собственной природы, онъ не можетъ подчинить инстинкты и влеченія своего собственнаго тѣла управленію своего все болѣе развитого ума, иначе, какъ только посредствомъ воспитанія и обученія, но и то и другое являются вещами исключительно, всецѣло соціальными; ибо внѣ

общества человѣкъ вѣчно остался бы дикимъ звѣремъ или святымъ, что въ сущности приблизительно одно и тоже. Наконецъ, изолированный человѣкъ не можетъ имѣть сознанія своей свободы. Быть свободнымъ, для человѣка, значитъ быть уважаемымъ и считаемымъ и признаваемымъ на дѣлѣ за таковаго другимъ человѣкомъ, всѣми людьми, окружающими его. Стало быть, свобода не плодъ уединенія, а взаимодѣйствія, не самоисключенія, а напротивъ, общенія, ибо свобода всякаго индивида ни что другое, какъ отраженіе его человѣчности, его человѣческаго права въ сознаніяхъ всѣхъ свободныхъ людей его братьевъ, его равныхъ.

Я могу себя считать и чувствовать свободнымъ лишь въ присутствіи и по отношенію къ другимъ людямъ. Передъ животнымъ низшей породы, я ни существо свободное, ни человѣкъ, ибо это животное неспособно сознать и слѣдовательно неспособно признать мою человѣчность. Я человѣченъ и свободенъ самъ по себѣ, лишь постольку, поскольку я признаю свободу и человѣчность всѣхъ окружающихъ меня людей. Лишь оказывая уваженіе ихъ человѣческой природѣ, я оказываю уваженіе собственной природѣ. Антропофагъ, съѣдающій своего плѣнника, поступая съ нимъ не какъ съ человѣкомъ, но какъ съ дикимъ звѣремъ, самъ является не человѣкомъ, а звѣремъ. Рабовладѣлецъ не есть человѣкъ, но владѣлецъ. Не сознавая человѣчность своихъ рабовъ, онъ не сознаетъ собственную человѣчность. Весь античный строй даетъ намъ доказательство этого: греки и римляне не считали себя свободными, въ качествѣ людей: они себя считали привилегированными въ качествѣ грековъ, римлянъ, лишь внутри собственнаго отечества, покуда оно оставалось независимымъ, незавоеваннымъ, а напротивъ, благодаря спеціальному покровительству національныхъ боговъ, завоевающимъ другія страны, и они нисколько не удивлялись, и не считали себя въ правѣ и обязанности возмущаться, когда, побѣжденные, они сами попадали въ рабство.

Великой заслугой христіанства было провозглашеніе человѣчности всѣхъ людей, въ томъ числѣ и женщинъ, равенство всѣхъ передъ Богомъ. Но какъ оно это провозгласило? На небѣ, для будущей жизни, а не для жизни настоящей, не на землѣ. Кромѣ того, это равенство въ будущемъ, является опять таки ложью, ибо число избранныхъ, какъ извѣстно, чрезвычайно ограничено. Въ этомъ пунктѣ теологи самыхъ различныхъ христіанскихъ сектъ согласны. Значитъ, пресловутое христіанское равенство возвращается къ самой кричащей привилегированности, къ привилегированности нѣсколькихъ тысячъ избранныхъ божьей милостью надъ милліонами отверженныхъ. Подобное равенство всѣхъ передъ Богомъ, даже если бы оно осуществилось для каждаго, было бы все же ничѣмъ инымъ, какъ равною ничтожностью, равнымъ рабствомъ всѣхъ по отношенію къ высшему господину. Основаніе христіанскаго культа и первое условіе спасенія, развѣ это не есть отреченіе отъ человѣческаго достоинства и презрѣніе къ нему по сравненію съ Божьимъ величіемъ? Христіанинъ значитъ не человѣкъ, въ томъ смыслѣ, что, не уважая человѣческое достоинство въ себѣ самомъ онъ не можетъ уважать его въ другихъ: и не уважая его въ другихъ, не можетъ уважать его въ самомъ себѣ. Христіанинъ можетъ быть пророкомъ, святымъ, священникомъ, царемъ, генераломъ, министромъ, чиновникомъ, представителемъ какой нибудь власти, жандармомъ, буржуа или порабощеннымъ пролетаріемъ, угнетателемъ или угнетеннымъ, мучителемъ или мучимымъ, хозяиномъ или наемникомъ, но онъ не имѣетъ права называть себя человѣкомъ, потому что человѣкъ становится дѣйствительно таковымъ, только когда онъ уважаетъ и любитъ человѣчность и свободу всѣхъ, и когда его свобода, его человѣчность уважаемы, любимы, вызываемы и творимы всѣми людьми.

Я истинно свободенъ лишь если всѣ человѣческія существа, окружающія меня, мужчины и женщины, точно также свободны. Свобода другихъ не только не

является ограниченіемъ, отрицаніемъ моей свободы, а напротивъ, есть ея необходимое условіе и подтвержденіе. Я становлюсь истинно свободнымъ только чрезъ свободу другихъ, такъ что, чѣмъ многочисленнѣе окружающіе меня свободные люди, и чѣмъ шире и глубже ихъ свобода, тѣмъ болѣе распространненой, глубокой и широкой становится моя свобода. Напротивъ того, рабство людей ставитъ границу моей свободѣ, или что выходитъ на тоже, ихъ животность является отрицаніемъ моей человѣчности, потому что, еще разъ, я могу называть себя истинно свободнымъ только тогда, когда моя свобода, или, что тоже самое, мое достоинство, какъ человѣка, заключающееся въ томъ, чтобы не подчиняться ни одному человѣку, и опредѣлять свои дѣйствія согласно своимъ собственнымъ убѣжденіямъ, — отраженное въ равно свободномъ сознаніи всѣхъ людей, возвращается ко мнѣ подтвержденное всеобщимъ согласіемъ. Моя личная свобода, подобнымъ образомъ подтвержденная свободой всѣхъ, становится безпредѣльной.

Отсюда видно, что свобода, какъ ее понимаютъ матеріалисты, является вещью очень положительной, очень сложной и въ особенности всецѣло соціальной, ибо она можетъ быть осуществлена только черезъ общество и единственно при самомъ строгомъ равенствѣ и солидарности каждаго со всѣми. Въ ней можно различить три момента развитія, три элемента, изъ которыхъ первый всецѣло положителенъ и соціаленъ; это полное развитіе и пользованіе всѣми человѣческими способностями выработанными воспитаніемъ, научнымъ образованіемъ и матеріальнымъ благоденствіемъ; а все это дано каждому лишь посредствомъ коллективнаго труда, матеріальнаго и интеллектуальнаго, мускульнаго и нервнаго всего общества въ совокупности.

Второй элементъ или моментъ свободы отрицателенъ. Это — бунтъ личности противъ всякой власти божеской и человѣческой, коллективной и индивидуальной.

Во-первыхъ, это бунтъ противъ тираніи всевышняго страшилища богослововъ, — противъ Бога. Совершенно очевидно, что покуда мы будемъ имѣть господина на небѣ, мы останемся рабами на землѣ. Нашъ разумъ и наша воля будутъ приравнены къ нулю. Покуда мы будемъ считать себя обязанными по отношенію къ нему, къ абсолютному послушанію, а по отношенію къ Богу не можетъ быть другого послушанія, мы необходимо должны будемъ пассивно и безъ малѣйшей критики подчиняться святому авторитету его посредниковъ и избранныхъ: Мессій, пророковъ, боговдохновленныхъ законодателей, императоровъ, царей и всѣхъ ихъ чиновниковъ и министровъ, освященныхъ представителей и служителей двухъ великихъ учрежденій, выдающихъ себя намъ установленными самимъ Богомъ для управленія надъ людьми: Церкви и Государства. Всякая свѣтская или человѣческая власть непосредственно вытекаетъ изъ власти духовной или божьей. Но власть, это отрицаніе свободы. Итакъ Богъ, или лучше сказать, фикція Бога, является освященіемъ и интеллектуальной и моральной причиной всего рабства на землѣ, и свобода людей будетъ полной только тогда, когда она окончательно уничтожитъ зловредную сказку о владыкѣ небесномъ.

Какъ логическое послѣдствіе изъ перваго, это бунтъ каждаго противъ тираніи людей, противъ власти какъ индивидуальной, такъ и соціальной, представленной и узаконенной Государствомъ. Здѣсь однако надо хорошо объясниться, а чтобы объясниться, надо начать съ установленія вполнѣ точнаго различія между оффиціальной и слѣдовательно тиранической властью общества, организованнаго въ Государство, и естественнымъ вліяніемъ и дѣйствіемъ общества на каждаго изъ своихъ членовъ.

Бунтъ противъ этого естественнаго вліянія общества гораздо болѣе труденъ для индивида, чѣмъ бунтъ противъ общества оффиціально организованнаго, противъ Государства, хотя часто онъ столь же неизбѣженъ, какъ и этотъ послѣдній. Общественная тиран-

нія, часто давящая и пагубная, не представляетъ того характера повелительнаго насилія, узаконеннаго и оформленнаго деспотизма, которымъ отличается власть Государства. Она не является въ видѣ закона, которому каждый индивидъ принужденъ подчиняться подъ страхомъ навлечь на себя юридическое наказаніе. Ея дѣйствіе мягче, болѣе вкрадчиво, менѣе уловимо, но настолько же и даже болѣе сильно, чѣмъ власть Государства. Она властвуетъ надъ людьми посредствомъ обычаевъ, нравовъ, множества чувствъ, предразсудковъ, привычекъ, какъ матеріальной жизни, такъ и ума и сердца, посредствомъ всего того, что мы называемъ общественнымъ мнѣніемъ. Она охватываетъ человѣка съ его рожденія, проникаетъ его, наполняетъ его и составляетъ самое основаніе его индивидуальнаго существованія; такъ что каждый, до нѣкоторой степени является ея соучастникомъ противъ самого себя, въ большей или меньшей степени, и чаще всего совершенно не подозрѣвая объ этомъ. Откуда слѣдуетъ, что для того, чтобы возстать противъ этого вліянія, естественно подчиняющаго его обществу, человѣкъ долженъ отчасти возстать противъ самого себя, ибо со всѣми его матеріальными, интеллектуальными и моральными влеченіями и стремленіями онъ самъ ничто иное, какъ произведеніе общества. Отсюда это огромное могущество общества надъ людьми.

Съ точки зрѣнія абсолютной морали, т. е. человѣческаго уваженія, а я сейчасъ скажу, что я подразумѣваю подъ этимъ словомъ, это могущество общества можетъ быть благодѣтельнымъ, какъ оно можетъ быть и зловреднымъ. Оно благодѣтельно, когда стремится къ развитію науки, матеріальнаго благоденствія, свободы, равенства и братской солидарности между людьми; оно вредоносно, когда имѣетъ противоположныя тенденціи. Человѣкъ, рожденный въ грубомъ обществѣ, остается, за очень рѣдкими исключеніями, грубымъ; рожденный въ обществѣ, управляемомъ священниками, онъ становится идіотомъ и ханжей; рожденный въ шайкѣ воровъ, онъ вѣроятно сдѣлается

воромъ; рожденный въ буржуазіи, онъ будетъ эксплуататоромъ работы другихъ; а если онъ имѣетъ несчастіе родиться въ обществѣ полубоговъ, которые управляютъ этой землей, дворянъ, князей, царскихъ сыновей, онъ будетъ, сообразно со степенью своихъ способностей, своихъ средствъ и своего могущества, надменнымъ, поработителемъ человѣчества, тираномъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ бунтъ индивида противъ общества, которое видѣло его рожденіе, становится необходимымъ для очеловѣченія этого самого индивида.

Но я повторяю, бунтъ индивида противъ общества, — вещь гораздо болѣе трудная, чѣмъ бунтъ противъ Государства. Государство, это учрежденіе историческое и переходное, преходящая форма общества, подобно самой Церкви, по отношенію къ которой оно является меньшимъ братомъ, и оно не имѣетъ фатальнаго и неподвижнаго характера общества, которое предшествуетъ всякому развитію человѣчества, и которое, обладая всѣмъ всемогуществомъ естественныхъ законовъ, дѣйствій и явленій, составляетъ самую основу всего человѣческаго существованія. Человѣкъ, по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ первый шагъ по направленію къ человѣчности, съ тѣхъ поръ какъ онъ началъ быть человѣческимъ существомъ, т. е. существомъ говорящимъ и болѣе или менѣе думающимъ, родится въ обществѣ, какъ муравей родиться въ своемъ муравейникѣ и пчела въ своемъ ульѣ; онъ не избираетъ его, напротивъ, онъ является его произведеніемъ, и настолько же фатально подчиненъ естественнымъ законамъ развитія общества, насколько и всѣмъ другимъ естественнымъ законамъ. Общество предшествуетъ и переживаетъ всякаго человѣческаго индивида, какъ сама природа; оно вѣчно, какъ природа, или лучше сказать, рожденное на землѣ, оно будетъ существовать покуда будетъ существовать наша земля. Полное возстаніе противъ общества для человѣка столь же невозможно, какъ возстаніе противъ природы, тѣмъ болѣе, что общество является ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ великимъ

проявленіемъ или твореніемъ природы на землѣ; и индивидъ, который захотѣлъ бы поставить вопросительный знакъ на обществѣ, т. е. на природѣ вообще и спеціально на своей собственной природѣ, поставилъ бы себя этимъ самымъ внѣ всѣхъ условій реальнаго существованія, устремился бы въ небытіе, въ абсолютную пустоту, въ мертвую абстракцію, въ Божество. Спрашивать, является ли общество добромъ или зломъ, столь же невозможно, какъ спрашивать является ли добромъ или зломъ природа, всемірное, матеріальное, реальное, единое, высшее, абсолютное существо; это нѣчто большее чѣмъ добро или зло; это безмѣрный, положительный и первичный фактъ, предшествующій всякому сознанію, всякой идеѣ, всякой интеллектуальной и моральной оцѣнкѣ; это само основаніе, тотъ міръ, въ которомъ позже фатально развивается для насъ то, что мы называемъ добромъ или зломъ.

Иначе обстоитъ дѣло съ Государствомъ. Я, не колеблясь, говорю, что Государство есть зло, но зло исторически необходимое, столь же необходимое въ прошедшемъ, какъ рано или поздно будетъ необходимо его полное уничтоженіе, столь же необходимое, какъ были необходимы первобытная животность и теологическія пустоплетенія людей. Государство не есть общество, оно лишь его историческая форма, столь же грубая, какъ и абстрактная. Оно исторически родилось во всѣхъ странахъ, какъ плодъ брачнаго союза насилія, грабежа и опустошенія, однимъ словомъ войны и завоеванія, вмѣстѣ съ богами, послѣдовательно рожденными теологической фантазіей націй. Оно было съ своего рожденія и остается до сихъ поръ божественной санкціей грубой силы и торжествующей несправедливости. Даже въ странахъ наиболѣе демократичныхъ, каковы Соединенные Штаты Америки и Швейцарскіе кантоны. . . .*) привилегія какого ни-

*) Слово, не могущее быть прочитаннымъ въ рукописи.

будь меньшинства и реальное порабощеніе огромнаго большинства.

Бунтъ противъ Государства сравнительно легокъ, ибо въ самой природѣ государства есть нѣчто, вызывающее на бунтъ. Государство — это власть, это сила, это самопоказъ и нахальство силы. Оно не вкрадчиво, оно не ищетъ дѣйствовать путемъ убѣжденія; и всякій разъ, какъ это ему приходится, оно дѣлаетъ это противъ доброй воли; ибо его природа заключается въ дѣйствіи принужденіемъ, насиліемъ, а не убѣжденіемъ. Сколько оно не старается скрыть свою природу, оно остается законнымъ насильникомъ воли людей, постояннымъ отрицаніемъ ихъ свободы. Даже когда оно повелѣваетъ добро, оно его портитъ и обезцѣниваетъ, именно потому, что оно повелѣваетъ, а всякое повелѣваніе вызываетъ, возбуждаетъ справедливый бунтъ свободы; и потому еще что добро, разъ оно приказано, становится съ точки зрѣнія истинной морали, морали человѣческой, а не божеской, понятно, съ точки зрѣнія человѣческаго уваженія и свободы, — зломъ. Человѣческая свобода, нравственность и достоинство заключаются именно въ томъ, что человѣкъ дѣлаетъ добро, не потому что ему такъ приказано, а потому что онъ его сознаетъ, его хочетъ и его любитъ.

Общество не требуетъ признанія своей власти формальнымъ, оффиціальнымъ, авторитетнымъ образомъ; оно властвуетъ естественно и именно потому его воздѣйствіе на индивида несравненно болѣе могущественно, чѣмъ воздѣйствіе Государства. Оно творитъ и формируетъ всѣхъ индивидовъ, рождающихся и развивающихся въ его лонѣ. Оно медленно, отъ перваго дня рожденія до дня ихъ смерти, одаряетъ ихъ всей своей матеріальной, интеллектуальной и моральной природой, оно словно индивидуализируется въ каждомъ.

Реальный человѣческій индивидъ такъ далекъ отъ того, чтобы быть абстрактнымъ и универсальнымъ су-

ществомъ, что каждый, съ минуты когда онъ зарождается во чревѣ матери, является обусловленнымъ и опредѣленнымъ множествомъ матеріальныхъ, географическихъ, климатологическихъ, этнографическихъ, гигіеническихъ и экономическхъ причинъ и дѣйствій, которыя составляютъ матеріальную природу, исключительно свойственную его семьѣ, его классу, его національности, его расѣ; и поскольку склонности и влеченія людей зависятъ отъ совокупности этихъ внѣшнихъ или физическихъ вліяній, каждый рождается съ природой или индивидуальнымъ характеромъ, матеріально обусловленнымъ. Кромѣ того, благодаря сравнительно высокаго организма человѣческаго мозга, каждый человѣкъ, рождаяся, приноситъ съ собой, правда въ разномъ количествѣ, не врожденные идеи и чувства, какъ это утверждаютъ идеалисты, но способность, вмѣстѣ матеріальную и формальную, чувствовать, думать, говорить и хотѣть. Онъ приноситъ съ собой лишь способность создавать и развивать идеи, и какъ я уже сказалъ, чисто формальное, лишенное всякаго содержанія, могущество къ дѣятельности. Кто даетъ ему его первое содержаніе? Общество.

Здѣсь не мѣсто разслѣдовать, какимъ образомъ сложились въ первобытныхъ обществахъ первыя понятія и идеи, изъ которыхъ большая часть была естественно, очень нелѣпа. Все, что мы можемъ сказать съ полной увѣренностью, это то, что вначалѣ онѣ были создаваемы изолированно и внезапно, чудесно озаренным умомъ вдохновленныхъ индивидовъ, но напротивъ того, коллективной, и часто неуловимой работой умовъ всѣхъ индивидовъ, которые входятъ въ составъ обществъ; замѣчательные индивиды, геніальные люди лишь выражали результатъ этой работы въ самой вѣрной или въ самой удачной формѣ, ибо всѣ геніальные люди поступали всегда, подобно Вольтеру, **»беря свое добро вездѣ, гдѣ они его находили«**. Итакъ коллективный интеллектуальный трудъ первобытныхъ обществъ создалъ первыя идеи. Эти идеи вначалѣ были лишь простыми, понятно очень несовершенными,

констатированіями естественныхъ и соціальныхъ явленій и еще менѣе основательными заключеніями, полученными изъ разсмотрѣнія этихъ явленій. Таково было начало всѣхъ человѣческихъ представленій, воображеній и мыслей. Содержаніе этихъ мыслей нисколько не было создано произвольнымъ дѣйствіемъ человѣческаго духа, но было ему прежде всего дано реальнымъ міромъ, какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ. Человѣческій умъ, т. е. всецѣло органическая и слѣдовательно матеріальная работа и функціонированіе человѣческаго мозга, возбужденнаго внѣшними и внутренними возбужденіями, которыя ему приносятъ нервы, — не привноситъ отъ себя ничего, кромѣ чисто формальной дѣятельности, заключающейся въ сравненіи и комбинированіи вещей и явленій въ истинныя или ложныя системы. Такимъ образомъ родились первыя идеи. Посредствомъ слова эти идеи или, лучше сказать, эти первыя созданія воображенія опредѣлились, отвердѣли, передаваясь отъ одного человѣческаго индивида къ другому; такимъ образомъ созданія индивидуальныхъ воображеній каждаго встрѣтились другъ съ другомъ, взаимно проконтролировались, измѣнились и дополнились, и болѣе или менѣе сливаясь въ единую систему, кончили тѣмъ, что создали общее сознаніе, коллективную мысль общества. Эта мысль передаваемая по традиціи отъ одного поколѣнія къ другому, составляетъ интеллектуальную и моральную вотчину общества, класса и національности.

Каждое новое поколѣніе находитъ въ колыбели цѣлый міръ идей, воображеній и чувствъ, которыя оно получаетъ, какъ наслѣдство прошедшихъ вѣковъ. Этотъ міръ не представляется сперва новорожденному человѣку подъ своей идеальной формой, какъ система представленій и идей, какъ религія, какъ доктрина; дитя не способно воспринять и понять его подъ этой формой; міръ входитъ въ его сознаніе, какъ міръ фактовъ, воплощенный и осуществленный, какъ въ лицахъ, такъ и вещахъ, его окружающихъ, говоря его

чувствамъ посредствомъ всего, что онъ слышитъ и видитъ съ перваго дня своей жизни. Ибо, человѣческія идеи и представленія, которыя сперва были ничѣмъ инымъ, какъ продуктами реальныхъ, какъ естественныхъ, такъ и соціальныхъ, фактовъ, въ томъ смыслѣ, что они были отраженіемъ и повтореніемъ въ человѣческомъ мозгу и, такъ сказать, идеальнымъ, болѣе или менѣе правильнымъ, воспроизведеніемъ внѣшнихъ фактовъ въ этомъ чисто матеріальномъ органѣ человѣческой мысли, — позже, послѣ того, какъ они хорошо утвердились, только что описаннымъ мною образомъ, въ коллективномъ сознаніи какого нибудь общества, пріобрѣли способность становиться въ свою очередь производящими причинами новыхъ фактовъ, уже не естественныхъ, въ точномъ смыслѣ этого слова, а соціальныхъ. Они въ концѣ концовъ измѣняютъ и трансформируютъ, правда очень медленно, человѣческое существованіе, привычки и учрежденія, однимъ словомъ всѣ взаимоотношенія людей въ обществѣ, и благодаря своему воплощенію въ вещи, самыя обыденныя въ жизни каждаго, они становятся чувствительными, осязательными для всѣхъ, даже для дѣтей. Такъ что каждое новое поколѣніе проникается ими съ самого ранняго дѣтства, и, доходя до возмужалости, когда начинается настоящая работа собственной мысли, необходимо сопровождаемой новой критикой, оно находитъ, какъ въ себѣ самомъ, такъ и въ окружающемъ обществѣ, цѣлый міръ принятыхъ мыслей и представленій, которыя служатъ для него точкой отправленія и даютъ, такъ сказать, первый матеріалъ и основу для его собственной интеллектуальной и моральной работы. Сюда принадлежатъ созданія общаго традиціоннаго воображенія, которыхъ метафизики, обманутые нечувствительностью и незамѣтностью, съ которыми эти представленія, приходя извнѣ, проникаютъ и запечатлѣваются въ мозгу дѣтей, раньше даже чѣмъ они достигаютъ самосознанія, — ошибочно называютъ прирожденными идеями.

Таковы общія и абстрактныя идеи божества, души,

идеи совершенно нелѣпыя, но неизбѣжныя, фатальныя въ историческомъ развитіи человѣческаго ума, который, лишь очень медленно достигая въ теченіи вѣковъ раціональнаго познанія и критики самого себя и своихъ собственныхъ проявленій, исходитъ всегда отъ нелѣпости, чтобы прійти къ истинѣ, и отъ рабства, чтобы завоевать свободу; идеи, освященныя всемірнымъ невѣжествомъ и тупостью вѣковъ, также точно какъ и хорошо сознаннымъ интересомъ привилегированныхъ классовъ, такъ что теперь невозможно открыто и на общепонятномъ языкѣ высказаться противъ этихъ идей, не возмущая значительную часть народныхъ массъ и не подвергаясь опасности быть побитымъ камнями со стороны буржуазнаго лицемѣрія. Наряду съ этими, чисто абстрактными идеями и въ тѣсной связи съ ними, подростокъ находитъ въ обществѣ, и вслѣдствіе всесильнаго вліянія, которое оно имѣло на него въ дѣтствѣ, находитъ въ себѣ самомъ множество другихъ представленій и идей, гораздо болѣе опредѣленныхъ, гораздо болѣе тѣсно соприкасающихся съ реальной жизнью человѣка, съ его каждодневнымъ существованіемъ. Таковы представленія о природѣ и о человѣкѣ, о справедливости, объ обязанностяхъ и правахъ индивидовъ и классовъ, о соціальныхъ приличіяхъ, о семьѣ, о собственности, о Государствѣ и много еще другихъ, опредѣляющихъ взаимоотношенія людей. Всѣ эти идеи, которыя онъ находитъ при рожденіи воплощенными въ вещахъ и въ людяхъ, которыя запечатлѣваются въ его умѣ получаемымъ имъ воспитаніемъ и образованіемъ, раньше чѣмъ онъ приходитъ къ самосознанію, онъ позже находитъ ихъ освященными, объясненными, комментированными посредствомъ теорій, выражающихъ всемірное сознаніе и коллективный предразсудокъ, посредствомъ всѣхъ религіозныхъ, политическихъ и экономическихъ учрежденій общества, въ которомъ онъ участвуетъ. Онъ самъ такъ пропитанъ ими, что заинтересованъ ли онъ лично или нѣтъ въ ихъ защитѣ, онъ будетъ невольно, въ силу всѣхъ своихъ ма-

теріальныхъ, интеллектуальныхъ и моральныхъ привычекъ, ихъ сторонникомъ.

Достойно удивленія не всемогущее дѣйствіе этихъ идей, выражающихъ коллективное сознаніе общества, на массу людей, но напротивъ то, что среди этой массы находятся индивиды, имѣющіе мысль, волю и смѣлость бороться съ ними. Ибо давленіе производимое обществомъ на индивида огромно, и нѣтъ столь сильнаго характера, столь сильнаго ума, чтобы они могли считать себя въ безопасности отъ покушеній этого столь же деспотическаго, какъ и непреоборимаго могущества.

Ничто такъ не доказываетъ общественный характеръ человѣка, какъ это вліяніе. Можно сказать, что коллективное сознаніе какого нибудь общества, воплощенное какъ въ крупныхъ общественныхъ учрежденіяхъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ частной жизни, и служащее основаніемъ всѣхъ теорій, составляетъ своего рода всеобщую среду, своего рода интеллектуальную и моральную атмосферу, вредоносную, но совершенно необходимую для существованія всѣхъ его членовъ. Она надъ ними господствуетъ и въ то же время поддерживаетъ ихъ, соединяя ихъ обычными и съ необходимостью ею обусловленными отношеніями; внѣдряя въ каждаго сознаніе безопасности и увѣренности, и оставляя для всѣхъ высшее и необходимое условіе существованія толпы, банальности, общаго мѣста, рутины.

Огромное большинство людей, не только въ народныхъ массахъ, но такъ же точно и часто даже еще болѣе между привилегированными и просвѣщенными классами, не чувствуютъ себя спокойными и въ мирѣ съ своей совѣстью, если только не слѣдуютъ, во всѣхъ своихъ мысляхъ, во всѣхъ поступкахъ своей жизни, слѣпо и рабски, традиціи и рутинѣ: »Наши отцы думали и поступали такъ, мы должны думать и поступать какъ они: весь міръ вокругъ насъ думаетъ и поступаетъ такъ, зачѣмъ будемъ мы думать и поступать иначе, чѣмъ весь міръ?« Эти слова выражаютъ фило-

софію, убѣжденіе и поведеніе 99-и процентовъ человѣчества, взятаго безразлично во всѣхъ классахъ общества. И, какъ я уже замѣтилъ, это является наибольшимъ препятствіемъ къ прогрессу и возможно скорому освобожденію человѣческаго рода.

Каковы причины этой приводящей въ отчаяніе и столь близкой къ неподвижности медленности, которая составляетъ, по моему, самое большое несчастіе человѣчества?

Причинъ этому множество. Между ними одной изъ самыхъ значительныхъ является, несомнѣнно, невѣжество массъ. Лишаемыя постояно и систематически научнаго образованія, благодаря отеческимъ попеченіямъ всѣхъ правительствъ и привилегированныхъ классовъ, находящихъ полезнымъ продержать ихъ какъ можно дольше въ невѣжествѣ, въ благочестіи, въ вѣрѣ, — три существительныя, выражающія почти одно и то же, — онѣ равно не знаютъ о существованіи и способѣ пользованія тѣмъ инструментомъ интеллектуальнаго освобожденія, который называется критикой, безъ которой не можетъ быть полной моральной и соціальной революціи.

Массы, всѣ интересы которыхъ заключаются въ возстаніи противъ установленнаго строя, бываютъ къ нему болѣе или менѣе привязаны изъ-за религіи своихъ отцовъ, этого провидѣнія привилегированныхъ классовъ.

Привилегированные классы, которые, что бы они не говрили, не имѣютъ болѣе ни благочестія, ни вѣры, остаются въ свою очередь привязанными къ нимъ, изъ-за своихъ политическихъ и соціальныхъ интересовъ. Однако, невозможно сказать, что это единственная причина ихъ страстной привязанности къ господствующимъ идеямъ.

Какъ ни низко мое мнѣніе о нынѣшней интеллектуальной и моральной цѣнности этихъ классовъ, все же я не могу допустить, что бы одинъ своекорыстный интересъ служилъ двигателемъ ихъ мыслей и поступковъ.

Во всякомъ классѣ и во всякой партіи существуетъ, конечно, болѣе или менѣе многочисленная группа умныхъ, смѣлыхъ и сознательно недобросовѣстныхъ эксплуататоровъ, такъ называемыхъ **сильныхъ людей** (homes forts), свободныхъ отъ всѣхъ интеллектуальныхъ и моральныхъ предразсудковъ, равно безразличныхъ ко всякимъ убѣжденіямъ и пользующимся, при случаѣ, всѣми средствами, чтобы достигнуть своей цѣли. Но эти выдѣляющіеся люди всегда составляютъ даже въ самыхъ испорченныхъ классахъ лишь незначительное меньшинство; большинство и здѣсь обладаетъ тѣми же бараньими свойствами, что въ народныхъ массахъ. Оно естественно подчиняется вліянію своихъ интересовъ, которые заставляютъ его видѣть въ реакціи условіе своего существованія. Но невозможно допустить, что дѣлая реакцію, оно послушно лишь эгоистическому чувству. Громадное большинство людей, даже значительно испорченныхъ, не способно быть столь извращеннымъ, когда оно дѣйствуетъ коллективно. Во всякой многочисленной ассоціаціи, а тѣмъ болѣе въ ассоціаціяхъ традиціонныхъ, историческихъ, каковыми являются классы, хотя бы онѣ дошли до того, что сдѣлались совершенно вредоносны и противны всеобщему интересу и праву, сохраняется какой нибудь моральный принципъ, какая нибудь религія, вѣрованіе, конечно очень мало раціональные, чаще всего смѣшные, и, слѣдовательно, очень узкіе, но искренніе и составляющіе необходимое нравственное условіе существованія этихъ ассоціацій.

Общая и основная ошибка всѣхъ идеалистовъ, ошибка, являющаяся впрочемъ, вполнѣ логичнымъ послѣдствіемъ всей ихъ системы, заключается въ исканіи основанія морали въ отдѣльномъ индивидѣ, между тѣмъ какъ оно находится и можетъ находиться лишь въ индивидахъ, находящихся въ общеніи. Чтобы доказать это, оцѣнимъ разъ навсегда по достоинству, изолированнаго или абсолютнаго индивида идеалистовъ.

Этотъ одинокій и абстрактный человѣческій индивидъ является фикціей, такою же какъ фикція Бога; обѣ онѣ были единовременно созданы вѣрующей фантазіей или дѣтскимъ, не рефлективнымъ, экспериментальнымъ и критическихмъ, а вообразительнымъ умомъ народовъ, и потомъ были развиты, объяснены и догматизированы въ теологическихъ и метафизическихъ теоріяхъ идеалистическихъ мыслителей. Обѣ онѣ, представляя собой лишенный всякаго содержанія и несогласимый ни съ какой реальностью отвлеченіе, логически приходятъ къ Небытію. Я полагаю, что я доказалъ неморальность фикціи Бога; позже, въ заключеніи, я еще яснѣе докажу ея нелѣпость. Теперь я хочу анализировать столь же неморальную, какъ и нелѣпую фикцію абсолютнаго или абстрактнаго человѣческаго индивида, фикцію, которую моралисты идеалистической школы берутъ за основаніе ихъ политическихъ и соціальныхъ теорій.

Не трудно доказать, что человѣческій индивидъ, котораго они проповѣдуютъ и любятъ, является существомъ совершенно неморальнымъ. Онъ олицетворенный эгоизмъ, по преимуществу, существо антисоціальное. Такъ какъ этотъ индивидъ одаренъ безсмертной душой, то онъ безконеченъ и самодовлѣющъ; значитъ, онъ не нуждается ни въ комъ, даже въ Богѣ, а тѣмъ болѣе не нуждается онъ въ другихъ людяхъ. Логически онъ не долженъ бы переноситъ существованія, на ряду или выше себя, другого индивида, равнаго или высшаго, столь же безсмертнаго и безконечнаго или болѣе безсмертнаго и безконечнаго, чѣмъ онъ самъ. Онъ долженъ бы быть единственнымъ человѣкомъ на землѣ: что я говорю? — онъ долженъ бы считать себя единственнымъ существомъ, міромъ. Ибо безконечность, встрѣчающая что бы то ни было внѣ себя, встрѣчаетъ границу, перестаетъ быть безконечностью и двѣ встрѣчающіяся безконечности взаимно уничтожаютъ другъ друга.

Почему теологи и метафизики, вызывающіе себя все же очень тонкими логиками, совершили и продол-

жаютъ совершат эту непослѣдовательность допущенія существованія множества равно безсмертныхъ, т. е. равно безконечныхъ людей, а надъ ними существованія Бога, еще болѣе безсмертнаго и безконечнаго? Они были къ этому принуждены совершенной невозможностью отрицать реальное существованіе, смертность и взаимную независимость милліоновъ людей, жившихъ и живущихъ на этой землѣ. Это фактъ, отъ котораго, несмотря на все свое желаніе, они не могутъ отрѣшиться. Логически они должны бы вывести заключеніе, что души не безсмертны, что они не имѣютъ существованія отдѣльнаго отъ своихъ тѣлесныхъ и смертныхъ оболочекъ, и что, ограничивая другъ друга и находясь во взаимной зависимости, что, находя внѣ себя безконечное число различныхъ вещей, люди, подобно всему существующему въ этомъ мірѣ, являются существами преходящими, ограниченными и конечными. Но признавъ это, они должны бы отказаться отъ самого основанія своихъ идеалистичныхъ теорій, они должны были бы примкнуть къ знамени чистаго матеріализма, или экспериментальной и раціональной науки. Къ этому ихъ приглашаетъ и могучій голосъ вѣка.

Они остаются глухи къ этому голосу. Ихъ характеръ вдохновленныхъ пророковъ, доктринеровъ и священниковъ, ихъ умъ, подвигаемый тонкими обманами метафизики, привыкшій къ сумеркамъ идеальныхъ фантазій, возмущаются противъ откровенныхъ заключеній и полнаго дня простой истины. Они до того ее ненавидятъ, что предпочитаютъ сохранить противорѣчіе, которое они сами дѣлаютъ этой нелѣпой фикціей безсмертной души, нуждаясь для разрѣшенія ея въ новой нелѣпости, въ фикціи Бога. Съ точки зрѣнія теоріи, Богъ является ничѣмъ инымъ, какъ послѣднимъ убѣжищемъ, и высшимъ выраженіемъ всѣхъ нелѣпостей и противорѣчій идеализма. Въ теологіи, представляющей собой дѣтскую и наивную метафизику, онъ является основаніемъ и первой причиной нелѣпаго, но въ метафизикѣ, въ собственномъ смыслѣ

слова, т. е. въ утонченной и раціонализированной теологіи, онъ является, напротивъ, послѣдней инстанціей и высшимъ убѣжищемъ нелѣпаго, въ томъ смыслѣ, что всѣ противорѣчія, кажущіяся неразрѣшимыми въ реальномъ мірѣ, обясняются въ Богѣ и черезъ Бога, т. е. въ нелѣпомъ, облеченномъ, насколько возможно, раціональной внѣшностью.

Существованіе личнаго Бога и безсмертіе души являются двумя нераздѣлимыми фикціями, двумя полосами одной и той же абсолютной нелѣпости, взаимно вызывающими другъ друга и не могущими найти одна безъ другой своего объясненія и основанія своего существованія. Итакъ на очевидное противорѣчіе, существующее между предположенной безконечностью всякаго человѣка и реальнымъ фактомъ существованія множества людей — т. е. существуетъ внѣ другъ друга множество безконечныхъ индивидовъ, взаимно себя ограничивающихъ; на противорѣчіе между ихъ смертностью и безсмертіемъ, между ихъ естественной зависимостью и ихъ абсолютной независимостью другъ отъ друга, — идеалисты имѣютъ только одинъ отвѣтъ: Бог; — если этотъ отвѣтъ вамъ ничего не объясняетъ и не удовлетворяетъ васъ, тѣмъ хуже для васъ. Они не могутъ вамъ дать другого.

Фикція безсмертія души и фикція индивидуальной морали, послѣдняя, являющаяся необходимымъ слѣдствіемъ первой, являются отрицаніемъ всей морали. И въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость теологамъ, которые, будучи гораздо болѣе послѣдовательными и логичными, чѣмъ метафизики, смѣло отрицаютъ то, что теперь принято называть **независимой моралью**, объявляя, съ большой разумностью, что разъ только допускается безсмертіе души и существованіе Бога, надо признать, что можетъ существовать только одна мораль, божественный, откровенный законъ, религіозная мораль, т. е. связь безсмертной души съ Богомъ черезъ Божью благодать. Внѣ этого ирраціональнаго, чудеснаго и мистическаго отношенія, единственно святого и единственно спасительнаго, и внѣ

послѣдствій, вытекающихъ изъ него для человѣка, всѣ другія отношенія сводятся къ нулю. Божественная мораль есть абсолютное отрицаніе морали человѣческой.

Божественная мораль нашла свое лучшее выраженіе въ слѣдующемъ христіанскомъ завѣтѣ: »Ты долженъ любить Бога болѣе, чѣмъ самого себя, а своего ближняго, какъ самого себя«, — откуда вытекаетъ обязанность жертвовать для Бога собой и своимъ ближнимъ. Пусть бы еще пожертвованіе самимъ собой; къ нему можно относиться, какъ къ безумію; но пожертвованіе своимъ ближнимъ является, съ человѣческой точки зрѣнія, совершенно безнравственнымъ. А почему же я принужденъ къ этому безчеловѣчному пожертвованію? Ради спасенія моей души. Это послѣднее слово христіанства. Значитъ, чтобы быть угоднымъ Богу и спасти свою душу, я долженъ пожертвовать своимъ ближнимъ. Это абсолютный эгоизмъ. Этотъ эгоизмъ, не уменьшенный, не уничтоженный, но лишь замаскированный посредствомъ насильственной коллективности и властнаго, іерархическаго и деспотическаго единенія въ католицизмѣ, является во всей своей цинической откровенности въ протестантствѣ, являющемся своего рода религіознымъ: »спасайся, кто можетъ«.

Метафизики въ свою очередь стараются скрыть этотъ эгоизмъ, являющійся существеннымъ и основнымъ принципомъ всѣхъ идеалистическихъ доктринъ, тѣмъ что говорятъ мало, какъ можно меньше, объ отношеніяхъ человѣка къ Богу и очень много о взаимныхъ отношеніяхъ людей. Это не является съ ихъ стороны, ни красивымъ, ни откровеннымъ, ни логичнымъ: ибо разъ допускается существованіе Бога, мы принуждены признать необходимость отношенія человѣка къ Богу; и надо признать, что по сравненіи съ этимъ отношеніемъ къ абсолютному и всевышнему существу, всѣ другія отношенія необходимо притворны. Или Богъ не есть Богъ, или его присутствіе все поглощаетъ, все уничтожаетъ. Но оставимъ это . . .

Итакъ, метафизики ищутъ мораль въ отношеніяхъ людей между собой, и въ то же время они утверждаютъ, что она является совершенно индивидуальнымъ фактомъ, божественнымъ закономъ, написаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, независимо отъ его взаимоотношенія съ другими людьми. Таково неразрѣшимое противорѣчіе, на которомъ основана теорія морали идеалистовъ. Разъ я несу въ себѣ, до всякаго отношенія съ обществомъ и слѣдовательно, независимо отъ какого бы то ни было вліянія общества на мою личность, моральный законъ, написанный самимъ Богомъ въ моемъ сердцѣ, то этотъ моральный законъ по необходимости чуждъ и безразличенъ, если только не враждебенъ моему общественному существованію; онъ не можетъ касаться моихъ отношеній къ людямъ, а можетъ лишь опредѣлять мои отношенія къ Богу, какъ очень логично утверждаетъ теологія. Что касается до людей, то съ точки зрѣнія этого закона, они мнѣ совершенно чужды. Такъ какъ моральный законъ создался и запечатлѣлся въ моемъ сердцѣ, помимо всякихъ отношеній съ ними, то ему нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

Но возразятъ мнѣ; этотъ законъ именно повелѣваетъ вамъ любить людей, какъ самого себя, ибо они подобны вамъ, и ничего не дѣлать имъ, что вы не желаете, чтобы вамъ было сдѣлано; соблюдать по отношенію къ нимъ равенство, равную по отношенію ко всѣмъ мораль, справедливость. На это я отвѣчаю, что если правда, что моральный законъ заключаетъ въ себѣ это повелѣніе, то я долженъ отсюда вывести, что онъ не создался, не запечатлѣлся уединеннымъ образомъ въ моемъ сердцѣ; онъ необходимо предполагаетъ предшествовавшее существованіе моихъ отношеній съ другими людьми, подобными мнѣ существами, и что слѣдовательно, онъ не творитъ этихъ отношеній, но, находя ихъ уже естественно установившимися, онъ ихъ лишь регулируетъ, и является своего рода ихъ проявленіемъ, развитіемъ, обьясненіемъ, продуктомъ. Откуда явствует, что нравственный законъ является

фактомъ не индивидуалистическимъ, а общественнымъ, созданіемъ общества.

Если бы это было иначе, нравственный законъ, написанный въ моемъ сердцѣ, былъ бы нелѣпъ; онъ бы регулировалъ мои отношенія съ существами, съ которыми я не имѣлъ бы никакихъ отношеній, фактъ, существованія которыхъ былъ бы мнѣ неизвѣстенъ.

На это метафизики имѣютъ одинъ отвѣтъ. Они говорят, что каждый индивидъ, рождаясь, приноситъ его съ собой написаннымъ рукой Бога въ сердцѣ, но что законъ этотъ находится сперва въ скрытомъ состояніи, въ лишь способности, еще не реализированной, не проявленной для самого индивида, который не можетъ ее реализировать, не можетъ ее разобрать въ себѣ самомъ, иначе, какъ развиваясь въ средѣ себѣ подобныхъ; что человѣкъ, однимъ словомъ, не приходитъ къ сознанію этого присущаго ему закона иначе, какъ въ отношеніяхъ съ другими людьми.

Чрезъ это объясненіе, если и не правильное, то во всякомъ случаѣ удобопріемлемое, мы снова возвращаемся къ доктринѣ врожденныхъ идей, чувствъ и принциповъ. Эта теорія извѣстна: человѣческая душа, безсмертная и безконечная въ своей сущности, но тѣлесно обусловленная, ограниченная, отягощенная, и такъ сказать, ослѣпленная, уничтоженная въ своемъ реальномъ существованіи, заключаетъ въ себѣ всѣ эти вѣчные и божественные принципы, но сама не зная объ этомъ, и даже подозрѣвая это менѣе, чѣмъ чтобы то ни было на свѣтѣ. Будучи безсмертной, она была таковой въ прошломъ и останется въ будущемъ. Ибо, если бы она имѣла начало, она необходимо возымѣла бы конецъ, она не была бы безсмертной. Чѣмъ она была, что она дѣлала въ продолженіи всей вѣчности, которую она оставляетъ за собой? Богъ одинъ это знаетъ; что касается до нея самой, она не помнитъ, не знаетъ этого. Это великая тайна, полная кричащихъ противорѣчій, для разрѣшенія которыхъ приходится прибѣгнуть къ высшему противорѣчію, къ Богу. Выходитъ, что душа всегда сохраняетъ, не подо-

зрѣвая объ этомъ сама, въ какой то таинственной области своего существа, всѣ божественные принципы. Но затерянная въ земномъ тѣлѣ, отупѣвшая отъ грубо матеріальныхъ условій своего рожденія и существованія на землѣ, она не имѣетъ болѣе способности ни понимать ихъ, ни даже вспоминать о нихъ. Это все равно, какъ если бы ихъ совсѣмъ не имѣла. Но вотъ множество человѣческихъ душъ, всѣ одинаково безсмертныя въ своей сущности, всѣ одинаково отупѣвшія, испортившіяся и оматеріализованныя въ своемъ реальномъ существованіи встрѣчаются въ обществѣ. Сперва они узнаютъ другъ друга такъ мало, что одна матеріализованная душа съѣдаетъ другую. Антропофагія была, какъ извѣстно, первымъ обычаемъ человѣческаго рода. Потомъ, продолжая вести другъ съ другомъ ожесточенную войну, каждый стремится поработить всѣхъ другихъ — это долгій періодъ рабства, періодъ, который далеко еще не пришелъ и сегодня къ концу. Ни въ антропофагіи, ни въ рабствѣ нельзя найти ни малѣйшаго слѣда божественныхъ принциповъ. Но въ той безконечной борьбѣ народовъ и людей между собой, которая составляетъ исторію, и вслѣдствіе тѣхъ безчисленныхъ страданій, которыя являются самымъ явнымъ результатомъ этой борьбы, души мало по малу просыпаются, выходя изъ своего отупѣнія, приходя въ себя, узнавая другъ друга и все болѣе и болѣе углубляясь въ свое внутреннее существо, вызываемыя и возбуждаемыя одна другой, онѣ начинаютъ сперва вспоминать и предчувствовать, а потомъ болѣе ясно видѣть и ухватывать принципы, которые Богъ, отъ вѣка, запечатлѣлъ въ нихъ собственной рукой.

Это пробужденіе и вспоминаніе совершаются не въ душахъ, наиболѣе безконечныхъ и безсмертныхъ, что было бы нелѣпостью; безконечность не можетъ быть ни большей, ни меньшей, такъ что душа самого большого идіота, столь же безконечна и безсмертна, какъ душа величайшаго генія; они совершаются въ душахъ наименѣе грубо матеріализованныхъ, и слѣдо-

вательно, болѣе способныхъ проснуться и одушевляться. Таковы люди, одаренные геніемъ, люди вдохновленные богомъ, получившіе откровеніе, законодатели, пророки. Разъ эти великіе люди, получившіе озареніе и воззваніе отъ духа, безъ помощи котораго ничего великаго и хорошаго не происходитъ въ этомъ мірѣ, нашли въ себѣ самихъ эти божественныя истины, которыя каждый человѣкъ инстинктивно носитъ въ своей душѣ, то и для всѣхъ другихъ болѣе грубо оматеріализованныхъ людей становится легче сдѣлать то же самое открытіе. И вотъ почему всякая великая истина, всѣ вѣчные принципы, проявившіеся вначалѣ въ исторіи, какъ божественныя откровенія, сводятся позже къ истинамъ, конечно божественнымъ, но которыя всякій можетъ и долженъ найти въ себѣ самомъ и признать за основаніе своей собственной безконечной сущности или безсмертной души. Это объясняетъ какимъ образомъ истина, возвѣщенная сперва однимъ человѣкомъ, распространяясь мало по малу во внѣ, создаетъ учениковъ, вначалѣ малочисленныхъ и обыкновенно преслѣдуемыхъ, такъ же точно какъ и учитель, массами и оффиціальными представителями общества; потомъ распространяясь все болѣе по причинѣ именно преслѣдованіи, она кончаетъ тѣмъ, что завоевываетъ коллективное сознаніе, и бывшій долгое время истиной исключительно индивидуальной, перерабатывается въ концѣ въ истину общественно принятую; хорошо или худо реализованная въ публичныхъ и частныхъ учрежденіяхъ общества, она становится закономъ.

Такова общая теорія моралистовъ метафизической школы. На первый взглядъ, говорю я, она очень удобопріемлема и, какъ кажется, примиряетъ самыя несообразныя вещи: божественное откровеніе и человѣческій разумъ, безсмертіе и абсолютную независимость индивидовъ съ ихъ смертностью и абсолютной зависимостью, индивидуализмъ съ соціализмомъ. Но изслѣдуя эту теорію и ея слѣдствія поближе, мы легко увидимъ, что это чисто внѣшнее примиреніе, скры-

вающее подъ ложной маской раціонализма и соціализма, древнее торжество божественной нелѣпости надъ человѣческимъ разумомъ и индивидуальнаго эгоизма надъ соціальной солидарностью. Въ концѣ концовъ она логически приводитъ къ абсолютному раздѣленію и уединенію индивидовъ, и слѣдовательно къ отрицанію всякой морали.

Несмотря на претензіи этой теоріи на чистый раціонализмъ, она начинаетъ съ отрицанія всего разума, съ нелѣпости, съ фикціи безконечности, затерявшейся въ конечномъ, или съ предположенія души, множества безсмертныхъ душъ, заложенныхъ и заключенныхъ въ тюрьму смертныхъ тѣлъ. Чтобы исправить и объяснить эту нелѣпость, теорія принуждена прибѣгнуть къ другой нелѣпости по преимуществу, къ богу: своего рода безсмертной, личной, неизмѣнной душѣ, заложенной и заключенной въ тюрьму преходящаго и смертнаго міра и сохраняющей, тѣмъ не менѣе, свое всевѣдѣніе и всемогущество. Если дѣлать этой теоріи нескромные вопросы, которыхъ она, конечно, неспособна разрѣшить, ибо нелѣпость неспособна ни къ саморазрѣшенію, ни къ саморазъясненію, она отвѣчаетъ этимъ страшнымъ словомъ Бога, таинственнаго абсолюта, которое, не выражая ровно ничего, или обозначая невозможное, разрѣшаетъ, объясняетъ, согласно ей, все. Это ея дѣло и ея право, ибо за это, будучи наслѣдницей и болѣе или менѣе послушной дочерью теологіи, она и называется метафизикой.

То что мы должны разсмотрѣть, такъ это моральныя послѣдствія этой теоріи. Укажемъ прежде всего на то, что ея мораль, несмотря на свою соціалистическую внѣшность, является моралью глубоко и исключительно индивидуальной, послѣ чего намъ не представитъ труда доказать, что обладая такимъ господствующимъ характеромъ, она является на дѣлѣ отрицаніемъ всей морали.

По этой теоріи, безсмертная и индивидуальная душа каждаго человѣка, безконечная и абсолютно все-

цѣлая въ своей сущности, и какъ таковая не имѣющая рѣшительно никакой нужды въ какомъ либо существѣ, или въ отношеніяхъ съ другими существами, оказывается заключенной въ тюрьму и сперва какъ бы сведенной къ нулю въ смертномъ тѣлѣ. Въ этомъ состояніи паденія, причины котораго очевидно останутся намъ вѣчно неизвѣстными, ибо человѣческій умъ неспособенъ ихъ объяснить, и такъ какъ ихъ объясненіе находится только въ абсолютной тайнѣ, въ богѣ, доведенная до этого состоянія матеріальности и абсолютной зависимости отъ внѣшняго міра, политическая душа нуждается въ обществѣ, чтобы проснуться, чтобы опамятоваться, чтобы опять пріобрѣсти сознаніе самой себя и божественныхъ принциповъ которые были отъ вѣка заложены Богомъ въ ея лонѣ и которые составляютъ ея настоящую сущность. Такова соціалистическая часть, соціалистическій характер этой теоріи. Взаимоотношенія людей съ людьми и каждаго человѣческаго индивида со всѣми остальными, однимъ словомъ, соціальная жизнь, являются въ этой теоріи лишь мостомъ, а не цѣлью; абсолютная и послѣдняя цѣль для каждаго индивида, это онъ самъ, помимо всѣхъ другихъ индивидовъ: это онъ самъ, передъ лицомъ абсолютной индивидуальности, передъ богомъ. Человѣкъ нуждается въ людяхъ, чтобы выйти изъ своего земного уничтоженія, чтобы найти самого себя, чтобы вновь ухватить свою безсмертную сущность, но разъ онъ ее нашелъ, то, черпая отнынѣ жизнь лишь въ себѣ самомъ, онъ оборачивается къ нимъ спиной и остается погруженнымъ въ созерцаніе таинственной нелѣпости, въ поклоненіе своему Богу.

Если онъ сохраняетъ тогда еще нѣкоторыя отношенія съ людьми, то не въ силу моральной потребности, не въ силу любви къ нимъ, потому что любятъ только то, въ чемъ нуждаются и что въ васъ нуждается, а человѣкъ, нашедшій свою безконечную и безсмертную сущность, самодовлѣющій въ себѣ самомъ, не нуждается ни въ комъ, не нуждаются даже въ Богѣ, который, благодаря тайнѣ, понимаемой одними

метафизиками, обладаетъ, какъ оказывается, безконечностью болѣе безконечной и безсмертіемъ болѣе безсмертнымъ, чѣмъ безконечность и безсмертіе людей. Поддерживаемый отнынѣ божественными всезнаніемъ и всемогуществомъ, индивидъ сосредоточенный и свободный въ себѣ самомъ, не можетъ болѣе имѣть потребности въ другихъ людяхъ. А если онъ продолжаетъ еще сохранять съ ними отношенія, то на это могутъ быть только два основанія.

Во первыхъ, потому что, покуда онъ отягощенъ своимъ смертнымъ тѣломъ, ему надобно ѣсть, ютиться, покрываться, защищаться какъ противъ внѣшней природы, такъ и противъ нападеній людей, а если онъ человѣкъ цивилизованный, то онъ нуждается въ множествѣ матеріальныхъ вещей, составляющихъ комфортъ, благоустройство, роскошь и изъ которыхъ многія, неизвѣстныя нашимъ отцамъ, теперь всѣми признаются предметами первой необходимости. Конечно, онъ прекрасно могъ бы послѣдовать примѣру святыхъ прошлыхъ вѣковъ и, уединяясь въ какой нибудь пещерѣ, питаться кореньями. Но, какъ кажется, это не по вкусу современнымъ святымъ, думающимъ очевидно, что матеріальный комфортъ необходимъ для спасенія души. Итакъ онъ нуждается во всѣхъ этихъ вещахъ, но всѣ эти вещи могутъ быть произведены лишь коллективнымъ трудомъ людей: изолированный трудъ одного человѣка былъ бы неспособенъ произвести даже ихъ милліонную долю.

Откуда вытекаетъ, что индивидъ обладающій безсмертной душой и внутренной, независимой отъ общества свободой, современный святой, **матеріально** нуждается въ этомъ самомъ обществѣ, въ которомъ онъ, съ точки зрѣнія моральной, не имѣетъ никакой нужды.

Но какое названіе надо дать отношеніямъ, которыя, будучи мотивированы исключительно матеріальными нуждами, не являются въ то же время поддержанными и освященными какой нибудь моральной надобностью? Очевидно только одно: **эксплуатація**. И въ самомъ дѣлѣ, въ метафизической морали и въ бур-

жуазномъ обществѣ, имѣющимъ, какъ извѣстно, въ своемъ основаніи эту мораль, каждый индивидъ необходимо дѣлается эксплуататоромъ общества, т. е. всѣхъ, а Государство, въ своихъ самыхъ разнообразныхъ формахъ, начиная отъ теократическаго Государства и самой абсолютной Монархіи, до самой демократической Республики, основанной на самомъ широкомъ всеобщемъ избирательномъ правѣ, является ничѣмъ инымъ, какъ регуляторомъ и гарантіей этой обоюдной эксплуатаціи.

Въ буржуазномъ обществѣ, основанномъ на метафизической морали, каждый индивидъ, въ силу логической необходимости, вытекающей изъ его положенія, является эксплуататоромъ другихъ, ибо онъ **матеріально** нуждается во всѣхъ, и ни въ комъ не нуждается **морально**. Каждый, избѣгая соціальной солидарности, какъ помѣхи для полной свободы его души, но ища ее, какъ необходимое средство для поддержки своего тѣла, разсматриваетъ ее лишь съ точки зрѣнія личной, матеріальной пользы и отъ себя приноситъ ей, даетъ ей лишь то, что необходимо нужно принести, чтобы имѣть не право, но возможность обезпечить для себя эту пользу. Однимъ словомъ, каждый, относится къ ней, какъ эксплуататоръ. Но, когда всѣ являются одинаково эксплуататорами, то неизбѣжно иные будутъ счастливы, а другіе несчастны, ибо всякая эксплуатація предполагаетъ эксплуатируемыхъ. Итакъ, существуютъ эксплуататоры, являющіеся таковыми какъ въ возможности, такъ и въ дѣйствительности; и существуютъ другіе, большинство, народъ, являющіеся эксплуататорами лишь въ возможности, лишь въ желаніи, но не въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности они вѣчно эксплуатируемы. Такъ вотъ къ чему приходитъ, въ соціальной экономіи, метафизическая или буржуазная мораль: къ безпрерывной и безпощадной войнѣ между всѣми индивидами, къ ожесточенной войнѣ, въ которой погибаетъ большинство, чтобы обезпечить торжество и благоденствіе малаго числа.

Вторая причина, могущая заставить дошедшаго до полнаго обладанія самимъ собой, индивида, сохранять отношенія съ другими людьми, это желаніе быть угоднымъ Богу и обязанность исполнять его вторую заповѣд; первой является обязаность любить Бога болѣе чѣмъ самого себя, а второй — любить людей, своихъ ближнихъ такъ же какъ себя, и дѣлать имъ, **ради любви къ Богу**, все добро, которое они желаютъ, чтобы имъ дѣлали.

Замѣтимъ эти слова: **»ради любви къ Богу«**; они превосходно выражаютъ характеръ единственной, возможной при метафизической морали, человѣческой любви, заключающейся именно въ томъ, чтобы не любить людей ради нихъ самихъ, по собственной потребности, но единствено лишь съ цѣлью быть угоднымъ всевышнему господину. Впрочемъ, такъ и должно быть; ибо, разъ метафизика допускаетъ существованіе Бога и отношенія человѣка къ Богу, то она должна, подобно теологіи, подчинить имъ человѣческія отношенія. Идея Бога поглощаетъ, уничтожаетъ все, что не есть Богъ, замѣщая всѣ человѣческія и земныя реальности божественными фикціями.

При метафизической морали, какъ я уже сказалъ, человѣкъ дошедшій до сознанія своей безсмертной души и индивидуальной свободы передъ богомъ и въ богѣ, не можетъ любить людей, ибо морально онъ въ нихъ болѣе не нуждается, и потому что, какъ я еще прибавилъ, можно любить лишь то, что въ васъ нуждается.

Если вѣрить теологамъ и метафизикамъ, первое условіе превосходно выполняется въ отношеніяхъ человѣка къ богу, ибо они утверждаютъ, что человѣкъ не можетъ обойтись безъ бога. Итакъ человѣкъ можетъ и долженъ любить бога, ибо онъ въ немъ нуждается. Что касается до второго условія, до возможности любить только то, что нуждается въ этой любви, то условіе это невыполнено въ отношеніяхъ между человѣкомъ и богомъ. Было бы нечестіемъ сказать, что богъ нуждается въ любви людей. Ибо нуждаться въ

чемъ либо, значитъ терпѣть недостатокъ въ вещи, необходимой для полноты существованія, значитъ это является проявленіемъ слабости, сознаніемъ въ бѣдности. Богъ, абсолютно самодовлѣющій самому себѣ, не можетъ нуждаться ни въ комъ и ни въ чемъ. Не имѣя никакой нужды въ любви людей, онъ не можетъ ихъ любить; и то, что называется его любовью къ людямъ, является ничѣмъ инымъ, какъ абсолютнымъ гнетомъ, подобнымъ и, естественно, еще болѣе сильнымъ, чѣмъ нынѣшній гнетъ Германскаго Императора на своихъ подданныхъ. Любовь людей къ богу, очень напоминаетъ также любовь нѣмцевъ къ этому монарху, сдѣлавшемуся теперь столь могущественнымъ, что послѣ бога, мы не знаемъ большаго могущества.

Истинная, реальная любовь, выраженіе обоюдной и равной потребности, можетъ существовать только между равными. Любовь высшаго къ низшему, это гнетъ, утѣсненіе, презрѣніе, это эгоизмъ, гордость и тщеславіе, торжествующіе въ чувствѣ величія, основаннаго на униженіи другого. Любовь низшаго къ высшему, это униженіе, страхъ и надежда раба, который ждетъ отъ своего господина счастья или несчастья.

Таковъ характеръ пресловутой любви бога къ людямъ и людей къ богу. Это деспотизмъ одного и рабство другихъ.

Что же значатъ эти слова: любить людей и дѣлать имъ добро, ради любви къ богу? Это значитъ обращаться съ ними такъ, какъ богъ хочетъ, чтобы съ ними обращались: а какъ же онъ хочетъ, чтобы съ ними обращались? Какъ съ рабами. Богъ, по природѣ своей не можетъ обращаться съ ними иначе. Будучи самъ абсолютнымъ Господиномъ, онъ принужден разсматривать ихъ, какъ абсолютныхъ рабовъ: разсматривая ихъ какъ таковыхъ, онъ не можетъ не обращаться съ ними, какъ съ таковыми. Чтобы освободить ихъ, у него есть только одно средство, это самоотречься, уничтожиться и исчезнуть. Но это слишкомъ большое

требованіе даже для его всемогущества. Чтобы согласить странную любовь, чувствуемую имъ къ людямъ съ его вѣчной, не менѣе странной, справедливостью, онъ можетъ, какъ намъ разсказываетъ Евангеліе, пожертвовать своимъ единственнымъ сыномъ; но самоотречься, убить самого себя изъ-за любви къ людямъ, этого онъ никогда не сдѣлаетъ, развѣ только вынужденный научной критикой. Покуда легковѣрная фантазія людей будетъ позволять ему существовать, онъ всегда будетъ абсолютнымъ господиномъ, владыкой надъ рабами. Теперь очевидно, что обращаться съ людьми, сообразно съ волей бога, значитъ обращаться съ ними, какъ съ рабами. Любовь къ людямъ согласно богу, это любовь ихъ рабства. Я, всецѣлый и безсмертный, по божьей милости, индивидъ, чувствующій себя свободнымъ, именно въ качествѣ раба Бога, я не нуждаюсь ни въ одномъ человѣкѣ, чтобы сдѣлать болѣе полнымъ свое счастье и свое интеллектуальное и моральное существованіе, но я сохраняю отношенія съ ними, чтобы повиноваться Богу, и любя ихъ ради любви къ богу, обращаясь съ ними сообразно волѣ Бога, я хочу чтобы они были рабами божьими, какъ и я самъ. Итакъ, если всевышнему Владыкѣ будетъ угодно избрать меня, чтобы приводить въ исполненіе на землѣ его святую волю, я съумѣю ихъ къ этому заставить. Таковъ истинный характеръ того, что искренніе и серьезные поклонники Бога называютъ своей любовью къ людямъ. Это не столько самоотверженность тѣхъ, кто любитъ, сколько вынужденное самопожертвованіе тѣхъ, которые являются объектами, или лучше сказать, жертвами этой любви. Это не ихъ освобожденіе, это ихъ порабощеніе ради большей славы Бога. И такимъ то образомъ божественная власть переходитъ во власть человѣческую и Церковь создаетъ Государство.

Согласно теоріи, всѣ люди должны бы служить богу такимъ образомъ. Но, какъ извѣстно, много званыхъ, но мало избранныхъ. И кромѣ того, если бы всѣ были равно способны исполнять это, т. е. если бы

всѣ дошли до равной степени моральнаго и интеллектуальнаго совершенства, святости и свободы въ богѣ, то самое служеніе это сдѣлалось бы ненужнымъ. Если оно необходимо, такъ это потому, что огромное большинство людей не достигло такой степени совершенства; откуда вытекаетъ, что эта невѣжественная и непосвященная масса должна быть любима и управляема сообразно съ волей бога, т. е. управляема и порабощаема меньшинствомъ святыхъ, которыхъ такимъ или инымъ образомъ, богъ самъ избираетъ и самъ ставитъ въ привилегированное положеніе, дабы дать имъ возможность выполнять эту обязанность*).

Священной фразой при управленіи народныхъ массъ, понятно, къ ихъ же добру, къ спасенію ихъ

*) Въ доброе старое время, когда христіанская вѣра, еще не поколебленная, и представленная главнымъ образомъ римско-католической Церковью, процвѣтала во всемъ своемъ могуществѣ, Богъ не былъ затрудненъ въ способахъ наименованія своихъ избранниковъ. Было общепризнано, что всѣ государи, большіе и малые, царствуютъ Божьей милостью, если только они не были отлучены отъ Церкви; дворянство тоже основывало свои привилегіи на благословеніи святой Церкви. Даже протестантизмъ, который могущественно способствовалъ, конечно противъ собственной воли, уничтоженію вѣры, въ этомъ, по крайней мѣрѣ, отношеніи, оставилъ христіанскую доктрину нетронутой: »Всѣ власти« повторялъ онъ со святымъ апостоломъ Павломъ »отъ Бога«. Протестантизмъ даже усилилъ власть государя, объявляя, что она исходитъ непосредственно отъ Бога, не имѣя нужды въ посредничествѣ Церкви и напротивъ, подчиняя себѣ эту послѣднюю. Но съ тѣхъ поръ, какъ философія послѣдняго вѣка, вмѣстѣ съ буржуазной революціей, нанесли вѣрѣ смертельный ударъ и ниспровергли всѣ учрежденія основанныя на вѣрѣ,—доктрина власти возстановляется въ сознаніи людей не безъ труда. Современные государи, правда, продолжаютъ называть себя царствующими »Божьей милостью«, но эти сло-

душъ, если не тѣлъ, являются, какъ въ Государствахъ теократическихъ и аристократическихъ, управляемыхъ святыми и знатными, такъ и въ Государствахъ доктринерскихъ, либеральныхъ, и даже республиканскихъ и основанныхъ на всеобщемъ избирательномъ правѣ, управляемыхъ интеллигентами и богатыми, тѣ же самыя слова: »Все для народа, ничего посредствомъ народа«. Это означаетъ, что святые, знатные, или люди привилегированные по научно развитой образованности или по богатству, всѣ эти люди, гораздо болѣе близкіе, чѣмъ народныя массы, къ идеалу или Богу, какъ говорятъ одни, къ разуму, справедливости и истинной свободѣ, какъ говорятъ другіе, имѣютъ святую и благородную миссію руководительство-

---

вл, имѣвшія раньше столь полное жизни, могущественное, реальное значеніе, теперь разсматриваются интеллигентными классами, и даже частью народа, какъ старая, банальная фраза, ничего въ сущности не значущая. Наполеонъ III попробовалъ ее обновить, прибавя къ ней другою фразу: »и волей народа«, которая будучи прибавлена къ первой или уничтожаетъ ее и сама уничтожается, или означаетъ, что, чего хочетъ народъ, тохо хочетъ и Богъ. Остается узнать, чего хочетъ народъ, и посредствомъ чего он всего вѣрнѣе выражаетъ свою волю. Радикальные демократы воображаютъ, что такой вещью является всегда Собраніе, избранное всеобщимъ голосованіемъ. Другіе, еще болѣе радикальные, присоединяютъ еще **референдумъ**, непосредственно, голосованіе всего народа относительно всякаго, сколько нибудь важнаго закона. Всѣ, какъ консерваторы такъ и либералы, умѣренные радикалы и крайніе радикалы соглашаются въ томъ пунктѣ, что народъ долженъ быть управляемъ; онъ можетъ самъ выбирать своихъ правителей и господъ, или они могутъ быть постановляемы безъ его воли, но во всякомъ случаѣ надо, чтобы онъ имѣлъ правителей и господъ. Лишенный разума, онъ долженъ отдаваться руководству тѣхъ, кто имъ одаренъ.

вать народными массами. Жертвуя своими интересами и пренебрегая собственными дѣлами, они должны посвятить себя счастью ихъ меньшого брата, народа. Правленіе не удовольствіе, это тяжелая обязанность, добиваясь его, не стремятся къ удовлетворенію честолюбія, тщеславія или жадности, а лишь къ возможности жертвовать собой ради счастья всѣхъ. Поэтому-то число искателей оффиціальныхъ должностей столь незначительно, поэтому-то короли, министры и большіе и малые чиновники принимаютъ власть только скрѣпя сердце.

Вотъ каковы два различныхъ и даже противуположныхъ рода отношеній между индивидами въ обществѣ, построенномъ по теоріи метафизиковъ. Во-пер-

---

Между тѣмъ, какъ въ прошлые вѣка право на власть наивно оправдывали во имя Бога, теперь его оправдываютъ, доктринерски, во имя разума: уже не священники павшей религіи, а патентованные священники доктринерскаго разума требуютъ власти, и это въ эпоху, когда банкротство того разума становится очевиднымъ. Ибо никогда образованные и ученые люди, и то что называется просвѣщенными классами, не являли зрѣлища такого нравственнаго упадка, такой трусости, такого эгоизма и такого полнаго отсутствія убѣжденій, какъ въ наши дни. По причинѣ крайней трусости, они остались слабоумными, несмотря на всю ихъ ученость, не будучи въ силахъ придумать ничего иного, какъ сохраненіе того, что есть, безумно надѣясь остановить движеніе исторіи грубой силой военной диктатуры, передъ которой сами они позорно распростерлись.

Подобно тому какъ въ прежнее время представители божественнаго разума и авторитета, Церковь и священники слишкомъ ясно связали себя съ экономической эксплуатаціей массъ, что и было главной причиной ихъ паденія, такъ точно и теперь представители человѣческаго разума и авторитета, Государство, ученыя общества и просвѣщенные классы, слишкомъ отожествили себя съ дѣломъ жестокой и неспра-

выхъ — эксплуатація, во-вторыхъ — управленіе. Если правда, что управлять значитъ жертвовать собой для блага управляемыхъ, то это второе отношеніе въ самомъ дѣлѣ въ полномъ противорѣчіи съ первымъ, съ отношеніемъ эксплуатаціи. Но объяснимся. Согласно идеальной теоріи, теологической или метафизической, слова **народное благо** не могутъ обозначать земного, свѣтскаго, благоденствія народа . . . что значитъ нѣсколько десятковъ лѣтъ земной жизни въ сравненіи съ вѣчностью! Поэтому надо управлять массами не въ виду грубаго счастья, доставляемаго матеріальными благами на землѣ, а въ виду ихъ вѣчнаго спасенія. Матеріальныя лишенія и страданія могутъ даже

ведливой эксплуатаціи, чтобы быть въ состояніи сохранить малѣйшую моральную силу, малѣйшій престижъ. Осужденные собственной совѣстью, они чувствуютъ себя разоблаченными, и не имѣютъ другого убѣжища отъ хорошо заслуженнаго, по ихъ собственному сознанію, презрѣнія какъ свирѣпое доказываніе необходимости организованнаго и вооруженнаго насилія. Организація, основанная на трехъ отвратительныхъ вещахъ: бюрократіи, полиціи и постоянной арміи, вотъ чѣмъ теперь является Государство, видимое тѣло эксплуатирующаго и доктринерскаго разума привилегированныхъ классовъ.

Противъ этой гніющей и умирающей образованности пробуждается и создается въ народныхъ массахъ новая образованность, молодая, сильная, полная жизни и будущаго, конечно еще не развитая научно, но жаждущая новой науки, освобожденной отъ всѣхъ глупостей метафизики и теологіи. Эта образованность не будетъ имѣть, ни патентованныхъ профессоровъ, ни пророковъ, ни священниковъ, но, возгорѣвшись въ каждомъ и во всѣхъ, она не создастъ ни новой Церкви, ни новаго Государства; она уничтожитъ всякій слѣдъ этого проклятаго принципа власти, человѣческой или божеской, и предоставляя полную свободу каждому, она осуществитъ равенство, солидарность и братство человѣческаго рода.

быть разсматриваемы, какъ средство воспитанія, ибо доказано, что излишество тѣлесныхъ удовольствій убиваетъ безсмертную душу. Но въ такомъ случаѣ противорѣчіе исчезаетъ: эксплуатировать и управлять означаетъ одно и то же, одно дополняетъ другое и служитъ ему вмѣстѣ средствомъ и цѣлью.

Эксплуатація и управленіе, изъ которыхъ первая даетъ средства управлять и составляетъ необходимую основу, такъ же какъ и цѣль всякаго управленія, которое въ свою очередь гарантируетъ и узаконяетъ возможность эксплуатаціи, являются двумя нераздѣльными сторонами того, что называется политикой. Съ начала исторіи, они составляли собственно реальную жизнь Государствъ: теократическихъ, монархистическихъ, аристократическихъ и даже демократическихъ. Въ прежнія времена, до великой революціи въ концѣ XVIII вѣка, ихъ интимная связь была замаскирована религіозными, лояльными и рыцарскими фикціями; но съ тѣхъ поръ, какъ грубая рука буржуазіи разорвала это, впрочемъ довольно прозрачное, покрывало; съ тѣхъ поръ, какъ революціонный вихрь разсѣялъ всѣ пустыя фантазіи, за которыми Церковь и Государство, теократія, монархія и аристократія могли столь долгое время спокойно совершать всѣ свои постыдныя дѣянія; съ тѣхъ поръ, какъ буржуазія, наскучивъ быть наковальней, сдѣлалась въ свою очередь молотомъ; съ тѣхъ поръ, однимъ словомъ, какъ она создала современное Государство, эта фатальная связь сдѣлалась для всѣхъ открытой и неоспоримой истиной.

Эксплуатація, это видимое тѣло, а управленіе — душа буржуазнаго режима. И, какъ мы только что видѣли, и то и другое, находясь въ столь тѣсной связи, являются какъ съ теоретической, такъ и съ практической точки зрѣнія, необходимымъ и вѣрнымъ выраженіемъ метафизическаго идеализма, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ буржуазной доктрины, ищущей свободу и моральность индивидовъ внѣ соціальной солидар-

ности. Эта доктрина приводитъ къ эксплуататорскому управленію малаго числа счастливыхъ или избранныхъ и къ эксплуатируемому рабству большинства, почти всѣхъ: приводитъ къ отрицанію всякой моральности и всякой свободы.

Народное Дѣло
(1868)

НАША ПРОГРАММА*).

Мы хотимъ полнаго умственнаго, соціально-экономическаго и политическаго освобожденія народа.

I. **Умственнаго освобожденія**, потому, что безъ него политическая и соціальная свобода не могутъ быть ни полными, ни твердыми. Вѣра въ бога, вѣра въ безсмертіе души и всякаго рода идеализмъ вообще, какъ мы это докажемъ впослѣдствіи, служа съ одной стороны непремѣнной опорой и оправданіемъ для деспотизма, для всякаго рода привилегій и для эксплуатированія народа, съ другой стороны деморализуетъ самый народъ, разбивая его существо какъ бы на два другъ другу противорѣчащія стремленія и лишая его такимъ образомъ энергіи, необходимой для завоеванія его естественныхъ правъ и для полнаго устройства свободной и счастливой жизни.

Изъ этого явно слѣдуетъ, что мы сторонники атеизма и матеріализма.

II. **Соціально-экономическаго освобожденія** народа, безъ котораго всякая свобода была бы отвратительною и пустозвонною ложью. Экономическій бытъ народовъ былъ всегда краеугольнымъ камнемъ и заключалъ въ себѣ настоящее объясненіе ихъ политическаго существованія. Всѣ доселѣ существовавшія и существующія политическія и гражданскія организаціи

*) Народное Дѣло № 1, стр. 6—7.

въ мірѣ держатся на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: на фактѣ завоеванія, на правѣ наслѣдственной собственности, на семейномъ правѣ отца и мужа и на освященіи всѣхъ этихъ основъ религіею; а все это вмѣстѣ и составляетъ существо государства. Необходимымъ результатомъ всего государственнаго устройства было и должно было быть рабское подчиненіе чернорабочаго и невѣжественнаго большинства, такъ называемому образованному эксплуатирующему меньшинству. Государство безъ привилегій политическихъ и юридическихъ, основанныхъ на привилегіяхъ экономическихъ, немыслимо.

Желая дѣйствительнаго и окончательнаго освобожденія народа, мы хотимъ:

1) Упраздненія права наслѣдственной собственности.

2) Уравненія правъ женщины, какъ политическихъ, такъ и соціально-экономическихъ, съ правами мужчины; слѣдовательно, хотимъ уничтоженія семейнаго права и брака, какъ церковнаго, такъ и гражданскаго, неразрывно связаннаго съ правомъ наслѣдства.

3) Съ уничтоженіемъ брака рождается вопросъ о воспитаніи дѣтей. Ихъ содержаніе со времени опредѣлившейся беременности матери до самаго ихъ совершеннолѣтія; ихъ воспитаніе и образованіе равное для всѣхъ — отъ низшей ступени до спеціальнаго высшаго научнаго развитія — въ одно и то же время индустріальное и умственное, соединяющее въ себѣ подготовленіе человѣка и къ мускульному, и къ нервному труду, должно лежать главнымъ образомъ на попеченіи свободнаго общества.

Основой экономической правды мы ставимъ два коренныя положенія:

Земля принадлежитъ только тѣмъ, кто ее обрабатываетъ своими руками — земледѣльческимъ общи-

намъ. Капиталы и всѣ орудія труда работникамъ — рабочимъ ассоціаціямъ.

III. Вся будущая политическая организація должна быть ничѣмъ другимъ, какъ свободною федераціею вольныхъ рабочихъ, какъ земледѣльческихъ, такъ и фабрично-ремесленныхъ артелей (ассоціацій).

И потому, во имя освобожденія политическаго, мы хотимъ прежде всего окончательнаго уничтоженія государства, хотимъ искорененія всякой государственности со всѣми ея церковными, политическими, военно и гражданско-бюрократическими, юридическими, учеными и финансово-экономическими учрежденіями.

Мы хотимъ полной воли для всѣхъ народовъ, нынѣ угнетенныхъ имперіею, съ правомъ полнѣйшаго самораспоряженія, на основаніи ихъ собственныхъ инстинктовъ, нуждъ и воли; дабы, федерируясь снизу вверхъ, тѣ изъ нихъ, которые **захотятъ** быть членами русскаго народа, могли бы создать сообща дѣйствительно вольное и счастливое общество въ дружеской и федеративной связи съ **такими же** обществами въ Европѣ и въ цѣломъ мірѣ.

Мы печатаемъ здѣсь конецъ »Федерализмъ, Соціализмъ и Антитеологизмъ« начинающій, очевидно, новую аргументацію, рукопись которой была утрачена или не была законченной: —

Единственной цѣлью этой статьи является развитіе и доказательство истины, которая намъ лично представляется совершенно простой и ясной. Возвратимся теперь къ нашему вопросу.

Примѣры того же самаго видимаго противорѣчія или аномаліи часто намъ являются въ болѣе широкой сферѣ, въ исторіи народовъ. Напримѣръ, какъ объяснить, что еврейскій народъ, бывшій когда-то самымъ узкимъ и исключительнымъ народомъ на свѣтѣ, до того исключительнымъ и узкимъ, что признавая, такъ сказать, абсолютную привилегироавнность, божественное избраніе, главнымъ основаніемъ своего существованія, этотъ народъ утверждалъ, что онъ одинъ угоденъ богу, утверждалъ, что его богъ, Іегова, — богъ-отецъ христіанъ — доводитъ свою попечительность о еврейскомъ народѣ до самой дикой жестокости ко всѣмъ другимъ народамъ, и что онъ приказалъ еврейскому народу уничтоженіе огнемъ и мечемъ всѣхъ племенъ, занимавшихъ раньше Обѣтованную Землю, для того, чтобы очистить мѣсто для своего народа-Мессіи; какъ объяснить, что въ средѣ этого народа могъ родиться Іисусъ Христосъ, основатель вселенской, всечеловѣческой религіи, и тѣмъ самымъ уничтожитель самого существованія еврейской націи, какъ политическаго и соціальнаго тѣла? Какимъ образомъ этотъ исключительно національный міръ могъ породить такого преобразователя, религіознаго революціонера, какимъ является апостолъ? . . . . .

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдует:
XXXVII.,	4 съ верху	Радомъ	Рядомъ
XXXVIII.,	1 съ низу	Поволожіемъ	Поволжіемъ
XLI.,	6 »	Тогъ	Тотъ
XLIII.,	4 »	Несомѣстимо	Несовмѣстимо
XLIII.,	11 »	Государева	Государства
XLIV.,	13 »	»Ревоюція«	»Революція«
XLV.,	10 съ верху	Инмъ	Ним
XLV.,	8 съ низу	Испревленіе	Исправленіе
XLVII.,	13 съ верху	Знатюъ	Знают
XLVIII.,	1 »	Дука	Куда
XLVIII.,	7 »	Порвелъ	Провелъ
LIV.,	7 »	Свины	Свини
LIV.,	11 »	Въ	Къ
LIV.,	15 »	Присуствіе	Присутствіе
LIV.,	3 съ низу	Тожественно	Торжественно
LV.,	4 съ верху	Третьмъ	Третьимъ
LV.,	12 »	Обяснуть	Обяснить
LVII.,	4 »	Концентарцію	Концентрацію
LX.,	5 »	Тальянскихъ	Итальянскихъ
LX.,	3 »	Киркнулъ	Крикнулъ
LXI.,	7 съ верху	Старшные	Страшные
LXII.,	14 »	Эманципація	Эмансипація
LXII.,	5 съ низу	Торжесево	Торжество
LXIII.,	17 съ верху	Нѣемцами	Нѣмцами
LXIV.,	4 »	Нѣмецкхиъ	Нѣмецкихъ
LXV.,	7 съ низу	Національонстей	Національностей
1.	4 съ верху	Присуствіе	Присутствіе
1.	5 съ низу	Безизвѣестно	безизвѣстно
4.	2 съ верху	Воспомнаніе	Воспоминаніе

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдует:
5.	5 съ низу	Нередъ	Передъ
6.	10 съ верху	Дущою	Душою
10.	4 »	Обращются	Обращаются
16.	4 »	Міар	Міра
16.	9 съ низу	Обѣмъ	Обѣимъ
17.	12 съ верху	Молоодого	Молодого
17.	10 съ низу	обновлюящей	обновляющей
20.	8 »	Госуадрства	Государства
24.	9 съ верху	Востанія	Возстанія
25.	1 съ низу	Устопившая	Уступившая
26.	5 съ верху	Сказам	Сказкам
33.	5 съ низу	Толъко	Только
34.	9 съ верху	Возтавшим	Возставшим
34.	8 съ низу	Прокятія	Проклятія
35.	16 съ верху	Азіятская	Азіатская
42.	3 »	Котороые	Которые
43.	1 »	Виграетъ	Выиграетъ
45.	4 »	Отезвать	Отозвать
45.	11 съ низу	Нароцовъ	Народовъ
46.	2 съ верху	Заклоючите	Заключите
47.	7 съ низу	Счигается	Считается
48.	6 съ низу	Били	Были
49.	5 съ верху	Нашиональной	Національной
51.	10 съ низу	Возноклн	Возникли
51.	4 »	Славяанскаго	Славянскаго
52.	1 съ низу	Полиикѣ	Политикѣ
53.	3 съ верху	Соотвѣтсвуетъ	Соотвѣтствуетъ
54.	15 съ низу	Которе	Которое
56.	8 »	Наордной	Народной
58.	3 »	Пирнципы	Принципы
59.	7 »	Влавянскаго	Славянскаго
64.	3 »	Федеарціи	Федераціи
79.	1 съ верху	Пропитъ	Проситъ
80.	4 съ низу	По	Но
89.	10 съ верху	Ботъ	Вотъ
89.	17 »	Пртѣсненія	Притесненія
95.	7 съ низу	Мѣтсо	Мѣсто
96.	10 съ верху	Самооречение	Самоотреченіе

Стр.:	Строка:	Напечатано:	Слѣдует:
99.	5 »	По	Но
100.	16 съ низу	Вешь	Вещь
103.	14 »	Отрицанем	Отрицаніем
143.	15 съ низу	Вдохновлеиныхъ	Вдохновленныхъ
156.	4 съ верху	Главоне	Главное
158.	3 съ низу	Наемииковъ	Наемниковъ
159.	5 съ верху	Относительио	Относительно
159.	12 »	Иастоящихъ	Настоящихъ
160.	3 »	Иикогда	Никогда
160.	1 съ низу	Одиого	Одного
165.	2 »	Способиостью	Способностью
167.	14 »	Никаком	Никакой
169.	7 »	Ралигіозности	Религіозности
171.	7 съ низу	Найедте	Найдете
172.	11 съ верху	Чрезь	Чрезъ
176.	7 »	Человѣечно	Человѣчно
180.	9 съ верху	Каменъ	Камень
185.	14 »	Предѣеловъ	Предѣловъ
188.	15 съ низу	Накакая	Никакая
188.	5 »	Любовлю	Любовью
191.	6 »	Воспроизв димым	Воспроизводимым
192.	13 »	Боъ	Богъ
193.	1 съ верху	Исклющительным	Исключительным
193.	15 »	Вопръ	Поръ
193.	5 съ низу	Ралигіи	Религіи
195.	3 »	Госуадрства	Государства
197.	9 съ верху	Егоистическій	Эгоистическій
203.	17 съ низу	Свобды	Свободы
204.	2 »	Госуадрствами	Государствами
207.	3 съ верху	Огоизмомъ	Эгоизмомъ
208.	8 »	Свирѣной	Свирѣпой
210.	14 »	Популарность	Популярность
220.	6 съ верху	Даждаго	Каждаго
220.	13 съ низу	Эпохы	Эпохи
261.	9 »	Сорьезно	Серьезно
273	7 »	Равентсва	Равенства
274.	17 съ верху	Протѣсняющим	Притѣсняющим
280.	13 съ низу	Послъ	Послѣ

ОГЛАВЛЕНІЕ

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

